

**Программа Президиума Российской академии наук
«Фундаментальные проблемы пространственного развития:
междисциплинарный синтез»**

<i>Селиверстов В.Е.</i> Региональный мониторинг как информационно-управленческая основа региональной политики и стратегического планирования	3
Мировой финансово-экономический кризис: причины и последствия	
<i>Манделл Р.</i> Мировой кризис: истоки, последствия и пути преодоления	41
<i>Фелпс Э.</i> Финансовый кризис: причины и последствия	51
<i>Литин А.С.</i> Кризис как следствие развития мировых финансовых институтов	54
<i>Баранова К., Фербер Г.</i> Эффективность государственных мер по борьбе с последствиями финансового кризиса в Германии	71
Региональная политика и экономические проблемы федерализма	
<i>Клисторин В.И.</i> Федеративные отношения в периоды экономической турбулентности ...	91
Экономические проблемы развития регионов	
<i>Унтуря Г.А.</i> Проекция кризиса на инновации в России: теория и реалии	107
<i>Ершов Ю.С.</i> Пространственный аспект российской экономики и перспектив ее развития: до и после кризиса	129
<i>Колесникова Е.Н.</i> Динамика банковских вкладов в условиях кризиса	154
Региональное развитие и международное сотрудничество	
<i>Егоров О.И., Чигаркина О.А.</i> Диверсификация маршрутов магистральных трубопроводов Казахстана	168
Социальные проблемы регионального развития	
<i>Богомолова Т.Ю.</i> Социальные последствия экономической рецессии 2008–2009 гг.: результаты зарубежных исследований	180
<i>Бессонова О.Э.</i> Новая жилищная модель как антикризисная мера	203
<i>Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.</i> Здоровье населения Сибири: риски и их измерители	223
Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики	
<i>Байзаков С.Б.</i> Антикризисная модель управления экономикой	242
<i>Алтысбаева С.Н., Бопиева Ж.К.</i> Система мониторинга как инструмент принятия оперативных управленческих решений	262
<i>Коржубаев А.Г.</i> Влияние глобального финансово-экономического кризиса на нефтегазовый комплекс России	272
<i>Кибалов Е.Б., Кин А.А.</i> Структурная реформа железнодорожного транспорта как институциональный проект: анализ стратегических аспектов	282
<i>Чирихин С.Н.</i> Антикризисные рецепты в электроэнергетике	305
Экономика предприятий	
<i>Соломенникова Е.А.</i> Экономико-организационные трансформации предприятий в условиях кризиса	320
<i>Цзоу Сютин</i> Антикризисные меры Китая по развитию малых и средних предприятий ..	330
Регионы России: цифры и факты	
<i>Суслицын С.А.</i> Развитие регионов Российской Федерации между кризисами 1998 и 2008 гг.	335
Наши авторы	351

«Fundamental Issues of Spatial Development: Interdisciplinary Synthesis».

Program Issued by the Presidium of the Russian Academy of Sciences

<i>Seliverstov, V.Ye.</i> Regional monitoring as an informational and managerial base for regional policy and strategic planning	3
--	---

World Financial Crisis: Causes and Consequences

<i>Mundell, R.</i> World crisis: origin, consequences and responses	41
<i>Phelps, E.</i> Financial crisis: causes and consequences	51
<i>Lipin, A.S.</i> Crisis as the consequence of operation of world financial institutions	54
<i>Baranova, K. and G. Ferber.</i> Efficiency of the governmental anti-recessionary measures in Germany	71

Regional Policy and Economic Issues of Federalism

<i>Klistorin, V.I.</i> Federate relations in the period of economic turbulence	91
--	----

Economic Issues of Regional Development

<i>Untura, G.A.</i> Impact of the crisis on innovations in Russia: theory and reality	107
<i>Yershov, Yu. A.</i> Differences in consequences of the crisis across regions	129
<i>Kolesnikova, Ye.N.</i> Dynamics of bank deposits in the crisis	154

Regional Development and International Cooperation

<i>Yegorov, O.I. and O.A. Chigarkina.</i> Diversifying the transit pipeline routes in Kazakhstan ...	168
--	-----

Social Issues of Regional Development

<i>Bogomolova, T.Yu.</i> Social impacts of the economic recession 2008–2009: results of foreign studies	180
<i>Bessonova, O.E.</i> New housing model as an anti-recessionary measure	203
<i>Soboleva, S.V., N.Ye. Smirnova and O.V. Chudaeva.</i> Health risks and how to measure them ...	223

Regional and Interregional Aspects

of Structural and Investment Policy

<i>Bayzakov, S.B.</i> Anti-recessionary model for economy administration	242
<i>Alpysbaeva, S.N. and Zh.K. Bopieva.</i> Monitoring system as an instrument of operational decisions making	262
<i>Korzhubaev, A.G.</i> World financial crisis and Russian oil-and-gas complex	272
<i>Kibalov, Ye.B. and A.A. Kin.</i> Structural reform of the rail transportation as an institutional project: analysis of strategic aspects	282
<i>Chirikhin, S.N.</i> Anti-recessionary recipes for electric power industry	305

Economics of Enterprises

<i>Solomennikova, Ye.A.</i> Structural and managerial transformations of companies in the crisis ...	320
<i>Zou Xiuting.</i> China anti-recessionary measures concerning the small and medium enterprises	330

Regions of Russia: Figures and Facts

<i>Suspitsin, S.A.</i> Russian regions in the period between two crisis of 1998 and 2008	335
Our authors	351

Регион: экономика и социология, 2010, № 2, с. 3–40

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МОНИТОРИНГ КАК ИНФОРМАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

В.Е. Селиверстов

ИЭОПП СО РАН

*Статья подготовлена в рамках исследований по программе Президиума
РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития
Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (проекты 11.2 и 13.3)*

Аннотация

Рассматриваются методические и методологические вопросы формирования систем регионального мониторинга (мониторинга региональных ситуаций и региональных проблем), практический опыт построения информационных и мониторинговых систем, подходы к формированию социально-экономического блока Центра мониторинга социально-экономических процессов и природной среды Сибирского федерального округа.

Ключевые слова: мониторинг, регион, информационные системы, индикаторы, диагностика, стратегическое планирование, региональная политика

Abstract

The paper analyses the methodological issues of building regional monitoring systems (to monitor regional situations and problems) as well as the best practices of such informational and monitoring systems. The paper also considers the approaches appropriate to forming a socio-economic block of the Monitoring

System of the Socio-Economic and Environmental Situation Center for the Siberian Federal District.

Keywords: monitoring, region, informational systems, indicators, diagnostics, strategic planning, regional policy

Эффективность реализации региональной политики и стратегического планирования на федеральном, региональном и местном уровнях в существенной степени определяется наличием надежной информационной базы и возможностью оперативно отслеживать и корректировать тенденции социально-экономического развития, влиять как на кризисные ситуации, так и на формирование и дальнейшее развитие «точек роста».

Два последних десятилетия мир переживает настоящий «информационный бум», эти процессы не обошли стороной и Россию. Происходят феноменальные преобразования в технических возможностях информационного общества, сконцентрированные во «взрывных» изменениях в вычислительных и информационных технологиях. Тем не менее не наблюдается качественного прогресса в самих методологических подходах к их использованию в реальных управленческих системах как на федеральном, так и на региональном уровне. Настоящая статья посвящена частному, но очень важному аспекту этой более общей проблемы информатизации системы управления народным хозяйством, регионами и секторами экономики, а именно, вопросу формирования систем регионального мониторинга.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ИНФОРМАТИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

В настоящее время отчетливо видно, что мир переходит на новый технологический уклад – информационный. Он качественно по-иному формирует взаимодействие основных факторов производства и их роль, и это проявляется в первую очередь в существенном повышении значимости информации, которая становится товаром особого рода. Все это приводит к изменениям в системе производственных отношений, что выражается в становлении «информационного общества».

С середины 90-х годов в связи с распространением процессов глобализации и стремлением России к интеграции в мировое экономическое, политическое и культурное пространство, а также в связи с необходимостью кардинального совершенствования процессов управления народным хозяйством, региональными системами, секторами производства и отдельными хозяйствующими субъектами в Российской Федерации начались попытки осуществления государственного регулирования процессов информатизации на федеральном, региональном и местном уровнях. Начала готовиться соответствующая правовая база¹, была принята Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов [1].

В федеральном законе 1995 г. информатизация определяется как «организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов» [2].

Очевидно, что кризисное состояние российской экономики и общества в тот период не давало возможности реализовать на практике выдвинутые положения в сфере информатизации. И не случайно, что в период экономического подъема с начала нового тысячелетия решение вопросов информатизации стало важнейшим направлением экономических и политических преобразований в России. В 2006 г. был принят закон «Об информатизации, информационных технологиях и о защите информации». На эти цели выделялись значительные финансовые ресурсы, и основным механизмом реализации являлись соответствующие федеральные целевые программы (ФЦП «Электрон-

¹ Указ Президента РФ от 20 января 1994 г. № 170 «Об основах государственной политики в сфере информатизации»; Указ Президента РФ от 21 февраля 1994 г. № 361 «О совершенствовании деятельности в области информатизации органов государственной власти Российской Федерации»; принятие в 1995 г. Федерального закона № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», который стал основополагающим документом развития информатизации в стране.

ная Россия», ФЦП «Развитие электронной торговли», ФЦП «Развитие единой информационно-образовательной среды Российской Федерации», ФЦП «Создание и развитие информационно-телекоммуникационной системы специального назначения в интересах органов государственной власти на 2001–2007 гг.»).

Принципиально важно, что в России была сделана попытка подойти к осуществлению информатизации на федеральном, региональном и местном уровнях не изолированно, но в контексте масштабных реформ, проводимых в то время в стране: муниципальной и административной. Совершенно очевидно, что реализация заложенных в концепции административной реформы стандартов на осуществление государственных услуг и новой системы регламентов была абсолютно невозможна на основе старых рутинных управленческих и информационных технологий. Начала активно пропагандироваться идея «электронного правительства» как способа «предоставления информации и оказания уже сформировавшегося набора государственных услуг гражданам, бизнесу, другим ветвям государственной власти и государственным чиновникам, при котором личное взаимодействие между государством и заявителем минимизировано и максимально возможно используются информационные технологии» [3]. Иными словами, «электронное правительство» предполагает осуществление «электронных государственных услуг», в том числе в режиме on-line.

Наряду с изменениями на федеральном уровне в субъектах Российской Федерации и в крупных городах начиная с середины 90-х годов «в явочном порядке» начали формироваться правовые и организационные условия в сфере информатизации. Так, например, в Новосибирской области процессы информатизации регулируются в соответствии с концепцией и программой информатизации и создания единого информационного пространства в данном регионе [4]. Интересные начинания по законодательному сопровождению процессов информатизации осуществляются в Пермском крае, Республике Чувашии и ряде других регионов².

² Анализ процессов информатизации в регионах России проведен О.В. Иншаковым, М.Ф. Мизинцевой, А.Э. Калининой, Е.А. Петровой [5].

Таким образом, внешне в России наблюдается настоящий «информационный бум» в системах информатизации и управления. Однако пока реалии далеки от декларируемых и ожидаемых результатов. Так, в статье «Национальная стратегия информационного развития России» [6] отмечается: в 2003 г. Женевский всемирный саммит по информационному обществу зафиксировал, что из 102 стран Россия занимала лишь 63-е место по готовности к использованию информационных и коммуникационных технологий, при этом по уровню готовности самих граждан к использованию высоких технологий – 31-е место в рейтинге, по уровню готовности бизнеса – 43-е, а по уровню готовности федерального правительства – 89-е место. Одновременно Российская Федерация получила весьма высокие рейтинги за качество научно-исследовательских институтов (25-е место), качество математического и научного образования, возможности выхода во всемирную сеть с использованием интернет-технологий. Последующие годы могли изменить ситуацию по ряду отмеченных позиций, но, по нашей экспертной оценке, эти изменения не могли иметь кардинального характера.

Конечно, в ряде российских регионов наблюдались серьезные изменения в лучшую сторону, и примером здесь может служить Новосибирская область, где уже длительное время действует единая унифицированная система «Город» (оплата коммунальных услуг по принципу «единого окна», в том числе в онлайн-овом режиме с помощью интернет-технологий), геоинформационная система «ДубльГИС», нашедшая повсеместное распространение, системы электронных платежей в общественном транспорте и электронных платежей в розничной сети, практикуется зачисление заработной платы на банковские карты и т.д. Область является одним из российских лидеров в массовом распространении сотовой связи, интернета, кабельного телевидения и т.д.

Тем не менее отставание России от развитых стран мира в процессах информатизации весьма существенно. В этих процессах нас больше интересует влияние научно-технического прогресса, глобализации, информатизации и компьютеризации на системы регионального управления. Прогресс здесь может быть достигнут не просто слепым выполнением федеральных законов и постановлений, закупкой компьютерных сетей и оптимизацией документооборота, – важно сформиро-

вать идеологию, методологию и методику использования новых информационных технологий в системах регионального и муниципального управления, и в том числе в системах стратегического планирования. Точка зрения автора состоит в том, что многое здесь определяется подходами к разработке и реализации систем регионального мониторинга и различного рода информационных систем. Рассмотрим наш опыт в этом направлении.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОНИТОРИНГА РЕГИОНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Определения понятия «региональный мониторинг». Цели и задачи регионального мониторинга. Согласно каноническому определению, мониторинг – это систематический сбор и обработка информации о параметрах сложных объектов и процессов с целью выявления изменений в их состоянии. В свободной электронной энциклопедии «Википедия» мониторинг определяется как «процесс систематического или непрерывного сбора информации о параметрах сложного объекта или процесса... Мониторинг – систематический сбор и обработка информации, которая может быть использована для улучшения процесса принятия решения, а также косвенно для информирования общественности или прямо как инструмент обратной связи в целях осуществления проектов, оценки программ или выработки политики. Он несет одну или более из трех организационных функций: выявляет состояние критических или находящихся в состоянии изменения явлений окружающей среды, в отношении которых будет выработан курс действий на будущее; устанавливает отношения со своим окружением, обеспечивая обратную связь, в отношении предыдущих удач и неудач определенной политики или программ; устанавливает соответствия правилам и контрактным обязательствам» [3].

Наши первые исследования по формированию федеральной системы мониторинга территориального развития России (мониторинг региональных ситуаций и региональных проблем) были проведены около 10 лет назад в рамках реализации Проекта ЕС ТАСИС

EDRUS-9602 «Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии». Автор, участвовавший в реализации данного проекта в качестве долгосрочного эксперта, в том числе отвечал за разработку проблематики, связанной с формированием системы регионального мониторинга на базе Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации – основного бенефициария данного проекта, за разработку блока «финансовые ресурсы региональной политики» и за разработку информационной системы «Региональная политика».

При подготовке предложений по совершенствованию региональной политики в Российской Федерации в рамках указанного проекта стало ясно, что одновременно требуются существенные изменения в ее информационной базе, обеспечение больших объективности и научной обоснованности принимаемых управленческих решений. В этой связи нами была выдвинута идея о необходимости поэтапного формирования на базе Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики особой мониторинговой информационной системы. Но для этого нужно было определиться с ее научными методологическими и методическими основами. В данном разделе представим основные подходы к формированию системы регионального мониторинга, которые были реализованы автором совместно с краткосрочными экспертами проекта EDRUS-9602 докторами экономических наук В.Н. Лексиным и А.Н. Швецовым [7].

Для начала необходимо было определиться с самой сутью понятий и терминов, относящихся к системам регионального мониторинга, взаимосвязей, с которыми сопряжены эти системы. И в первую очередь требовалось дать ответ на вопросы: что мониторить? с какой целью? на основе чего? Нами был сделан вывод, что объектом мониторинга должны быть не просто обезличенные регионы и не просто региональное и межрегиональное развитие. Было введено понятие «мониторинг региональных ситуаций и региональных проблем».

Под *мониторингом региональных ситуаций и региональных проблем* здесь и далее понимается специально организованная и постоянно действующая система необходимой статистической отчетности, сбора и анализа статистической информации, проведения дополни-

тельных информационно-аналитических обследований (опросы населения и т.п.) и оценки (диагностики) состояния, тенденций развития и остроты общерегиональных ситуаций и конкретных региональных проблем. Так понимаемый мониторинг в условиях исключительно большого разнообразия региональных ситуаций и проблем в России имеет огромное познавательное и научное значение. Однако главная его задача – сугубо практическая. Она состоит в создании надежной и объективной основы для выработки государственной политики регулирования территориального развития и для определения ее приоритетов, для принятия в этой связи мер селективной (выборочной) государственной поддержки тех или иных территорий и для реализации иных важнейших направлений государственной региональной политики.

Система регионального мониторинга должна стать информационно-аналитической базой для решения следующих задач:

- обоснование целей и приоритетных направлений государственной региональной политики в Российской Федерации, а также правовых, организационных, финансовых и экономических механизмов реализации этой политики;
- предупреждение кризисных региональных ситуаций и региональных конфликтов;
- оценка результативности деятельности федеральных органов, территориальных органов федеральных министерств и ведомств, а также органов государственной власти субъектов Российской Федерации по решению задач регионального развития и использованию для этих целей государственных ресурсов;
- обоснование мер государственной поддержки отдельных территорий с учетом остроты и общегосударственного значения конкретных региональных ситуаций и разработка в этих целях соответствующих федеральных программ регионального развития, введение особых организационно-правовых режимов на отдельных территориях (в том числе приграничных), селективная поддержка депрессивных территорий, организация межбюджетных отношений и контроль их результативности, содействие межрегиональной интеграции;
- разработка системы прогнозов социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и отдельных территорий;

- подготовка ежегодных государственных докладов о региональной социально-экономической, национально-этнической и политической ситуации и о приоритетных направлениях региональной политики в Российской Федерации, а также ежегодных докладов о региональной ситуации в субъектах Российской Федерации.

Очевидно, что ряд этих задач непосредственно смыкаются с целями и задачами стратегического планирования.

Было обосновано, что формирование системы регионального мониторинга должно включать

- разработку методического обеспечения учета, сбора, анализа и распространения информации, необходимой для выполнения указанных выше задач;
- внесение необходимых дополнений и уточнений в федеральную программу статистических работ на соответствующие годы в части сбора и обработки необходимой статистической информации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;
- развитие существующих и организацию новых баз данных по вопросам правового, экономического, финансового и социального характера;
- обеспечение методической и технической совместимости этих баз данных в рамках единой информационной системы «Региональный мониторинг»;
- координацию системы регионального мониторинга с другими системами государственного мониторинга, а также с ведомственными системами мониторинга и соответствующими базами данных;
- организацию мониторинга материалов, характеризующих региональные ситуации и распространяемых через средства массовой информации федерального, регионального и местного уровней;
- организацию анализа данных регионального мониторинга, составление целевых информационно-аналитических материалов для органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации;

- обеспечение гласности и общедоступности первичной информации и информационно-аналитических материалов системы регионального мониторинга;
- создание организационной структуры для осуществления вышеуказанных действий в составе уполномоченного федерального органа и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Для выполнения этих задач система регионального мониторинга должна была обеспечить учет, сбор, анализ и распространение информации правового, экономического, социального (в том числе демографического и этнонационального) и политического характера на уровне федеральных округов, экономических районов, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (городов и районов).

При выработке предложений по формированию системы регионального мониторинга были также рассмотрены следующие вопросы:

- тотальный (всеобщий) мониторинг и проблемно-ориентированный мониторинг, их сходство и различия;
- количественные и качественные оценки как составная часть регионального мониторинга;
- оценка хода реформ в регионах как важнейший элемент мониторинга региональных ситуаций и региональных проблем.

Мониторинг: прогнозирование и стратегическое планирование.

Региональный мониторинг может не только тематически, но и организационно входить в единую структуру прогнозирования социально-экономического положения (развития) Российской Федерации и ее отдельных регионов и в создаваемые в них системы стратегического планирования, так как мониторинг требует логичного продолжения в виде построенного на этой базе прогноза развития конкретного региона или прогноза территориального развития страны, формирование указанных прогнозов является одним из немногих видов региональных разработок, которые проводятся в обязательном порядке на основе соответствующего федерального закона, а результаты прогнозов подлежат обязательному практическому использованию, в том числе (на основе другого федерального закона) при разработке федерального бюджета на очередной финансовый год.

В этих условиях организационная и сущностная консолидация мониторинга с прогнозом автоматически означала бы определенную легитимизацию первого, делала бы мониторинг неотъемлемой частью общеобязательных и требуемых федеральным законом работ. При этом можно более легко и уверенно решать вопросы бюджетного финансирования, организационного, информационного и иного обеспечения работ по самому региональному мониторингу. В то же время следует избегать сведения функций мониторинга лишь к информационно-аналитическому обслуживанию прогнозных работ и стратегических разработок, так как это может существенно сузить возможности мониторинга как основы повседневного, оперативного регулирования территориального развития и региональной политики. По мере своего развития полноценная система регионального мониторинга сможет включать в себя комплекс задач краткосрочного и среднесрочного прогнозирования и быть важнейшей составной частью стратегического планирования.

Региональный мониторинг и региональная диагностика. Остановимся также на соотношении понятий «региональный мониторинг» и «региональная диагностика». Сущность, направления и задачи региональной диагностики достаточно подробно изложены в российских публикациях, и в первую очередь здесь следует выделить работу О.Г. Дмитриевой «Региональная экономическая диагностика» [8], актуальность которой не утрачена до сих пор. Нам близко определение региональной диагностики, которое дает В.Н. Лексин: «Региональная диагностика есть совокупность специальных информационно-аналитических технологий, позволяющих: а) описать изучаемые региональные ситуации и проблемы в системе характерных для них признаков (параметров, показателей); б) идентифицировать эти ситуации и проблемы, т.е. “привязать” их к конкретным типологическим группам; в) дать количественную и качественную оценку этим ситуациям и проблемам, иными словами, поставить окончательный диагноз; г) установить и оценить внутренние и внешние причины продиагностированных ситуаций» [9, с. 65–66]. Главная задача региональной диагностики состоит в том, чтобы правильно определив и оценив происходящее и его причины, подать сигнал к конкретному действию.

Мы считаем, что с точки зрения логики процессов управления, **«региональный мониторинг»** – более общее понятие, чем **«система региональной диагностики»**. Региональная диагностика может реализовываться как самостоятельная управленческая задача, но в общем виде является важнейшим элементом системы мониторинга. Мониторинг предполагает не только выявление проблем и направлений их решения (что составляет основную задачу диагностики), но также включает механизмы контроля за реализацией тех или иных процессов, за исполнением решений, за управленческими корректировками, подготовку предложений по принятию экстренных мер по предотвращению кризисных ситуаций или смягчению их негативных последствий. В этом смысле региональный мониторинг в своем «идеальном виде» является неотъемлемой составной частью самой системы регионального управления, в то время как региональная диагностика решает более узкие управленческие задачи.

Мониторинг и информационные системы. Отметим также соотношение понятий «мониторинг» и «информационные системы». В самом общем случае **информационной системой** (ИС, или информационно-вычислительной системой) называют совокупность взаимосвязанных аппаратно-программных средств для автоматизации накопления и обработки информации. Как правило, информационная система состоит из баз данных, в которых накапливается информация, источника информации, аппаратной части, программной части, потребителя информации. В Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» содержится следующее определение: «Информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации (сведения/сообщения/данные независимо от формы их представления) и обеспечивающих ее обработку информационных технологий (процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов) и технических средств» [10].

Таким образом, главное, сущностное различие мониторинга и информационной системы состоит в том, что первый относится к категории «процесс», вторая – к категориям «структура» и «результат». Оче-

видно, что в реальности мониторинг и информационная система неразделимы. Даже если в случае частного мониторинга применяются рутинные способы сбора, обработки и хранения информации (например, систематизация «бумажных» табличных форм информации или периодических изданий), то и в этом случае используется «примитивная» некомпьютеризированная и неформализованная информационная система, построенная по определенным правилам.

Мы имеем в виду развитый современный аналог информационных систем, которые, как правило, составляют техническую основу более общей системы тотального или проблемно-ориентированного мониторинга. Однако довольно часто встречается и обратная ситуация, когда, например, в каком-то ведомстве создается достаточно технически развитая информационная система в виде аппаратных средств и необходимой информации, но изначально нет ясности, каким образом, для решения каких задач, для управления какими ситуациями эти информационные потоки должны использоваться. В таком случае система мониторинга создается на базе информационной системы, а вслед за ней и тем самым на основе их совместного использования формируются новые управленческие решения и технологии.

Задачи мониторинга и возможности российской статистики.

При всей отмеченной выше значимости специально организованных мониторинговых акций (преимущественно социологической ориентации) основной информационной базой мониторинга региональных ситуаций и региональных проблем может и должна быть только статистика. Именно на статистической информации основывается большинство известных нам систем регионального мониторинга за рубежом, именно на статистическую информацию опираются проводимые в России прогнозные исследования. К сожалению, состояние современной российской статистики таково, что для ее превращения в надежную и полную информационную базу рассматриваемого мониторинга требуются существенные изменения и в организации, и в финансировании, и в содержании ведущихся статистических работ.

Напомним в этой связи, что статистика в советский период была по своей сути статистикой «народного хозяйства», ее предметом в первую очередь были «отрасли народного хозяйства» (по причинам

секретности – весьма «усеченные»), а региональная статистика была тем же самым отражением пресловутого отраслевого подхода, реализованного в географических границах республик в составе СССР, краев, областей и автономных республик.

В настоящее время предметная ситуация в статистике начинает явно регионализироваться и социализироваться. В разрезе субъектов Федерации рассчитываются достаточно представительные динамические ряды, описывающие производство валового регионального продукта и продукции промышленности (в том числе в разрезе различных форм собственности), использование трудовых ресурсов. Расширен перечень показателей, характеризующих развитие социальной сферы в регионах и уровень благосостояния населения (например, стала регулярно публиковаться информация о денежных доходах и расходах населения, о региональных «потребительских корзинах» и т.д.). Принципиальным отличием от советской системы статистической отчетности является резкий прорыв в области финансово-бюджетной статистики, и в частности статистики межбюджетных отношений. Стали использоваться мировые стандарты статистической отчетности (например, система «национальных счетов»), применяется новая система ОКВЭД. Важным объектом статистики теперь выступают «домохозяйства». Основная часть статистической информации существует сегодня в виде электронных форм, что существенно облегчает процесс ее использования.

Однако на смену прежней закрытости пришли не менее опасные явления: коммерциализация (продажа бюджетной структурой статорганов какому-либо пользователю одной цифры может стоить ему до 1 долл. США), сокращение поля обследований (из него выпадает, в частности, хозяйственная деятельность не только теневого сектора экономики, но и массы самозанятого населения), организационная разобщенность и качественная несостыковка различных баз данных. Практически отсутствует статистика, характеризующая межрегиональные потоки продукции и ресурсов, потерян богатый опыт разработки региональных межотраслевых балансов производства и распределения продукции, в итоге проблематичным становится отслеживание состояния регионального воспроизводственного процесса. И безусловно, существенно ограничивает возможности региональной ста-

тики пресловутый принцип «коммерческой тайны», который активно используется бизнес-структурами, для того чтобы не предоставлять запрашиваемые данные и системы показателей.

Подобные дефекты современной российской региональной статистики во многом обесценивают ее достижения. При этом возникает серьезный пласт проблем, связанных с тяжелым положением *муниципальной статистики*, и эти проблемы, безусловно, будут усугубляться при укреплении мониторинговых работ в России. Мониторинг, оперирующий, например, такими единицами обследования, как Красноярский край или Тюменская область, будет существенно обесценен, если он не будет подкреплён анализом региональных ситуаций и региональных проблем в различных частях этих субъектов Федерации (городах, административных районах).

Следует отметить, что в последнее время появились серьезные работы, инициированные в первую очередь руководителями самих статистических органов субъектов Федерации, по совершенствованию региональной и муниципальной статистики [11, 12].

В целом можно сделать вывод, что наши методологические, методические и инструментальные подходы, сформированные при разработке научных основ системы регионального мониторинга, и в настоящее время не потеряли актуальность и могут использоваться при формировании различных мониторинговых систем на федеральном, межрегиональном, региональном и муниципальном уровнях. Новые технические и коммуникационные возможности лишь усилят эти разработки.

Рассмотрим некоторые фрагменты нашего опыта по формированию конкретных мониторинговых и информационных систем.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ И МОНИТОРИНГОВЫХ СИСТЕМ

Информационная система «Региональная политика». Отмеченные выше принципы мониторинга и подходы к формированию мониторинговых и информационных систем были применены нами, в частности, в 1998–1999 гг. при разработке первой очереди информационной системы «Региональная политика» (ИСРП) на базе результа-

тов, полученных в рамках проекта ТАСИС EDRUS-9602 «Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии». Автор был руководителем этих работ и разработчиком концепции данной информационной системы, которая являлась сложным комплексом информационных потоков, специализированного программного обеспечения, аналитических и прогнозных моделей.

В информационной системе было предусмотрено формирование базы данных социально-экономической информации по регионам России, оснащенной развитой системой регионального анализа и диагностики. Особое значение имел блок аналитических задач, который позволял на основе использования экономико-математических и статистических методов производить оценку динамических изменений в социально-экономическом развитии субъектов Федерации и отдельных муниципальных образований, выявлять меру региональных асимметрий, осуществлять многофакторное сопоставление различных регионов, рассчитывать различные производные индикаторы и т.д. В данной системе использовался большой объем экономической, финансовой, социальной и другой информации по российским регионам, отражаемой регулярной статистикой, и формировались ее различные срезы (временные, пространственные и т.д.). Первая очередь системы была инсталлирована в Министерстве по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ и в администрациях пяти пилотных регионов³.

³ Для практической реализации разработанной нами концепции информационной системы, т.е. для разработки собственно основных блоков ИСП, были приглашены российские эксперты, которые образовали коллектив высококвалифицированных специалистов. В этой команде был объединен многолетний опыт прогнозирования, построения и использования экономико-математических моделей, накопленный в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН, и новейшие информационные технологии, разрабатываемые в то время специалистами московской компании «Мегапьютер Интеллидженс» и сотрудниками ВЦ РАН. Конкретные разработки проводились Е.А. Бастанжиевой, А.Н. Русских и Ю.Н. Слынько («Мегапьютер Интеллидженс»), д.э.н. С.А. Суспицыным и к.э.н. Л.М. Самковым (ИЭОПП СО РАН), привлекались и другие специалисты.

Информационная система «Региональная политика» предназначалась для реализации следующих *целей*:

- автоматизированный сбор данных о социально-экономическом развитии регионов и их административно-территориальных образований и их хранение в единой базе данных министерства и в региональных администрациях;
- оперативный мониторинг и углубленный динамический анализ показателей социально-экономического развития, степени и характера территориальной асимметрии;
- многовариантный прогноз показателей социально-экономического развития субъектов Федерации и оценка региональных последствий принятия решений на федеральном уровне в области региональной политики и межбюджетных отношений (для этих целей должны разрабатываться различные сценарии перспективного пространственного развития);
- проведение «маргинального» анализа, т.е. определение территорий, попадающих в категории неблагополучных и кризисных по различным критериям;
- составление рейтингов регионов по уровню социально-экономического развития и качеству жизни населения;
- двунаправленный информационный обмен «министерство – регионы».

Таким образом, ИСПР представляла собой две пространственно распределенные подсистемы – «пилотные регионы» и «министерство», которые функционировали квазиавтономно⁴. К сожалению, это важное начинание по формированию технической и информационной основы для осуществления федерального мониторинга региональной ситуации и региональных проблем не получило дальнейшего распространения, все ограничилось лишь начальной стадией разработки и внедрения первой очереди ИСПР. Разрабатывавшие ее эксперты квалифицированно сделали свое дело. Дальнейшее сопровождение и использование данной системы должны были осуществлять соответ-

⁴ Более подробно о структуре и блоках данной системы см. в работе [13].

ствующие подразделения министерства и администраций «пилотных» регионов. Однако последовавшая вскоре ликвидация этого федерального органа свела на нет все эти разработки. Тем не менее с позиций сегодняшнего дня можно констатировать, что в то время была осуществлена интересная попытка формирования информационной системы с целью мониторинга и государственного регулирования территориального развития. Использовались прогрессивные принципы ее разработки, не потерявшие актуальность и в настоящее время, были отлажены процедуры и механизмы использования информационных потоков для нужд региональной политики. Очевидно, что сегодня при существенном прогрессе в технических средствах и вычислительных возможностях эти принципы и подходы могут быть реализованы на гораздо более высоком уровне.

Разработка системы индикаторов для мониторинга экономической и налогово-бюджетной политики. Другой пример наших практических разработок в этой области – формирование системы индикаторов для целей регионального мониторинга, которые являются важнейшей составной частью построения любой мониторинговой системы и на основе которых должны производиться оценки тех или иных региональных ситуаций или остроты конкретных проблем. Такого рода исследования осуществлялись нами в рамках работ по проекту «Диагностика финансового состояния и качества управления региональными финансами в Новосибирской области», который выполнялся в 2002–2003 гг. в соответствии с контрактом, заключенным между Некоммерческим фондом реструктуризации предприятий и развития финансовых институтов при Министерстве финансов РФ и ЗАО «ПАКК» (Москва). Этот проект являлся составной частью совместной программы Всемирного банка и Министерства финансов РФ⁵ по реформированию общественных финансов в российских регионах. Новосибирская область была выбрана одним из пилотных регионов для данной программы.

⁵ Правительство Российской Федерации подписало соглашение со Всемирным банком о займе на развитие бюджетного федерализма и реформирование региональных финансов (№ 4647 RU, вступило в силу 5 июня 2002 г.). Был создан Фонд

Для выполнения части работ по указанному проекту в ИЭОПП СО РАН была создана экспертная группа консультантов под руководством автора, в которую входили также доктора экономических наук В.И. Клисторин, Е.А. Коломак и Н.А. Кравченко, заключившие контракты с ЗАО «ПАКК» на разработку конкретных компонентов проекта.

Одним из блоков проекта являлся подраздел «Система индикаторов для мониторинга налогово-бюджетной и экономической политики», который был выполнен автором в рамках работ по компоненту «Оценка качества управления общественными финансами и проводимой налогово-бюджетной и экономической политики». В соответствии с поставленными в этом блоке целями были решены следующие задачи:

- разработаны общие принципы построения систем регионального мониторинга на уровне субъекта Федерации и на этой основе выявлены роль и место мониторинга налогово-бюджетной и экономической политики в Новосибирской области;
- даны рекомендации по методике построения системы индикаторов для мониторинга налогово-бюджетной и экономической политики в Новосибирской области;
- выявлены блоки основных проблем налогово-бюджетной и экономической политики, по которым должен формироваться набор соответствующих индикаторов;
- проведена инвентаризация подходов, сформулированных другими исполнителями проекта, к построению частных систем индикаторов и на этой основе предложен агрегированный вариант комплексной системы индикаторов для мониторинга налогово-бюджетной и экономической политики в Новосибирской области;
- рассчитаны стартовые значения предлагаемых индикаторов по состоянию на 1999–2001 гг.;
- составлено общее заключение с комплексной оценкой качества управления общественными финансами в рамках проводимой

развития региональных финансов, основной целью которого являлось повышение качества управления региональными финансами и стимулирование регионов к внедрению в бюджетный процесс лучших практик в сфере управления ими.

в Новосибирской области налогово-бюджетной и экономической политики.

В результате проведенного анализа подходов, критериев, систем индикаторов, методов их расчета, использованных исполнителями на различных стадиях и этапах разработки проекта и в различных его компонентах, мы выделили следующие основные блоки индикаторов для сводного мониторинга налогово-бюджетной и экономической политики в Новосибирской области:

- сводные индикаторы социально-экономического развития региона;
- сводные индикаторы финансового состояния региона;
- сводные индикаторы качества бюджетного процесса в регионе;
- сводные индикаторы нормативно-правовой и методической базы общественных финансов;
- сводные индикаторы государственного заказа и контроля за целевым использованием бюджетных средств;
- сводные индикаторы оценки кадрового потенциала системы управления регионом.

На основании проведенного анализа по всем шести группам индикаторов был сделан вывод, что общее качество управления общественными финансами в Новосибирской области и проводившаяся в 1999–2000 гг. налогово-бюджетная политика в целом находились на удовлетворительном уровне⁶. В то же время, несмотря на стабилизацию экономической ситуации в регионе в эти годы и наметившийся рост производства, потенциальные возможности региона использовались не в полной мере, что требовало определенных корректировок осуществляемой в нем экономической и налогово-бюджетной политики. Эти исследования показали, что формирование адекватного и репрезентативного набора индикаторов для любой мониторинговой системы – это весьма непростой процесс, требующий хорошего знания объекта исследования. Эти процедуры выбора не могут осуществляться по единому шаблону. Зачастую приходится идти на включе-

⁶ Некоторые выводы из проведенного цикла исследований отражены также в статье Н.А. Кравченко и Е.А. Коломак [14].

ние качественных показателей по ряду процессов или тенденций, которые трудно оценить количественно. Тем не менее существует принципиальная возможность соединения качественной и количественной информации. На сегодня имеются достаточно интересные предложения по работе с «нечеткими» качественными индикаторами [15, 16], и такие процедуры могут быть важной составной частью систем регионального мониторинга.

Научные основы мониторинга социально-экономической и экологической ситуации в северных регионах. Интересные результаты были получены в 2006–2008 гг. при реализации интеграционного проекта «Научные основы мониторинга социально-экономической и экологической ситуации в северных регионах: методологические, инструментальные и институциональные аспекты». Основными разработчиками проекта являлись Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН и Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера УрО РАН.

Данный интеграционный проект имел свою предысторию. В 2004–2005 гг. в рамках российско-канадской программы «Обмен опытом управления северными территориями»⁷ была инициирована попытка совместной реализации проекта «Мониторинг социально-экономической и экологической ситуации и положения коренных народов в северных регионах Сибирского федерального округа». Автором была разработана концепция данного проекта, которая ориентировалась, во-первых, на особую важность создания мониторинговых систем именно для северных территорий России, где их наличие особенно актуально; во-вторых, на «инвентаризацию» и систематизацию российских и канадских мониторинговых разработок; в-третьих, на формирование методических подходов к построению систем экономических, социальных и экологических индикаторов. Были проведены два российско-канадских семинара на эту тему, сформированы

⁷ Основные партнеры по программе – аппарат Полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе и Министерство по делам индейцев и развитию Севера Канады. Автор является научным координатором этой программы, которая осуществляется с 2001 г. [17].

три совместные группы по выработке единых подходов к построению систем индикаторов развития северных территорий.

Данный проект сотрудничества ставил также задачей разработку стандартов и норм, принципов, процедур и инструментов устойчивого развития сибирского Севера. Система мониторинга с соответствующим набором индикаторов устойчивого развития должна была способствовать формированию обоснованной политики развития Севера и выбору приоритетных программ.

Нами было обосновано, что достижение главных целей и выполнение задач проекта должны находиться в рамках взаимоувязанных по идеологии, ресурсам и времени трех его основных составляющих, реализуемых совместной командой канадских и российских экспертов: 1) консультационно-аналитической и исследовательской; 2) информационной; 3) тренинговой и учебной.

Очевидно, что такая концепция проекта была весьма «ресурсоемкой», она требовала значительных финансовых средств, и на первом этапе были даны определенные гарантии их получения. Однако в конечном итоге необходимого финансирования со стороны международных организаций (Всемирный банк и др.), а также канадских и российских министерств и ведомств не удалось добиться, и реализация проекта была приостановлена на начальной стадии. Тем не менее автором были наработаны интересные материалы и предложения, и он счел целесообразным на их основе подготовить заявку на реализацию интеграционного проекта «Научные основы мониторинга социально-экономической и экологической ситуации в северных регионах: методологические, инструментальные и институциональные аспекты», в котором бы интегрировались исследования по проблематике «северного мониторинга», выполнявшиеся в институтах Сибирского и Уральского отделений РАН. Нами была разработана концепция данного проекта и основные направления его реализации.

Исследования в рамках проекта проводились по следующим направлениям:

1) разработка методологических, институциональных и организационных основ формирования систем регионального мониторинга в северных регионах;

2) разработка модельных комплексов и информационных систем для мониторинга социально-экономической ситуации в северных регионах;

3) разработка методов и направлений мониторинга недропользования и состояния окружающей среды на Севере;

4) разработка подходов к исследованию влияния корпораций на социально-экономическое развитие северных территорий;

5) встраивание мониторинговых систем в процессы регионального управления и разработка учебных программ как элемента функционирования мониторинговых систем;

6) изучение возможностей использования зарубежного опыта построения систем регионального мониторинга.

Основными полигонами для отработки модельно-аналитического инструментария, внедрения в практику регионального управления разработанных модельных комплексов, проведения учебных курсов являлись регионы Республики Коми, Красноярского края (в частности, Эвенкия), Ханты-Мансийского автономного округа. Особо рассматривались вопросы мониторинга социально-экономического развития коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Безусловно, что конечной целью реализации данного интеграционного проекта не определялось создание действующей системы мониторинга для северных территорий, работающей в режиме регулярной эксплуатации в федеральных и региональных органах власти. Его основное предназначение – разработка научных основ такой мониторинговой системы и ее отдельных блоков и направлений. Эта задача авторским коллективом была достигнута, и в результате

- экспериментально отработаны методические приемы по формированию систем индикаторов и рейтинговых оценок для мониторинга экономических, социальных и экологических процессов в северных регионах;
- разработаны модельно-аналитические комплексы для анализа и прогнозирования регионального и внутрирегионального развития северных субъектов Федерации, которые могут составить основу мониторинговых систем;

- проведены практические расчеты по разработанным комплексам на примере модельных северных территорий;
- изучены последствия влияния реализации ряда крупных инвестиционных проектов на развитие Севера;
- разработаны учебные программы (на примере программы по учету интересов коренных народов при принятии решений в сфере недропользования);
- изучен канадский опыт мониторинга развития северных территорий, построения и эксплуатации мониторинговых систем.

Важно, что в ходе реализации данного проекта удалось добиться синергического эффекта в результате совместных работ экономистов, социологов, географов, геологов, специалистов в области системного моделирования и дистанционного зондирования. То есть была показана возможность реализации комплексного подхода к формированию систем регионального мониторинга, и здесь ключевую роль играли научные разработки институтов РАН. Однако очевидно, что практическая реализация государственной системы «северного мониторинга»⁸ будет требовать гораздо более серьезных усилий не только со стороны научного сообщества, но и в первую очередь со стороны федеральной и региональной власти и бизнеса.

В то же время наш опыт работ по данному проекту показал, что даже в случае использования самой совершенной технической основы государственной системы «северного мониторинга» (мощная компьютерная сетевая основа, использование ГИС и интернет-технологий, дистанционное зондирование на базе аэрокосмических съемок, развитая система управления базами данных и хорошо организованная система получения, хранения и использования региональных данных и т.д.) этого будет недостаточно. Государственное регулирование развития северных территорий будет требовать неординарных подходов к оценке региональных ситуаций, проведения независимых экспертиз по самым различным экономическим, финансовым, технологичес-

⁸ То есть системы, созданной на средства государственного бюджета и обслуживающей потребности государственной системы управления на федеральном и региональном уровнях.

ким, природоохранным проблемам, осуществления экспресс-опросов и специальных социологических исследований, использования новых мониторинговых методов и средств. Для этих целей необходимо серьезное научное сопровождение региональных мониторинговых систем со стороны базовых институтов РАН. Наш опыт реализации упомянутого интеграционного проекта показал, что имеется большой потенциал научных разработок, который может с успехом использоваться при функционировании государственных систем регионального мониторинга. Возможности реализации такого подхода показаны ниже.

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ЦЕНТРА МОНИТОРИНГА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Как отмечалось выше, в российских регионах, в отдельных федеральных министерствах и ведомствах, в крупных корпорациях в настоящее время проводятся работы по созданию мониторинговых систем. В значительной своей части они ориентированы на нужды государственного или корпоративного стратегического планирования. Однако эти разработки при всей их важности и актуальности обладают следующими недостатками.

Во-первых, как правило, за основу берется лишь один срез регионального (или федерального) развития. Например, в Министерстве внутренних дел РФ существуют ведомственные базы данных и системы мониторинга криминогенной ситуации. Эти системы являются закрытыми «по определению», хотя результаты их использования должны быть предметом изучения не только в профильных федеральных ведомствах, но и в администрациях соответствующих регионов для борьбы с преступностью на местах и корректировки направлений местной социальной политики. Другой пример – разрабатываемые в недрах администраций субъектов Федерации информационные системы анализа и прогнозирования социально-экономического развития регионов. Эти системы, безусловно, очень важны, однако чаще всего отсутствует возможность изучения влияния процессов экономического

развития на экологическую ситуацию на соответствующих территориях (хотя параллельно существуют региональные системы анализа состояния водных ресурсов, воздушных загрязнений и т.д.). Иными словами, в существующих мониторинговых системах превалирует ведомственный, но отсутствует комплексный подход к анализу и прогнозированию федерального и регионального развития.

Во-вторых, при разработке и эксплуатации мониторинговых систем часто доминирует «механистический» подход, выражающийся в концентрации усилий на создании современного аналитического аппарата и соответствующих технических средств: распределенных баз данных и систем доступа к ним, методов и способов занесения информации в базы и банки данных, современных технических средств и систем визуализации аналитических материалов (географические информационные системы, интернет-технологии и т.д.). Это важный и необходимый компонент современного мониторинга, предоставляющий, например, возможность послойного «сканирования» региональной информации с выведением в наглядном виде сгруппированных по определенным признакам параметров и индикаторов регионального развития. Однако «за кадром» остается вопрос: кому это нужно – разработчикам, конечным пользователям? Готовы ли конечные пользователи (например, в администрациях субъектов Федерации) к повседневному применению таких систем в своей практической деятельности? Как эти новые информационные технологии вписываются в используемые управленческие технологии? Обладают ли управленческие кадры необходимой квалификацией (и желанием) их использовать? Опыт показывает, что часто созданные на очень высоком уровне системы анализа и прогнозирования регионального развития оказываются невостребованными по причине неготовности тех управленческих структур, для которых они создавались⁹.

⁹ С другой стороны, мы имеем примеры, когда успех реализации тех или иных региональных информационных систем в значительной степени определялся энтузиазмом и профессионализмом руководителей департаментов местных администраций. Например, в правительстве Красноярского края позитивные результаты функционирования автоматизированной информационной системы мониторинга

В-третьих, практически все создаваемые информационные системы, предназначенные для регионального управления, ориентированы на «текущую ситуацию». Закладываемые в них статистические показатели дают возможность оценить лишь существующее состояние без ответа на вопрос: а что будет завтра, послезавтра? Применяемые в официальной статистике системы показателей явно недостаточны для комплексной оценки тенденций социально-экономического развития (особенно это заметно при переходе на более низкий, чем субъект Федерации, уровень территориальной иерархии). Существующие методы оценки экономической динамики и социальных процессов, применяемые в государственных статистических органах, как правило, не адекватны для оценки возникновения кризисных ситуаций в регионах или для оценки косвенных воздействий тех или иных мероприятий на общую социально-экономическую ситуацию на соответствующей территории. Имеются явные пробелы в методологических и методических основах региональных мониторинговых и информационных систем. Недостаточно проработаны и обоснованы системы индикаторов, которые применяются для диагностики текущего состояния и краткосрочных прогнозов. То есть подобные мониторинговые системы требуют как разработки адекватной системы индикаторов, так и встраивания «прогнозных» блоков и современных методов анализа и выявления на их базе кризисных ситуаций и косвенных воздействий.

В то же время очевидно, что в современных институциональных, информационных, технических, кадровых условиях нереально формирование на федеральном, межрегиональном и региональном уровнях глобальной системы «супермониторинга», в рамках которой собирается, анализируется и прогнозно «препарируется» информация по всем основным аспектам развития: экономическому, социальному, технологическому, экологическому, техногенному и т.д. Однако существует потенциальная возможность правильной организации работы в этом направлении за счет упорядочения, систематизации и обеспечения взаимодействия различных частных мониторинговых систем

муниципальных образований в значительной мере были связаны с воистину подвижнической работой в этом направлении начальника отдела Министерства экономики и регионального развития Красноярского края К.И. Миллера.

и разработок и привлечения для этого высокопрофессиональных специалистов и экспертов.

Первые работы в этом направлении в России начали разворачиваться в рамках формирования Центра мониторинга социально-экономических процессов и природной среды Сибирского федерального округа (далее – ЦМСЭППС СФО или Центр мониторинга СФО) как институциональной структуры для осуществления комплексного социально-экономического, экологического и природно-ресурсного мониторинга на территории Сибири. Инициативу создания такого центра проявили в 2007 г. директор Института вычислительных технологий СО РАН академик Ю.И. Шокин, директор Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН академик А.Э. Конторович и заведующий лабораторией Объединенного института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, кандидат геолого-минералогических наук Н.Н. Добрецов. Идея создания центра нашла поддержку у Председателя Сибирского отделения РАН академика Н.Л. Добрецова и у руководства Сибирского федерального округа. В результате в октябре 2007 г. на имя Президента РФ было направлено письмо за подписью Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе А.В. Квашнина с предложением рассмотреть вопрос о создании в СФО Центра мониторинга социально-экономических процессов и природной среды, с обоснованием целесообразности и определением направлений деятельности данного центра. На самом высоком уровне эта инициатива получила одобрение, и руководителям различных федеральных министерств и ведомств были даны поручения рассмотреть эти предложения и определить свое возможное участие в формировании Центра мониторинга СФО.

Следует отметить, что на начальном этапе деятельность ЦМСЭППС СФО предполагалось сконцентрировать в основном на мониторинге экологии и недро- и природопользования на территории Сибири на базе эффективного использования современных вычислительных сетей, дистанционного зондирования и применения географических информационных систем Сибирского отделения РАН.

Принципиально важны следующие основные принципы создания Центра мониторинга социально-экономических процессов и природной среды Сибирского федерального округа:

1) впервые выдвинута идея формирования системы тотального мониторинга (т.е. охватывающего самые разнообразные направления социально-экономического развития и недропользования) на территории Сибири;

2) институциональную основу данной системы мониторинга – ЦМСЭППС СФО предложено создать не внутри органов власти, а на базе Сибирского отделения РАН, что, с одной стороны, обеспечит высокий уровень ее научного сопровождения, а с другой – возможность проведения независимых экспертиз;

3) Центр мониторинга СФО создается в виде территориально распределенной системы вычислительных и сетевых мощностей, центров приема спутниковой информации Сибирского отделения РАН с подключением к ней государственных и ведомственных информационных систем, баз данных и географических информационных систем, а также информационных систем администраций субъектов Федерации и муниципалитетов. Иными словами, речь идет не о ведомственной (Сибирского отделения РАН или аппарата Полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе) системе сибирского мониторинга, а об открытой государственной системе регионального мониторинга, работающей на нужды власти, экономики и общества, но имеющей также возможность выполнять заказы на мониторинговые работы со стороны частных компаний;

4) деятельность Центра мониторинга СФО должна основываться на самых современных информационных технологиях (в том числе WEB-технологиях), на использовании данных дистанционного (космического и авиационного) зондирования и на новых возможностях визуализации и обработки картографической информации.

В прошедшие годы был осуществлен серьезный цикл начальных работ, которые проводились практически в инициативном порядке и с финансированием только за счет средств Сибирского отделения РАН. Распоряжением Председателя СО РАН была сформирована рабочая группа

по созданию Центра мониторинга социально-экономических процессов и природной среды Сибирского федерального округа. Одновременно выявились новые потребности и новые возможности функционирования данного центра. В существенной степени они были связаны с необходимостью усиления социально-экономического блока Центра мониторинга СФО. Выскажем нашу позицию по этому вопросу.

Как нам представляется, работа в рамках «социально-экономического» блока Центра мониторинга СФО должна вестись по следующим основным направлениям.

1. Мониторинг социально-экономического развития субъектов Федерации, расположенных на территории Сибирского федерального округа, на основе использования данных о социально-экономических процессах в регионах СФО, формируемых в рамках проведения ежегодных, квартальных и месячных работ Госкомстата РФ и его региональных подразделений. Эти данные должны составить основу информационной системы социально-экономического блока Центра мониторинга, которая должна формироваться, храниться и актуализироваться на основе использования современных систем управления базами данных (СУБД). Для этого необходимо разработать перечень необходимой (и достаточной) социально-экономической информации, регулярно поступающей в Центр мониторинга из органов Госкомстата РФ и его территориальных подразделений. Использование СУБД позволит проводить разнообразные выборки, агрегирования, динамические сопоставления и т.д. по основным подблокам («производство», «уровень жизни», «финансы и бюджеты территорий», «трудовые ресурсы» и др.). Следует обеспечить возможность «стыковки» СУБД и ГИС, с тем чтобы можно было строить тематические карты и лучше визуализировать анализируемые данные. Все это будет составлять основу прямого (непосредственного) оперативного использования социально-экономических данных Госкомстата (в том числе с применением графических средств), а также их использования в виде расчетных данных (проценты, удельные веса и т.д.).

Второе направление использования официальных статистических данных в рамках мониторинга социально-экономического развития субъектов РФ – это разработка и использование на их основе косвенных

индикаторов и различного рода рейтинговых оценок, характеризующих динамику и эффективность распространения тех или иных социально-экономических процессов в регионах Сибирского федерального округа (в первую очередь для целей их межрегиональных сопоставлений).

Третье направление использования официальных статистических данных в рамках мониторинга развития субъектов РФ – разработка на их информационной основе аналитико-диагностических и прогноз-но-аналитических моделей, описывающих изменение региональных ситуаций в краткосрочной (или среднесрочной) перспективе и позволяющих оценивать управляющие воздействия, направленные на разрешение тех или иных региональных проблем или кризисных ситуаций.

В технически-организационном плане мониторинг социально-экономического развития субъектов Федерации целесообразно проводить в рамках Центра мониторинга СФО по двум параллельным и взаимодополняющим направлениям:

- ведение единой базы данных и осуществление мониторинговых сопоставительных оценок развития сибирских регионов специализированной экспертной группой Центра мониторинга СФО в Новосибирске. Основная цель такой работы – формирование единой информационной среды по субъектам Федерации, расположенным на территории Сибирского федерального округа, для проведения на ее базе межрегиональных и динамических сопоставлений, расчета региональных рейтингов и т.д. и для подготовки с использованием этой информации ежеквартальных аналитических бюллетеней по социально-экономическому развитию СФО¹⁰;

¹⁰ Эти работы должны проводиться совместно с территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, который является головным по Сибирскому федеральному округу и выполняет сводные статистические работы и сопоставления в целом по СФО. Их результаты публикуются в регулярных бюллетенях «Социально-экономический мониторинг субъектов РФ Сибирского федерального округа» (например, бюллетень за январь–ноябрь 2009 г. был издан в декабре 2009 г., по каталогу № 1.10-1). Однако эти бюллетени содержат только статистические данные по сокращенному перечню без их текстового анализа и конкретных выводов. В то же время на базе ИЭОПП СО РАН

- детализированный мониторинг экономического, социального и финансового состояния каждого отдельно взятого субъекта Федерации, расположенного на территории СФО, на основе специализированных информационных систем. Эти работы должны осуществляться в аналитических центрах администраций сибирских регионов. В Центр мониторинга СФО в Новосибирске должна передаваться лишь регулярная сводная информация по социально-экономическому развитию данных территорий.

2. Мониторинг развития муниципальных образований. Его целесообразно организовать на базе специализированных информационных систем субъектов Федерации и непосредственно в их администрациях. Мы считаем, что необходимо принять в качестве типовой для всех субъектов Федерации СФО автоматизированную информационную систему мониторинга муниципальных образований (АИС ММО), разработанную Институтом вычислительного моделирования СО РАН и ООО «ГЕОПРОМ» (г. Красноярск) по заданию правительства Красноярского края. Эта система уже ряд лет активно используется в планово-управленческой работе и доказала свою высокую эффективность. Одновременно при использовании АИС ММО в администрациях сибирских субъектов Федерации целесообразно внедрить в них красноярский опыт формирования пространственного банка данных в разрезе муниципальных образований. Этот банк формируется на основе информационных потоков с мест по специальному перечню показателей, утвержденных правительством региона, а не только из официальных данных государственной статистики, ограниченных перечнем показателей социально-экономического развития муниципальных образований, которых недостаточно для проведения полноценного мониторинга.

уже в течение ряда лет выпускается «Сибирское экономическое обозрение» (с 2009 г. как приложение к журналу «Регион: экономика и социология»), в котором на основе данных официальной статистики даются аналитические обзоры социально-экономического развития и финансового состояния сибирских регионов. Нам представляется, что существует возможность интегрировать эти издания и дополнить их новыми разделами, содержащими рейтинговые оценки субъектов Федерации по различным позициям.

Сводные данные мониторинга развития муниципальных образований, построенные в соответствии с унифицированной по всем регионам системой показателей и индикаторов, должны на регулярной основе передаваться из администраций субъектов Федерации в Центр мониторинга СФО, где будут использоваться для оценки общих тенденций их пространственного развития и для более четкой территориальной локализации выявляемых проблемных и критических ситуаций.

3. Проведение социологических опросов и анкетирований для получения информации о характере распространения конкретных социально-экономических проблем в сибирских регионах или для оценки конкретных ситуаций в тех случаях, если они не фиксируются в показателях официальной статистики (или официальная статистика «запаздывает» с фиксацией этих процессов), что требует оперативного контент-анализа. В этом случае Центр мониторинга организует проведение таких социологических работ и обеспечивает их научное сопровождение.

4. Получение оценок влияния реализации конкретных инвестиционных проектов или программ крупных корпораций на социально-экономическую ситуацию в регионах Сибирского федерального округа. Для осуществления таких работ Центр мониторинга образует временные творческие коллективы с привлечением квалифицированных специалистов СО РАН и других организаций. Как правило, здесь должна использоваться корпоративная информация, а также оперативная информация, формируемая в администрациях субъектов Федерации и в территориальных представительствах федеральных министерств и ведомств. Это наименее «формализуемая» часть социально-экономического мониторинга, и она будет требовать проведения аналитических и информационных работ по специальному плану.

5. Осуществление частных социально-экономических экспертиз по самому широкому спектру регионального и муниципального развития. Заказчиками таких работ могут выступать как администрации субъектов Федерации, городов и муниципалитетов, так и государственные и частные компании, консалтинговые группы, институты гражданского общества.

Очевидно, что так понимаемые направления развития социально-экономического блока Центра мониторинга СФО будут требовать новой организации сбора, получения, хранения и использования экономической информации. Базовым институтом экономического профиля Сибирского отделения РАН является ИЭОПП, который естественно рассматривать и в качестве базовой научной организации, осуществляющей научное сопровождение социально-экономического блока ЦМСЭППС СФО. Однако существующая в настоящее время практика доступа этого института к данным официальной статистики (не говоря о ведомственной и корпоративной информации) не отвечает целям и задачам Центра мониторинга СФО. ИЭОПП СО РАН вынужден на средства конкретных исследователей (гранты, проекты РАН, хоздоговора и т.д.) закупать всю необходимую информацию. В институте отсутствует единая информационная база данных, и в результате работа над информационными источниками не систематизирована; допускается дублирование получения конкретной информации из-за несогласованности деятельности отдельных исполнителей; информация часто поступает в «бумажном» формате, а не в электронном виде; имеются пробелы по целому ряду важных статистических данных и т.д. Подчеркиваем, что в существенной степени это связано с коммерциализацией получения статистических данных в России и с финансовыми ограничениями по ее закупке академическим институтом.

В этой связи в 2009 г. автором было подготовлено предложение о создании на базе ИЭОПП СО РАН в качестве самостоятельной структурной единицы Центра экономической информации. Нами было обосновано, что Центр экономической информации должен обладать функциями центра коллективного пользования для всех институтов СО РАН, использующих социально-экономическую информацию в целом по России и по регионам Сибири. Основными задачами данного центра, по нашему мнению, должны быть

- централизованный сбор экономической и социологической информации по России и другим странам с акцентом на детализированный сбор информации по регионам Сибири (включая закупку информации в органах Росстата РФ);

- хранение и обработка экономической и социологической информации и приведение ее к виду, позволяющему использовать ее в научных исследованиях (перевод на машиноносители, каталогизация и систематизация);
- проведение обследований научных подразделений СО РАН с целью выявления потребности в экономической и социологической информации и исключения дублирования в запросах на ее получение и закупку;
- обеспечение экономической и социологической информацией подразделений СО РАН по их запросам;
- информационное обеспечение социально-экономических исследований, проводимых в институтах СО РАН (или требующих экономической информации для выполнения междисциплинарных работ);
- выполнение работ по лучшей визуализации социально-экономической информации на основе построения тематических карт средствами ГИС и создания разнообразных презентаций и графиков;
- централизованный сбор и хранение на машиноносителях всех результатов социально-экономических исследований, выполненных в институтах, входящих в состав Объединенного ученого совета по экономическим наукам СО РАН, и включенных в планы НИР данных институтов;
- обеспечение институтов СО РАН и иных организаций результатами социально-экономических исследований, выполненных в СО РАН (научные отчеты, доклады, программные документы) по их запросам, с соблюдением требований авторских прав и конфиденциальности используемой информации.

Централизация процесса сбора, хранения и переработки социально-экономической информации в рамках Центра экономической информации ИЭОПП СО РАН, с одной стороны, позволит усилить информационную обеспеченность социально-экономических исследований и избежать дублирования в закупке необходимой информации (и тем самым экономить бюджетные средства), а с другой стороны, потребует дополнительных финансовых источников для формирования кадров и вычислительной и сетевой инфраструктуры данного центра. Специальные средства на закупку социально-экономической информации

должны быть отражены в бюджете СО РАН отдельной строкой и передаваться целевым образом в Центр экономической информации.

Организованный таким образом, Центр экономической информации может рассматриваться как одно из внешних подразделений Центра мониторинга социально-экономических процессов и природной среды с сохранением его статуса как структурного подразделения ИЭОПП СО РАН.

Что касается организационных аспектов, то мы считаем, что формирование социально-экономического блока Центра мониторинга социально-экономических процессов и природной среды Сибирского федерального округа может быть осуществлено в двух вариантах: **централизованном** (предполагающем сосредоточение всей первичной информации, ее анализ и диагностику ситуаций и проблем в едином центре) и **децентрализованно-централизованном** (это означает сосредоточение первичной информации, ее анализ и диагностику ситуации и проблем в администрациях субъектов Федерации с последующей передачей агрегированных данных и полученных результатов в Центр мониторинга СФО для формирования сводных результатов, построения соответствующих заключений и межрегиональных сопоставлений). Однако при этом нужно будет обеспечить унифицированность представления данных по всем регионам, в том числе расчетных данных по избранному набору социально-экономических и финансовых индикаторов, которые могут рассчитываться на основе использования региональных информационных систем¹¹.

Мы считаем, что важнейшей целью функционирования блока социально-экономического мониторинга в рамках Центра мониторинга

¹¹ На начальном этапе создания Центра мониторинга СФО целесообразно провести инвентаризацию всех мониторинговых и информационных систем, работающих в администрациях сибирских регионов с целью оценки возможностей их использования в качестве удаленных модулей Центра. Если используемые региональные информационные системы по тем или иным характеристикам и параметрам не отвечают единым требованиям Центра мониторинга СФО (или же вообще отсутствуют), должен быть поставлен вопрос об инсталляции в данном субъекте Федерации типовой региональной информационной системы. С другой стороны, подобная инвентаризация может выявить «лучшие практики» использования региональных мониторинговых и информационных систем, которые целесообразно применять в разработках Центра мониторинга СФО, а также можно рекомендовать для использования в других регионах.

Сибирского федерального округа является совершенствование системы регионального управления и стратегического планирования на уровне всего макрорегиона и каждого субъекта Федерации с возможным распространением этого процесса на города и административные районы. Однако функционирование Центра мониторинга не должно подменять текущую работу органов государственной статистики и региональных администраций по оценке социально-экономических процессов на соответствующей территории. Иными словами, Центр мониторинга не должен брать на себя функции проведения тотального (всеобщего) социально-экономического мониторинга в каждом конкретном сибирском регионе. Это должно осуществляться в аналитических центрах администраций субъектов Федерации. Задача Центра мониторинга – научное сопровождение формирования таких мониторинговых систем в регионах Сибири (включая обучение персонала) и создание специализированного интерфейса по наполнению баз данных самого Центра мониторинга информацией, поступающей из аналитических центров субъектов Федерации. Только такой формат работы и взаимодействия позволит Центру мониторинга СФО сконцентрироваться на выявлении наиболее острых проблем и кризисных ситуаций и не потонуть в обилии текущей рутинной социально-экономической информации.

Литература

1. **Концепция** формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов. 1995 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www-sbras.nsc.ru/win/laws/russ_kon.htm (дата обращения 14.03.2010).
2. **Федеральный закон № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»** // Собрание законодательства РФ. – 1995. – 20 февр. – Ст. 609; Российская газета. – 1995. – 22 февр.
3. **Электронное** правительство // Википедия – свободная энциклопедия [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 05.03.2010).
4. **Концепция** информатизации Новосибирской области. 1996 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adm.nso.ru/postanovleniya/p54/koncept.html> (дата обращения 05.03.2010).
5. **Иншаков О.В., Мизинцева М.Ф., Калинин А.Э., Петрова Е.А.** Информационное развитие экономики региона. – М.: ИД «Финансы и кредит», 2008. – 296 с.

6. **Национальная** стратегия информационного развития России // Стратегия России. – 2004. – № 9 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1095935196&archive=1095935540&start_from=&ucat=14& (дата обращения 03.03.2010).

7. **Лексин В.Н., Селиверстов В.Е., Швецов А.Н.** О формировании государственной системы мониторинга социально-экономической, национально-этнической и политической ситуации в регионах Российской Федерации // Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии / Под ред. к.э.н. В.Е. Селиверстова и проф. Д. Юилла. – Москва; Новосибирск: ЭКОР; Сибирское соглашение, 2000. – С. 70–83.

8. **Дмитриева О.Г.** Региональная экономическая диагностика. – СПб.: Наука, 1992. – 274 с.

9. **Лексин В.Н.** Региональная диагностика: сущность, предмет и метод, специфика применения в современной России (вводная лекция прилагаемого учебного курса) // Российский экономический журнал. – 2003. – № 9-10. – С. 64–86.

10. **Федеральный** закон № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2006/07/29/informacia-dok.html> (дата обращения 18.03.2010).

11. **Кисельников А.А.** Государственная статистика в системе государственно-го и муниципального управления // К 200-летию российской государственной статистики. – Новосибирск : НГУЭиУ, 2004. – С. 28–45.

12. **Дибирдеев В.И.** Интегрированные государственные информационные ресурсы статистики в управлении территориальными экономическими системами. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. – 332 с.

13. **Бастажијева Е.А., Русских А.Н., Слынько Ю.Н., Суспицын С.А.** Информационная система «Региональная политика»: новые возможности в принятии решений // Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии / Под ред. к.э.н. В.Е. Селиверстова и проф. Д. Юилла. – Москва; Новосибирск: ЭКОР; Сибирское соглашение, 2000. – С. 93–124.

14. **Кравченко Н.А., Коломак Е.А.** Анализ и оценка кредитоспособности территориальных образований (на примере Новосибирской области) // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 1. – С. 137–149.

15. **Андрейчиков А.В., Андрейчикова О.Н.** Анализ, синтез, планирование решений в экономике. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 368 с.

16. **Недосекин А.О., Павлов К.Е., Волкова Л.А.** Идентификация и анализ рисков бизнеса с использованием методов теории нечетких множеств [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifel.ru/br4/3.pdf>, 2005 (дата обращения 29.03.2010).

17. **Селиверстов В.Е.** Обмен опытом управления северными территориями: цели, задачи и первые итоги реализации российско-канадской программы // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 2. – С. 158–164.

Регион: экономика и социология, 2010, № 2, с. 41–50

МИРОВОЙ КРИЗИС: ИСТОКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Р. Манделл

Лауреат Премии по экономике памяти Альфреда Нобеля

Колумбийский университет (США)

Аннотация

Автор обрисовал ситуацию с международной денежно-кредитной системой, указал на причины кризиса в этой сфере, предложил политические меры для преодоления кризиса и методы для повышения спроса. Автор также проанализировал подходы к созданию мировой валюты: метод регионализации и метод доминантной валюты.

Ключевые слова: кризис, финансы, политика правительств, единая международная валюта, денежно-кредитная сила валют, обменный курс

Abstract

The author describes the world monetary system, the causes of the crisis in this sphere, political measures to manage the crisis, and methods to increase market demand. The paper analyses the approaches to forming an international currency such as a regionalization method and dominant currency one.

Keywords: crisis, finance, governmental policy, international currency, monetary power, exchange rate

Сегодня мы находимся в эпицентре глобального кризиса. Правительства разных стран пребывают в состоянии шока. Все крупные эконо-

мики, за исключением экономики Китая, сокращаются. Ожидается, что это сокращение будет продолжаться по крайней мере весь 2010 г.

Введение в мировой оборот евро в 1999 г. несколько изменило характер международной денежно-кредитной системы. Зона распространения доллара США остается самой большой, – это примерно 14,5 трлн. На втором месте зона евро (10–12 трлн), на третьем – зона иены (4–4,5 трлн). Зона китайской валюты (юань) составляет 4 трлн, а пятой в мире по величине оказывается зона влияния фунта стерлинга.

Говоря о проблеме мировой валюты, важно отметить, что мы мыслим в терминах не только создания мировой валюты, разумеется, на законных основаниях, но также и его практических последствий и что это должно быть вплетено в существующую финансовую систему.

Я не хотел бы слишком много говорить о причинах мирового кризиса, я думаю, что причина его схожа с причиной жилищного бума, и затем здесь имело место большое количество новшеств, которые создали этот очень специфический вид бума. Эти новшества включали множество видов финансового кредита:

- предоставление инвестиционных займов (был отменен закон Гласса – Стигала);
- секьюритизацию ипотечных кредитов;
- производные финансовые инструменты (деривативы);
- свопы кредитного дефолта;
- правила переоценки ценных бумаг на основе текущих котировок;
- различные ставки по ипотечному кредиту.

Я упомянул эти моменты, но рассуждать о них не буду. Хочу отметить возникновение весной 2007 г. кризиса субстандартных ипотечных кредитов, о котором уже тогда говорилось на заседании Международного валютного фонда, но было решено, что банковская система достаточно сильна, чтобы держать все под контролем в мировом масштабе. Оказалось, что это не так. Летом 2007 г. разразился мощный кризис ликвидности. Но он был быстро преодолен благодаря ис-

ключительным действиям со стороны Европейского центрального банка и Федеральной резервной системы (ФРС) США. В течение двух дней они выпустили новых денег на сумму около 250 млрд долл., и это решило проблему ликвидности, спровоцированную кризисом субстандартных ипотечных кредитов, но при этом сохранилась проблема банкротства отдельных крупных банков.

С 2002 г. до третьего квартала 2007 г. – самый замечательный период в мировой истории, когда экономики всего мира функционировали исключительно хорошо, располагали большим количеством ликвидных активов и проблем с ними не было. И тогда вопрос состоит в том, почему так случилось, что с учетом дополнительных ликвидных активов, выпущенных в оборот летом 2007 г., мировая экономика, начиная с экономики США, трансформировалась в глобальный финансовый кризис. Конечно, это не означает, что имеет место экономический кризис времен Великой депрессии: безработица не составляет 25%. Но за период после Великой депрессии это величайший финансовый кризис.

Уже в конце последнего квартала 2007 г. экономика США уменьшила рост ВВП с почти 5% в III кв. до менее 1%. Последующие два квартала характеризовались почти нулевым ростом, а затем банк «Bear Stearns»¹ ввел всех в заблуждение насчет того, что проблема решается, но масштабные приемы не обеспечили ожидаемого результа-

¹ Один из крупнейших инвестиционных банков и игроков на финансовых рынках мира. Акции «Bear Stearns» входят в фондовый индекс S&P 500. В августе 2007 г. банк оказался в центре кризиса ипотечного кредитования. В результате два хедж-фонда под его управлением потеряли на инвестициях в ипотечные облигации почти все деньги клиентов (1,6 млрд долл. США), что вызвало панику на фондовом рынке. 14 марта 2008 г. фирма объявила, что нуждается в срочном финансировании для исполнения обязательств по выплатам из-за продолжающегося в стране кредитного кризиса. ФРС и банк «JPMorgan Chase» согласились выделить дополнительное финансирование. Сразу после этой новости акции банка упали на 47%. 16 марта банк объявил, что принимает от «JPMorgan Chase» предложение о покупке за 236,2 млн долл., или по 2 долл. за акцию (14 марта акции «Bear Stearns» оценивались в 30 долл.). Такая низкая цена покупки могла свидетельствовать о наличии серьезных долгов у «Bear Stearns». – *Прим. ред.*

та. Произошло то, что во II кв. 2008 г. в американской экономике имел место смехотворный рост ВВП (2,8%). Выглядело это как начало подъема экономики, но во II полугодии мы получили самый разрушительный спад в финансовой сфере и сокращение, которое, как предполагается, происходило на протяжении уже двух кварталов.

Почему так произошло, что случилось в тот период? Обанкротился банк «Lehman Brothers»², и это было самым большим банкротством в мировой истории. Его активы в 6 раз превышали активы ранее обанкротившейся компании «Enron»³. Серьезная проблема заключается в том, что неожиданное банкротство банка «Lehman Brothers» вызвало огромный и все возрастающий спрос на денежную массу, и сколько бы денег ФРС ни вбрасывала в оборот, их оказывалось недостаточно, потому что оставался чрезмерный спрос на деньги, а доллар с ним не справился. Вопрос, который следует задать: что поставило под удар «Lehman Brothers» и почему ФРС позволила этому банку обанкротиться? Крах заключался в том, что «Lehman» был слишком крупным банком, чтобы обанкротиться, но несмотря на это, ФРС позволила ему обанкротиться. Это было невероятной ошибкой. Это подвергло риску другие организации и привело к реструктуризации AIG⁴.

Почему финансовый кризис, который уже ожидали, разразился именно тогда? Почему этот финансовый кризис не наступал целый год после того, как в августе 2007 г. была оказана помощь? Ответ такой: дефицит денег. В июле–сентябре цена доллара взлетела, а цена золота упала до 200 долл., – это два признака дефицита денег. Верно,

² Американский инвестиционный банк, добровольно признавший себя банкротом, задолжал 157 млрд долл. США 10 крупнейшим кредиторам. В основном речь идет о держателях облигаций (155 млрд долл.). – *Прим. ред.*

³ Банкротство энергетической компании «Enron» в 2001 г. стало крупнейшей корпоративной трагедией США. Исполнительного директора корпорации суд приговорил к 292 мес. тюрьмы (более 24 лет) за мошенничество в особо крупных размерах. – *Прим. ред.*

⁴ «American International Group, Inc.» (AIG) – один из мировых лидеров в сфере страхования и финансовых услуг, является ведущей международной организацией. Осуществляет свою деятельность более чем в 130 странах и юрисдикциях. – *Прим. ред.*

что процентные ставки были низкими и денежная экспансия была масштабной, но недостаточной, для того чтобы компенсировать рост спроса на денежную массу.

Возьмем курс доллара к евро. На 15 июля 2008 г. доллар равнялся 63 евроцентам, а на 27 октября стоимость доллара выросла на 30%. В то же время за эти два периода цена золота упала на 200 долл., и это два серьезных признака дефицита денежной массы. Таким образом, ФРС спровоцировала спад американской экономики, столь глубокий, что председатель ФРС заявил: до 2010 г. мы не выйдем из этой ситуации. Финансовый кризис еще больше усугубил проблемы ФРС, так как еще более увеличил чрезмерный спрос на деньги и породил дефицит денег в банковской системе, которая все это время разрушалась. Получается, что ФРС, скажем прямо, оконфузилась, прервала рост экономики и ввергла ее в рецессию. Это была общая ошибка ФРС и Казначейства США.

Множество вещей произошло в мире, этот кризис стал уже не только американским. Если вы посмотрите, что было год назад в США, в регионах Ближнего Востока и во всей Азии, то увидите огромный рост ликвидности, сверхприбыли и всеобщий успех. МВФ оказался в трудном положении, потому что не мог никому давать займы без угрозы стать банкротом. Следовательно, ему нужны были денежные средства. Но сегодня имеет место полное изменение направления, ставшее следствием масштабного и резкого прекращения снабжения деньгами и дефицита денежной массы.

Если посмотреть, как обесценились валюты других стран, то повезло тем странам, которые выпутались из этой ревальвации. Но это не главная тема, на которую я хотел порассуждать, а хотел я поговорить о теориях кризиса. Одни говорят о кризисе капитализма, другие – о глобальном неравновесии, о долларе как резервной валюте, о недорегулировании (это теория МВФ), о нестабильных валютных курсах и об отсутствии мировой валюты. По моему мнению, имеет место смесь всего вышеперечисленного, за исключением кризиса капитализма. Это был не кризис капитализма, это был кризис лидерства

в международной валютной системе. Системных провалов в ней не наблюдалось. Вспомним историю золотого стандарта, вспомним время действия Бреттон-Вудской валютной системы, и видно, что в период между войнами не было такого, чтобы существенно не учитывалось ошибочное восстановление цен на золото.

С тех пор как началось свободное колебание курса валют, мы имеем целую череду кризисов. Я особенно выделил бы период 1979–1982 гг., когда одновременно испытывали кризис банк «Savings» и ипотечные банки «Loan». А кроме того, был международный долговой кризис, который начался в 1992 г. и продлился целое десятилетие. Потом мы получили азиатский кризис. Азиатский кризис, начавшийся в 1994 г., был целиком вызван девальвацией юаня (курс доллара вырос с 5,8 до 8,7 юаней). Это первое. А вторым было обесценивание иены: в апреле 1995 г. доллар стоил 78 иен, потом его цена взлетела до 248 иен. Результатом стало то, что Япония прекратила осуществлять прямые иностранные инвестиции в Юго-Восточной Азии, и в обращении находились все эти валюты, которые подняли доллар на небывалую высоту, а сами не могли на ней удержаться.

Если мы вспомним историю, то увидим, что Рузвельт в первую же неделю пребывания в Белом доме закрыл банки и отменил золотое обеспечение доллара. А на следующий год он вновь ввел золотое обеспечение доллара, восстановив международную денежно-кредитную систему на уровне более высокой цены на золото. Это был правильный шаг. Президент Никсон в 1971 г. тоже отменил золотое обеспечение доллара, но затем разразился Уотергейт и он не вернул доллару золотое обеспечение, так что международная денежно-кредитная система не восстановилась. И мы остались с этой анархической системой, в которой нет системы. Нам действительно нужна была мировая валюта. Бреттон-Вудская система в самом деле не предусматривала мировую валюту, но введения такой валюты требовал как американский план, так и британский. В то время, в 1944 г., она не могла быть введена, так как это был год выборов. С американским электоратом сделать это тогда как следует было невозможно. Поэтому они подавили это наме-

рение. Но в 1968 г. они вернулись к мировой валюте, в которой особый статус (права контроля и влияния) имела SCR⁵, и она существует до сих пор, но никогда и не позволялось отказываться от мировой валюты, так как «возвращение в лоно» золотого обеспечения было прервано в 1999 г. Для того чтобы справиться с кризисом, нужны соответствующие стратегии:

- условия для повышения спроса;
- восстановление конкурентоспособности корпораций;
- восстановление банковской системы;
- стабилизация валютных курсов (мировые валюты, национальные валюты);
- кооперация и координация стратегий.

Итак, средством повышения спроса я бы предложил датированные ваучеры. Ваучеры могут быть реализованы в течение двух-трех месяцев. Они могут использоваться в качестве налоговых кредитов розничными торговцами и оптовыми продавцами. Это инструмент, впервые появившийся для увеличения расходов правительства, которые требуют большого объема планирования, и для сокращения налогов, которое предполагается постоянным. Не хотелось бы менять его каждый раз, когда происходит спад и нужно обеспечить эффективный спрос. Не хотелось бы менять систему сокращения налогов. Гораздо более гибким будет продолжать использовать этот инструмент.

Второе: не нужно рекапитализировать акции банков. Правительство США уже имеет долю в размере 35% во всех корпорациях и банках. Все, что требуется, – снизить эту долю до 15%. И этого будет достаточно для того, чтобы оздоровить американскую промышленность.

Третьим будет восстановление банковской системы. Правительство должно действовать энергично, с тем чтобы взять контроль над неплатежеспособными банками и реструктурировать их, а впоследствии реприватизировать.

⁵ Сейшельская рупия – денежная единица государства Сейшелы. Одна сейшельская рупия равна 100 центам. Международное обозначение – SCR. – *Прим. ред.*

Далее, стабилизирующие валютные курсы. Главным здесь будет стабилизировать соотношение доллара и евро, и сделать это можно будет, установив для евро диапазон между 1,2 и 1,3 и предусмотрев поддержку евро со стороны США, когда евро будет ниже 1,2, и поддержку доллара со стороны европейских центральных банков, когда евро превысит 1,4. Для национальных валют, там, где это только возможно, желательно хорошо закрепиться в мировой экономике, что и будет лучше для их стабилизации, чем таргетирование инфляции. Только представьте: в мире 185 стран – членов МВФ, у каждой своя собственная валюта, и все они осуществляют таргетирование инфляции. Представьте, какой получится хаос при таком большом количестве различных валют.

Следующий шаг – создание международной структуры, подобной комитету Волкера, так что у нас будет всемирная организация для макроэкономического регулирования в мировом масштабе. Я думаю, что это очень хорошая идея. Проект мировой валюты предполагает организацию международной исследовательской группы, которая должна разработать альтернативные пути создания мировой валюты.

Намечая основные принципы создания мировой валюты, надо говорить об этапах развития различных систем и различных подходах. Сформировалось два подхода к созданию мировой валюты: метод регионализации и метод доминантной валюты. Сделайте то, что сделала Европа, – она создала европейскую валюту. Азия может создать азиатскую валюту, Латинская Америка – латиноамериканскую и т.д. Возможна и евразийская валюта. Если глобальный метод не сработает, я бы выбрал этот метод. Вторым является метод доминантной валюты. Это то, что мы имеем с использованием доллара как доминантной валюты. Другой вариант – метод драгоценных металлов, применение золота или серебра и т.д. Также существует метод международной денежной единицы.

Так вот, что касается регионального подхода, я не думаю, что его легко будет реализовать, потому что это трудно в политическом отношении. Для того чтобы создавать политические союзы, так или иначе,

нужны географические единицы. Вы можете иметь валютную зону. Она может стать жизнеспособной и не являясь зоной безопасности, зоной, свободной от военных конфликтов. Понадобятся договоры о защите между странами, которые захотят войти в эту валютную зону, а это очень трудно сделать.

В ситуации дефолта используется доминантная валюта. Если ничего не предпринимать, то и в следующем периоде эту роль будет выполнять доллар. Мне приходится говорить об этом как о наиболее вероятном развитии событий, потому что было очень трудно сделать так, чтобы G20 организовала или предприняла что-нибудь до того, как система рухнула в 1971 г., и нелегко было отказаться от мировой валюты. Целых два года было потрачено на совещания, 620 человек занимались разработкой параметров мировой валюты и не смогли этого сделать, потому что, как я полагаю, пытались создать систему, которая бы подходила для всех стран, так что для всех стран действовали бы одинаковые правила, тогда как страны существенно различались и по размерам, и по политическому устройству. На мой взгляд, в рамках тщательно продуманной мировой валютной системы просто невозможно, чтобы были одни и те же правила для США и для какого-нибудь небольшого островного государства. Это несправедливо. Это «якорный» долларово-золотой стандарт был эффективным в рамках Бреттон-Вудского соглашения.

Следующий момент – всемирный золотой стандарт. Для того чтобы иметь такую же ликвидность, как сейчас, нужно, чтобы цена золота составляла 7 тыс. долл. Это необсуждаемо, по крайней мере касательно ближайшего будущего. Золотой стандарт в том виде, в каком мы его знали раньше, был великим изобретением. Великий ум предложил миру единство денежной системы без политической интеграции. Это то, что сейчас вы можете иметь у себя. Вы можете организовать это применительно к вашим бумажным деньгам, включиться в мировую валютную систему на основе бумажных денег, не вступая в тесную политическую интеграцию, так как у вас завышенная стоимость ценных бумаг.

В качестве мировой денежной системы я предложил систему INTOR. Предлагались и другие названия для мировой валюты: BANCOR (предложил Кейнс в 1943 г.), UNITAS (Гарри Декстер Уайт, 1943 г.), MONDOR (Джейкоб Вайнер, 1944 г.), SDR (Международный валютный фонд, 1967 г.).

Возможно, мы назовем ее международной валютной единицей (International Monetary Unit). Разработайте небольшой базовый набор, состоящий из двух-трех валют, и решайте, включать ли в него либо, наоборот, исключить из этого набора такие товары, как золото или нефть, а затем реализуйте три этапа денежной реформы, разработайте основные принципы и т.д., и у вас будет набор валют SDR. Затем, отталкиваясь от SDR, перейдите к INTOR – окончательному варианту. Все страны внесут вклад в мировую денежную систему, так что каждая страна независимо от ее размера будет иметь в ней свою долю. Существует три стадии денежно-кредитной реформы:

- конвергенция DEY (доллар – иена), обменные курсы и валютная политика G3;
- использование DEY как платформы, возможно с золотом, для мировой валюты INTOR;
- создание INTOR и ее ратификация Советом управляющих Международного валютного фонда.

Чего мы могли ожидать от валюты INTOR? Во-первых, это единственная единица, на основе которой можно устанавливать цены. Во-вторых, это общая единица для определения размера долгов. В-третьих, на ее основе можно рассчитать общий темп инфляции для участвующих в этой системе стран. В-четвертых, она обеспечивает общую заинтересованность в надежных активах. В-пятых, она поддерживает мировой бизнес-цикл.

Вероятность того, что введение мировой валюты может произойти в последующие 10–15 лет, не более 30%. Или же мы будем работать на перспективу в том, что касается регионального подхода, и постараемся сделать основные валютные курсы менее нестабильными.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Э. Фелпс

Лауреат Премии по экономике памяти Альфреда Нобеля

*Центр по изучению капитализма и общества при Колумбийском
институте Земли (США)*

Аннотация

Автор статьи считает, что первопричиной экономического спада, в котором находятся многие страны мира, стало снижение цен на жилищном рынке США и Англии. В статье названы факторы, вызвавшие финансовый кризис, и показаны направления выхода из него.

Ключевые слова: экономический спад, финансовый кризис, рынок жилья, занятость, банки, кредиты, спрос, капитал

Abstract

In the author's opinion, the origin of the economic recession taking place in most countries resides in the house price crashes happened in the USA's and UK's housing markets. The financial crisis has been caused by many factors, which are analysed here. Some ways of how to manage the crisis are presented too.

Keywords: economic recession, financial crisis, housing market, employment, banks, credit, demand, capital

Финансовый кризис, переживаемый Соединенными Штатами и Великобританией, вносит основной вклад в экономический кризис, в котором сегодня находится вся мировая экономика. Финансовый кризис разразился, когда лопнул «пузырь» спекуляций с ценами на жилищном рынке этих стран. Ряд факторов этот кризис усилили. Может статься, что финансовый сектор в конце концов сам себя вылечит. Тем не менее я буду утверждать, что для того чтобы вновь достичь сколько-нибудь

нормального уровня экономического процветания, необходимо (а возможно, и достаточно) перестроить финансовый сектор.

Развитие кризиса мне видится в направлении, которое можно назвать структурным в отличие от кредитно-денежного направления. На мой взгляд, начавшийся спад занятости вызван не «дефицитом совокупного спроса» и не ошибкой в политике центральных банков, из-за которой процентные ставки остались слишком высокими. Я бы сказал, что повышение долгосрочной процентной ставки в США за последние несколько месяцев означает усиленное беспокойство по поводу того, что нарастающая инфляция уже на подходе. Превышение процентных ставок по долговым обязательствам по сравнению с защищенными от инфляции государственными облигациями также указывает на ожидание инфляции.

Спекуляции в сфере жилищного строительства имели несколько источников. Низкие процентные ставки, обусловленные высокими ставками сбережения в Германии, Китае и многих ближневосточных странах, вызвали приток капитала в США. Банкам не хватило опыта, чтобы включиться в масштабную программу по кредитованию бизнес-сектора. Вместо этого банки направляли все увеличивающийся капитал в активы, которые были им знакомы, — в закладные, главным образом в ипотеку.

Одновременно с увеличением предложения кредитов возрастал и спрос на них. Государственной политикой в конце 90-х годов стало поощрение роста числа домовладельцев не только стимулированием увеличения кредитования сектора жилищного строительства, но и стимулированием домохозяйств брать ссуды, для того чтобы покупать жилье. Обусловленный этим рост цен на жилье повлек за собой спекуляции, так что в ближайшем будущем просматриваются даже более высокие цены. Перекупщики недвижимости воспользовались предоставляемыми государственным законом гарантиями, чтобы получить ипотечные кредиты и с их помощью купить жилье, ожидая в будущем повышения цен на него.

В конце концов сами банки оказались втянутыми в спекуляции. В нынешнем десятилетии ситуация все более жестко заставляла банки всего мира искать возможности выгодного кредитования: действовал закон убывающей доходности. Разумным ответом на это, и он в интересах держателей акций, было бы притормозить их кредитование. Вместо этого они продолжали кредитоваться бешеным темпом — использовали кредиты для увеличения своего небольшого капитала путем заимствования дополнительных средств, с тем чтобы брать до-

полнительные займы. И банки снизили свои стандарты. В результате банки стали крайне уязвимыми в ситуации, когда падают цены на жилье, и начали снижать цены на жилищные кредиты.

Кризис заставил банкиров предпринимать все, что только возможно, чтобы защитить себя от банкротства и потери работы. Одной из мер было резкое сокращение объемов кредитования. Образовавшееся в итоге «ограничение кредита», когда для большинства заемщиков получить кредит становится трудно или невозможно, является основным признаком финансового кризиса. Последствием ограничения кредита стало падение цен на любые активы, а не только на жилье.

Что произойдет, когда мы достигнем дна? И что должны сделать правительства для того, чтобы выход из кризиса был эффективнее? Даже если большинство банков переживут кризис и расправят свои «кредитные плечи», они продолжают существовать только на минимальном уровне (выдавая кредиты). Тогда-то и откроется возможность для создания новых банков. Однако в лучшем случае этот процесс займет несколько лет, даже если будет помощь со стороны государства. Но хотим ли мы вернуть уже знакомую нам банковскую систему? Есть ли выгода в возвращении ипотечного кредитования? Если нет, то что тогда?

Возможно, новые банки волеются в систему ипотечного кредитования и бизнес-сектор. Но имеет место некоторая недоговоренность относительно того, что сокращается активность бизнес-сектора как в США, так и в Европе. В 1990-х годах минимальный уровень предложения со стороны молодых компаний составлял 350 единиц товара в год, а сейчас он снизился до 50 единиц. Капитал фирм Силиконовой долины сокращается с каждым днем. Поэтому мне кажется, что возвращение к нормальному уровню экономического процветания потребует строгого контроля финансового сектора (уровень безработицы необходимо снизить до 6%). Правительству придется оказывать помощь в создании нового типа банков – банков, которые смогут обслуживать бизнес-сектор посредством выдачи кредитов компаниям для долгосрочного финансирования инноваций. Эта помощь со стороны правительства может быть в форме субсидий, с тем чтобы уменьшить расходы банков, либо же в форме правительственных вкладов в государственные банки.

Становится очевидным, что единственный способ вернуться к экономическому процветанию необходимых сфер банкинга – инвестирование и инновации.

КРИЗИС КАК СЛЕДСТВИЕ РАЗВИТИЯ МИРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ

А.С. Липин

ИЭОПП СО РАН, Новосибирский государственный университет

Аннотация

Мировой кризис анализируется как естественное последствие построения мировой финансовой системы. Обосновывается вывод, что главная его причина заключается не в отсутствии финансового регулирования, а в низком его качестве и в принципиальной невозможности справедливой оценки в сфере рынка рисков. Взаимоувязываются архитектура мировой валютной системы и глобальные дисбалансы.

Ключевые слова: финансовый кризис, деривативы, глобальная ликвидность, валютная система, риск

Abstract

The author considers the world crisis as the natural consequence of the structure of the world financial system, and concludes that the prime cause of the crisis resides not in the lack of financial management but in its low quality as well as in principal impossibility to assess properly any cover on risk. The structure of the world currency system and global disbalances, as the author sees, are interdependent.

Keywords: financial crisis, derivatives, global liquidity, currency system, risk

РАЗВИТИЕ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ

Любое экономическое явление – сложный процесс, и для его понимания необходимо рассмотрение его под разными углами зрения. В не меньшей степени это относится к такому явлению, как кризис,

тем более кризис мировой. Учитывая то, что кризис в первую очередь разразился в финансовой сфере, в ней и следует искать его причины. И начало отсчета надо вести не с осени 2007 г., а с периода Первой мировой войны, которая привела к краху Парижскую валютную систему, больше известную под названием «золотой стандарт». Причины были классические: большие расходы правительств, форс-мажорные обстоятельства и проч. Следующей системой стала Генуэзская валютная система¹, уже не золотой стандарт с безусловным обменом любого количества бумажных денег на золотой эквивалент, но еще сохранение прямой привязки к золоту. Просуществовала эта переходная система недолго – с 1922 по 1936 г.

После Второй мировой войны на Западе были созданы механизмы функционирования международной финансовой системы на основе привязки валют к американскому доллару, который, в свою очередь, обменивался на золото в фиксированном соотношении. Это Бреттон-Вудская система, или так называемый золотовалютный стандарт. Причина ориентации на доллар США – наибольший запас золота (22 тыс. т) в этой стране, самая сильная, не разрушенная войной экономика и амбиции мировой державы. Таким образом, с 1947 г. США стали эмитентом долларов, принимаемых остальными странами в качестве мировой резервной валюты.

США были обязаны эмитировать доллары для обеспечения растущего объема международной торговли, но соответствующего количества золота не хватало, поэтому доллар условно обесценивался². С другой стороны, в 1950-х годах положительный платежный баланс

¹ Золотодевизный стандарт – обмен бумажных денег на золотые слитки.

² В 1964 г. Р. Триффин сформулировал противоречие любой золотовалютной системы, которое впоследствии получило название «дилемма Триффина»: для того чтобы обеспечить центральные банки других стран необходимым объемом ликвидности для формирования валютных резервов, необходимо, чтобы в стране-эмитенте был дефицит платежного баланса. Однако дефицит платежного баланса подрывает доверие к валюте и снижает ее ценность в качестве резервного актива. Как указывал Триффин, и это же отмечают современные экономисты [1], со временем возникнет необходимость урегулировать эти требования посредством значительного снижения курса доллара, которое может носить неупорядоченный, хаотический характер.

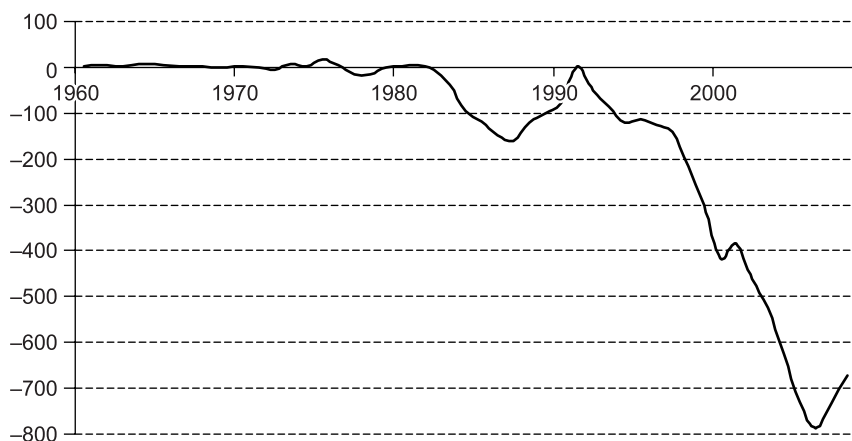

Рис. 1. Дефицит счета текущих операций США в 1960–2008 гг., млрд долл.

Источник: Бюро экономического анализа США [2]

США привел к дефициту долларов во всем мире, так как отсутствие адекватных резервов оказалось достаточно серьезной проблемой. Устойчиво отрицательным счет текущих операций США, исключая первый срок президентства Б. Клинтона, стал с середины 1980-х годов (рис. 1).

Другой момент связан с тем, что страна – эмитент якорной международной валюты может увеличивать национальный долг, выпуская государственные облигации, номинированные в собственной валюте, и погашает их также собственной валютой, которую всегда можно эмитировать. Наличие подобного рычага – безусловный стимул к наращиванию государственного долга, что на примере США видно предельно отчетливо (рис. 2).

Принимая во внимание отмеченные соображения, в конце 1960-х годов национальные правительства, и первым здесь было правительство Франции, начали обмен наличных долларов на золото по обозначенному фиксированному курсу. После того как золотой запас США сократился на 63%, президент Р. Никсон в августе 1971 г. окончательно отменил золотовалютный стандарт. Дополнительно к этому нефтя-

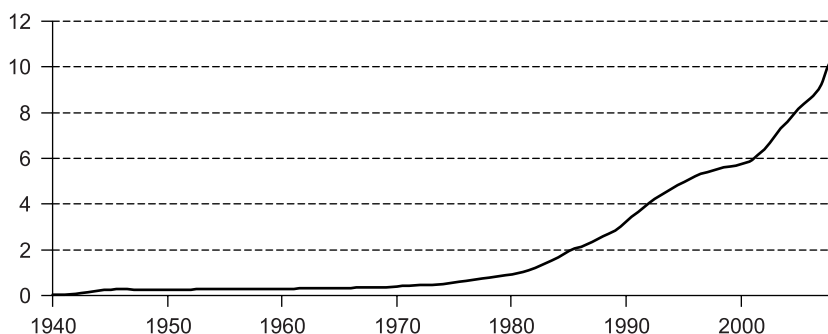

Рис. 2. Государственный долг США в 1940–2008 гг., трлн. долл.

Источник: Казначейство США [3]

ное эмбарго ОПЕК в 1973 г. сделало очевидным полномасштабный мировой валютный кризис, назревавший в течение более чем 30 лет.

Новая, Ямайская, валютная система была создана в 1975 г. и основана на многовалютном стандарте и плавающих валютных курсах. При этом доллар США сохраняет свои позиции в качестве международного средства обмена и главное место в валютных резервах многих стран. США продолжают эмитировать доллары, в обмен на которые получают международные инвестиции. Эта ситуация, отражаясь на макропоказателях, проявляется в «двойном дефиците»: дефиците государственного бюджета США и дефиците счета текущих операций. В такой ситуации страна – эмитент валюты будет являться чистым должником. По итогам 2009 г. государственный публичный долг США составил более 85% ВВП и имеет тенденцию к дальнейшему росту.

Отметим, что любая другая страна, оказавшись на месте США, почти наверное проводила бы похожую политику, эмитируя необходимые международной экономике денежные средства вне зависимости от того, обеспечены ли они или нет реальным производством, золотом и проч. Многие другие страны также имеют дефицитные счета, – это Великобритания, Греция, Испания, Италия, Португалия, страны Центральной и Восточной Европы. Более того, сейчас принципиально невозможна остановка механизма, в рамках которого США, эмитируя доллары, привлекают инвестиции со всего мира

и потребляют до трети производимых благ. При исчезновении из мировой системы подобных потребителей она перестанет работать, так как настроена на обеспечение повышенного потребления со стороны западных стран. Произойдет падение спроса на сырье, конечную продукцию, и во всех странах-экспортерах начнется невиданная в мировых масштабах депрессия.

Итак, к первому классу причин кризиса относится валютная: после отмены привязки к золоту для Федеральной резервной системы (ФРС) и правительства США больше не существовало препятствий для финансирования государственных расходов и потребления за счет эмиссии долларов и их последующего трансфера в мировую экономику.

ФАКТОРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЛИКВИДНОСТИ

К следующему классу причин кризиса относятся так называемые факторы глобальной ликвидности и глобальных дисбалансов. В качестве определения понятия «глобальные дисбалансы» примем трактовку МВФ [4]: это совокупность дефицитов и профицитов счета текущих операций, которые накапливались в мировой экономике с конца 1990-х годов. Устойчивые дефициты западных стран мы описали на примере США. Крупные профициты наблюдаются в странах Азии (Китай, Япония, страны Восточной Азии) и странах – экспортерах нефтегазовых ресурсов.

Профициты в последнее время активно формируются в суверенные фонды. Если в 2000 г. суверенных фондов было 22 и принадлежали они в основном развивающимся странам, то в 2009 г. их уже 49, причем у некоторых стран их несколько в зависимости от направлений инвестирования. Многие из фондов сегодня принадлежат развитым странам (Франции, Австралии, Ирландии, Южной Корее, Канаде и др.), хотя по объемам фондов на первом месте развивающиеся страны (см. таблицу).

Общий объем активов фондов – 3,8 трлн долл. США, что составляет 6% мирового ВВП. При этом 60% объема формируется за счет нефтегазовых доходов. Отметим, что российский фонд национального благосостояния и резервный фонд занимают восьмое место.

Крупнейшие суверенные фонды*

Страна	Активы, млрд долл. США	Доля в общем объеме активов, %
Китай	922	24
ОАЭ	677	18
Норвегия	445	12
Саудовская Аравия	431	11
Сингапур	370	10
Кувейт	203	5
Россия	168	4
Прочие страны	604	16

* Данные на конец 2009 г. Методика расчета объемов суверенных фондов включает в себя только профицит бюджета без учета резервов центрального банка. Для России это означает, что из общего объема золотовалютных резервов ЦБ на 1 декабря 2009 г. – 448 млрд долл. фонды правительства составляют 168 млрд, а активы ЦБ – 280 млрд долл.

Источник: Sovereign Wealth Fund [5].

Формирование устойчивых профицитов можно объяснить следующими факторами:

- перемещение производства в страны с низкими издержками, что стимулировало рост доходов от экспорта, в рамках моделей развития, опирающихся на заниженные обменные курсы и накопление резервов [6];
- сокращение инвестиций и резкое увеличение сбережений странами Азии после азиатского кризиса 1997 г.;
- стерилизация экспортных доходов для снижения инфляции (рекомендации МВФ);
- формирование резервных фондов для сохранения валютных курсов и макроэкономической стабильности (рекомендации МВФ);
- повышение уровня бюджетного дефицита США и развитых стран;
- сокращение сбережений населения;
- высокая ликвидность финансовых активов США и развитая система защиты инвесторов [7].

Касательно российской практики формирования суверенных фондов официальная точка зрения заключается в том, что пока отечественная экономика является экспортером сырья, а бюджетные доходы зависят от циклов на товарном рынке, такие фонды России необходимы. В противном случае колебания бюджетных доходов и расходов будут перманентным источником макроэкономической нестабильности.

Другой фактор, формирующий глобальную ликвидность, – низкая стоимость заимствований, что связано с монетарной политикой ФРС. Современные рекомендации по преодолению кризисов заключаются в том числе и в стимулировании кредитной активности, что, в свою очередь, активизирует спрос и производство. Общеизвестные меры – снижение процентных ставок и предоставление ликвидности, причем в первую очередь именно снижаются ставки.

Резкое повышение и последующее снижение учетной ставки ФРС США П. Волкером для преодоления стагфляции 1970-х годов было затем продолжено для стимуляции экономического роста (рис. 3). Последние 14 лет ставка ФРС оставалась в диапазоне от 1 до 6,5%, ее изменение отображало исключительно инфляционные риски. Низкие ставки по доллару вместе с эмиссией долларов для финансирования бюджетного дефицита США привели к ускорению роста денежной массы с 3% в год (1987–1995 гг.) до 6% в год (1995–2008 гг.). В связи с тем, что США являются мировым эмиссионным центром, с конца

Рис. 3. Учетная ставка ФРС США по 10-летним облигациям в 1960–2009 гг., %

Источник: Bloomberg Finance L.P. [8]

1980-х годов началось устойчивое снижение стоимости денег в Европе и остальном мире.

Таким образом, глобальные дисбалансы – это часть мировой финансовой системы, характеризующаяся низкими процентными ставками и большими притоками капитала в банки США и Европы. Подобное сочетание факторов с неизбежностью должно стимулировать повышение левериджа, погоню за доходностью, создание более рискованных активов и вздувание цен на жилье в США и других странах с развитой экономикой.

Решений проблемы глобальных дисбалансов в настоящий момент нет, так как для изменения направленности текущих мировых финансовых потоков необходимы тектонические изменения всей системы. Например, для того чтобы развивающиеся страны инвестировали в меньшей степени, у них должна увеличиться предельная склонность к потреблению. Безусловно, ожидаемый рост душевого потребления в развивающихся странах – процесс естественный, но не быстрый, а снижение потребления в развитых – весьма болезненный. Поэтому в ближайшей перспективе потоки капиталов значимо не изменятся.

ФИНАНСОВЫЕ ИННОВАЦИИ

Появление больших объемов капитала при его исторически низкой стоимости могло привести к раскручиванию инфляционных спиралей во всех отраслях мировой экономики при попадании этих потоков на реальные рынки товаров и услуг. На рис. 4 показана динамика индекса мировых сырьевых цен и отчетливо видны периоды взрывного роста, после которого цены нормализуются к начальным уровням.

Большие объемы средств и спрос на финансовые инструменты породили предложение различного рода синтетических инструментов. С конца 1980-х годов стали активно развиваться производные финансовые инструменты (деривативы), которые связали объем денежной массы, при этом значительно ее увеличив. Это – опционы³, появивши-

³ Опцион – контракт, в рамках которого один контрагент предоставляет другому право купить или продать определенный актив в определенный момент времени по оговоренной цене.

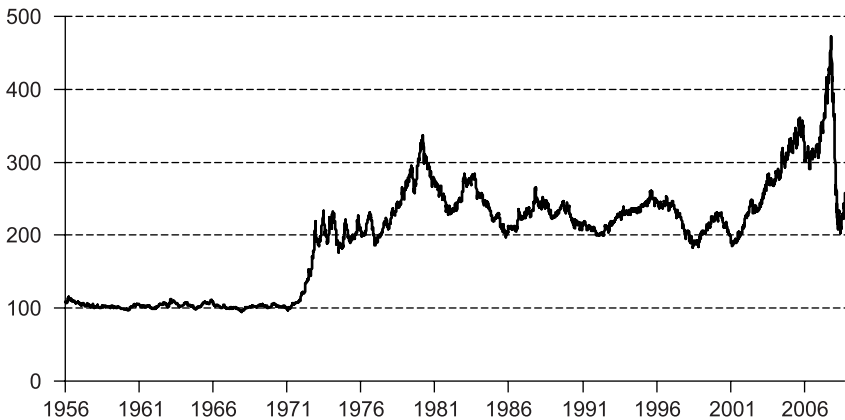

Рис. 4. Динамика индекса сырьевых цен REUTERS/JEFFERIES в 1956–2009 гг.

Источник: Blooming Finance L.P. [8]

еся в конце 1980-х, свопы кредитного дефолта (CDS⁴), изобретенные в середине 1990-х, и механизмы секьюритизации активов (CDO⁵), получившие распространение в начале 2000-х годов.

Рынки деривативов, созданные для страхования и распределения рисков, эмитируют множество ценных бумаг в рамках покрытия рисков любых контрактов. В некотором смысле их можно рассматривать как еще один механизм эмиссии ликвидности, так как ценные бумаги котируются на рынке и обладают стоимостью. Однако в отличие от банковской эмиссии, когда объем выданных кредитов ограничивается нормой резервирования, рынки CDS, например, не имеют подобного регулирования и объем выпущенных бумаг для страхования того или иного случая банкротства может в несколько раз превышать стоимость

⁴ CDS (credit default swap) – кредитный дериватив, согласно которому покупатель уплачивает премию продавцу, который берет на себя обязательство погасить выданный покупателем кредит третьей стороне в случае невозможности погашения кредита должником.

⁵ CDO (collateralized debt obligation) – ценная бумага, обеспеченная пулом из различных типов долговых инструментов, выпущенных в рамках сделок по секьюритизации.

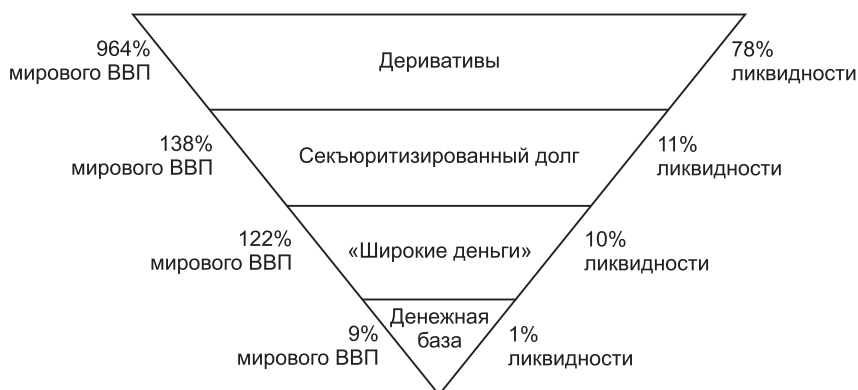

Рис. 5. Структура мировой ликвидности в 2008 г.

Рассчитано автором по данным Банка международных расчетов [9] и компании Independent Strategy [10]

активов банкрота. Подобный спекулятивный характер деривативов привел к экспоненциальному росту их объемов. Объем рынка производных финансовых инструментов только за период 2002–2008 гг. вырос в 5 раз. А к концу 2008 г. объем реальных денег и синтетических финансовых инструментов превысил мировой ВВП почти в 10 раз (рис. 5).

Изобретение уже упоминавшихся механизмов секьюритизации позволило смешивать в одной бумаге риски различных отраслевых рынков, что привело к переходу спекулятивной активности на рынок реальных активов. Резкий рост средних сырьевых цен (см. рис. 4) в основном объясняется именно этим фактом, а отнюдь не ростом спроса со стороны развивающихся стран и проч. Динамика, аналогичная представленной на рис. 4, проявляется на рынках нефти, металлов, зерна, жилья и любых других товаров, торгуемых на биржах и секьюритизированных.

Другим моментом, касающимся финансовых инноваций, является оценка рисков. Создатели деривативов предполагали, что повсеместное внедрение связки CDO и CDS позволит, во-первых, распределить риск среди множества рыночных агентов, а во-вторых, создать линейки бумаг с заданным уровнем риска. Теоретически подобные построения работают в предположении низких вероятностей негативных со-

бытий и отсутствия системного кризиса. Действительность показала массу недостатков такого представления.

Смешивание риска различных отраслей экономики в одной бумаге (CDO) очевидно является диверсификацией, и если подобные бумаги равномерно распространить среди инвесторов, то негативные явления, даже если они произойдут, незначительно отразятся на каждом рыночном агенте. По сравнению с ситуацией классического банкротства это безусловное улучшение, так как потери равномерно распределяются не по группе лиц, а по всей экономике.

Однако в реальности произошло не равномерное распределение риска, а концентрация риска в нескольких крупных инвестиционных банках и компаниях (AIG, «Goldman Sachs», «Lehman Brothers», «Washington Mutual», «Wachovia» и др.), что привело к появлению субъектов, получивших название «слишком больших, чтобы упасть» (Too-Big-to-Fall, TBTF). Массовое банкротство подобных организаций могло привести к краху мировой финансовой системы, поэтому правительства всех стран начали помогать своим банкам. Данный феномен имеет свое название – «moral hazard», т.е. синдром безнаказанности, когда институты знают, что в критической ситуации им помогут, и поэтому идут на больший риск.

Большинство экономистов считают, что не стоило поддерживать субъектов TBTF. Например, лидер чикагской школы, сторонник гипотезы эффективного рынка Ю. Фама утверждает: «Мы столкнемся с жесточайшей проблемой отрицательного отбора. Правительство должно было отойти в сторону и позволить крупным финансовым институтам обанкротиться. А теперь проблемы, порожденные вмешательством властей, в обозримом будущем не решить» [11]. Последствия «moral hazard» ложатся на плечи налогоплательщиков. Безусловно, наиболее разумный вариант – не доводить субъектов до размера TBTF, в этом случае их банкротство не вызовет эффект домино. В текущей же ситуации, при существовании TBTF, в качестве варианта можно организовать упорядоченные банкротства: объявить о реструктуризации долга через временное приостановление выплаты процентов и о возвращении держателям облигаций 50% их денег.

Создание линейки бумаг с заданными рисками, отделение рисков от доходности с помощью CDS также оказались неудачными мерами. И в первую очередь в фундаментальном смысле. В настоящее время оценка риска на практике в той или иной мере связана с анализом отклонений котировок актива от среднего уровня. При этом прочие составляющие риска не учитываются, так как многие из них не операционализируются в принципе. Именно поэтому оценка уровня риска синтетических бумаг (CDS в связке с CDO), проводимая рейтинговыми агентствами («Fitch», «Moody's» и «Standard & Poor's»), оказалась несостоятельной и не защищенной от системного риска. Ожидание того, что рыночные котировки CDS будут адекватно отражать риск дефолта соответствующего субъекта, также не оправдалось, так как спекуляции на рынке привели к образованию «пузырей» и заниженным оценкам рисков.

Третьим серьезным недостатком CDS является отсутствие клиринга, – это как раз то свойство, которое позволило Дж. Соросу назвать CDS оружием массового поражения. По своей сути CDS – страховка, однако в отличие от страхового рынка рынок CDS не регулировался, что позволило инвестиционным банкам выпускать неограниченное количество CDS, создавая ситуации, когда страховые выплаты могликратно превышать стоимость активов не только дефолтного агента, но даже самого банка – эмитента CDS.

Итак, изобретение сложных финансовых производных на первом этапе дало возможность использовать огромную денежную массу, не связанную с реальной экономикой, в финансовой сфере, иначе этот денежный навес сразу привел бы к международной инфляции. В дальнейшем с использованием CDO многие риски сконцентрировались у нескольких рыночных агентов, что резко снизило надежность системы против случая цепного банкротства и привело к образованию субъектов TBTF, а оценка риска на основе котировок CDS и рейтинговых агентств давала заниженные значения. Поэтому из-за недостатков управления рисками в крупных организациях, составлявших ядро глобальной финансовой системы, наряду с упущениями в сфере финансового регулирования и надзора развитие механизмов финансовой инженерии привело к ажиотажному росту спекулятивной активности, увеличению виртуальной денежной массы и появлению «пузырей» на

рынках всего спектра биржевых товаров. Однако если введение клиринга решит часть проблем, то оценка риска может быть сделана только на основе рыночных котировок CDS и оценок рейтинговых агентств. А здесь всегда присутствует риск спекуляции на рынке и формирования очередного «пузыря», так как для выявления «пузырей» и спекулятивной активности эффективных инструментов не существует.

Появление «пузырей» в текущей финансовой архитектуре – явление естественное. А кризис 2007 г., начавшийся на рынке ипотечных закладных США, – звено в цепи последовательных событий. Для домохозяйств США, финансирующих свое потребление за счет кредитования, хорошая кредитная история является одним из самых важных показателей. Среди всех кредитов важную роль играет ипотека, невозврат которой закрывает множество возможностей будущего кредитования. Поэтому доверие к ипотечным кредитам высокое. Объем рынка ипотечных закладных США составляет 13 трлн долл., что больше ВВП страны. Благодаря механизмам CDO и CDS ипотечные закладные были включены в массу финансовых инструментов, находящихся на балансах различных финансовых структур.

Влияние потоков глобальной ликвидности на образование «пузырей» схематично показано на рис. 6. Отметим, что данная схема построена для США, однако работает и для любой другой страны – эмитента резервной валюты. Кредитный «пузырь» позволяет осуществлять сверхпотребление товаров и услуг относительно уровня, определяемого национальным доходом. Следствием этого, с одной стороны, являются дефицитный счет текущих операций США (см. рис. 1) и одновременно профицитные счета стран-партнеров, что ведет к росту национальных золотовалютных резервов, образованию «пузырей» на национальном валютном рынке и т.д. С другой стороны, формирование суверенных фондов и золотовалютных резервов центральных банков требует наличия инструментов финансирования, которые в любом необходимом объеме предоставляются на «пузырящемся» кредитном рынке США посредством производных финансовых инструментов.

Процесс этот саморазвивающийся в увеличивающихся масштабах, что, по утверждению Дж. Сороса, всегда ведет к саморазрушению. Действительно, обилие денег, дешевые кредиты и развитие рын-

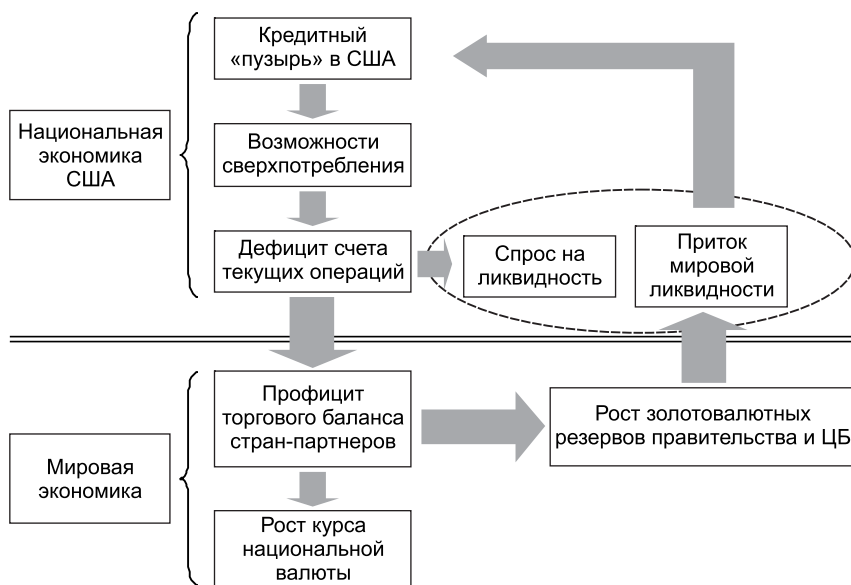

Рис. 6. Международные потоки ликвидности

ка деривативов привели к тому, что к концу 2006 г. в США из-за чрезмерного строительства в 2002–2005 гг. началось снижение цен на жилье. Стоимость ипотечных бумаг начала резко падать, заемщики, рассчитывавшие на дальнейший их рост, стали нести потери, начались масштабные невозвраты кредитов. Банки, и не только в США, уже не смогли расплачиваться по своим обязательствам.

Паника, случившаяся на рынке жилья США в 2007 г., породила волну недоверия к финансовым инструментам (из-за обезличенности механизма CDO+CDS) и стала началом мирового кризиса, который включал следующие этапы:

- переоценка активов (в первую очередь ипотечных закладных);
- рост рискофобии и кризис доверия;
- сжатие мировой ликвидности, локальные всплески и рост процентных ставок;
- снижение доступности к кредитным рынкам для корпораций;

- отсутствие оценки реального баланса финансовых структур;
- массовые распродажи активов, падение фондовых рынков.

Массовому переводу синтетических финансовых инструментов в ликвидность правительства всех стран противопоставили масштабную денежную эмиссию – механизмы количественного и качественного смягчения (QE и SE). Для того чтобы остановить падение производства и спроса, были предложены инфраструктурные программы и программы по стимулированию спроса. Сценарий, которого некоторые опасались, – широкомасштабное бегство от активов США и внезапное падение курса доллара не стал реальностью, отчасти из-за того, что бегство от риска на фоне усиливающихся глобальных финансовых потрясений вызвало всплеск спроса на государственные ценные бумаги США. Доллар вновь существенно укрепился с сентября 2008 г., по мере того как углубляющийся кризис все шире распространялся на другие страны.

Сейчас ситуация находится в неустойчивом равновесии. Масштабное предоставление ликвидности, низкие процентные ставки – все это помогает выйти из кризиса при низком уровне инфляции. Однако развитие инфляционных процессов резко уменьшит эффективность программ, чего прежде всего и опасаются регуляторы, так как сокращение мер по стимулированию экономики может привести ко второй волне кризиса.

В неравновесии находятся банки. «Пузыри» на рынках инвестиционных товаров привели к резкому сокращению мировой капитализации банковской системы. По оценкам МВФ и «Goldman Sachs», потери в США составили 1 трлн долл. и могут достигнуть 2 млрд долл. [12]. По оценке Н. Рубини, общие потери по займам американских финансовых фирм, а также обвал на рынке стоимости активов могут достигнуть 3,6 трлн долл. [13]. Подобная ситуация наблюдается с банками Европы. Именно по этой причине банки накапливают на балансах беспрецедентное количество ликвидности (рис. 7). Однако улучшение ситуации в мировой экономике приведет к перетоку этой ликвидности в реальный сектор, что может обернуться двузначными цифрами инфляции во всем мире.

В близкой ситуации баланса между банкротством и техническим дефолтом находится множество инвестиционных фондов. Строитель-

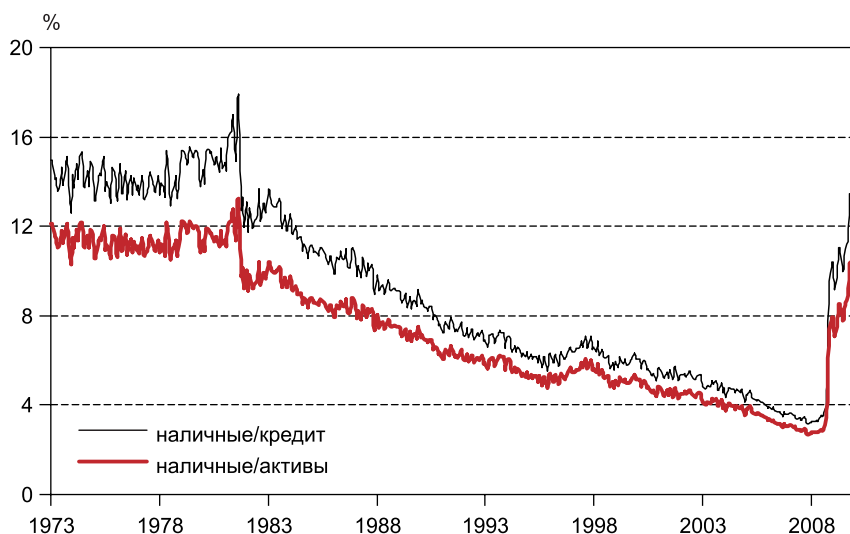

Рис. 7. Банковские показатели США в 1973–2010 гг.

Источник: ФРС США [14]

ный фонд Дубая (технический дефолт в декабре 2009 г.) — только одна из иллюстраций. Суверенные дефолты также не являются неожиданностью. В первую очередь это может коснуться стран Восточной и Южной Европы. Как долго власти тех стран, которые оказались в наибольшей степени поражены кризисными явлениями, смогут продолжать осуществлять эту стратегию по спасению национальных экономик — большой вопрос. Бюджетные дефициты многие считают колоссальной угрозой для экономик наиболее развитых государств мира.

* * *

Причины кризиса лежат намного глубже, чем просто решение проблем рынка ипотечных закладных или организация мониторинга и регулирования рынка деривативов. Ряд причин заложен в архитектуру мировой финансовой системы, и косметические меры решениями не являются. Финансовая глобализация разрушила старые правила: столкновение

американского пути развития финансовой системы с азиатским (в первую очередь китайским) образовало взрывную смесь. Отсутствие защитных механизмов, предотвращающих развитие глобального перенасыщения ликвидностью, в комбинации с ошибками в регулировании порождает спекулятивный экспоненциальный рост рынков, после чего происходит масштабный обвал. Все это сочетается с отсутствием эффективных международных механизмов контроля для предотвращения распространения кризиса. Итак, прежний этап завершен, а каким будет новый – вопрос не столько к экономистам, сколько к политикам.

Литература

1. **Obstfeld M., Rogoff K.** Global current account imbalances and exchange rate adjustments // *Brookings Papers on Economic Activity*. – 2005. – V. 1. – P. 67–123.
2. <http://www.bea.gov> (дата обращения 12.01.2010).
3. <http://www.ustreas.gov> (дата обращения 12.01.2010).
4. **Доклад МВФ:** перспективы развития мировой экономики [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2009/01/pdf/texttr.pdf> (дата обращения 12.01.2010).
5. <http://www.swfinstitute.org> (дата обращения 12.01.2010).
6. **Dooley M., Folkerts-Landau D., Garber P.** The U.S. current account deficit and economic development: collateral for a total return swap. – NBER Working Paper No. 10727. – 2004. – 11 p.
7. **Caballero R., Farhi E., Gourinchas P.O.** An equilibrium model of «global imbalances» and low interest rates // *American Economic Review*. – 2008. – V. 98, No. 1. – P. 358–393.
8. <http://www.bloomberg.com> (дата обращения 14.01.2010).
9. <http://www.bis.org> (дата обращения 12.01.2010).
10. <http://www.instrategy.com> (дата обращения 14.01.2010).
11. **Interview** with Eugene Fama: Rational Irrationality // *The New Yorker*. – 2010. – Jan. 13 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newyorker.com/online/blogs/johncassidy/2010/01/interview-with-eugene-fama.html> (дата обращения 14.01.2010).
12. <http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=aS0yBnMR3USK> (дата обращения 12.01.2010).
13. **Roubini N.** Not even halfway there // *Financial Times*. – 2009. – Jan. 20 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://ftalphaville.ft.com/blog/2009/01/20/51397/roubini-not-even-halfway-there> (дата обращения 13.01.2010).
14. <http://www.federalreserve.gov> (дата обращения 14.01.2010).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР ПО БОРЬБЕ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА В ГЕРМАНИИ

К. Баранова, Г. Фербер

Институт государственного управления (Шнайер, ФРГ)

Аннотация

Исследуются особенности финансового кризиса в Германии. Анализируются приоритеты экономической политики Германии в условиях кризиса. Оценивается экономическая эффективность антикризисных мер, предпринятых федеральным правительством и правительствами земель. Показаны пути совершенствования управления посткризисной экономикой Германии.

Ключевые слова: Германия, кризис, экономика, банки, безработица, программы, эффективность, управление

Abstract

The paper analyses the German financial crisis and priorities of the crisis responses undertaken by German government; assesses how effective the anti-recessionary measures undertaken by both central and lands' governments are, and shows the economy management improvements made in Germany in the post-crisis time.

Keywords: Germany, crisis, economy, banks, employment, programs, effectiveness, management

Германия только с 2006 г. сумела преодолеть последствия структурных реформ начала века и войти в зону стабильного экономического роста. За счет этого удалось в течение 2006–2007 гг. существенно

снизить безработицу и практически привести государственный бюджет к бездефицитному состоянию. Как и многие другие государства, Германия была застигнута кризисом «врасплох». Еще весной 2008 г. министр экономики М. Глос уверенно заявлял о том, что финансовый кризис является внутренней проблемой США и никакой угрозы экономическому подъему в Германии не существует. Он также категорически исключал возможность государственного вмешательства для преодоления последствий кризиса [1]. Однако реальные события развивались по другому сценарию.

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА В ГЕРМАНИИ

Германия оказалась одним из немногочисленных государств, не затронутых кризисом ипотечного кредитования¹. Это объясняется, с одной стороны, традиционной для страны жесткой практикой кредитования частных лиц и предприятий, а с другой – наличием достаточно широкого круга лиц, удовлетворяющих требованиям для получения ипотечного кредита. В частности, в Германии в большинстве случаев для получения ипотеки необходимо иметь постоянное (пожизненное) рабочее место и соответствующий уровень дохода. Временного рабочего контракта для получения такого кредита недостаточно. Одновременно в Германии традиционно есть весьма широкий слой населения, удовлетворяющий необходимым требованиям, – речь идет о государственных служащих (чиновниках)². Несмотря на то что большая часть государственных служащих имеют низкие тарифные разряды и, соответственно, невысокое жалование, гарантированное постоянное место работы делает этот слой населения желанными клиентами банков для предоставления им ипотечных кредитов.

Ни в США, ни в Великобритании такой жесткой проверки кредитоспособности клиентов, как в Германии, никогда не проводилось,

¹ Наряду с США от ипотечного кризиса особенно пострадали Великобритания, Испания, многие государства Восточной Европы.

² В Германии к чиновникам относятся не только военнослужащие, полицейские, судьи и преподаватели университетов, но и школьные учителя, что значительно увеличивает общую численность государственных служащих.

а в течение пяти предшествующих финансовому кризису лет требования были практически сведены до нуля. Справедливости ради стоит отметить, что ввести эти государства рестриктивные требования при выдаче ипотеки, выдавать кредиты им было бы просто некому. Слой государственных служащих, имеющих пожизненное гарантированное место работы, в США и Великобритании практически отсутствует.

Однако несмотря на устойчивость рынка ипотечного кредитования, Германия, тем не менее, сильно пострадала от кризиса. Был затронут как финансовый, так и реальный сектор экономики. Кризис перекинулся на Германию по нескольким направлениям. Прежде всего, пострадало несколько крупных банков (как частных, так и публично-правовых), оказавшихся втянутыми в рискованные операции с финансовыми деривативами за границей. Кроме того, проблемы проявились в реальном секторе экономики, поскольку на фоне сокращающегося спроса на немецкие товары из-за рубежа (в первую очередь на продукцию машиностроения, электротехнику и автомобили) уже в IV кв. 2008 г. резко сократился экспорт, традиционно вносящий заметный вклад в ВВП Германии. Следствием стали резкое падение уровня производства и ВВП. Страна оказалась перед угрозой массовой потери рабочих мест, прежде всего в непосредственно затронутых кризисом отраслях.

Наиболее сильно Германия пострадала от финансового кризиса за счет исключительно активного вовлечения в мировое разделение труда, проявившегося в высокой доле экспорта (и импорта) в ВВП. В частности, за последнее десятилетие экспорт и импорт товаров и услуг росли более быстрыми темпами по сравнению с внутренними компонентами ВВП: частным потреблением, государственными расходами и инвестициями. За период 1991–2008 гг. внешнеторговый оборот вырос с 52% в сравнении с объемом ВВП до 90% [2]. По росту этого показателя, являющегося одним из основных показателей «открытости экономики», Германия значительно опережает другие промышленно развитые страны. Одновременно начиная с 2000 г. ежегодно отмечался более высокий рост экспорта товаров и услуг по отношению к внутреннему спросу (рис. 1).

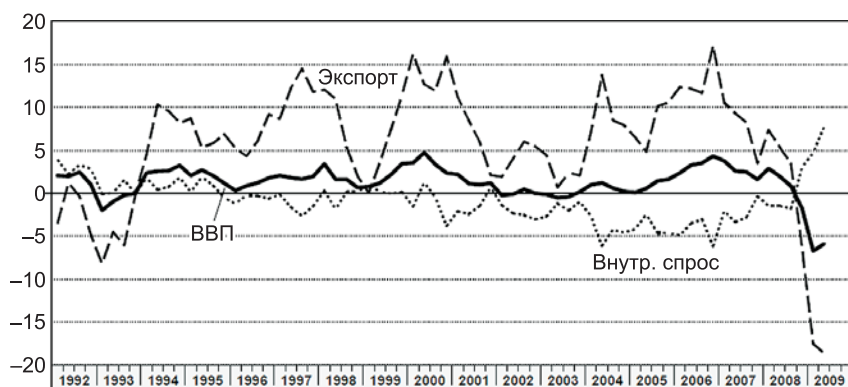

Рис. 1. Динамика ВВП и его компонентов в Германии, %

Одним из проявлений финансового кризиса стало резкое сокращение объемов внешней торговли во всем мире. Германия, занимавшая в то время первое место по объемам экспорта, пострадала от этого особенно сильно.

По данным Института немецкой экономики (Institut der deutschen Wirtschaft), в региональной структуре торговых партнеров Германии по состоянию на 2008 г. преобладают страны Европейского союза. Их доля в 1991 г. составляла около половины экспортных сделок, а в 2008 г. – около 40% экспорта. За последние годы сократилась и доля стран Северной Америки, прежде всего США (с 12% в 2002 г. до 8% в 2008 г.), в экспорте продукции Германии. Напротив, доля государств Восточной Европы, в первую очередь Чехии, Польши и Венгрии, в немецком экспорте выросла с 4% в 1991 г. до 12% в 2008 г. Доля Китая в немецком экспорте увеличилась с 1,6% в 2000 г. до 3,4% в 2008 г.; импорт товаров из Китая вырос за этот же период с 3,4 до 7,3%.

В структуре немецкого экспорта традиционно доминируют продукция автопрома (19%), машины и оборудование (17%), электротехника (14%) и товары химической промышленности (15%). Именно эти экспортные отрасли особенно пострадали в ходе финансового кризиса. Наиболее сильный спад зафиксирован в экспорте автомобилей, где отрицательная динамика наблюдается уже начиная с III кв. 2008 г. За первые два квартала 2009 г. сокращение экспорта автомо-

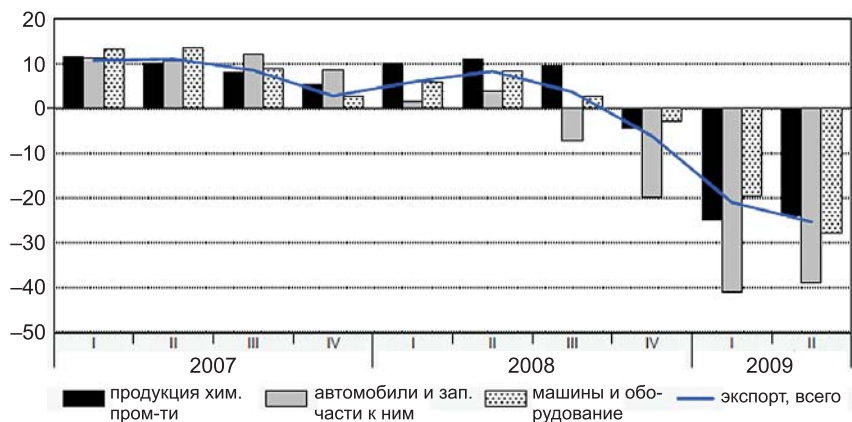

Рис. 2. Экспорт товаров по группам, % к соответствующему кварталу предыдущего года

билей достигало 40% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года (рис. 2).

На решение проблемы резкого сокращения экспортных поставок и, соответственно, падения производства и угрозы массового сокращения рабочих мест в затронутых кризисом отраслях была направлена в том числе и вошедшая во «второй стабилизационный пакет» федерального правительства Германии программа по утилизации старых автомобилей.

Финансовый сектор, банковская система. Банковская система Германии³ оказалась в целом более устойчивой к мировому финансовому кризису по сравнению с банковскими системами других стран, в первую очередь англосаксонского образца. Парадоксально, но причиной меньшей восприимчивости немецкой системы к проявлениям кризиса стала ее несовременная структура, которая еще несколько лет назад критиковалась как «устаревшая». В первую очередь здесь сыграли свою роль наличие мощного звена кредитных институтов публичного права и кредитных товариществ и, соответственно, меньшая

³ Подробное описание банковской системы и ее элементов см. в работе [3].

доля частных банковских институтов, которые в англосаксонских странах доминируют. Для банковской системы Германии характерны три основные особенности:

- частно-государственная форма собственности с большим удельным весом кредитных институтов публичного права (земельных банков, сберегательных касс и кредитных товариществ);
- многоуровневая (федеративная) структура с наличием федеральных, земельных и муниципальных кредитных институтов;
- относительно высокий (по сравнению с другими развитыми государствами) уровень разделения труда и специализации между отдельными видами кредитных институтов, несмотря на то что три четверти всех банков являются универсальными.

«Несущим звеном» системы, сыгравшим стабилизирующую роль в условиях кризиса, стали муниципальные сберегательные кассы и кредитные товарищества, сохранившие приверженность своим основным функциям – работе с широкими слоями населения и малым бизнесом и не ориентированные на использование современных финансовых инструментов, злоупотребление которыми со стороны земельных банков привело, в частности, к большим трудностям для большинства из них. Справедливости ради отметим, что ни сберегательные кассы, ни кредитные товарищества, организованные по региональному принципу, не имели – в отличие от земельных банков – достаточно ресурсов для крупных спекуляций за границей.

Однако было бы неправильно утверждать, что основной причиной устойчивости банковской системы Германии оказалась высокая доля кредитных институтов публичного права сама по себе. Ведь к этой категории наряду со сберегательными кассами относятся и их жироцентрали – земельные банки, особенно сильно пострадавшие во время кризиса. Причину можно скорее увидеть в децентрализованной структуре немецкой банковской системы с широкой сетью сберегательных касс и кредитных товариществ и в их ориентации на широкие слои вкладчиков и традиционные банковские продукты.

Как и в других развитых странах, в Германии проблемы в финансовой системе были вызваны тем обстоятельством, что отдельные банковские институты – как частные, так и государственные – оказа-

лись вовлечены в высокорискованные операции с финансовыми деривативами за границей. Первым среди крупных частных банков на грани банкротства оказался ипотечный холдинг «HypoRealEstate» (HRE). В 2003 г. холдинг HRE был выделен из «HVB Real Estate», который, в свою очередь, возник за счет слияния в 2001 г. трех региональных ипотечных банков. HRE специализируется на финансировании компаний по строительству крупных промышленных объектов и офисных зданий. В 2007 г. холдинг приобрел ирландский «Depfa-Bank». С 2009 г. HRE является крупнейшим банковским институтом Германии (и одним из крупнейших в Европе) по объемам финансирования промышленной инфраструктуры.

Причиной трудностей холдинга стали крупномасштабные спекулятивные операции за границей его ирландской дочерней структуры («Depfa-Bank»), рефинансировавшей долгосрочные операции путем привлечения краткосрочных финансовых инструментов. В результате банкротства в сентябре 2008 г. американского инвестиционного банка «Lehman Brothers» банкротом оказался и «Depfa-Bank», что привело к финансовым трудностям материнского холдинга HRE. Уже в сентябре 2008 г. HRE, который был сразу же признан системообразующим звеном немецкой финансовой системы⁴, получил государственный кредит в размере 35 млрд евро, за которым в октябре последовали еще дополнительно 50 млрд евро. Помимо непосредственных финансовых вливаний холдингу были предоставлены государственные гарантии, размер которых по состоянию на январь 2009 г. составил 42 млрд евро. Поскольку несмотря на значительные финансовые вливания, исправить ситуацию не удалось, в течение первой половины 2009 г. холдинг был национализирован.

Конъюнктурные программы федерального правительства. Для борьбы с последствиями кризиса в октябре 2008 г. в спешном порядке был принят Закон о стабилизации финансового рынка и образован Стабилизационный фонд (Finanzmarktstabilisierungsfonds – SoFFin).

⁴ «HypoRealEstate» является крупнейшим эмитентом ценных бумаг под залог недвижимости (Pfandbrief), и в случае его банкротства под угрозой оказались бы весь рынок этих ценных бумаг и вся система ипотечного кредитования Германии.

Закон о стабилизации финансового рынка был нацелен на поддержание банковской системы, предотвращение кризиса банковской ликвидности и сохранение доверия населения к банковской системе. Общий объем финансовой помощи в рамках Стабилизационного фонда составил около 480 млрд евро, однако большая часть помощи была предусмотрена в виде государственных гарантий, которые так и не были использованы. В том числе в рамках фонда была гарантирована сохранность вкладов частных лиц в немецких банках в неограниченном размере. Государственные гарантии всех банковских вкладов частных лиц были провозглашены 5 октября 2008 г. в рамках экстренного воскресного телеобращения к населению канцлера Германии А. Меркель и министра финансов П. Штайнбрюка. Государственные гарантии распространялись на все средства населения на текущих счетах до востребования (счетах жиро), а также на сберегательных счетах и книжках. Гарантии, однако, не охватывали средства на счетах ценных бумаг (счетах депо). Кроме того, гарантии распространялись только на вклады частных лиц в банках Германии, но не на вклады граждан Германии в зарубежных банках.

Размер непосредственно предоставленной финансовой помощи в виде «живых денег» был значительно скромнее. Так, в частности, уже в ноябре 2008 г. федеральное правительство Германии в срочном порядке приняло ряд мер, известных как «первый стабилизационный пакет». Предусматривалось предоставление государственного заказа немецким предприятиям на общую сумму 20 млрд евро и дополнительно средств на аналогичную сумму для выдачи кредитов частным предприятиям в условиях грозящего кризиса ликвидности⁵.

На фоне быстрого развития финансового кризиса в январе 2009 г. был реализован «второй стабилизационный пакет» на общую сумму 50 млрд евро. Пакет включал меры по финансированию общественной инфраструктуры (в том числе направление 4 млрд евро на строительство автомобильных дорог федерального значения и 10 млрд евро на финансирование коммунальной инфраструктуры). «Второй стабилизационный пакет» предусматривал софинансирование со стороны фе-

⁵ Эти средства были предоставлены банку KfW, который специализируется на кредитовании малого и среднего бизнеса.

деральных земель. В совокупности они обязывались выделить 3,3 млрд евро на инвестиционные расходы.

Одной из мер, включенных в пакет, стало введение так называемой «экологической премии» в размере 2,5 тыс. евро при утилизации автомобиля старше 9 лет и одновременном приобретении нового. Программа была нацелена на поддержание немецкого автопрома, оказавшегося в кризисе из-за резкого падения спроса из-за рубежа, и одновременно на замену устаревшего автомобильного парка. Она имела большой успех и действительно привела к всплеску продаж новых автомобилей. Однако большая часть приобретенных новых автомобилей оказались недорогими малолитражками иностранного производства, при приобретении которых соотношение цена – государственная субсидия оказывалось наиболее выгодным. Из немецких производителей выиграть от программы сумел лишь «Фольксваген» со своей маркой «Гольф», которая, впрочем, является традиционным лидером продаж автомобилей в Германии. Ни БМВ, ни «Мерседес-Бенц» существенной выгоды от программы не получили, поскольку их модели находятся в более высоком ценовом сегменте. Так, в частности, с помощью «экологической премии» было приобретено 212 тыс. автомобилей «Фольксвагена», из них 108 тыс. автомобилей марки «Гольф» (абсолютный рекорд среди всех марок). За «Фольксвагеном» следуют «Опель» (106 тыс. шт.), «Шкода» (88 тыс.), «Фиат» (78 тыс.), «Форд» (70 тыс.), «Дася Логан» (48 тыс.), «Пежо» (43 тыс.) и «Рено» (39 тыс.). Напротив, БМВ удалось продать всего 16 тыс. автомобилей всех марок, а «Ауди» – 19 тыс.

Одновременно, чтобы избежать массовых увольнений, правительство Германии прибегло к программе укороченного рабочего дня, смысл которой заключался в предоставлении государственной субсидии предприятиям, готовым переводить сотрудников на режим укороченного рабочего дня, вместо того чтобы увольнять их. Предприятия, принявшие участие в программе уже в 2009 г., получили право на государственную поддержку в течение максимального периода (до 24 мес), в то время как в обычном случае субсидирование программ укороченной занятости осуществляется лишь в течение 6 мес. Численность занятых в рамках программы возросла с 50 тыс. чел. (сентябрь 2008 г.) до 1,5 млн чел. (апрель–май 2009 г.). По состоянию на январь 2010 г. в рам-

ках программы укороченного рабочего дня все еще было занято более 1 млн чел., что позволило избежать всплеска безработицы в стране.

Лауреат Премии по экономике памяти Альфреда Нобеля П. Кругман назвал программу занятости федерального правительства Германии новым «немецким чудом» [4]. Программа укороченного рабочего дня помогла не только предотвратить массовую безработицу на пике кризиса, но и одновременно избежать резкого падения покупательской активности населения. Так, доля безработных среди экономически активного населения составила в среднем 7,8% за 2008 г. и 8,2% за 2009 г., в абсолютном значении прирост составил «всего» 155 тыс. чел. Однако предсказать, сохранится ли позитивный эффект долговременно и окажет ли он решающее воздействие на немецкий рынок труда, пока затруднительно. На 2010 г. Федеральное ведомство по труду прогнозирует долю безработных на уровне 8,9%. Однако в любом случае рост безработицы в Германии в период кризиса оказался наименьшим среди всех промышленно развитых государств.

Уже после выборов в Бундестаг осенью 2009 г. в рамках принятого Закона о содействии экономическому росту были осуществлены ряд мер по дальнейшему снижению налогов, которые иногда называют «третьим конъюнктурным пакетом». В частности, было решено увеличить с 2010 г. необлагаемый подоходным налогом минимум на воспитание одного ребенка с 6024 до 7008 евро в год. Одновременно вырос и размер детского пособия: с 164 до 184 евро в месяц на первого и второго ребенка, с 170 до 190 – на третьего и с 195 до 215 – на остальных детей. Важное изменение коснулось и НДС. Так, ставка НДС на гостиничный и ресторанный бизнес была снижена с 19% до льготных 7%⁶. Кроме этого, были сделаны ряд послаблений при обложении налогом с наследства не прямых родственников (братьев и сестер, а также племянников и племянниц), которые до сих пор облагались налогом с наследства по более высоким ставкам.

⁶ К сожалению, весьма сомнительно, что эта мера приведет к улучшению положения в туристическом секторе, поскольку представители Союза немецкого гостиничного и ресторанного бизнеса уже заявили о том, что большинство их членов не собираются «передавать» снижение НДС потребителям за счет снижения цен на гостиничные услуги, что можно было бы ожидать от этой меры.

В 2010 г. принятые налоговые послабления обойдутся немецкой казне в 8,5 млрд евро, из которых 4,6 млрд лишится федеральный бюджет, 2,3 млрд – бюджеты федеральных земель и 1,6 млрд – бюджеты местных органов власти [5]. Ряд федеральных земель, в первую очередь бедные земли на севере и востоке Германии, а также муниципальные объединения, уже выступили с критикой предпринятого снижения налогов, которое ставит многие земли и муниципалитеты в еще более сложное финансовое положение.

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

Одновременно с федеральными программами по поддержке внутренней конъюнктуры⁷ несомненный вклад в преодоление первой волны финансового кризиса внесла и сама система «социальной рыночной экономики» Германии, предусматривающая очень высокую степень социальной защиты населения. Речь идет о высоких государственных пенсиях по старости, наличии медицинской страховки практически у 100% населения страны, развитой системе страхования по безработице. В условиях кризиса пенсионеры продолжали регулярно получать пенсии, а лица, лишившиеся из-за кризиса рабочего места, по действующему законодательству в течение первых 12 месяцев имеют право на получение 60% своего прежнего заработка в качестве пособия по безработице⁸. Получатели социальной помощи тоже не видели причин менять свои потребительские привычки в кризис, поскольку предоставление социальной помощи гарантировано в Германии законом и не связано с кризисными явлениями. Помимо прямых монетарных эффектов в виде стабильного источника дохода для многочисленной прослойки граждан наличие такой системы социальной защиты имело еще и важный психологический эффект: население, доверяя обещаниям правительства и веря в надежность существующей

⁷ В частности, в рамках «второго стабилизационного пакета» наряду с премией при покупке автомобиля было единовременно выплачено по 100 евро на каждого ребенка.

⁸ Эта ставка возрастает до 67% при наличии ребенка на иждивении.

системы, даже в условиях кризиса лишь минимально изменило свои расходные привычки⁹.

В целом эксперты сходятся во мнении, что немецкая система социального страхования наряду с федеральными конъюнктурными программами сыграла важную стабилизационную роль в первые месяцы финансового кризиса в Германии, существенно поддержав – на фоне резко сократившихся экспортных поставок – внутренний спрос в стране и не дав финансовому кризису перекинуться на все отрасли экономики.

Сокращение налоговых поступлений и рост бюджетного долга.

Германская модель социального рыночного хозяйства, преимущества которой оказались неоспоримыми в условиях финансового кризиса, имеет, однако, весьма высокую цену в виде больших налогов и социальных отчислений, по уровню которых Германия, несмотря на все осуществленные реформы¹⁰, по-прежнему остается «лидером» среди промышленно развитых государств. Кризис напрямую повлиял и на доходную часть бюджетов всех уровней власти, приведя к сокращению налоговых поступлений, и на их расходную часть. В первую очередь возросли расходы федерального бюджета, на который пришлось основная нагрузка по борьбе с кризисом.

Особенно сократились доходы по таким подверженным конъюнктурным колебаниям налогам, как налог на прибыль компаний и промысловый налог. Так, доходы по налогу на прибыль корпораций уменьшились во II кв. 2009 г. на 4,5 млрд евро по сравнению со II кв. 2008 г. (падение составило 93%); поступления по промысловому налогу сократились за аналогичный период на 2,4 млрд евро (22%).

⁹ Существуют, однако, отрасли, в которых все равно произошло резкое сокращение оборота. Это касается, в частности, внутреннего туризма – одного из любимых видов отдыха немцев. Преодолению в том числе этого спада должно было способствовать снижение с 2010 г. ставки НДС для гостиничного бизнеса с 19 до 7%.

¹⁰ Последняя реформа предпринимательских налогов с целью их снижения вступила в силу в 2008 г., а реформа налогов на прирост капитала – в 2009 г. Практически все взносы по социальному страхованию в последние годы постоянно росли; исключением стали только страховые взносы по безработице, которые после стабилизации рынка труда в 2006 г. несколько сократились. Напротив, особенно быстрыми темпами, несмотря на экономический рост, увеличивались взносы по медицинскому страхованию.

Из остальных видов налогов в наибольшей степени сокращение затронуло НДС при импорте товаров¹¹ (2,9 млрд евро, или 27%) на фоне резкого уменьшения объемов внешней торговли.

Промысловый налог, являясь местным налогом на прибыль предприятий, играет важнейшую роль при формировании доходной части местных бюджетов. По этой причине сокращение доходов по промысловому налогу оказалось для местных бюджетов особенно болезненным. Естественно, что от колебаний поступлений по промысловому налогу зависят только те муниципалитеты, на территории которых расположены предприятия-плательщики, т.е., как правило, города. От сокращения поступлений по промысловому налогу особенно пострадали крупные города с высокой долей финансового сектора и промышленных отраслей, по которым сильно ударил кризис, в частности Франкфурт-на-Майне, Мюнхен, Гамбург. Кроме того, сильно пострадали крупные моноцентры, в том числе центры автомобильной промышленности, такие как расположенный недалеко от Франкфурта-на-Майне г. Руссельсхайм (здесь находится крупнейший завод фирмы «Опель») и расположенный в районе Штутгарта г. Зиндельфинген (крупнейший завод фирмы «Даймлер-Бенц» по производству легковых автомобилей), бюджеты которых в значительной степени формируются за счет промыслового налога (на промысловый налог приходится до 35% всех налоговых доходов и около 20% совокупных поступлений в городской бюджет¹²). Более мелкие муниципалитеты с расположенными на их территории крупными производствами зависят от поступлений промыслового налога еще сильнее. Так, расположенный на юго-западе Германии г. Вёрт (пригород г. Карлсруэ; 17,5 тыс. жителей) с крупнейшим в мире заводом по производству грузовых автомобилей «Даймлер-Бенц» (10 тыс. сотрудников) получает до двух третей доходов городского бюджета за счет поступлений промыслового налога. В 2009 г. впервые за длительный период времени Вёрт был вынужден принять дефицитный городской бюджет, поскольку «Даймлер-Бенц» в условиях резкого сокращения сбыта авто-

¹¹ Экспорт товаров от НДС освобожден.

¹² Так, в Руссельсхайме доля доходов по промысловому налогу составила в 2008 г. 36% совокупных налоговых доходов [6].

мобилей не только не должен был вносить в городскую казну взимаемый с прибыли промысловый налог, но и получил возврат переплаченных налогов в размере 5,5 млн евро [7].

Снижение доходной части бюджетов всех уровней власти сопровождалось увеличением расходов, в первую очередь по финансированию конъюнктурных программ федерального правительства, и, соответственно, наращиванием государственного долга. Основная нагрузка по традиции легла здесь на федеральный бюджет, из которого была профинансирована большая часть расходов конъюнктурных программ, аналогично тому, как это имело место в начале 1990-х годов при финансировании объединения Германии.

Практика финансирования всех масштабных финансовых проектов из федерального бюджета уходит своими корнями в саму систему федеративного устройства Германии, базирующуюся на принципе кооперативного федерализма. После Второй мировой войны в системе германского федерализма проявилась отчетливая тенденция к централизации. Эта тенденция особенно усилилась в период, последовавший за объединением Германии в 1990 г.¹³ Так, после объединения Германии наблюдаются последовательная централизация компетенций в области налогового законодательства на уровне федерации и одновременно децентрализация при исполнении федерального законодательства, в частности в области сбора налогов. Поскольку все три уровня государственной власти имеют право самостоятельно осуществлять бюджетные заимствования, следствием такой практики стало увеличение накопленной задолженности бюджетов всех уровней власти, в том числе субнациональных. Все это и прямо, и косвенно привело к увеличению федеральных трансфертов, вообще к росту расходов федерального бюджета и, таким образом, к увеличению общественных издержек и снижению эффективности всей федеративной системы в целом. На фоне финансового кризиса 2008 г. ситуация только обострилась, но главная тенденция к централизации переломлена не была.

Напротив, как и прежде, федеральное правительство взяло на себя основные обязательства по борьбе с кризисом; только «второй стаби-

¹³ О причинах и проявлениях этого процесса в бюджетно-финансовой сфере см. работу [8].

лизационный пакет» предусматривал возможность софинансирования федеральных программ со стороны федеральных земель в незначительном объеме. Напрямую в процесс борьбы с кризисом отдельные федеральные земли оказались вовлечены только в двух случаях: при решении финансовых проблем земельных банков и в том, что касается автомобильной компании «Опель», заводы которой расположены в Германии на территории четырех федеральных земель.

ОСОБЫЕ СЛУЧАИ ПРОЯВЛЕНИЯ КРИЗИСА В ГЕРМАНИИ

Земельные банки. На фоне стабильности в условиях кризиса немецкой банковской системы в целом практически все земельные банки уже через несколько месяцев после начала кризиса оказались в плачевном состоянии. Здесь уместно вернуться к рассмотрению сложной банковской системы Германии и показать место в ней так называемых земельных банков.

Не все 16 федеральных земель Германии имеют самостоятельные земельные банки, в стране действует 11 таких банков. Земельные банки изначально создавались как «домашние банки» федеральных земель и одновременно центральные институты расположенных на их территории сберегательных касс. Их целью является выделение средств сберегательным кассам, а также финансирование крупных инвестиционных проектов общественного характера, имеющих региональную привязку. Земельные банки, как правило, не занимаются непосредственным распространением собственных банковских продуктов, эту функцию осуществляют относящиеся к ним сберегательные кассы.

Основным источником поступления средств в эти банки является выпуск долгосрочных облигаций. Сфера деятельности земельных банков начала стремительно меняться с 2004 г., когда благодаря внушительному объему аккумулированных капиталов они стали активно участвовать в инвестиционных операциях и операциях с зарубежными финансовыми деривативами, традиционно относившихся к исключительной сфере деятельности крупных частных банков. Анализ структуры активов и пассивов земельных банков показывает, что по состоянию на конец 2007 г. их связь с реальным сектором экономики оказалась весьма условной и более не соответствовала их изначаль-

ной роли основного кредитора земельных правительств при финансировании общественной инфраструктуры (не считая их участия в финансировании крупных объектов коммунальной инфраструктуры). Кроме того, избегая конкуренции с муниципальными сберегательными кассами, земельные банки уже достаточно продолжительное время занимаются кредитованием в первую очередь крупных и очень крупных предприятий независимо от места их расположения.

Это закономерно поднимает вопрос о роли земельных банков в экономическом развитии собственной федеральной земли. В результате возникает и основополагающий вопрос о целесообразности их публично-правовой формы организации, которая традиционно объяснялась их финансовой деятельностью по обслуживанию потребностей отдельных федеральных земель.

Особенно резко ситуация вокруг земельных банков обострилась по мере развития финансового кризиса летом – осенью 2008 г. Активное участие немецких земельных банков в ипотечном кредитовании в США и в других высокорискованных операциях за границей привело к тому, что они перестали выполнять свою основную задачу по финансированию общественной инфраструктуры и увлеклись спекуляциями. К тому же их огромные убытки оказались настоящей проблемой для немецкого государства и налогоплательщиков.

Так, за государственной помощью в крупном размере уже обратились земельные банки Баварии, Баден-Вюртемберга, объединенный земельный банк северных земель («HSH Nordbank»), земельный банк Северного Рейна – Вестфалии («WestLB»)¹⁴ и др. Примечательно не только то, что от кризиса более всего пострадали крупные банки, до кризиса считавшиеся особенно надежными, но и то, что основная их часть оказались государственными институтами, изначальной функцией которых считалось обеспечение финансовых интересов соответствующих федеральных земель¹⁵.

¹⁴ «WestLB» является центральным банком для сберегательных касс земли Северный Рейн – Вестфалия.

¹⁵ Во время кризиса пострадали не только земельные банки. Кредитная группа федерального подчинения (KfW), в компетенцию которой входит кредитование

В частности, только для поддержки земельного банка Баварии («BayernLB»), активно вовлеченного в спекулятивные операции в США¹⁶, земельные органы и федеральное правительство разработали пакет мер на общую сумму 30 млрд евро, из которых 10 млрд евро составили прямые вливания из земельного бюджета, для чего Баварии в срочном порядке пришлось пересматривать бюджет 2008 г. Известие о масштабе финансовых проблем банка Баварии имело и далеко идущие политические последствия: в отставку вынуждены были уйти председатель Христианско-социального союза Э. Хубер, который одновременно являлся председателем управляющего совета банка Баварии, а также министр финансов земельного правительства. Для решения финансовых проблем были предприняты массовые сокращения рабочих мест, а кроме того, ликвидированы несколько представительств банка в государствах Юго-Восточной Азии. В будущем банк Баварии намерен полностью отказаться от операций за границей и сосредоточиться на исполнении своих изначальных функций земельного банка и центрального банка земельных сберегательных касс.

При решении финансовых проблем «WestLB» была впервые применена модель «банка плохих активов» (Bad Bank), использование которой предусматривал «второй стабилизационный пакет»¹⁷. «WestLB» получил возможность вывести 85 млрд евро «плохих активов» (треть всех активов банка) в первый созданный в Германии Bad Bank. Пря-

экспортных операций немецких предприятий, а также предприятий малого и среднего бизнеса, понесла убытки в размере 1,8 млрд евро.

¹⁶ Кроме этого, земельный банк Баварии сильно пострадал, совершив в 2007 г. сомнительную сделку по приобретению 50% акций (позже участие было расширено до 67%) австрийского банка «НуроAlpeAdriaGroup» (HGAA), который в ходе финансового кризиса понес большие убытки за счет финансовых операций в Восточной Европе. В конце 2009 г. Австрия выкупила акции HGAA у банка Баварии за символическую плату 1 евро за акцию. Потери земельного банка Баварии от участия в HGAA оцениваются, таким образом, в 3,7 млрд евро.

¹⁷ Для решения проблем «WestLB» обсуждалась возможность его слияния с другими земельными банками (в частности, с земельным банком Баден-Вюртемберга или с объединенным банком земель Гессен и Тюрингия). Этот вариант, однако, до настоящего времени не реализован.

мая финансовая помощь из федерального бюджета на реализацию этого проекта составила около 4 млрд евро. Участие федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия и земельных сберегательных касс ограничилось предоставлением гарантий в размере по 1 млрд евро. При решении об освобождении «WestLB» от «плохих активов» особую роль сыграло то обстоятельство, что 50% долей участия в нем приходится на сберегательные кассы земли Северный Рейн – Вестфалия. При отсутствии государственной поддержки сберегательным кассам, которые сами пережили кризис без больших потерь, пришлось бы в полной мере платить за убытки «WestLB», что, в свою очередь, ограничило бы их возможности по кредитованию частных лиц и предприятий малого и среднего бизнеса.

Тенденции последних 10 лет и в особенности драматическое развитие кризиса 2008–2009 гг. показали, что земельные банки являются слабым звеном немецкой банковской системы и нуждаются в срочном реформировании. В частности, рассматривается возможность их слияния, с тем чтобы создать три крупные структуры, которые будут обслуживать Северную, Центральную и Южную Германию. Обсуждается также необходимость концентрации земельных банков на деятельности внутри страны, и прежде всего внутри определенного региона, а также отказа от участия в высокорискованных операциях за границей. Радикальное предложение полностью ликвидировать это звено немецкой банковской системы как изжившее себя пока поддержки не находит.

Спасение производства «Опель». Пожалуй, самой известной акцией по преодолению последствий финансового кризиса в Германии стала драматическая история спасения немецкого автомобильного концерна «Опель», пострадавшего из-за банкротства материнского концерна «Дженерал моторс». Концепция спасения «Опеля» разрабатывалась на самом высоком уровне при личном участии канцлера, вице-канцлера, министра экономики и других высокопоставленных лиц Германии, потому что эта тема оказалась в центре внимания в ходе кампании по выборам в Бундестаг 2009 г. Одновременно к решению вопроса было подключено руководство четырех федеральных

земель, на территории которых расположены оказавшиеся под угрозой закрытия заводы «Опель»: Гессена (завод в г. Рюссельсхайм), Северного Рейна – Вестфалии (завод в г. Бохум), Рейнланд-Пфальца (завод в г. Кайзерслаутерн) и Тюрингии (завод в г. Айзенах).

В сентябре 2009 г., за несколько дней до выборов в Бундестаг, в результате многомесячных переговоров и анализа различных вариантов совет управляющих GM согласился с продажей фирмы «Опель» канадской фирме «Magna» при участии российского Сбербанка. Именно этот вариант решения вопроса лоббировало федеральное правительство Германии и лично А. Меркель, обещая в случае заключения сделки предоставить консорциуму поддержку из средств федерального бюджета на сумму в 4,5 млрд евро. Однако уже в ноябре 2009 г. GM, в короткие сроки прошедший процедуру банкротства, «передумал» продавать «Опель». GM возвратил ранее полученные от германского правительства кредиты в размере 1,5 млрд евро и пообещал сохранить все четыре завода «Опель» в Германии. Одновременно было заявлено о необходимости сокращения более 5 тыс. рабочих мест.

* * *

В целом можно утверждать, что правительство Германии предприняло все необходимые усилия для стабилизации ситуации в условиях мирового финансового кризиса. Справедливости ради следует отметить, что важную стабилизирующую функцию сыграла развитая система социального страхования и социальной помощи, реализованная в Германии в рамках модели социальной рыночной экономики. Именно развитая система социального страхования, дополненная разнообразными конъюнктурными программами, позволила Германии избежать сильного обвала внутреннего спроса и за счет этого компенсировать потери от резкого сокращения экспортной выручки.

Но достигнутые в краткосрочной перспективе успехи по борьбе с последствиями финансового кризиса в Германии, к сожалению, ни в коем случае не означают окончательной победы. Напротив, финансовый кризис лишь подчеркнул серьезность нерешенных проблем

и сложность задач, стоящих перед страной в долгосрочной перспективе. В частности, серьезной проблемой является несовершенство системы межбюджетных финансовых отношений, базирующихся на системе кооперативного федерализма. Речь идет о запутанной системе разграничения предметов ведения и полномочий по осуществлению расходов, отсутствию налоговой автономии у федеральных земель, нефинансируемых федеральных мандатах и т.д. Особенности немецкой системы кооперативного федерализма привели к росту накопленной задолженности всех уровней власти, в том числе регионального и муниципального. Хотя в марте 2009 г. в рамках второго этапа реформы федерализма и было принято решение об обязательной сбалансированности федерального бюджета и бюджетов федеральных земель начиная с 2016 г., ожидать, что проблема будет решена, к сожалению, не приходится. Как показывает опыт США, введение законодательно закрепленных ограничений бюджетного дефицита влечет за собой вывод задолженности в специально созданные внебюджетные фонды, на которые законодательство не распространяется. По всей видимости, по аналогичному сценарию будет развиваться и ситуация с ограничением государственного дефицита в Германии.

Литература

1. <http://www.wiwo.de/politik-weltwirtschaft/wirtschaftsminister-glos-sieht-keine-gefahr-fuer-aufschwung-270308/> (дата обращения 20.03.2008).
2. **SVR:** Deutschland im internationalen Konjunkturzusammenhang. Expertise im Auftrag der Bundesregierung. – Wiesbaden, November 2009.
3. **Белов В.Б., Баранова К.К.** Денежно-кредитная политика и банковская система Германии // Германия: вызовы XXI века. – М., 2009.
4. **Krugman P.** Free to lose // The New York Times. – 2009. – Nov., 13.
5. **FAZ.** – 2009. – Nov., 13.
6. <http://www.stadt-ruesselsheim.de/rd/1076.htm> (дата обращения 20.03.2008).
7. <http://www.welt.de/wirtschaft/article4210799/Deutsche-Kommunen-unter-dem-Fallbeil-der-Krise.html> (дата обращения 20.03.2008).
8. **Фербер Г., Баранова К.** Бюджетный федерализм в Германии: актуальные тенденции развития // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 1. – С. 211–237.

Регион: экономика и социология, 2010, № 2, с. 91–104

ФЕДЕРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

В.И. Клисторин

ИЭОПП СО РАН, Новосибирский государственный университет

Аннотация

Рассматривается влияние федеративных институтов на экономическое развитие в период кризиса и эффективность антикризисных программ. Обосновывается гипотеза об относительно большей устойчивости федераций к негативным воздействиям в период кризиса. Относительно более тяжелое течение кризиса в России в сравнении с другими странами объясняется особенностями институционального устройства, и в частности деградацией институтов федерализма.

Ключевые слова: федерация, унитарное государство, кризис, стабильность, институты федерализма, конкурентоспособность стран

Abstract

The paper analyses the impact of institutions of federalism on the economic development in the crisis, and the effectiveness of anti-recessionary programs. We put forward the hypothesis that federations proved to be less sensitive to the negative impacts of a crisis. The fact that in Russia, the crisis had much more negative impacts than in other countries, could be explained by the nature of Russian institutional system and, especially, by deterioration of Russian institutions of federalism.

Keywords: federation, unitary state, crisis, stability, institutions of federalism, competitiveness of countries

Кризисные явления проявились по-разному и в различной степени сказались на макроэкономических показателях отдельных стран. Причина видится в дифференциации конкурентоспособности национальных экономик, в их неодинаковой реакции на антикризисные меры, предпринимаемые как национальными правительствами, так и властями других государств. Например, российская экономика получила значительную помощь от федеральных властей страны, но на итоги ее развития в 2009 г. гораздо большее влияние оказала динамика цен на наши экспортные товары, прежде всего на энергоносители, которая в значительной мере определялась политикой денежных властей США и некоторых других стран. В конечном итоге экономисты установят с высокой степенью точности перечень и количественные характеристики отдельных факторов, обусловивших масштабы и продолжительность кризисных явлений в каждой стране, и, разумеется, со временем дадут оценку эффективности реализации антикризисных программ и экономической политики каждой из стран как накануне, так и в ходе кризиса.

Конкурентоспособность национальных экономик, как известно, определяется большим числом факторов начиная от их масштабов и структуры, специализации и степени открытости и заканчивая ответственностью макроэкономической политики и институциональным устройством. Имеется достаточно много работ, доказывающих важную, если не сказать – определяющую, роль качества институтов в обеспечении устойчивого экономического роста. Более того, экономическая политика государства и, главное, ее результативность во многом зависят от качества институтов. В периоды процветания изъяны институционального устройства и дефекты государственной политики, как правило, мало заметны, а в период кризиса они проявляются с особой силой и приводят к ощутимым финансовым и экономическим потерям.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что федерации могут иметь, а в ряде случаев имеют фактически несомненные преимущества в экономическом развитии в сравнении с унитарными государствами [1]. В периоды экономической турбулентности эти преимущества должны трансформироваться в относительно большую устойчивость к кризисным явлениям. Обсуждению этого тезиса посвящена данная статья.

А.Н. Илларионов [2] приводит сопоставимые данные по влиянию кризиса на некоторые макроэкономические показатели России и еще 40 стран, входящих в ОЭСР и «большую двадцатку». Он обосновывает тезис о том, что, во-первых, в условиях мирового кризиса российская экономика продемонстрировала наихудшие результаты среди ведущих стран мира и, во-вторых, антикризисная политика российского правительства была малоэффективной¹. Вообще говоря, выводы не новые, подобные оценки высказывались на протяжении 2009 г. многими российскими и зарубежными экспертами, в том числе специалистами РАН, Высшей школы экономики, МВФ, Всемирного банка, отечественных и международных консалтинговых компаний (см., например, [3]). Аналогичные данные опубликованы Росстатом [4]. Вместе с тем приведенные в табл. 1 цифры, опубликованные А.Н. Илларионовым в качестве иллюстрации (см. материалы [5]) к его статье [2], позволяют выявить также некоторые сюжеты, которые практически не затрагивались в широкой дискуссии, развернувшейся вокруг современного кризиса и антикризисных мер. Речь идет о влиянии государственного устройства на способность экономики противостоять кризисным явлениям. Действительно ли федерации оказались более устойчивы к мировому кризису, нежели унитарные государства?

Среди стран, представленных в указанной таблице, подготовленной специалистами фонда «Институт экономического анализа» на основании данных МВФ, выделяются 16 государств с федеративным устройством и 25 унитарных государств². У стран разные экономические системы, они находятся на различных стадиях экономического

¹ Можно по-разному оценивать научную и общественную деятельность А.Н. Илларионова, но он всегда стремится использовать количественные оценки, приводить простые и наглядные аргументы для доказательства своих утверждений. Иногда такой позитивистский подход дает интересные результаты, но зачастую приводит к спорным выводам.

² К странам с федеративным устройством относятся Австралия, Австрия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Канада, Китай, Мексика, Нидерланды, Россия, США, Швейцария, ЮАР; к унитарным государствам – Гонконг, Греция, Дания, Израиль, Индонезия, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Люксембург, Мальта, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Саудовская Аравия, Сингапур, Словения, Турция, Финляндия, Франция, Чешская Республика, Швеция, Южная Корея, Япония.

Таблица 1

Последствия финансово-экономического кризиса для отдельных стран

Страна	Изменение фиск. позиции (дефицита бюджета), % к ВВП	Изменение реального ВВП, %	Изменение валют. резервов, % к ВВП	Изменение курса нац. валюты к долл. США
Россия	-13,4	-7,5	-12,7	-34,7
Исландия	-19,4	-8,5	1,5	-31,1
Саудовская Аравия	-10,8	-0,9	-1,9	0,0
Норвегия	-10,6	-1,9	-0,6	-25,8
Ирландия	-12,2	-7,5	0,0	-18,9
Великобритания	-8,9	-4,4	-0,2	-27,6
Швеция	-7,3	-4,8	-1,1	-29,7
Мексика	-3,5	-7,3	-0,9	-29,5
Турция	-4,9	-6,5	-1,2	-27,0
Испания	-14,5	-3,8	0,0	-18,9
Южная Корея	-6,2	-1,0	-4,3	-29,3
Сингапур	-8,6	-3,3	-4,8	-10,5
Люксембург	-6,7	-4,8	-0,3	-18,9
Новая Зеландия	-4,0	-2,2	-2,8	-31,8
Финляндия	-8,1	-6,4	-0,1	-18,9
Канада	-6,5	-2,5	0,1	-18,7
Чешская Республика	-5,4	-4,3	-0,5	-33,0
Словения	-6,2	-4,7	-0,7	-18,9
Кипр	-7,6	-0,5	-1,3	-18,9
Германия	-3,7	-5,3	-0,1	-18,9
Австралия	-5,8	0,7	-0,3	-32,6
Португалия	-4,3	-3,0	-0,2	-18,9
Франция	-5,6	-2,4	-1,0	-18,9
Бельгия	-5,6	-3,2	-0,1	-18,9

Окончание табл. 1

Страна	Изменение фиск. позиции (дефицита бюджета), % к ВВП	Изменение реального ВВП, %	Изменение валют. резервов, % к ВВП	Изменение курса нац. валюты к долл. США
Австрия	-3,5	-3,8	-1,1	-18,9
Нидерланды	-4,3	-4,2	0,0	-18,9
Италия	-4,1	-5,1	0,1	-18,9
Мальта	-2,3	-2,1	-2,6	-18,9
Дания	-5,8	-2,4	3,8	-18,8
Аргентина	-1,8	-2,5	-0,3	-14,0
Греция	-2,8	-0,8	0,0	-18,9
Бразилия	-1,0	-0,7	-0,8	-31,2
США	-6,4	-2,7	0,0	0,0
Индия	-6,0	5,4	-4,5	-13,0
Швейцария	-3,7	-2,0	0,7	-12,0
ЮАР	-5,6	-2,2	-0,3	-23,8
Япония	-7,4	-5,4	0,3	15,5
Индонезия	-1,4	4,0	-1,1	-22,9
Гонконг	-11,0	-3,6	13,3	0,6
Израиль	-6,0	-0,1	5,8	-17,9
Китай	-4,8	8,5	2,5	0,0

Источник: [5].

и технологического развития, различаются размерами, специализацией, ресурсным потенциалом, демографическими, культурными и прочими характеристиками. Различно также и политическое устройство как федераций (представлены разные модели), так и унитарных государств (например, Исландия и Сингапур). Особняком стоит Китай, относительно «федеративности» которого среди специалистов нет согласия. С одной стороны, полномочия провинций и автономных окру-

гов КНР достаточно широки и степень их самостоятельности в принятии решений достаточно высокая, а с другой стороны, специфика политического устройства не позволяет отнести Китай к федеративным государствам. Да и нынешний кризис с формальной точки зрения и в сравнении с другими странами привел к существенному улучшению позиций этой страны. Поэтому Китай можно исключить из дальнейшего рассмотрения. По нашему мнению, расширение списка стран и изменение методики расчетов может сказаться на количественных оценках, но не изменит общих выводов.

А.Н. Илларионов совершенно правильно ставит вопрос об оценке глубины кризиса не только на основании изменения реального ВВП, но и с учетом объема ресурсов, использованных для смягчения масштабов кризиса. Эта идея заслуживает всяческой поддержки и дальнейшего развития, поскольку на величину макроэкономических индикаторов оказывают влияние не только внутренние взаимосвязи в экономике и внешние воздействия со стороны других экономик, но и государственное регулирование. Так, например, масштабы экономического спада могут быть скомпенсированы увеличением государственных расходов, а отток капитала – внешними заимствованиями. Следует также согласиться с оценкой результатов работы А.Н. Илларионова [2] как предварительных и достаточно условных, но, тем не менее, достаточно информативных.

По нашему мнению, основным индикатором, характеризующим масштабы антикризисных мер, является изменение фискальной позиции, а результирующим показателем – изменение реального ВВП (см. табл. 1). Поскольку оба показателя имеют одинаковую размерность и в общем случае разнонаправленны, для получения интегральной оценки экономических потерь можно складывать эти индикаторы. В то же время показатели сокращения валютных резервов и изменения курса национальной валюты в гораздо большей степени подвержены влиянию прочих факторов, таких как выбор момента времени для проведения девальвации, степень открытости экономики, присутствие спекулятивного капитала, эффективность валютного регулирования и, наконец, включенность страны в валютные союзы.

Таблица 2

Оценка кумулятивных экономических потерь в 2009 г.*

Страна	Изменение фиск. позиции, % к ВВП	Изменение реального ВВП, % к ВВП	Индекс экономических потерь		
			мин. оценка	с учетом изменения валют. резервов	с учетом курса нац. валюты
Российская Федерация	-13,4	-7,5	-20,9	-33,6	-51,3
Китай	-4,8	8,5	3,7	6,2	7,6
ЕС (19 стран)	-6,3	-3,9	-10,2	-10,2	-17,5
Федерации (14 стран)	-4,2	-1,9	6,1	-6,7	-12,4
Унитар. гос-ва (25 стран)	-7,8	-3,8	11,6	-11,5	-19,6

* Рассчитано по данным МВФ и Института экономического анализа.

Для целей данной работы зададимся вопросом: каковы совокупные экономические потери в среднем по федеративным и унитарным государствам? Ответ представлен в табл. 2. Выводы очевидны: федеративные государства за исследуемый период показали гораздо лучшие результаты по сравнению с унитарными. Падение ВВП оказалось в среднем в 2 раза меньшим, чем в унитарных государствах, при значительно меньших антикризисных усилиях властей. Но для России этот вывод неверен, поскольку падение ВВП оказалось более глубоким в сравнении с другими странами на фоне относительно более масштабных антикризисных мер. Причины видятся в неэффективной антикризисной политике, которая, как будет показано ниже, является следствием институционального устройства.

Второй вывод касается эффективности региональной интеграции и формирования квазифедеративных структур. Наряду с несомненными выгодами подобных процессов и плодотворностью идеи объединения национальных экономик следует констатировать, что это объединение несет и дополнительные риски для экономики отдельной страны, что может поставить под сомнение саму идею региональной интеграции. Ярким примером является ЕС, ядро которого совпадает

с еврозоной. Медленная постепенная интеграция и сложная система принятия решений, основанная на принципе консенсуса, привели к тому, что единая политика заведомо лишена оперативности и радикализма. В условиях стабильного роста подобные недостатки были незаметны, но в условиях кризиса стали нетерпимыми. В частности, исключение из арсенала отдельных государств инструментов кредитно-денежной политики (это касается не только участников еврозоны, но и части стран, стремящихся к членству в ЕС) привело к непропорциональной потере конкурентоспособности и огромному спаду экономической активности.

Федерация предполагает не только распределение полномочий и ответственности между центром и субъектами, не только механизмы вертикальной координации решений, но и мобильность факторов производства. Даже ЕС пока не обеспечил эффективного решения этих задач³. Что касается России, то представляется, что по степени интеграции экономического пространства страны, мобильности факторов и эффективности механизмов вертикальной координации решений она значительно уступает ЕС, не говоря уже о собственно федеративных государствах.

Почему Россия показала такие результаты? В работах, посвященных обсуждению этого вопроса, можно выделить две точки зрения. Сторонники первой концентрируются на фундаментальных слабостях российской экономики (проблемах). Неоднократно указывалось на высокую степень зависимости отечественной экономики и бюджетной сферы от экспортных цен на энергоносители, на прогрессирующее устаревание производственного аппарата, обуславливающее низкую производительность труда и высокие издержки, на технологическое отставание, слабость финансовой системы и постоянный рост неэффективных расходов бюджета.

³ Не удивительно, что с конца 2009 г. многочисленные проекты по созданию региональных валют и продвижению их в число резервных притормозились. Исключением является снова Россия, форсированно создающая единое таможенное, а впоследствии и экономическое пространство с Белоруссией и Казахстаном.

Другая точка зрения сводится к тому, что институциональная структура российской экономики деградировала, – это и привело ко всем названным выше последствиям. В качестве примеров указываются монополизация большинства отраслей экономики в результате криминализированного рейдерства, политика создания национальных чемпионов, в том числе образование госкорпораций, коррупция и рентоориентированное поведение как власти, так и бизнеса, отсутствие независимых судов и СМИ и т.д.

Различие между этими точками зрения состоит лишь в одном: что считать причиной, а что – следствием. Представляется, что причина заключается все-таки в институциональном устройстве и его эволюции, поскольку проблемы были осознаны и ресурсы для их разрешения в стране имелись. Принимались и различные программы, которые слабо реализовывались [6]. В этом плане очень полезно вспомнить действия Правительства РФ в период кризиса. В начале 2008 г., когда неизбежность рецессии в большинстве стран мира уже была осознана, говорилось об «острове стабильности». Летом – осенью того же года, когда статистика фиксировала спад в промышленности и падение цен на экспортные товары, использование термина «кризис» не приветствовалось. Только зимой это слово было легализовано, но причиной кризиса признавалась только «инфекция», занесенная с мировых рынков.

Отсюда постоянная корректировка прогноза падения ВВП в 2009 г., запоздалое принятие Правительством РФ антикризисной программы, ее неадекватное содержание и неутешительные результаты реализации. Какое это имеет отношение к проблеме федерализма? Самое прямое. Во-первых, если бы регионы имели возможность влиять на принятие решений на федеральном уровне, дискуссии по антикризисной программе в парламенте начались бы уже в середине 2008 г., поскольку уже тогда некоторые регионы столкнулись со спадом производства и сокращением доходов бюджетов. Во-вторых, антикризисные программы регионов готовились бы параллельно с разработкой федеральной. В-третьих, программы были бы в большей

степени направлены на поддержание конечного спроса и повышение мобильности ресурсов.

Ранее мы неоднократно анализировали процессы трансформации федеративных институтов в России (см., например, работы [6–8]). До 2004 г. развитие федеративных отношений шло в целом в правильном направлении: повышалась определенность в разделении полномочий, унифицировалось законодательство, устранялись противоречия между федеральным и региональным нормотворчеством, экономические и политические барьеры между субъектами и т.д. Но дальнейшее развитие этих отношений быстро миновало стадию унификации, и страна стала превращаться в сверхцентрализованное унитарное государство [6]. Причина видится в относительной легкости проведения реформ на первом этапе и многократном росте ресурсов, находящихся в распоряжении федерального центра, а также в быстром воссоздании системы симбиоза власти и собственности. Это породило иллюзию полной управляемости экономики и общества и вызвало не критическое отношение к собственным решениям. В результате руководство страны отказалось от проведения структурных реформ и превратило в фикцию федеративные институты. Государство по политическому устройству стало унитарным, но механизмы контроля, присущие такой системе организации власти, не заработали, не возростала и мобильность ресурсов на фоне прогрессирующей монополизации экономики.

Периодически эти сюжеты обсуждались в научной печати и публицистике. В частности, в докладе РАН действующая система «федеративных отношений» подверглась мягкой критике [9]. Кризис высветил многие слабости институционального устройства России. В частности, критиковалась действующая система принятия решений, исключая публичность обсуждения и принцип ответственности. Критика шла не только со стороны радикальной оппозиции, но и со стороны лояльно настроенных политиков и ученых. В этом отношении полезно рассмотреть доклад ИНСОР [10]. В этой работе, претендующей на то, чтобы считаться очередной программой институциональных преобразований, удивительно мало говорится о развитии фе-

деративных отношений, если не считать декларации на с. 22: «Россия – федеративная республика с сильной президентской властью и сильным двухпалатным парламентом». Вместе с тем символически выглядит название одного из параграфов: «Политическое будущее страны: назад к Конституции». Авторы тем самым признают, что законодательство и правоприменительная практика достаточно далеко разошлись с духом и буквой Конституции. Собственно, одним названием этого параграфа авторы могли бы и ограничиться, тем более что никакого обоснования для своих прогнозов, кроме уверенности в том, что иного не дано, они не приводят.

Авторы доклада видят выход из создавшегося положения в восстановлении демократических институтов (см. раздел III доклада), но сами, похоже, не верят в реальность своих рекомендаций. Это выражается в том, что, во-первых, предлагаются внешние, косметические преобразования (прямые выборы Совета Федерации и губернаторов), невянятно говорится о том, что «в целом местный уровень власти существенно укрепился», а сами реформы откладываются на неопределенный срок (от 20 до 100 лет). В результате предлагается в неопределенные сроки «радикально» изменить форму, что вызывает очевидное подозрение в нежелании менять содержание.

В научной литературе всесторонне обосновывалось утверждение о положительном влиянии федеративных отношений на темпы экономического роста. В частности, Л. Полищук выделил механизмы таких связей, в том числе указал на возможность более полного учета местных особенностей при предоставлении общественных благ, возможность экспериментов в налогово-бюджетной сфере, отметил усиление межрегиональной конкуренции за мобильные ресурсы, констатировал развитие у граждан представлений об эффективности государственного управления [11]. Но такая система может работать эффективно, только если региональные и местные власти подотчетны местному населению и автономны по отношению к центральным властям. С другой стороны, общие вопросы решаются обязательно с участием представителей регионов. Только в этом случае федеративные отношения позволяют существенно

усилить и, главное, институционализировать конкуренцию в экономике, децентрализовать процессы принятия решений, обеспечить их прозрачность и повысить предсказуемость политики властей. Тогда федеративные институты, не будучи тождественными демократическим институтам, тем не менее смогут приводить к тем же результатам в виде устойчивого экономического роста, что и последние. Собственно, этот тезис получил очередное подтверждение в первой части данной работы. При этом реформа федеративных институтов (равно как и контрреформа) обычно занимает гораздо меньше времени, чем построение демократии.

В нашей стране из-за преобладающей негативной оценки экономического и социального развития страны в 1990-е годы, вследствие быстрого роста в годы 2000-е, а также в результате пропагандистских усилий спрос на работающие демократические институты невысок. Более того, и у властей, и у большинства социальных групп сформировалось представление о демократии, во-первых, как о наборе ритуальных процедур (выборы), а во-вторых, как о слабой власти, являющейся объектом манипулирования со стороны групп с особыми интересами, т.е. демократия в общественном мнении стала синонимом коррупции.

Особым моментом стало то, что ценность демократии и эффективность ее институтов признаются только в отношении богатых и процветающих обществ. В бедных же странах, как считается, демократия ведет к анархии. Выводом обычно служит утверждение о необходимости сначала авторитарной модернизации и лишь потом демократизации. Представление о том, что демократия – относительно молодое явление в общественной жизни и присуща она только «западным» обществам с особым менталитетом, есть результат либо незнания, либо манипулирования историей. Более того, даже самые авторитарные режимы в современном мире не могут себе позволить полностью отбросить демократические формы без риска окончательно утратить остатки легитимности. Хотя выстраивание демократических институтов не только по форме, но и по существу действительно является длительным процессом.

В таком случае модернизацию экономики и общества следует начинать с укрепления институтов правового государства, а вовсе не с выборов всех и вся, перераспределения полномочий или переподчинения ведомств. Что собой представляет правовое государство и как оно строится, можно узнать, например, из фундаментальных работ академика Б.А. Кистяковского [12]. Если этого покажется недостаточно, можно обратиться к множеству работ, в том числе и к обобщающим полезный опыт разных стран, успешно осуществивших модернизацию.

Вторым шагом должны стать восстановление институтов местного самоуправления и формирование его устойчивой финансовой базы. Системы аппаратного контроля и «балльно-рейтинговых» оценок со стороны «вышестоящих» организаций должны быть ликвидированы и заменены системой публичного контроля.

Что касается отношений в системе «федеральный центр – субъекты Федерации», то начинать следует с политики федерального центра. Прежде всего должна быть восстановлена формализованная система выделения трансфертов, желательно на основе среднесрочных нормативов подушевого финансирования (разумеется, с учетом удорожающих факторов, таких как климат и удаленность). Только после этого следует приступить к двум взаимосвязанным реформам на федеральном и региональном уровнях: переходить к среднесрочному программно-целевому планированию бюджетных расходов и начинать административную реформу.

Очевидно, что при этом демократизация политических процессов на всех уровнях власти может идти с разной скоростью, поскольку демократия сама по себе (ротация высших руководителей на основе честных выборов, независимость судов и свободная пресса) является ценностью и благом, но не гарантирует эффективности принимаемых решений. Она лишь позволяет быстрее выявлять и исправлять ошибки. Возникает, правда, вопрос: сколько времени отпущено для эволюционного восстановления разрушенных институтов, а также для начала их полноценной работы?

Кризис – это всегда проверка жизнеспособности всего и вся: от финансовых институтов и психологии домохозяйств до бюджетов и государственных институтов. Нынешний кризис выявил неадекватность федеративных институтов во многих странах мира, прежде всего в России. Восстановление работоспособных государственных институтов в России следует начинать с реформы федеративных отношений.

Литература

1. **Клисторин В.И.** Экономические основания бюджетного федерализма // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 4. – С. 18–34.
2. **Илларионов А.Н.** Счетчик кризисных потерь [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2010/02/11_x_3322468.shtml (дата обращения 05.04.2010).
3. **Башкатова А.** Кризис в России напугал Всемирный банк [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010-02-05/1_crisis.html?mthree=1 (дата обращения 05.04.2010).
4. **Важнейшие** экономические показатели России и отдельных зарубежных стран [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/32.htm (дата обращения 05.04.2010).
5. <http://www.gazeta.ru/comments/nm/tabs/24392.shtml?full> (дата обращения 05.04.2010).
6. **Клисторин В.И.** Качество экономического роста и региональное развитие // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 3. – С. 30–41.
7. **Селиверстов В.Е., Клисторин В.И.** К десятилетию Конституции Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 4. – С. 18–34.
8. **Клисторин В.И.** Российский федерализм: программы и инициативы // Регион: экономика и социология. – 2003. – № 3. – С. 3–5.
9. **К программе** социально-экономического развития России 2008–2016: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2008. – 246 с.
10. **Россия XXI века: образ желаемого завтра.** – М.: Экон-Информ, 2010. – 66 с. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.riocenter.ru/files/Obraz_gel_zavtra.pdf (дата обращения 05.04.2010).
11. **Полищук Л.** Федерализм и экономическое развитие России // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 2. – С. 18–33.
12. **Кистяковский Б.А.** Философия и социология права. – СПб.: РХГИ, 1998. – 500 с.

*Дорогая Галина Афанасьевна,
поздравляем!*

*Коллеги, многочисленные ученики, друзья,
редакционная коллегия журнала поздравляют
ГАЛИНУ АФАНАСЬЕВНУ УНТУРУ,
доктора экономических наук, профессора,
заведующую лабораторией ИЭОПП СО РАН,
члена редакционной коллегии Всероссийского научного
журнала «Регион: экономика и социология»,
с юбилейным днем рождения
и желают крепкого здоровья и творческого долголетия!*

Вся трудовая деятельность Галины Афанасьевны Унтуры связана с Институтом экономики и организации промышленного производства. После окончания Новосибирского государственного университета и аспирантуры она прошла в ИЭОПП путь от младшего научного сотрудника до заведующей лабораторией, доктора экономических наук, профессора.

Г.А. Унтура – признанный ученый в области региональной экономики, управления, прогнозирования и разработки экономических механизмов научно-технического и инновационного развития регионов. Она автор более 170 научных работ, известных как у нас в стране, так и за рубежом. Основными направлениями ее исследований являются анализ инновационной среды региона, ее структуры и механизмов формирования в условиях рынка, анализ региональных особенностей экономики знания, изучение проблем инвестиционного сопровождения инновационных проектов, анализ и прогнозирование технологического развития Сибири и России с учетом научно-технологического и инновационного потенциала.

В настоящее время Г.А. Унтура активно занимается проблемами формирования научно-технического комплекса, инновационной среды региона и инвестиционного сопровождения инноваций, является ведущим исполнителем исследований по приоритетным направлениям и проектам Президиума РАН, Сибирского отделения РАН, администраций краев и областей Сибирского федерального округа.

Успешную научно-исследовательскую работу Г.А. Унтура совмещает с подготовкой высококвалифицированных специалистов в области экономики. Она является профессором кафедры экономического управления Новосибирского государственного университета. Под ее руководством защищено пять кандидатских диссертаций, а также магистерские диссертации и дипломные работы студентов НГУ.

Г.А. Унтура уже более 15 лет бессменный член редакционной коллегии Всероссийского научного журнала «Регион: экономика и социология». Публикуемые ею в нашем журнале статьи всегда вызывают большой интерес у читателей.

Регион: экономика и социология, 2010, № 2, с. 107–128

ПРОЕКЦИЯ КРИЗИСА НА ИННОВАЦИИ В РОССИИ: ТЕОРИЯ И РЕАЛИИ

Г.А. Унтура

ИЭОПП СО РАН, Новосибирский государственный университет

*Статья подготовлена при финансовой поддержке СО РАН
(проект «Роль экономики знания в развитии инновационного сектора
экономики Сибири: экономические и социальные аспекты»)*

Аннотация

Исследуется проявление кризиса в инновационной сфере в России. Показаны предпосылки для сохранения факторов инновационного развития в качестве контрдействия кризису. Делается вывод, что сохранение и поддержание факторов инновационного развития – один из теоретических и практических путей смягчения и преодоления последствий кризиса.

Ключевые слова: экономика знаний, инновации, кризис, технологический уклад, финансы, сценарии, развитие

Abstract

The paper analyses the innovation processes in Russia, and how the crisis affects them. We conclude that our policy responses to the crisis should imply the governmental support for factors of the innovation processes, which could be considered as one of the ways in practice to control and mitigate the crisis.

Keywords: knowledge economy, innovations, crisis, technological structure, finances, scenarios, development

ИННОВАЦИИ НА ВОЛНЕ КРИЗИСА

Инновации^{*}, как показывает мировой опыт развития, выступали в качестве одного из способов выведения из кризиса как национальных, так и региональных экономик. Инновации проявлялись как реакция на неэффективность использования действующих техники и технологии, а также кадров. Хронологические периоды возможного наступления кризисов прогнозировались в рамках теории кондратьевских циклов, и возникновение нынешнего кризиса как раз укладывается в эту цикличность. При этом государства в осуществлении антикризисных мер и развитии инноваций участвовали по-разному. Возрастала роль знаний как стратегического ресурса материальных и нематериальных инноваций и одновременно – риск их непродуманного использования. Эту ситуацию охарактеризовал В. Мау: «Вот мы говорим “инновации”, а это инновационный кризис, кризис инновационно-финансовых инструментов, с которыми мы никогда не сталкивались, это кризис такого глобального масштаба, которого тоже никогда не было» [1].

Анализируя историю кризисов, многие авторы отмечали, что, действительно, каждый, даже локальный кризис открывал возможность для нового технического рывка в том или ином направлении [2]. Так, в истории технического развития информационно-коммуникационных технологий можно обнаружить, что после нефтяного кризиса 1970-х годов был изобретен мобильный телефон, персональные компьютеры появились в результате рецессии 1980-х годов, электронные всемирные сети возникли после кризиса 1987 г. и т.д.

По мнению П.Г. Щедровицкого, историческая миссия инноваций состоит в том, что они средствами следующей волны развития технологий и общества решают проблему предыдущего этапа развития. Его базовая гипотеза заключается в следующем: «...Текущий кризис по-

^{*} Термин «инновация» в России еще законодательно не введен. В литературе он полисемичен, т.е. означает и процесс, и результат осуществления нововведения, приносящий общественную и/или коммерческую отдачу от инвестиций. Существуют также развернутые классификации инноваций, но в настоящее время статистикой отражены лишь некоторые инновационные параметры и экономические характеристики технологических, организационных и маркетинговых инноваций.

вышает востребованность как оптимизирующих, так и критических инноваций новой волны. Мир сегодня гораздо более открыт к новым решениям, чем десять или двадцать лет назад. Это означает, что у России на рубеже двадцать первого века появляется исторический шанс. Этот шанс... определен возможностью развертывания полномасштабного контура инновационной экономики в ситуации смены модели развития и включения в международную кооперацию в инновационной сфере. При этом... у России еще есть достаточное число ресурсов для реализации подобного инновационного сценария» [3].

С.Ю. Глазьев предлагает сделать научно-технологический рывок в развитии новейших укладов в России в условиях кризиса [4]. Не подвергая сомнению общую стратегическую роль инноваций в развитии общества, академик А.Г. Аганбегян дает осторожные оценки скорости и масштабов развития в ближайшее время в России новейших технологических укладов. Более реалистичными, по его мнению, являются варианты сочетания элементов новейших укладов с инновациями в традиционных технологиях добычи и переработки ресурсов, особенно в ресурсодобывающих регионах страны [5].

РЕАЛИИ И ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПРЕДКРИЗИСНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Наблюдая за развертыванием кризиса, оценивая точки опоры для стабилизации ситуации и последующего роста, многие эксперты и правительства стран и регионов делают ставку на инновации. Насколько это оправданно, чтобы не стало блефом и болезненным проигрышем из-за завышенных ожиданий?

Развитие инноваций в России в предшествующее десятилетие не дает особых поводов для оптимизма. Мнения многих ведущих экспертов и аналитиков [6–10], изучавших тенденции развития инновационных процессов в стране за период 1998–2008 гг., совпадают в том, что постдефолтный рост многих показателей развития науки и инноваций после 2000 г. перешел в состояние усиливающейся стагнации инновационной деятельности во всех российских регионах. Единичные впечатляющие примеры результатов фундаментальных исследований,

воплотившихся в революционные технологические решения, имеются, но о массовом переходе к инновационному развитию, тем более на базе новейших технологических укладов, говорить пока не приходится.

Причем все эти годы в различных правительственных документах декларировалась необходимость перехода на инновационный путь развития как путь безальтернативный, соответствующий мировым тенденциям глобализации и вхождению России в круг ведущих держав мира. В стране начаты создание новых институциональных условий для развития инноваций и их поддержка на базе формирования технопарков, свободных экономических зон, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий и т.п. Принятые меры, по мнению Президента России Д.А. Медведева, в явной форме в 2009 г. еще никак не подействовали, и не наблюдается ни существенных технологических прорывов в отечественной экономике, ни признаков интенсивного массового освоения результатов исследований и разработок.

В статистике отражено, что несмотря на увеличение финансирования науки из бюджета (в абсолютном выражении), его доля в ВВП страны неуклонно сокращается. Так, динамика ассигнований из федерального бюджета на научные исследования и разработки гражданского назначения составила в 2009 г. 166,5 млрд руб., в 2008 г. – 129,3 млрд, в 2007 г. – 105,5 млрд, в 2006 г. – 77,1 млрд руб., а их доля в ВВП снизилась примерно до 1%. По этому показателю Россия занимает 31-е место в мире (в странах – лидерах инновационного развития данный показатель составляет 3–4,5%).

Говоря о финансировании из всех источников науки и технологических инноваций, можно констатировать непропорциональность ресурсов в научно-производственном цикле – превышение в 1,6 раза затрат на науку над затратами на технологические инновации. Это сдерживает повышение эффективности инновационной деятельности (см. таблицу) и ограничивает масштаб рыночного продвижения инноваций как в стране, так и, что особенно важно, в отдельных субъектах РФ, например в Новосибирской и Томской областях, которым отведена роль инновационных локомотивов, способных дать толчок развитию высокотехнологичных производств и инновационной модернизации традиционных технологий в Сибири.

Отдельные параметры развития науки и инноваций в России

Показатель	1995	2000	2005	2007	2008
Внутренние затраты на науку, млрд руб. (до 1998 г. – трлн руб.) в действ. ценах	12,2	76,7	230,8	371,1	431,1
Затраты на технологические инновации, млрд руб. (до 1998 г. – трлн руб.) в действ. ценах, всего	7,3	49,4	125,7	207,5	276,3
В том числе:					
затраты на НИР, %	26,9	14,3	15,7	17,3	15,0
затраты на приобретение машин и оборудования, %	43,5	57,4	60,3	57,5	59,0
затраты на маркетинговые исследования, %	–	–	0,33	0,34	0,50
затраты на подготовку кадров, %	–	–	0,42	0,51	1,0
Интенсивность затрат на технол. инновации (уд. вес затрат на технол. инновации в общ. объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг), %	0,9	1,4	1,2	1,5	1,6
Выпуск инновационной продукции на 1 руб. за- трат на технологические инновации	–	2,5	3,8	4,1	3,6

Показатели результативности инновационной деятельности российских предприятий в 2008 г. остались на уровне показателей 2005 г., и разрыв по отношению к значению аналогичных показателей развитых стран не сократился. В 2008 г. инновации внедряли 9,6% отечественных предприятий, что в 5–7 раз меньше, чем в Германии, Великобритании или Норвегии. Доля инновационной продукции в промышленном производстве России сохраняется на уровне 5,5%, в то время как в США она составляет 70%, в ряде европейских государств – 40–50%, а в Китае приближается к 34%.

«Инновационные оазисы» страны, например Московская, Нижегородская, Новосибирская и другие области, имеющие в структуре экономики довольно высокий удельный вес высокотехнологичных отраслей на фоне неинновационной части экономики, не смогли занять заметные ниши в экспорте высокотехнологичной продукции, особенно на внешних рынках. Снижение финансирования рискованных инновационных инвестиционных проектов в условиях кризиса

может «стереть» наметившиеся точки роста, которые должны обеспечить будущие технологические прорывы.

Малый инновационный бизнес без поддержки государства и крупных корпораций не смог пока решить проблему перехода в другую «весовую категорию», доля организаций с объемом оборота продаж свыше 50–100 млн долл. США незначительна и уступает показателям развития малого инновационного бизнеса развитых стран [9]. Малые инновационные фирмы рано или поздно прекращают существование, если нет крупных структур, способных обеспечить массовый выпуск их инновационной продукции.

По-видимому, вначале следовало развивать наукоемкое производство в реальном секторе экономики, а параллельно поддерживать инфраструктуру инноваций, а не наоборот. Наметилась тенденция к снижению доли наукоемкой составляющей в структуре затрат на технологические инновации по направлениям деятельности. Доля затрат на исследования и разработки, приобретение технологий в 2008 г. в общей структуре затрат на технологические инновации заметно снизилась по сравнению с уровнем 2000 г. Индикаторы новизны вновь внедряемой продукции показывают, что с реальным обновлением производства связано чуть более половины всей инновационной продукции, а новая для рынка продукция в ее составе не набирает и 0,4%, тогда как, например, в Финляндии она достигает 16% [10].

Сама по себе положительная тенденция увеличения финансирования научных исследований не дополнялась ускоряющимся ростом затрат на технологические инновации, которые определяют судьбу остальных стадий научно-производственного цикла и рыночное масштабирование инновационной продукции. Например, Новосибирская область, лидируя по показателям научной сферы в России (5–6-е места), из-за недостатка средств на технологические инновации достаточно медленно улучшала показатели развития инновационной сферы (30-е место), что не позволило ей к 2008 г. по этому параметру вернуться хотя бы на уровень 2000 г. (19-е место).

Проблемы, которые вызвали стагнацию инновационных процессов, в общем плане явились следствием неэффективности национальной инновационной системы и неприспособленности ее институтов

к вызовам инновационного развития в условиях рыночной экономики. Инструменты централизованного управления НТП были частично утрачены или ослаблены, а рыночные механизмы не сформировались за столь короткий промежуток времени. Так, базовые институты рынка в России оказались неразвитыми также и в инновационной сфере. Спрос заторможен крайне слабой восприимчивостью отечественного бизнеса к нововведениям как технологического, так и нетехнологического характера. На отсутствие коммерческого интереса к инновациям повлияли как макроэкономические условия, типология рынков, преимущественно сырьевых, где котируется продукция российских добывающих производств, так и низкое качество корпоративного управления, определенная успокоенность существующим положением, нежелание рисковать. Предложение инноваций также сдерживалось недостаточной результативностью завершающих стадий научно-производственных циклов в стране. Научные достижения медленно трансформировались в крупномасштабные инновационные проекты, привлекательные для инвесторов. Ни для разработчиков, ни для пользователей инноваций не были созданы действенные стимулы (в виде законодательной или заметной финансовой поддержки со стороны государства).

Механизмы конкурентной среды в инновационной сфере сдерживались определенным консерватизмом в организации научных исследований в системе РАН и практическим монополизмом отдельных отраслевых и проектных институтов, уцелевших после разрушения отраслевой науки, которая в свое время обладала существенными финансовыми ресурсами и служила относительно надежным драйвером нововведений в отечественную промышленность.

Институт интеллектуальной собственности до сих пор не функционирует в таком виде, чтобы действующее законодательство в области интеллектуальной собственности могло обеспечить гарантии как продавцам, заинтересованным в получении интеллектуальной ренты, так и инвесторам, стремящимся получить выгоду от внедрения новых конкурентоспособных технологий и продуктов в производство в случае передачи им прав на распоряжение или владение этой интеллектуальной собственностью.

Имитирование инноваций через экспорт высокотехнологичного оборудования и наукоемких услуг происходит, но его размеры незначительны, в динамике нарастает технологическая зависимость, так как Россия является нетто-импортером инноваций. Кроме того, в условиях мировой конкуренции есть опасность в качестве импорта получать далеко не самые передовые технологические решения и технику.

Не сформированы институты развития, которые бы в полной мере учитывали пространственные и отраслевые тенденции инновационного развития. Здесь важно принимать во внимание, что в России преимущественно развивалась сырьевая экономика, приносящая существенные доходы от экспорта сырья, которые затеняли проблемы отставания в экспорте наукоемкой продукции и высокотехнологичных производств.

Но даже в тех странах, где базовые институты рынка достаточно развиты, они не показали своей эффективности и не смогли предотвратить разразившийся кризис. Говоря о выходе из кризиса с использованием потенциала инноваций, эксперты указывают, что многие новые отрасли не смогут в полной мере развиваться без государственной поддержки национальных приоритетов в научно-технической сфере.

ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Судить о первых признаках проявления кризиса в инновационной сфере пока сложно по отдельным статистическим данным и выборочным сведениям. Кумулятивный эффект кризисного провала может оказаться сильнее, чем его первые проявления. Хотя уже заметны ухудшения показателей, характеризующих как условия предоставления внутренних и внешних ресурсов для развития науки и высокотехнологичного производства, так и масштабы и динамику падения высокотехнологичного сектора. В этих тенденциях соединились, с одной стороны, инерция предшествующего периода развития инновационной системы страны, а с другой – проявление динамики кризиса в инновационной сфере.

Масштаб и структура ресурсов для инновационного развития по сравнению с докризисным 2008 г. пока принципиально не измени-

лись. Хотя очевидно, что и в предкризисный период их масштаб был явно недостаточным для эффективного развития страны на фоне показателей развитых стран. В структуре финансирования основными инвесторами остаются опять-таки сами терпящие бедствие предприятия (их доля в 2008 г. составляет более 70%). Государство по-прежнему обладает ограниченным бюджетным ресурсом, обеспечивая всего около 3% затрат на технологичные инновации. Доли остальных источников финансирования (внебюджетные источники, иностранные инвестиции, венчурные фонды) составляют 0,1–1,0%.

Банки явно не повысят долю кредитования в структуре финансирования без дополнительных гарантий со стороны предприятий или государства. Уровень использования промышленными предприятиями кредитов и займов, которые в 2005 г. обеспечивали пятую часть от объема инновационных затрат, произведенных за счет собственных средств, к 2008 г. снизился до 16,2%, причем на льготных условиях было получено примерно 3–4% их суммарного объема. Недоверие банков к предлагаемым для кредитования инновационным проектам, неустойчивость самой банковской системы в условиях развертывания кризиса пока препятствуют решению проблемы финансирования инноваций «длинными деньгами», предлагаются высокие процентные ставки и короткие сроки кредитования и т.д.

Еще более сдержанно вступают в борьбу с кризисом венчурные фонды. В 2007 г. в России объем венчурного инвестирования в крупные и средние проекты крупных компаний оценивался в 80 млн руб. (0,1%). Но по мнению экспертов, одна тенденция намечается четко: в нынешних условиях рисковать проще. Если посмотреть на практику большинства частно-государственных венчурных фондов, они вкладывали средства прежде всего в проекты с минимальным риском, т.е. минимизация рисков имела больший приоритет, чем потенциальные прибыли. А сейчас инвестору уже нет смысла ставить вопрос: потеряет он миллион или не потеряет? Из-за кризиса он что-то потеряет в любом случае. Вопрос стоит иначе: какую прибыль можно получить в случае успеха? Возможно, для ряда инвесторов кризисная ситуация снимет психологические барьеры на пути вложений в высокорисковые прорывные хайтек-проекты.

Иностранные инвестиции в 2007 г. составляли 628 млн руб. и концентрировались по большей части в производстве пищевых продуктов (48%) и автомобилестроении (31%). В 2008 г. они снизились по стране примерно в 3 раза.

Недостаток «длинных денег» во всех внебюджетных источниках выступает серьезным ограничением. По-видимому, в государственном и корпоративном секторах должна произойти консолидация ресурсов для осуществления крупномасштабных проектов.

В целом можно сказать, что в период 2008–2009 гг. ресурсы науки в силу ее значительной поддержки государством менее пострадали, чем ресурсы инновационного сектора. В 1995–2008 гг. затраты на технологические инновации в постоянных ценах лишь удвоились (см. таблицу), а если смотреть в текущих ценах, то создается видимость их значительного прироста: абсолютный объем таких инвестиций в 2008 г. составил 276,2 млрд руб. Практически сохранился перекос между затратами на науку и затратами на технологические инновации (в 1995 г. соотношение составляло 1,7 раза, а в 2008 г. – 1,6 раза), что не свидетельствует о повышении уровня использования отечественного научного потенциала в реальном секторе экономики.

Основным источником инвестиций в инновации в корпоративном секторе в предшествующий 10-летний период выступали собственные средства предприятий. Масштабы инвестиций в инновации, осуществляемых предприятиями, уже в предшествующий период были несоразмерны задачам модернизации и перевода экономики на новую модель роста и не позволяли произвести радикальное обновление основного технологического базиса и расширение спектра конкурентоспособной продукции. Заметного прироста финансирования технологических инноваций в Российской Федерации в 2008 г. не произошло. В докризисный период не было также внедрено значительное число радикальных инноваций, охватывающих полный цикл работ – от специализированных исследований и разработок до технологической подготовки производства и выпуска принципиально новой продукции. Инновации становились все более дорогостоящими. Остается открытым вопрос: смогут ли они быть практически доступны предприятиям во время кризиса? Насколько реальна возможность объединения

средств участников в рамках вертикальной и горизонтальной интеграции (крупного и малого бизнеса), заинтересованных «выжить»?

В структуре затрат по видам инновационной деятельности преобладали технологические инновации (59%), т.е. средства на покупку машин и оборудования, что объяснялось необходимостью замены выходящего оборудования и отражало эффект догоняющей модернизации, когда при реализации инновационных проектов использовалось приобретение основных фондов. При этом была низкой доля затрат на приобретение технологий – не более 2%, из них 1% составляли затраты на приобретение прав на патенты.

Научные исследования и разработки занимали в структуре инновационных затрат второе место после затрат на приобретение машин и оборудования. В 2008 г. в Российской Федерации удельный вес затрат на научные исследования и разработки в общем объеме инвестиций в технологические инновации составил 15%, что в 2 раза ниже уровня 1995 г. Научные исследования проводились преимущественно крупными инновационными предприятиями, доля которых в общем числе – менее 1%. Остальные предприятия лишь эпизодически прибегали к практике трансфера инноваций или покупке готовых технологических решений.

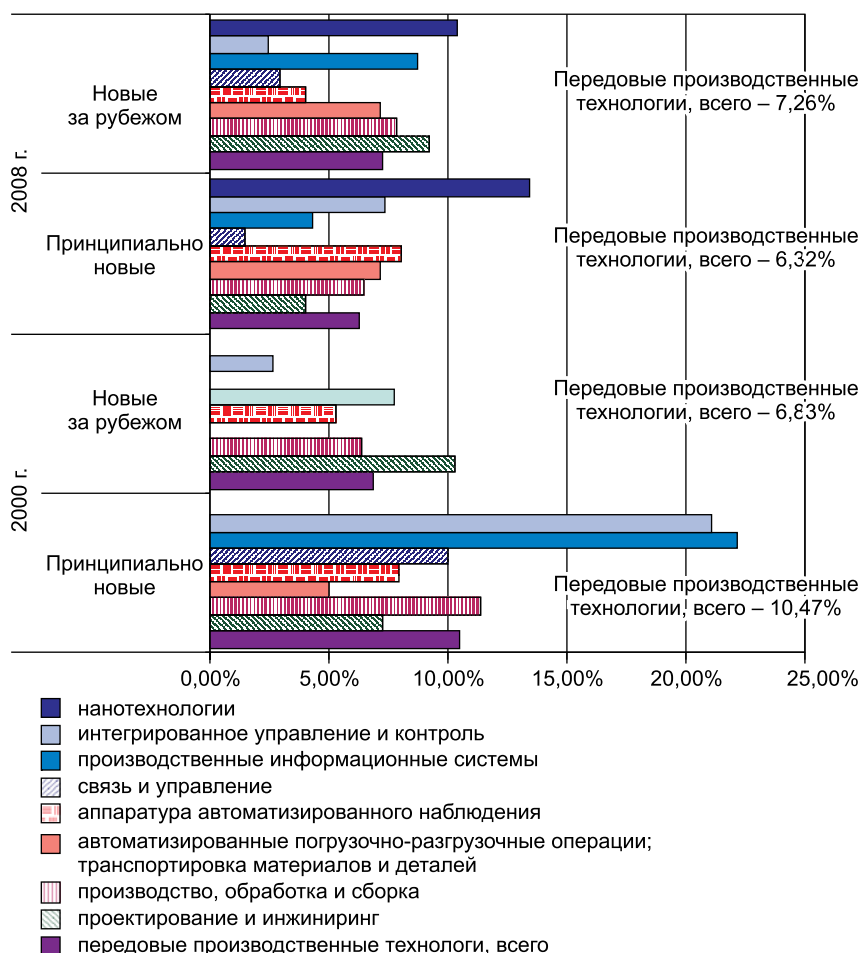
Существенно меньше, чем в мировой практике, была доля затрат на подготовку персонала (1%) и проведение маркетинговых исследований (0,5%), что не позволяло эффективно осуществлять организационные и маркетинговые инновации. Таким образом, затраты на нематериальные (интеллектуальные) компоненты инновационного процесса в России оказались значительно ниже, чем в странах, лидирующих в инновационном развитии.

Кризис проявился в падении объемов производства в большинстве отраслей реального сектора экономики страны. Оборот организаций в январе–октябре 2009 г. по отношению к январю–октябрю 2008 г. составил в целом по РФ 90,2%, в добывающих отраслях – 86,4, в обрабатывающих отраслях в целом – 76,4, в производстве машин и оборудования – 80,0, в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 78,0, в производстве транспортных средств и оборудования – 66,4%, хотя в сельском хозяйстве и в произ-

водстве пищевых продуктов за этот же период наблюдался рост: 109,0 и 104,4% соответственно. Менее заметно затронул кризис сферу интеллектуальных услуг, оборот таких организаций даже несколько вырос: у организаций науки он составил 102,7%, образования – 104,5%.

Кризисные явления в сфере информационно-коммуникационных технологий, отмечавшиеся в условиях экономического спада 2000–2002 гг. во всем мире, еще в большей степени проявляются в поведении основных потребителей ИКТ в России в 2008 г. «Во-первых, это сокращение общих расходов на закупку новой компьютерной техники и ПО, сокращение числа проектов по созданию и использованию информационных систем. Во-вторых, это консолидация средств, развитие системы нормативов и стандартов использования унифицированных элементов инфраструктуры, в-третьих, развитие аналитических приложений и аналитических баз, необходимых для ситуаций мониторинга быстрых экономических и финансовых изменений в условиях кризиса» [11]. В-четвертых, это развитие контингента мобильных работников, способных успевать адекватно реагировать на резкие изменения в поведении рынка. «Общий объем рынка ИТ в 2008 г. превышал 5,22 млрд долл. (годовой прирост составил 18,7%). Однако во втором квартале 2009 г. падение рынка составило 24%. Мониторинг зафиксировал падение показателей во всех направлениях деятельности ИТ-компаний: объем сектора компьютерного оборудования снизился по отношению к соответствующему периоду прошлого года на 36% (прогноз – 28,8%), сетевого оборудования – на 23% (прогноз – 22,5%), программного обеспечения – на 16% (прогноз – 11,1%). Лишь в секторе ИТ-услуг реальное падение оказалось меньше прогнозируемого – всего на 1% (прогноз – 5%)» [11]. Несмотря на это, результаты мониторинга состояния российских региональных ИТ-компаний в августе 2009 г. на предмет устойчивости в период кризиса показали, что такие компании в целом демонстрируют жизнестойкость.

Динамика создания технологий по различным группам (см. рисунок) показывает, что в структуре созданных технологий в 2008 г. произошли некоторые изменения по сравнению с 2000 г., в частности снизилась доля передовых производственных технологий: с 11% в 2000 г. до 6,2% в 2008 г. Появились нанотехнологии, которые начиная

Распределение созданных в России технологий по группам в зависимости от степени новизны в 2000 и 2008 гг.

с 2008 г. стали фиксироваться статистикой отдельной группой. В созданных нанотехнологиях доля принципиально новых технологий в Российской Федерации составляла около 14%, а новыми для внешних рынков оказалось около 10%. Отметим, что в 2008 г. около 5% со-

здаваемых информационных систем были новыми в РФ и около 10% обладали новизной за рубежом, чего не наблюдалось в 2000 г.

Когда говорят о возможных последствиях кризиса, предполагают, что инновации станут одним из потенциальных резервов, которые необходимо энергично подключить для выхода из текущего кризиса. Между тем сама инновационная сфера рискует сильно пострадать от спада экономики [12], прежде всего от падения спроса на инновации. В докладе ОЭСР содержатся данные о замедлении роста либо абсолютном снижении расходов компаний на исследования и разработки в IV кв. 2008 г., о переориентации многих фирм на менее рискованные краткосрочные инновационные проекты, о сокращении числа квалифицированных специалистов, о снижении объемов венчурных инвестиций, особенно в инновационные «стартапы». Вместе с тем, по ответам ряда менеджеров высшего звена исследовательских служб крупных компаний, примерно 40% из них не ожидают снижения затрат этих служб, а 40% даже предполагают возрастание затрат на науку, 20% – рост числа контрактов с университетами, 12% – продажи лицензий на объекты интеллектуальной собственности и т.п. [13].

Основатель «Levensohn Venture Partners» утверждает, что инновации и предпринимательство в США находятся в состоянии кризиса. Такое положение он объясняет совокупным эффектом трех трендов: 1) недостаточным вниманием к фундаментальной науке и чрезмерным увлечением коммерциализацией инноваций; 2) снижением доли финансирования научно-технических разработок (R&D) в ВВП страны; 3) текущим финансовым кризисом, подточившим основание финансирования венчурного бизнеса. В частности, делается вывод, что проблема, возникшая в связи с инновационным кризисом, – это слабость инновационного взаимодействия между государством, университетами, корпорациями и предпринимателями [14].

Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ) подвела текущие итоги влияния кризиса на инновационный сектор России. «Общий объем расходов на инновации в стране сократился более чем на 75% и составил около 35 млрд руб. за I кв. 2009 г. При этом изменилась общая структура расходов. Так, если по данным на август 2008 г. отношение государственных

и частных вложений составляло соответственно, 73% и 27%, то сейчас – 87% и 13%. При этом среди инновационных компаний все большее распространение получают пессимистические прогнозы развития экономической ситуации. В частности, по данным социологического опроса НАИРИТ, проведенного в марте 2009 г. среди инновационных компаний, более 72% респондентов не видят перспектив реализации их инновационных проектов в ближайшие 3 года, и лишь чуть более 20% респондентов имеют положительный настрой (17% рассчитывают в скором времени реализовать свой проект, 4% говорят о том, что их проект уже успешно реализуется)» [15].

ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Более отдаленные последствия глобального кризиса для инновационных процессов, как отмечается в отдельных теоретических исследованиях, могут носить противоречивый характер. Современные исследователи инновационных процессов как в мире, так и в России видят эту противоречивость в единоборстве двух объективных тенденций. Веса экономических последствий выхода из кризиса балансируют между крахом и шансом.

Первая тенденция, сдерживающая преобразования, вытекает из ретроспективных условий развития технологического базиса: нельзя всем предприятиям мгновенно перестроиться ни технологически, ни финансово, поэтому часть неэффективных технологий и производств может быстро отмереть, но оставшаяся будет стремиться к модернизации в рамках прежних укладов. Для этой тенденции характерны сильная зависимость от инерционности уже реализованных процессов технологической модернизации [16, 17] и институциональная преемственность, препятствующая и даже временами сдерживающая коренные преобразования, тормозящая использование новейших технологических укладов [10, 18]. Эта тенденция, усиленная кризисом, может привести к банкротству, затяжной стагнации и даже краху на макро- и микроуровне, т.е. как страны, так и отдельного предприятия.

Кризис при инертности руководства страны и отдельных социальных групп может затормозить переход к новейшим укладам. В советской экономике отмечалось наличие одновременно третьего, четвертого и пятого технологических укладов с преобладанием третьего и четвертого. При этом разные уклады были мало связаны между собой технологически и поэтому практически не оказывали большого влияния друг на друга. В настоящее время в России, по мнению специалистов, примерно 50% промышленности относится к четвертому технологическому укладу, 4% – к пятому и менее 1% – к шестому. Господствующими в большинстве отраслей производства являются третий и четвертый технологические уклады. По нашим оценкам, основной производственный аппарат отраслей экономики Сибири соответствует критериям третьего и четвертого технологических укладов, причем наблюдается сильный износ оборудования в большинстве отраслей, что требует воспроизводства фондов даже в рамках этих укладов [17].

В России пятый технологический уклад существует преимущественно в оборонных отраслях промышленности. Первая стадия пятого технологического уклада – автоматизированное производство, функционирующее на основе электронного описания всех сопряженных технологических процессов и компьютерного управления ими (АСУТП и АСУП), освоена в нефтедобыче и нефтепереработке, химической промышленности, электроэнергетике.

В рамках технологических укладов существуют отдельные технологические ядра в виде комплексов технологически взаимосвязанных отраслей, обеспечивающих выход конечного рыночного продукта. Например, как продукт электроэнергия и тепло практически не изменились при переходе от уклада к укладу, но меняются технологии их производства, возникает новое качество продукта и снижаются издержки производства, формируются новые условия стационарного и мобильного потребления электроэнергии и тепла.

Новые продукты и услуги появляются при переходе к более высоким технологическим укладам (новые виды энергии и новые технологии их производства). При этом ценовая политика, эффективность конечного потребления, монополизм, форма собственности и ряд других

институциональных факторов будут влиять на скорость замены одних технологических платформ на другие даже в рамках одного уклада.

Вторая тенденция, усиливающая вероятность инновационных преобразований в условиях кризисов, отмечаемая Й. Шумпетером [19, 20] и Д. Хартом [21], вытекает из постепенного накопления «трансформационных стрессов» внутри инновационной системы и может разрешиться их быстрым преодолением под воздействием экзогенного экономического шока. «Такой шок смягчает сопротивление изменениям, “встряхивает” сети, побуждает к... организационному экспериментированию и “взбадривает” отношения между институтами» [21, р. 648].

Шанс дается тем организациям, которые в условиях кризиса рискнут воспользоваться как инкрементальными (постепенными), так и радикальными инновациями для роста эффективности производства. Мировой опыт «созидательного разрушения» (термин Й. Шумпетера), отмечаемого при развитии высокотехнологичных валотильных отраслей, таких как микроэлектроника, биотехнологии, оказался более успешным преимущественно при создании новых производств.

Есть и возражения против идеи «созидательного разрушения», состоящие в том, что разрушение как таковое не может дать позитивного эффекта без целостного понимания процессов модернизации и инновационного и технологического развития. По мнению А. Аузана, инновации – только часть модернизационного процесса, не говоря уже о том, что и в модернизированных странах инновационный процесс продолжается. «Не согласен я и с теми, – пишет А. Аузан, – кто кричит, ссылаясь на Йозефа Шумпетера: “кризис – самое подходящее время для инноваций, созидательное разрушение!” ...Хочу напомнить, что не любое разрушение является созидательным. То, что происходит в России или в Украине, совершенно не созидательно. Если вы заранее не создали институтов, которые способны реагировать на кризис, то получится просто разрушение, после которого нужно мусор выгрести, да экономику восстанавливать. А вовсе не модернизацию затевать» [22, с. 4].

Выход из кризиса связан с глобальными изменениями. По мнению С.Ю. Глазьева [4], в рамках кризисной модернизации экономический подъем возможен только на новой технологической основе с качественно новыми потребительскими предпочтениями. Новый технологи-

ческий уклад переходит из эмбриональной фазы развития в фазу роста. Этот процесс характеризуется экспоненциальным ростом расходов на освоение новейших технологий; объемы производства в ядре технологического уклада, несмотря на кризис, увеличиваются с темпом около 35,5% в год. Однако пока его вес в структуре современной экономики остается незначительным. Выход на новую волну экономического роста обеспечит качественный скачок после завершения структурной перестройки ведущих экономик мира на основе нового технологического уклада, которое ожидается в середине следующего десятилетия.

К отраслям шестого технологического уклада прежде всего относят

- нанотехнологии, в том числе наноэлектронику, важную для нового поколения сверхминиатюрных супербыстродействующих систем обработки информации;
- фотонику, включающую широкий спектр оптических, электрооптических и оптоэлектронных устройств и их разнообразных применений, в том числе технологию полупроводниковых соединений, полупроводниковые лазеры, оптоэлектронные устройства, высокоскоростные электронные устройства;
- технологии на основе достижений системной биологии, включающей биоинформатику, протеомику, геномику, микробиологию, биотехнологии и др.;
- новую медицину и современное природопользование;
- развитие креативных способностей человека на основе высоких гуманитарных технологий;
- CALS-технологии, применяемые в перестройке существующих бизнес-процессов в высокоавтоматизированный и интегрированный процесс управления жизненным циклом продукта; и др.

Однако, по мнению экспертов, чтобы, например, нанотехнологии стали реальностью, на них ежегодно необходимо тратить не менее 1 трлн долл. США. По прогнозам американской организации Национальная инициатива в области нанотехнологии (National Nanotechnology Initiative), развитие нанотехнологий через 10–15 лет позволит создать новую отрасль экономики с оборотом в 15 млрд долл. США и примерно 2 млн рабочих мест.

У России не менее масштабные намерения. Благодаря президентской поддержке сектор нанотехнологий также получает особый статус: нанотехнологии – одна из самых передовых и перспективных сфер отечественной науки.

План формирования российской наноиндустрии с объемом продаж на уровне 900 млрд руб. к 2015 г. содержит инфраструктурный проект, имеющий целью запустить по регионам России сеть наноцентров. Сеть «центров коллективного пользования» дорогостоящим оборудованием для частных предпринимателей будет в дальнейшем организована по всей стране. Итоговый объем финансовых резервов госкорпорации до 2015 г. запланирован в размере 130 млрд руб., дополнительно предусмотрено 180 млрд руб. в виде суверенных гарантий на субсуверенные заимствования. Таким образом, на создание государством этой отрасли выделена «уникальная даже по мировым меркам сумма кредита – 310 млрд рублей». На эти средства к 2015 г. в России «будет построено свыше 100 заводов в области наноиндустрии стоимостью более одного миллиарда рублей каждый» [23, 24].

Рынок нанопродуктов в стране пока остается очень небольшим, но ожидается, что в следующие два десятилетия нанотехнологии будут реализованы в самых разных типах продукции. Основа для нанобизнеса в России, по мнению зарубежных экспертов, также вполне реальная, поскольку достаточно высок уровень фундаментальных исследований в ядерной, космической и гражданских отраслях, демонстрирующих спрос на нанотехнологии.

Однако кардинальные технологические изменения должны быть сопряжены с не менее важными переменами в социуме. Выход из кризиса за счет инноваций будет во многом определяться глобальными социокультурными и технологическими тенденциями, восстановлением и повышением спроса на инновации. В настоящее время философы говорят и о седьмом технологическом укладе – «социогуманистическом» как необходимом условии бескризисного развития [25]. Давая прогноз относительно структуры и эпицентра седьмого технологического уклада, специалисты полагают, что он в полной мере отразит основные черты постиндустриального технологического способа

производства, требования гуманистически-ноосферной постиндустриальной цивилизации.

В России в 2009 г. при поддержке Правительства РФ была разработана система антикризисных мер, в которой предусмотрена модернизация институтов и технологическая модернизация. В опубликованной правительственной программе антикризисных мер в 2009–2010 гг. центр тяжести смещается с мер по социальной стабилизации населения на меры по оживлению экономики и активную технологическую и институциональную модернизацию. Созданная Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики сконцентрировалась на пяти приоритетных направлениях, которые позволят преодолеть энергетическую зависимость и технологическое отставание от развитых стран, – это ядерные технологии, космические и телекоммуникационные технологии, медицина, энергоэффективность, информационные технологии, в том числе создание суперкомпьютеров. Названные выше приоритетные сектора довольно далеки от низко- и среднетехнологичного сегментов, где у России, возможно, больше шансов диверсифицировать экономику [26], поскольку решение покупателей приобрести тот или иной товар определяется не тем, насколько использовались результаты исследований и разработок, а способностью данного продукта удовлетворять их потребности.

Таким образом, инновационный сценарий развития России в условиях кризиса, в нашем представлении, не должен восприниматься как аналог сценария развития исключительно высокотехнологичных производств. Ключевой позицией инновационного сценария выхода из кризиса на ближайшие годы для России, и в частности для Сибири, является необходимость преимущественно инновационных решений не только в высокотехнологичных отраслях, но также в средне- и даже низкотехнологичных [27]. Это, по нашему мнению, вытекает из ретроспективы развития Российской Федерации, мировая и рыночная специализация которой была связана с мировым спросом на ресурсы и энергоносители и еще долго будет им поддерживаться, что создаст возможность накопления инвестиционных средств для развития новейших укладов и закрепления в отдельных нишах высокотехноло-

гичной продукции на мировых рынках. Главная стратегическая цель – инвестиции в развитие человеческого потенциала, способного превратить последствия кризиса в факторы развития экономики России в мировом экономическом пространстве.

Литература

1. **Мау В.** Выход из рецессии – не конец кризиса, а передышка в борьбе с ним [Эл. ресурс]. – Режим доступа: [//www.vedomosti.ru/newsline/news/2009/09/09/834585](http://www.vedomosti.ru/newsline/news/2009/09/09/834585) (дата обращения 09.09.2009).
2. **Яковец Ю.** Мир после кризиса: партнерство и инновационный прорыв [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.strf.ru/innovation.aspx?CatalogId=223&d_no=26084 (дата обращения 11.12.2009).
3. **Щедровицкий П.Г.** Стенограмма доклада «Инновационная Россия. Подход к построению национальной инновационной системы». Круглый стол «Инновационная стратегия России: взгляд в будущее». Санкт-Петербург, 14 ноября 2003 года [Эл. ресурс]. – Режим доступа: www.csr-nw.ru/content/data/article/file/st45_713.pdf/ (дата обращения 10.12.2006).
4. **Глазьев С.Ю.** Антикризисная модернизация // Инновации. – 2009. – № 10. – С. 51–54.
5. **Яганбегян А.** Кризис: беда и шанс для России. – М.: Астрель, 2009. – 285 с.
6. **Голиченко О.Г.** Основные характеристики национальных инновационных систем России и стран ОЭСР // Вестник Российского гуманитарного фонда. – 2006. – № 3. – С. 84–96.
7. **Дежина И., Салтыков Б.** Становление российской национальной инновационной системы и развитие малого бизнеса // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 2. – С. 118–129.
8. **Экономика Сибири: стратегия и тактика модернизации** / Под ред. А.Э. Конторовича, В.В. Кулешова, В.И. Суслова. – М.: Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН; Анкил, 2009. – Гл. «Инновационная сфера». – С. 84–96.
9. **Имамутдинов И., Медовников Д., Розмирович С.** Пройти пубертантный период // Эксперт. – 2009. – № 2. – С. 12–18.
10. **Гохберг Л., Кузнецова И.** Инновации в российской экономике: Стагнация в преддверии кризиса // Форсайт. – 2009. – № 2. – С. 28–46.
11. **Суворинов А.В., Борисова Л.Ф.** О задачах Межгосударственного координационного совета по научно-технической информации по развитию сотрудничества государств – участников СНГ в сфере межгосударственного обмена научно-технической информацией // Инновации. – 2009. – № 11. – С. 15–20.
12. **ОЕСД.** Policy responses to the economic crisis: investing in innovation for long-term growth. – Paris, 2009. – 5 p.

13. **2009 Global R&D Funding Forecast, 2008** [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.battelle.org/news/pdfs/2009RDFundingfinalreport.pdf> (дата обращения 05.12.2008).
14. **American Innovation in Crisis Speech_by Pascal Levensohn.pdf** [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://pieb-ru.blogspot.com/2009/11/american-innovation-in-crisis.html> (дата обращения 05.11.2009).
15. **Российский сектор инноваций рухнул под нажимом финкризиса** [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/2009/04/27/636665.html> (дата обращения 27.04.2009).
16. **Technical change and economic theory** / Dosi G., Freeman C., Nelson R. et al. – London: Francis Pinter; New York: Columbia University Press, 1988.
17. **Евсеев А.В., Зверев В.С., Унтура Г.А.** Процессы регионального научно-технического развития / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 1993. – 220 с.
18. **Nelson R.R.** National innovation systems. – N.Y.: Oxford University Press, 1993. – 509 p.
19. **Schumpeter J.** The theory of economic development. – Boston: Harvard University Press, 1934. – 110 p.
20. **Шумпетер Й.** Теория экономического развития: Капитализм, социализм и демократия / Предисл. В.С. Автономова. – М.: ЭКСМО, 2007. – 864 с.
21. **Hart D.M.** Accounting for change in national systems of innovation: A friendly critique based on the U.S. case // Research Policy. – 2009. – V. 38. – P. 647–654.
22. **Аузан А.А.** Кризис и инновации [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.strf.ru/innovation.aspx?CatalogId=223&d_no=26560 (дата обращения 11.01.2010).
23. **Объем производства продукции наноиндустрии в России к 2015 г. должен превысить 900 млрд руб.** [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/obem-proizvodstva-produktsii-nanoindustrii-v-rossii-k-2015-g-dolzhen-prevysit-900-mlrd-ru> (дата обращения 16.01.2008).
24. <http://www.rosinvest.com/news/630856> (дата обращения 12.01.2010).
25. **Методологические аспекты инновационного развития России:** Проектно-аналитические материалы по работам клуба инновационного развития Института философии РАН / Под ред. В.Е. Лепского [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.reflexion.ru/Seminars.html> (дата обращения 22.02.2010).
26. **Каартемо В.** Инновации в России и других странах БРИК [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.tse.fi/FI/yksikot/erillislaitokset/pei/Documents/Julkaisut/kaartemo_russian_innovation_system_in_international_comparison_2209%20web.pdf (дата обращения 17.12.2009).
27. **Кравченко Н.А., Унтура Г.А.** Возможности и перспективы инновационного развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С. 195–211.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ПЕРСПЕКТИВ ЕЕ РАЗВИТИЯ: ДО И ПОСЛЕ КРИЗИСА

Ю.С. Ершов

ИЭОПП СО РАН

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 08-02-00360)*

Аннотация

Приводятся результаты сравнительного анализа социально-экономического положения федеральных округов России и расчетов долгосрочного прогноза. Предлагаются направления коррекции количественных параметров народно-хозяйственных и региональных прогнозов в целях повышения степени их реалистичности.

Ключевые слова: экономика, сценарии, прогноз, регион, дифференциация, кризис

Abstract

The paper presents the results of the comparative analysis of the socio-economic situation in Russian federal districts, and calculations of a long-term forecast. The author gives his opinion about the ways of how to improve the forecasting quantitative variables concerning development of the national economy and different regions in order to make such variables more reliable.

Keywords: economy, scenarios, forecast, region, differentiation, crisis

Исходный пункт долгосрочного экономического прогноза – анализ ретроспективных тенденций. Их экстраполяция – самый прими-

тивный способ расчета экономических показателей на перспективу, особенно если эти тенденции характеризуются относительной устойчивостью на протяжении длительного времени. Не случайно в период до 2008 г. долгосрочные правительственные макроэкономические прогнозы отличались оптимизмом не только в части результирующих показателей производства и потребления, но и в части тех предпосылок, которые закладывались при разработке этих прогнозов, прежде всего в отношении оценок будущей внешнеэкономической конъюнктуры и притока иностранного капитала в Россию.

Период 2001–2007 гг. характеризовался высокими среднегодовыми показателями роста ВВП – 106,6%, а динамика суммарного ВРП составляла 107,2% (табл. 1). Различие объясняется разной степенью полноты распределения валовой добавленной стоимости (ВДС) в основных ценах по субъектам Федерации. Если в 2000 г. статистика распределила по регионам 91% суммарной НДС, то к 2007 г. – 99%. Поэтому можно считать, что официальные данные о динамике суммарного ВРП завышены. Более того, если бы НДС в основных ценах всегда полностью распределялась по регионам, то в период 2001–2007 гг. темпы роста суммарного ВРП должны быть даже ниже темпов роста ВВП, так как доля чистых налогов на продукты (не включаемых в НДС) в ВВП в этот период возрастала. Но определить, в какой степени искажены данные по конкретным федеральным округам, на основе существующих статистических данных невозможно. Поэтому для оценки межрегиональных различий в темпах роста ВРП приходится использовать официальные статистические данные.

На фоне высоких темпов роста ВВП имели место и высокие темпы роста ВРП в федеральных округах. Благоприятные изменения внешнеэкономической конъюнктуры обусловили высокие темпы роста экспортной выручки во всех макрорегионах. Превышение притока иностранной валюты в страну над ее оттоком обеспечило рост резервов Банка России, быстрый рост рублевой денежной массы и увеличение внутреннего спроса. Предкризисные семь лет стали уникальным периодом, когда не только по стране в целом, но и в каждом федеральном округе и почти во всех субъектах Федерации среднегодовые темпы роста потребления (как непроизводственного, так и инвестиций

Таблица 1

**Среднегодовые темпы изменения основных макроэкономических
показателей за период 2001–2007 гг., %**

Показатель	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Номинальный ВРП	125,5	127,9	125,2	125,9	122,9	125,6	123,6	122,7
Физический объем ВРП	107,2	108,0	107,5	107,9	106,2	107,3	106,5	105,9
Индекс промышл. производства	105,8	111,4	109,0	108,2	105,5	106,2	105,1	106,4
Индекс сельхозпроизводства	103,2	102,8	99,1	105,6	103,3	103,6	102,3	102,3
Номинальные инвестиции	127,3	126,8	131,8	125,5	126,6	123,4	131,9	133,9
Физический объем инвестиций	112,4	109,0	116,0	109,4	110,7	109,2	116,2	117,6
Экспорт (долл. США)	119,2	124,0	120,4	118,2	114,1	116,2	114,4	119,3
Импорт (долл. США)	128,8	132,6	134,4	126,7	120,5	119,7	117,7	141,8
Номинальные доходы бюджетов субъектов Федерации	124,1	126,6	128,4	131,4	119,5	117,8	127,3	123,8
В том числе:								
налоговые доходы	125,3	131,9	126,9	125,8	119,0	119,4	125,5	124,5
безвозмездные поступления	131,9	134,8	141,7	139,2	135,6	120,7	132,9	121,8
Номинальные расходы бюджетов субъектов Федерации	124,5	128,2	128,0	131,1	119,5	119,0	126,9	122,6
Номинальный объем конечного потребления домохозяйств	125,5	122,9	126,7	129,0	126,0	129,3	126,0	125,3
Номинальный розничный товарооборот	124,4	120,8	125,1	128,4	126,0	131,0	125,7	123,3
Физический объем розничного товарооборота	112,2	109,4	112,9	115,5	113,8	118,1	114,0	111,3
Номинальный объем платных услуг населению	128,2	125,9	130,6	130,2	131,2	130,0	127,6	127,1
Номинальная заработная плата	129,5	132,9	129,3	129,9	128,6	126,3	127,4	127,1
Реальная заработная плата	114,4	117,1	114,1	114,2	113,5	111,8	112,8	112,2
Номинальный размер назначенных пенсий	123,9	123,7	124,9	123,6	123,4	124,4	123,6	124,4

Окончание табл. 1

Показатель	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Реальный размер назначенных пенсий	109,9	109,7	110,5	109,3	109,5	110,6	110,1	110,5
Номинальные денежные доходы населения	127,7	126,9	128,7	129,5	128,4	127,5	127,0	127,1
Реальные денежные доходы	112,2	111,4	112,5	114,0	112,6	112,3	111,9	111,3
Номинальный объем сбережений населения	141,9	145,3	143,5	136,6	137,8	140,0	136,8	139,5
Номинальный объем задолженности населения по кредитам	182,8	174,5	186,8	189,9	185,1	189,3	187,6	187,8
Численность населения	99,54	99,62	99,21	100,02	99,38	99,67	99,38	99,14
Численность занятых в экономике	100,76	100,80	100,52	101,12	100,47	100,90	100,55	100,68
Численность безработных	92,87	88,17	89,35	97,75	93,58	90,63	93,31	91,04

в основной капитал) заметно превышали темпы роста производства. Импорт увеличивался намного быстрее экспорта при возрастающем положительном сальдо. Наибольшие результаты были достигнуты в части повышения уровня жизни населения: реальные доходы за анализируемый период более чем удвоились во всех макрорегионах [1, 2]. Задача «удвоения» была выполнена досрочно во всех федеральных округах и в отношении инвестиций в основной капитал.

Важнейший фактор, обеспечивший такую динамику роста, – это долговременная тенденция улучшения конъюнктуры цен мирового рынка. Непосредственно она поддерживала очень высокие темпы роста импорта при сравнительно низких темпах увеличения экспорта (в физическом выражении). Косвенно – значительно ослабила ограничения на совокупный спрос на внутреннем рынке (рублевую денежную массу), так как существующий механизм эмиссии рубля напрямую ставит увеличение количества денег в обращении в зависимость от динамики золотовалютных резервов Центрального банка. Менее значительным, но также существенным фактором, обеспечившим высокие темпы производства и потребления, было практически повсе-

местное наличие значительных резервов производственных мощностей и рабочей силы.

При анализе пространственной структуры экономики особое внимание обычно уделяется существенной межрегиональной дифференциации значений душевых показателей производства и потребления [3], являющихся главным критерием отнесения тех или иных регионов к регионам с «высоким, средним или низким уровнем развития». Такая классификация кажется вполне естественной при межстрановых сопоставлениях, но в условиях одной страны, где во всех регионах используются примерно одинаковые техника и технологии производства и не может быть значительных различий в уровнях образования и квалификации трудовых ресурсов, существующую дифференциацию душевых показателей можно объяснить лишь сложившейся специализацией регионов в производстве тех или иных товаров или услуг. Основу межрегиональной дифференциации определяют многократные «межотраслевые» различия в показателях производительности труда, измеряемой величиной добавленной стоимости в расчете на одного занятого.

Экономическое благополучие региона в рамках современной модели рыночной экономики России обусловлено не столько техническим уровнем производства, сколько прежде всего тем, насколько сконцентрированы на его территории наиболее выгодные виды экономической деятельности, а также тем, как распределены права собственности, диктующие распределение «нетрудовых» доходов. Последние становятся все более значимыми: в настоящее время из России уходит доходов от собственности примерно на 1 трлн руб. больше, чем поступает из-за рубежа. Это более 7 тыс. руб. в расчете на душу населения, почти 15 тыс. руб. в расчете на одного занятого в экономике, – такова плата за иностранные инвестиции. О масштабах межрегионального перераспределения доходов по таким каналам статистических данных нет, но наверняка для многих регионов эти показатели еще более значительны.

Другой важнейший фактор экономического благополучия – наличие на территории региона уникальных природных ресурсов. Сочетание указанных двух факторов обусловило чрезвычайно высокую кон-

центрацию суммарного ВРП в двух субъектах Федерации – Москве и Тюменской области, которая имела место и в 90-х годах, а за предкризисную семилетку еще более усилилась. На эти два региона в 2007 г. приходилось 33,7% суммарного ВРП России (в 2000 г. – 30,1%) при суммарной их доле в постоянном населении страны 9,7%. Высокие душевые показатели ВРП Москвы и Тюменской области в заметной степени определило и использование рабочей силы не из состава постоянного населения: доля занятых в их экономике составляла 12,2% от общей численности занятых в стране. Одним из результатов концентрации доходов в двух субъектах Федерации стало то, что в подавляющем большинстве остальных субъектов показатели душевого ВРП оказались ниже среднероссийских. Если в 1995 г. номинальный душевой показатель ВРП превышал средний по стране в 25 регионах, в 2000 г. – в 17, то в 2007 г. – лишь в 14. Причем из регионов с умеренным климатом средние показатели по стране были превышены лишь в Москве, Санкт-Петербурге и Республике Татарстан, а остальные 11 регионов – это северные и восточные, где на величину номинальных показателей значительно воздействует высокий уровень цен.

Факт существенных межрегиональных различий в душевых показателях ВРП не может рассматриваться как свидетельство «различий в уровнях экономического развития» или «эксплуатации» одних регионов другими. Несоответствие мест регистрации доходов и мест фактического создания добавленной стоимости оказывает непосредственное негативное воздействие лишь на бюджетную систему: большая часть субъектов Федерации находятся в положении не способных обеспечивать свои расходы без значительной поддержки из федерального бюджета. Концентрация доходов по месту расположения головных контор крупных корпораций повышает потребительную стоимость финансовых ресурсов, свободу маневра ими и не означает, что эти доходы используются лишь или преимущественно в интересах экономики и населения регионов, где они регистрируются. Этот этап был пройден в 90-х годах, когда, например, высокая доля Москвы в суммарном ВРП оказывалась даже ниже, чем ее доля в суммарном конечном потреблении и валовых инвестициях.

В настоящее время имеют место противоположные соотношения. По завершении в основном этапа распределения и перераспределения собственности (в том числе и в межрегиональном аспекте) очевидно, что дальнейший рост благополучия крупных собственников зависит не от состояния экономики регионов, где размещены эти собственники, а от возможностей и перспектив развития всех регионов, где фактически осуществляется производство. Тенденция концентрации потребления и инвестиций в регионах с повышенными душевыми показателями ВРП сменилась на противоположную. Более всего этот процесс сказался на показателях динамики и изменения пространственной структуры конечного потребления домохозяйств, розничной торговли и платных услуг (см. табл. 1; табл. 2), в результате чего разрыв между соответствующими душевыми показателями наиболее и наименее благополучных регионов сокращается. По показателям потребления пока не было никакого прогресса в Дальневосточном федеральном округе; в докризисный период здесь имел место существенный прорыв лишь в части инвестиций в основной капитал.

Изменения территориальной структуры показателей, приведенных в табл. 2, были бы совершенно иными в условиях умеренного экономического роста, не подгоняемого все возрастающими доходами от внешней торговли, которые продлили предшествующий период концентрации финансовых ресурсов, бюджетных доходов, оптовой и внешней торговли в российской столице, к которой в рассматриваемой ретроспективе присоединились Московская область и Санкт-Петербург. Помимо объективных факторов, способствующих сохранению тенденции такой концентрации, в частности «переезда» головных контор ряда крупных корпораций с периферии в центр, определенную лепту в этот процесс внесло и правительство, изменив налоговое законодательство в части распределения поступления налогов в федеральный и региональные бюджеты в пользу первого так, что собственные относительные доходы главных нефтедобывающих регионов резко сократились. Не компенсируемые увеличением перечислений из федерального бюджета, значительно уменьшились и финансовые возможности местных властей. Это стало одной из значимых причин сильного сокращения доли Приволжского федерального округа

Таблица 2

Территориальная структура важнейших показателей, %

Показатель	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Население:							
2000	26,03	9,75	15,48	21,58	8,52	13,93	4,71
2007	26,17	9,53	16,02	21,34	8,60	13,77	4,58
Естественная убыль населения:							
2000	38,00	12,98	7,90	21,40	6,70	10,50	2,50
2007	50,78	15,57	-3,64	26,26	2,40	7,05	1,59
Миграционный прирост населения:							
2000	83,81	-0,06	25,56	8,94	5,38	-8,22	-15,40
2007	66,42	9,41	15,83	7,32	8,19	-1,33	-5,83
Занятые в экономике:							
2000	27,47	10,24	13,04	22,03	8,85	13,47	4,90
2007	27,54	10,08	13,36	21,59	8,94	13,28	4,87
ВРП:							
2000	32,01	10,05	7,56	18,02	15,05	11,94	5,37
2007	36,47	9,87	7,70	15,54	15,13	10,72	4,57
Промышленное производство:							
2000	19,90	11,71	5,89	24,15	19,38	13,28	5,69
2007	27,23	10,34	5,87	21,10	20,90	11,44	3,30
Продукция строительства:							
2000	28,77	10,38	11,39	16,26	16,61	10,25	5,38
2007	28,63	13,71	10,51	15,48	13,85	9,63	6,60
Продукция сельского хозяйства:							
2000	23,08	6,23	18,33	26,51	6,34	16,16	3,35
2007	21,64	4,62	23,40	25,73	6,84	14,58	3,19
Электропотребление:							
2000	19,66	9,91	7,75	20,10	15,13	22,63	4,81
2007	20,24	9,92	8,00	19,78	16,96	21,15	3,95

Продолжение табл. 2

Показатель	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Инвестиции в основной капитал:							
2000	26,08	10,01	11,58	17,75	21,52	8,47	4,60
2007	25,28	12,70	10,43	17,01	17,21	10,82	6,55
Оборот оптовой торговли:							
2000	49,28	9,45	6,01	15,65	7,73	9,92	1,96
2007	54,76	8,70	6,64	12,79	8,57	6,63	1,90
Конечное потребление домохозяйств:							
2000	39,32	9,38	9,79	17,12	8,20	11,49	4,71
2007	34,00	9,98	11,86	17,59	10,10	11,81	4,66
Розничный товарооборот:							
2000	42,32	9,04	9,83	16,47	7,23	10,95	4,15
2007	34,42	9,37	12,26	17,93	10,39	11,74	3,88
Платные услуги населению:							
2000	41,72	9,70	10,15	14,07	7,62	10,70	6,03
2007	36,74	11,05	11,27	16,49	8,39	10,37	5,69
Сбережения населения в рублях и инвалюте:							
2000	42,03	10,42	8,97	16,47	8,68	9,26	4,18
2007	49,67	11,30	6,87	13,42	7,88	7,16	3,70
Задолженность населения по кредитам в рублях и инвалюте:							
2000	40,55	8,91	7,15	17,31	9,50	13,32	3,26
2007	29,29	10,38	9,35	18,93	12,13	15,97	3,95
Задолженность юридических лиц по кредитам в рублях и инвалюте:							
2000	54,36	8,31	3,33	11,25	10,60	8,96	3,46
2007	53,78	10,00	5,65	13,50	7,34	7,30	2,43
Экспорт:							
2000	33,10	10,27	3,67	16,32	21,18	11,72	3,73
2007	43,46	10,95	3,46	11,95	17,70	8,75	3,73

Окончание табл. 2

Показатель	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Импорт:							
2000	52,12	15,64	5,87	9,58	6,84	7,70	2,25
2007	58,67	19,41	4,83	5,50	3,76	3,78	4,05
Налоги и сборы в бюджетную систему:							
2002	33,58	8,90	6,42	17,31	20,22	9,25	4,32
2007	38,28	9,21	5,21	14,73	21,55	8,06	2,95
Доходы консолидированных региональных бюджетов:							
2000	29,81	9,52	6,87	19,70	17,29	10,33	6,48
2007	33,46	11,79	10,00	14,78	11,71	12,05	6,21
В том числе:							
налоговые доходы:							
2000	29,39	10,12	6,35	20,87	18,42	10,34	4,50
2007	41,19	10,85	6,38	14,27	12,86	10,24	4,21
безвозмездные поступления:							
2000	13,16	5,04	17,16	13,34	8,78	16,20	22,98
2007	15,32	8,33	25,00	16,19	4,71	17,11	13,18
Расходы консолидированных региональных бюджетов:							
2000	28,14	9,54	7,08	20,46	17,22	10,74	6,82
2007	33,69	11,29	9,90	14,96	12,25	11,93	5,98

не только в части бюджетных расходов, но и в отношении ВРП в целом. Уральский федеральный округ в целом и Тюменская область сумели сохранить свой удельный вес в суммарном ВРП; в прежней институционально-налоговой среде доля округа была бы примерно на 3 п.п. выше. Заметно большими были бы и частные показатели производства и потребления, так как бюджетные доходы в отличие от заработной платы и прибыли почти полностью расходуются на собственной территории и могли бы способствовать более значительному увеличению внутрирегионального спроса. Учитывая, что с динамикой

конечного потребления, розничного товарооборота и услуг в Приволжском и Уральском федеральных округах все было благополучно (здесь она была более благоприятной, чем в целом по стране), можно считать, что правительство своими действиями обеспечило изъятие сверхдоходов у «богатых» субъектов Федерации и повысило свои возможности увеличения федеральной помощи более «бедным» регионам.

Финансовый кризис вызвал такие изменения внешнеэкономической конъюнктуры, которые не могли не повлечь за собой сильного снижения ВВП России при любых действиях любого правительства. Снижение экспортных цен на нефть на каждые 10 долл. США за баррель – это потеря более 2% ВВП, а если учесть, что с динамикой цен на нефть сопряжены цены на уголь, газ и металлы, то такое изменение приводит не менее чем к 3%-му снижению ВВП. И поскольку средняя цена реализации нефти и нефтепродуктов на внешнем рынке снизилась в 2009 г. примерно на 30 долл. США за баррель, еще менее благоприятным было изменение конъюнктуры для газа и металлов (понижение цены на нефть оставляло возможность не только сохранения, но и увеличения ее добычи и экспорта, тогда как по газу и металлам внешний спрос сократился и в физическом выражении).

Но если бы имели место лишь ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры и неизбежное в этом случае падение курса рубля, то межрегиональная дифференциация последствий экономического кризиса была бы намного более выраженной. Формально многие регионы, экономика которых непосредственно мало зависит от объемов экспорта, должны были даже выиграть как от снижения внутренних цен на энергоносители и металлы, так и от повышения конкурентоспособности своей продукции по отношению к заметно подорожавшей импортной. Но более сильным оказалось негативное воздействие другого фактора – значительного сокращения не только реальной, но и номинальной рублевой денежной массы. Действия этого фактора можно было бы избежать, но лишь в экономике, где динамика денежной массы жестко регулируется государством. В предшествующие годы правительство сокращало государственный долг перед внешними кредиторами, и это в принципе правильная политика, но лишь в условиях, когда с ней солидарен и частный сектор. Такой солидарности не было, так как финансовые ин-

ституты и корпорации быстро увеличивали объемы заимствований за рубежом, и в отличие от правительственных долгов, которые состояли из «длинных» денег и обслуживание которых не являлось серьезной проблемой, частные долги представляли собой в основном краткосрочные займы, погашать которые предполагалось полностью или частично за счет новых аналогичных займов.

Значительная часть полученной таким образом зарубежной валюты пополняла резервы Центрального банка, увеличивала рублевую денежную массу, часть которой фактически представляли заемные деньги. И произошедший в результате кризиса отток краткосрочных капиталов из России привел как к сокращению рублевой денежной массы, так и к существенному сокращению возможностей использования заемных средств для обеспечения и потребительского, и инвестиционного спроса. Наиболее «перегретыми» вследствие высокой доли заемных средств оказались автомобильный и жилищный рынки.

Общая задолженность физических лиц по кредитам к концу 2007 г. возросла в номинальном выражении в 68 раз (в рублевом эквиваленте) по сравнению с началом 2001 г., в то время как суммарные сбережения на банковских вкладах — лишь в 11,6 раза. В целом по стране и к 2009 г. объем сбережений населения превышал общую задолженность по кредитам, но разрыв между этими двумя показателями в 2008 г. впервые за все годы реформ сократился не только относительно, но и в абсолютном выражении. Но в отдельных регионах уже к концу 2007 г. объем сбережений населения стал меньше его задолженности по кредитам.

Наиболее яркой иллюстрацией в этом плане является Сибирский федеральный округ. Здесь к началу 2008 г. суммарный объем задолженности по кредитам превысил суммарный объем сбережений на 104 млрд руб., причем превышение имело место не только в целом по округу, но и по всем его субъектам Федерации (во всех остальных федеральных округах объем сбережений продолжал превышать объем задолженности, лишь к 2009 г. к «чистым должникам» присоединился Уральский федеральный округ), а к началу 2009 г. превышение задолженности над сбережениями в СФО составило 203 млрд руб. Общая же задолженность населения СФО по кредитам достигла 613 млрд

руб., т.е. около 100 млрд руб. должны были составить процентные выплаты по займам. В чем причина такой повышенной склонности сибиряков к заимствованию денег – предмет отдельного исследования, но вполне вероятно, что именно этот фактор определил самые высокие среди всех федеральных округов темпы сокращения розничного товарооборота и по итогам самого худшего периода – первого полугодия 2009 г. (табл. 3), и в целом за 2009 г. (табл. 4), несмотря на то что динамика промышленного и сельскохозяйственного производства в СФО в этом году была лучше, чем в среднем по стране.

В наиболее компактном виде эффект воздействия кризиса на региональные экономики может быть продемонстрирован сопоставлением итогов периода докризисного максимума (I полугодие 2008 г.) с итогами наихудшего периода – I полугодия 2009 г. (см. табл. 3). На величину относительного ухудшения региональных макропоказателей решающее воздействие оказали специализация регионов, их отраслевая структура производства и степень влияния внешнеэкономической конъюнктуры на динамику валового регионального продукта.

Сравнение региональных показателей динамики потребления, инвестиций и производства на этапе экономического спада демонстрирует отсутствие прямой связи между ними (см. табл. 3). Этот факт имел место и в докризисные времена в связи с несовпадением мест регистрации ВРП и его фактического производства.

Наилучшие относительные показатели «сопротивления» кризису отмечают у Южного и Дальневосточного федеральных округов. ДВФО единственный из всех округов в условиях кризиса увеличил номинальный объем поступлений в бюджетную систему РФ, сохранил положительную динамику промышленного производства, инвестиций в основной капитал и конечного потребления, в нем наименьший среди всех округов показатель роста численности безработных. Немного ему уступает ЮФО: у него положительная динамика показателей потребления, это единственный из всех округов, где имел место рост реальной заработной платы, сокращение поступлений в бюджетную систему здесь минимально, зафиксировано наименьшее сокращение реального объема строительных работ, относительный рост численности безработных заметно ниже среднероссийского.

Таблица 3

**Межрегиональная дифференциация макроэкономических показателей,
I полугодие 2009 г. к I полугодю 2008 г., %**

Показатель	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Номинальный объем отгруженных товаров и оказанных услуг, всего	83,2	88,8	82,6	76,9	79,8	90,8	99,4
В том числе:							
в добыче полезных ископаемых	71,4	91,5	85,9	74,6	77,0	81,5	98,8
в обрабатывающих производствах	82,5	80,4	77,1	70,1	67,1	76,1	83,5
в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды	120,6	123,9	116,0	116,0	118,4	118,4	116,9
Индекс промышленного производства, всего, %	78,8	85,1	86,5	81,3	87,6	92,0	106,0
В том числе:							
в добыче полезных ископаемых	71,4	102,1	84,8	99,8	94,2	99,6	119,3
в обрабатывающих производствах	76,6	77,8	85,3	74,0	74,9	87,4	89,4
в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды	96,2	100,6	94,7	92,8	94,0	93,0	96,3
Строительство	81,9	80,0	90,9	73,4	82,4	68,1	84,5
Сельское хозяйство	104,8	103,4	101,4	101,9	102,9	102,5	101,4
Инвестиции в основной капитал	92,5	91,4	97,5	86,7	88,7	84,0	119,7
Розничный товарооборот	95,9	94,6	100,5	95,9	97,2	91,8	101,2
Платные услуги населению	93,1	95,6	102,0	99,7	98,8	96,6	103,8
Реальная заработная плата	98,6	96,8	101,5	96,4	93,2	97,0	98,6
Реальные доходы населения	101,9	94,5	101,4	98,7	96,6	92,4	99,9
Сальдо прибылей и убытков (номинальное)	60,5	42,7	53,2	45,0	53,3	44,9	6,6
Доходы региональных бюджетов (номинальные)	88,1	93,5	111,1	100,4	83,9	92,2	112,7
Налоги и сборы в бюджетную систему	82,7	82,4	98,2	76,1	58,8	71,0	110,6
В том числе:							
в федеральный бюджет	87,5	73,7	86,6	60,4	52,1	44,8	93,1
в бюджеты субъектов Федерации	80,2	87,5	103,4	90,6	75,2	83,3	116,2

Окончание табл. 3

Показатель	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Внешнеторговый оборот (номинальный), долл. США	51,9	55,5	68,2	58,3	52,2	77,2	56,9
В том числе:							
экспорт	45,9	55,1	72,3	54,9	49,4	78,5	58,8
импорт	61,0	55,8	63,5	74,1	77,6	72,4	53,3
Численность безработных (май 2009/май 2008)	176,2	154,6	146,2	168,7	149,0	159,8	134,5
Число прибывших мигрантов	89,6	88,2	83,0	87,0	81,7	91,2	78,6
Число выбывших мигрантов	88,9	87,2	82,8	81,0	80,6	86,8	80,5

Таблица 4

Динамика основных макроэкономических показателей в 2008–2009 гг., %

Показатель	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Номинальный объем отгруженных товаров и оказанных услуг, всего:								
2008	119,9	118,6	123,1	127,6	120,8	117,3	117,3	119,3
2009	87,0	85,4	94,1	88,1	85,5	82,3	88,9	106,6
В том числе:								
в добыче полезных ископаемых:								
2008	117,4	109,1	132,9	114,4	115,4	114,2	140,2	117,4
2009	93,9	93,0	101,3	92,2	93,9	90,4	90,0	113,3
в обрабатывающих производствах:								
2008	120,6	119,7	124,4	129,2	122,1	120,2	111,2	132,1
2009	80,8	81,0	88,6	82,7	80,4	69,8	84,1	88,1
в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды:								
2008	119,8	118,9	105,7	124,2	120,2	120,4	121,0	107,2
2009	113,2	110,0	125,6	116,5	110,7	110,1	113,7	116,8

Продолжение табл. 4

Показатель	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Индекс промышленного производства, всего:								
2008	102,1	105,5	101,6	104,8	106,2	100,0	104,7	117,9
2009	89,2	85,4	88,6	90,2	87,2	92,0	96,6	103,5
В том числе:								
в добыче полезных ископаемых:								
2008	100,2	114,4	104,7	97,4	104,1	100,0	107,0	120,7
2009	98,8	84,6	103,4	86,7	101,3	95,7	105,5	107,9
в обрабатывающих производствах:								
2008	103,2	106,3	101,3	105,8	108,1	101,5	104,2	104,1
2009	84,0	83,6	82,9	89,8	82,2	84,7	91,7	99,1
в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды:								
2008	101,4	98,7	102,8	100,5	100,3	101,5	107,3	103,9
2009	95,2	97,2	100,4	94,2	93,9	96,9	95,7	97,3
Номинальный объем работ по виду деятельности «строительство»:								
2008	137,5	128,9	140,3	144,7	140,1	146,3	129,5	117,6
2009	85,4	84,2	88,7	89,5	87,3	75,4	80,3	98,3
Индекс физического объема по виду деятельности «строительство»:								
2008	112,8	100,9	99,5	112,3	111,5	115,2	101,1	92,9
2009	84,0	82,9	80,4	95,6	80,0	77,9	77,9	91,4
Индекс физического объема сельскохозяйственного производства:								
2008	110,8	114,2	103,8	122,5	107,0	102,1	101,3	104,8
2009	101,2	103,7	104,0	94,8	99,5	104,3	109,0	102,9
Инвестиции в основной капитал (индекс физического объема):								
2008	109,8	101,4	101,2	111,2	105,7	110,2	105,1	107,8
2009	85,2	76,9	81,6	99,2	78,8	83,9	84,1	106,6

Окончание табл. 4

Показатель	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Розничный товароборот (индекс физического объема):								
2008	113,5	111,0	112,2	117,0	115,7	118,2	111,9	110,4
2009	94,5	95,2	92,8	97,6	94,9	92,3	89,3	100,2
Платные услуги населению (индекс физического объема):								
2008	104,4	102,0	104,8	106,7	108,5	104,9	106,9	105,0
2009	95,7	92,2	94,5	100,7	98,4	98,1	93,7	103,5
Номинальная заработная плата:								
2008	127,2	130,2	127,1	127,3	127,7	122,4	124,6	124,3
2009	108,4	109,9	108,7	112,4	106,0	102,6	108,4	111,2
Реальные доходы населения:								
2008	103,8	98,1	98,6	108,6	107,8	109,9	110,1	103,4
2009	100,0	103,4	97,8	100,8	99,1	94,9	92,4	101,5
Численность безработных:								
2008	104,1	116,4	122,6	87,8	104,2	114,6	107,0	118,6
2009	130,2	144,4	130,8	116,7	130,1	156,3	118,1	126,6

Но причины относительного «благополучия» Южного и Дальневосточного федеральных округов существенно различаются. В структуре производства Южного федерального округа относительно велик удельный вес отраслей, на которые современный кризис должен был оказать небольшое отрицательное или даже положительное воздействие, – это сельское хозяйство, пищевая промышленность и отрасли, финансируемые из бюджетов. У Дальнего Востока самая низкая исходная база – доля в суммарном ВРП и промышленном производстве, и на его позитивную динамику повлияло случайное совпадение факта кризиса и ввода в действие относительно крупных для региона производственных объектов. Среди общих причин следует отметить позитивное влияние федерального бюджета: оба макрорегиона относятся

к получающим максимальную (в расчете на душу населения) поддержку в виде перечислений в бюджеты субъектов Федерации.

По совокупности макропоказателей наиболее всего относительно пострадали от кризиса Приволжский и Уральский федеральные округа. Здесь в наибольшей степени проявилось негативное сочетание двух факторов: уменьшения спроса (индекса физического объема выпуска) и снижения цен производителей вследствие высокого удельного веса нефтедобычи, нефтепереработки (снижение цен), металлургии (снижение цен и спроса) и машиностроения (снижение спроса) – отраслей, на которые непосредственно оказали наибольшее воздействие неблагоприятные изменения внешнеэкономической конъюнктуры. Ценовой фактор является главным в объяснении максимального среди всех округов сокращения поступлений налогов и сборов в бюджетную систему с территории Уральского округа.

Определенная противоречивость динамики показателей характерна для Центрального федерального округа. Индекс физического объема промышленного производства здесь наихудший среди всех округов. Но по объему выручки от реализации в текущих ценах этот регион «упал» не так сильно, как Урал и Поволжье. Здесь максимальные темпы сокращения внешнеторгового оборота, и особенно экспорта (ценовой фактор прежде всего сказался на доходах головных контор крупных корпораций-экспортеров, зарегистрированных в Москве). В Центральном округе (опять же благодаря столице) максимальные темпы роста численности безработных (хотя абсолютный уровень безработицы остается очень низким). Но накопленные в докризисные времена ресурсы оказались настолько значительными, что население (в среднем) почти не пострадало: реальные душевые денежные доходы даже увеличились, а реальная заработная плата снизилась незначительно. Позитивное воздействие на динамику реальных денежных доходов в Центральном округе, как и в Южном, могли оказать и социальные трансферты, так как здесь наиболее высокий удельный вес в общем населении пенсионеров и детей.

В целом экономический кризис во всех макрорегионах намного больше воздействовал на производство и инвестиционный комплекс, чем на динамику потребления и уровня жизни. Реальные доходы насе-

ления в среднем не упали даже в 2009 г., а в целом за 2008–2009 гг. даже выросли во всех округах, кроме Северо-Западного. Немного сократилась за 2009 г. реальная заработная плата, в целом же за двухлетний период она увеличилась даже больше, чем реальные денежные доходы, и ее динамика положительна во всех федеральных округах. Поэтому сокращение в 2009 г. спроса на товары и услуги на потребительском рынке можно объяснить не только сокращением спроса со стороны той части населения, чьи реальные доходы существенно уменьшились, но также прямыми и косвенными последствиями более жестких ограничений на использование населением заемных средств.

В целом итоги изменений пространственной структуры производства и потребления в условиях современного кризиса несопоставимы с теми, которые имели место в период предыдущего длительного кризиса 1991–1998 гг. Радикальные изменения за столь короткий отрезок времени просто невозможны. В настоящее время либо происходящие изменения территориальных пропорций производства и потребления имеют такую же направленность, как и в предкризисные годы, либо происходит смена на противоположные тех структурных сдвигов, которые были обусловлены прежде всего постоянно улучшавшейся внешнеэкономической конъюнктурой и ростом сверхдоходов от экспорта.

Главным следствием экономического кризиса будет, по-видимому, пересмотр оценок в части достижения российской экономикой в долгосрочной перспективе тех или иных показателей производства и потребления. Утвержденная осенью 2008 г. Концепция долгосрочного развития РФ [4], разработанная в Минэкономразвития России, фактически уже не может быть основой отраслевого и пространственного разрезов экономических прогнозов не только потому, что разрабатывалась в условиях «неожидания» мирового экономического кризиса и его столь сильного воздействия на российскую экономику, но и из-за наличия других серьезных недостатков, в совокупности обусловивших чрезмерно оптимистические ожидания в части оценки возможностей роста экономики страны на долгосрочную перспективу по двум основным сценариям – «энергосырьевому» и «инновационному». Наиболее реалистичный по соотношениям прогнозных показателей и посылок прогноза «инерционный» сценарий считался пессимис-

тическим, наименее желательным и вероятным. Основой для оптимизма помимо прочих факторов стали позитивные ожидания в части дальнейшего повышения цен на экспортируемые товары и увеличения притока иностранного капитала в Россию.

Аналогичное, и даже более оптимистическое, видение будущего экономики страны имело место и в некоторых научно-исследовательских коллективах. «Инерционный» докризисный сценарий долгосрочного прогноза ЦЭМИ РАН на период 2008–2020 гг. [5] предполагал возможным достижение среднегодовых темпов роста ВВП России в рассматриваемой перспективе на уровне 106% даже при снижении цен на российскую нефть с 80 до 50 долл. США/барр. к концу рассматриваемого периода. А «инвестиционный» сценарий прогноза ИНХП РАН [6, 7] предусматривал возможность роста ВВП в среднем на уровне более 108% ежегодно даже на период до 2030 г. Зарубежные оценки перспектив развития российской экономики были намного пессимистичнее и отличались общей закономерностью: предполагалось, что среднегодовые темпы роста ВВП России в долгосрочной перспективе будут иметь явно выраженную тенденцию к снижению и за пределами 2020 г. составят около 103%.

Такого рода оценки нельзя считать серьезными, но и более ранние правительственные прогнозы также предполагали возможность сохранения высоких темпов роста даже при существенном сокращении экспортных цен. Теперь такие прогнозы вряд ли будут иметь место. В частности, в оценках на ближайшую перспективу в официальных кругах в течение большей части 2009 г. доминировал пессимизм, в начале 2010 г. заметно ослабевший. Нельзя исключить и некоторого рецидива прежнего оптимизма, если по каким-то причинам на некоторое время восстановится прежняя тенденция улучшения внешнеэкономической конъюнктуры, а темпы прироста ВВП в ближайшие год-два будут выше ожидаемых пока 3–4%. Но в этом случае уже через три-четыре года экономика вновь начнет сталкиваться с серьезными объективными ограничениями, а именно, с дефицитом трудовых ресурсов, особенно самой мобильной их части – молодежи, и ограниченностью производственных мощностей, что потребует для обеспечения дальнейшего роста полномасштабных инвестиций.

Сценарные условия, использовавшиеся Минэкономразвития при разработке долгосрочных прогнозов, еще в июне 2008 г. опирались на гипотезу непрерывного, вплоть до 2030 г., роста среднегодовых цен на нефть и газ. Следствием этой гипотезы была гипотеза об опережающем темпы роста ВВП притоке прямых иностранных инвестиций в экономику России, позволяющем сохранять высокие темпы роста импорта и даже допустить переход сальдо внешнеторгового баланса страны в отрицательные значения. Очень оптимистичной, не учитывающей специфику, обусловившую ретроспективные тенденции, была и предпосылка о возможности высоких темпов роста производительности труда: рост ВВП среднегодовыми темпами 105–106% предполагался возможным при сокращающейся численности занятых. Большой оптимизм имел место и в части оценки возможностей наращивания экспорта высокотехнологичной продукции, – так, по «инновационному» варианту предполагалось возможным в период 2013–2030 гг. увеличивать экспорт «машин, оборудования и транспортных средств» в среднем на 16% ежегодно. Предшествующие долгосрочные прогнозы в части возможностей увеличения такого экспорта были намного скромнее.

Предкризисный оптимизм в прогнозах федеральной власти естественным образом распространялся и на регионы. Региональные прогнозы в сумме давали еще большие темпы роста производства, потребления и инвестиций, чем заложенные в сценариях Минэкономразвития. Все они имели один общий недостаток: их реализация предполагала большие объемы внешнего финансирования инвестиций в основной капитал. Каждый регион рассматривал свою экономику без сопоставлений с другими регионами. Имел место и другой существенный фактор, снижающий качество региональных прогнозов: одной из неявных целей их разработки было показать необходимость выделения региону дополнительных финансовых ресурсов из федерального бюджета, а добиться этого можно было лишь представив перспективы развития региона в самом лучшем виде, когда главным или единственным препятствием к осуществлению масштабных планов является ограниченность финансовых ресурсов субъектов экономической деятельности и бюджета данного региона.

В настоящее время еще нет новых официальных долгосрочных сценариев прогноза, учитывающих факт экономического кризиса. В 2009 г. обсуждались и постоянно корректировались параметры среднесрочного прогноза – на период до 2012 г. По всей видимости, итоги 2010 г. будут более значительными, чем заложенные в среднесрочный прогноз, и в текущем году он может быть пересмотрен.

В части долгосрочных прогнозов пока имеются лишь предварительные рабочие материалы Минэкономразвития, из которых следует, что в ближайшие годы темпы экономического роста ожидаются умеренно возрастающими, достигающими максимальных значений (около 105,5%) в середине второго десятилетия, а затем будет иметь место характерная для большинства развитых стран тенденция к постепенному снижению темпов роста. В основу официальных долгосрочных сценариев развития экономики не закладываются какие-либо возможные радикальные изменения институциональной среды.

При разработке вариантов долгосрочного развития экономики необходимым условием определяется выход на заданные Минэкономразвития значения макроэкономических показателей. Фактически ищется ответ на вопрос о том, какими могут быть отраслевая и пространственная структуры производства в случае, если будут достигнуты заданные значения макропоказателей. Расчеты проводились на базе детализированных информационных массивов, характеризующих современное и будущее состояние экономики страны в разрезе федеральных округов и 40 видов экономической деятельности. Вначале разрабатывался отраслевой разрез народно-хозяйственного прогноза, затем – пространственный. Используемый аппарат обеспечивал сбалансированность суммы региональных показателей с народно-хозяйственными не только в части макропоказателей, но и по отдельным видам деятельности. В качестве базового года использовался 2010 г., для которого ожидалось восстановление в целом уровня производства 2007 г., но с более высокими показателями конечного потребления и более низкими показателями инвестиций в основной капитал.

Отраслевой разрез народно-хозяйственного прогноза в агрегированном виде представлен в табл. 5. Межотраслевая дифференциация темпов роста выпуска на рассматриваемую перспективу в качествен-

Таблица 5

**Среднегодовые темпы роста выпуска в разрезе агрегированных видов
деятельности**

Вид деятельности	2011–2015	2016–2020	2021–2030
Сельское хоз-во, охота и лесное хоз-во	102,3	102,0	101,9
Рыболовство, рыбоводство	101,9	101,6	101,3
Добыча полезных ископаемых	101,6	101,3	100,9
Обрабатывающие производства	104,5	105,0	104,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	102,7	102,9	102,5
Строительство	110,3	107,0	106,1
Торговля, ремонт АТС, БИ и ПЛП	104,2	105,1	104,8
Гостиницы и рестораны	104,6	105,4	105,1
Транспорт и связь	104,5	105,0	104,6
Финансовая деятельность	106,2	107,0	105,8
Операции с недвижимостью, аренда и услуги	105,1	105,7	105,1
Госуправление, обесп. воен. безопас-ти, обязат. соц. обесп.	101,7	101,9	101,8
Образование	100,8	101,9	101,8
Здравоохранение и соц. услуги	102,8	104,2	104,1
Прочие ком., соц. и перс. услуги	104,1	104,9	104,8
В с е г о	104,3	104,7	104,4

ном плане остается примерно такой же, какая имела место в докризисных вариантах долгосрочного прогноза. Наиболее высокими темпами предполагается рост выпуска по таким видам деятельности, как «строительство» (следствие повышенных темпов роста инвестиций) и «финансовая деятельность». Среди агрегированных промышленных видов деятельности наиболее высокими прогнозируются темпы для обрабатывающих производств, наиболее низкими – для добычи полезных ископаемых. Аналогичные соотношения имели место и во всех предшествующих долгосрочных прогнозах.

Различия в темпах роста выпуска обуславливают постепенное изменение его структуры. Доля промышленности в целом в сопоставимых ценах в суммарном выпуске продолжает сокращаться: почти вдвое уменьшается доля добывающих отраслей, почти в 1,5 раза снижается доля «производства и распределения электроэнергии, газа и воды», в то время как обрабатывающая промышленность к 2030 г. увеличивает свою долю по сравнению с 2010 г. всего на 1,3 п.п.

Расчет пространственного разреза экономического прогноза осуществлялся на базе межрегиональной межотраслевой модели при использовании таких же исходных посылок в части изменения параметров трудоемкости и структуры конечного потребления, какие были приняты при формировании народно-хозяйственного прогноза в отраслевом разрезе. На настоящем этапе исследования отраслевые показатели темпов снижения трудоемкости (роста производительности труда) задавались одинаковыми для всех регионов, также были приняты единообразные гипотезы относительно изменения структуры конечного потребления.

Результаты расчетов показали, что межрегиональная дифференциация темпов роста выпуска и валового регионального продукта будет иметь тенденцию к уменьшению, так же как это происходило и в предкризисные годы. Межрегиональная дифференциация душевых показателей ВРП будет сокращаться, но медленно и останется значительной даже к концу прогнозного периода. Более значительными ожидаются темпы сокращения различий в уровнях потребления, но и отраслевые, и межрегиональные различия в душевых доходах останутся большими, чем в дореформенные времена. Для более радикальных перемен необходимы изменения в самом характере рыночной экономики в направлении увеличения доли производителей в суммарных доходах от всего процесса производства и распределения продукции.

Значения прогнозных макроэкономических показателей в разрезе федеральных округов представлены в табл. 6. Полученные показатели являются более умеренными, чем в докризисных сценариях, но и они достаточно оптимистичны в предположении стабилизации (после достижения докризисного уровня) и даже некоторого сокращения численности занятых в экономике в течение всего прогнозного периода.

Таблица 6

**Среднегодовые темпы роста основных макропоказателей в разрезе
федеральных округов в период 2011–2030 гг.**

Показатель	ЦФО	СЗФО	ЮФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Выпуск	104,4	104,9	105,1	104,4	103,8	104,7	104,6
ВРП	104,5	104,9	105,2	104,6	104,0	104,9	104,8
Промышленность	104,9	104,3	105,2	105,0	103,0	104,7	104,7
Инвестиции	105,6	107,4	107,6	107,8	107,0	108,4	107,8
Конечное потребление	103,9	104,4	104,7	104,5	104,5	104,6	104,7

Опыт западных стран показывает, что даже темп роста в 103% ведет к увеличению численности занятых. Но даже если для России поднять эту планку до 104%, то потребная численность занятых в экономике к концу прогнозного периода достигает более 72 млн чел. Необходимо либо убедительно доказать возможность очень высоких темпов роста производительности труда, либо снизить прогнозируемые показатели до более реалистичных, либо активизировать приток мигрантов, и не только из ближнего зарубежья (резервов из ближнего зарубежья вряд ли будет достаточно).

Литература

1. **Казанцев С.В.** 2008 год: некоторые экономические результаты // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 2. – С. 227–235.
2. **Михеева Н.Н.** Региональные пропорции экономического роста в России // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 2. – С. 225–243.
3. **Постникова Е.А., Шильцин Е.А.** Новейшие тенденции регионального развития: некоторые фрагменты // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 3. – С. 67–86.
4. **Концепция** долгосрочного развития Российской Федерации до 2020 года / Минэкономразвития. – М., 2008. – 82 с.
5. www.cemi.ru (дата обращения 20.06.2008).
6. **Ивантер В.В. и др.** // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 6. – С. 5–31.
7. www.esfor.ru (дата обращения 15.01.2010).

ДИНАМИКА БАНКОВСКИХ ВКЛАДОВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Е.Н. Колесникова

Государственный университет «Высшая школа экономики»

Аннотация

Анализируется влияние банковских вкладов физических лиц на формирование ресурсной базы российских банков. Показано, что паника вкладчиков в кризисной ситуации существенно влияет на устойчивость как отдельных банков, так и банковской системы в целом. Выявлены тенденции изменения объема и структуры вкладов физических лиц, рассмотрены способы борьбы с оттоком депозитов физических лиц. Дана оценка снижения ресурсной базы российских банков вследствие оттока вкладов в кризисный период.

Ключевые слова: банк, вклады, депозиты, физические лица, финансовый кризис, паника вкладчиков

Abstract

The paper analyses how the individuals' deposits influences the resources of Russian banks. We show that the depositors panic in the crisis has a serious effect on stability of both bank and national bank system. We show the tendencies how the volume and structure of individuals' deposits change; how to avoid the rush of withdrawals by individual depositors; and how the resources of Russian banks shrank because of such withdrawals happened in the period of the crisis. We also present our assessment of how the resources of Russian banks reduced because of the rush of withdrawals in the crisis.

Keywords: bank, deposits, physical persons, financial crisis, depositors panic

В России первой разрушительное влияние мирового финансового кризиса испытала банковская система. Это выразилось в бегстве капиталов за границу, кризисе доверия между банками, панике населения

и изъятии вкладов из банков, инвестиционных фондов и других финансовых структур. Для сохранения и поддержания стабильности банковской сферы были осуществлены изменения законодательных и нормативных актов, вложены значительные финансовые ресурсы, проведены беспрецедентные по масштабам организационные мероприятия.

Устойчивость ресурсной базы банковской системы является одним из важнейших показателей развития экономики страны и отдельного региона. Именно поэтому многие страны в качестве первого и безотлагательного действия в условиях кризиса пытаются восстановить нормальное функционирование банковской системы. В числе первоочередных мер – усилия по восстановлению доверия населения к банковской системе и предотвращению массового изъятия вкладов из банков.

Изъятие вкладов в чрезмерных масштабах вследствие паники вкладчиков сказалось негативно на работе банков. Влияние этого фактора на устойчивость банка не зависит от размеров банка и не знает границ. Например, в Великобритании при появлении слухов о возможности продажи старейшей и крупнейшей корпорации «Northern Rock» вкладчики в массовом порядке за два дня сняли со счетов 2 млрд фунтов-стерлингов из имеющихся на счетах 24 млрд [1]. В России паника вкладчиков тоже имела место. Так, например, со счетов банка «КИТ Финанс» в сентябре 2008 г. физические лица изъяли 2,6 млрд руб. (30% средств физических лиц на начало месяца), со счетов банка «Глобэкс» – 3,5 млрд (12,6%), национального банка «Траст» – 2 млрд (8,4%). В октябре россияне забрали из банка «Союз» 42% личных вкладов. Общий объем депозитов в банке сократился с 10,5 до 6,1 млрд руб. Один из крупнейших банков г. Тольятти ЗАО КБ «ФИА-Банк» потерял за октябрь–ноябрь 2008 г. около 26% денег вкладчиков – физических лиц. Если учесть, что в привлеченных средствах этого банка вклады физических лиц составляли около 60%, то такие потери чреваты серьезными последствиями для банка.

За сентябрь 2008 г. в России остатки средств на депозитных счетах населения уменьшились на 87,9 млрд руб., причем более 10 млрд было изъято из 30 крупнейших банков страны [2]. Ситуация не улучшилась и в октябре: из банков было изъято более 354,5 млрд руб., или около 6% от всего объема размещенных населением средств. Отток

Таблица 1

Изменение объемов депозитов физических лиц в 2008 г., %

Период	По действующим кредитным организациям, всего	По 30 крупнейшим кредитным организациям	По 200 крупнейшим кредитным организациям	По иным кредитным организациям
Сентябрь	–1,47	–0,23	–1,51	–0,95
Октябрь	–6,02	–4,39	–5,81	–8,63
Ноябрь	–0,21	0,58	–0,12	–1,44
Декабрь	6,94	7,28	7,26	2,72

средств с депозитных счетов населения создал проблемы с ликвидностью банковской системы, особенно в регионах. Действительно, около 195 млрд руб. было изъято в 30 крупнейших банках России, что составило 4,4% от объема находящихся в них средств населения (табл. 1; см. [2]). Если учесть, что 25 из них размещены в Москве, три – в Санкт-Петербурге, то очевидно, что отток средств клиентов наиболее сильно ударил по региональным банкам, объем ресурсной базы которых уменьшился почти на 160 млрд руб., что составляет около 11% от объема депозитов физических лиц.

По федеральным округам уменьшение рублевых средств клиентов составило от 12,4 до 19,7%, причем в значительной степени это уменьшение произошло за счет оттока вкладов физических лиц, который достиг, например, в Северо-Западном федеральном округе 22,1% (табл. 2).

В целом по стране уменьшение объема рублевых депозитов физических лиц в IV кв. 2008 г. произошло по всем регионам, за исключением Республики Алтай, Северная Осетия – Алания и Карачаево-Черкесской Республики. В 50 регионах объем рублевых вкладов населения уменьшился на 10%, в девяти регионах – более чем на 20% по сравнению с предыдущим кварталом. Поскольку доля вкладов населения в пассивах банковской системы достаточно высокая, это привело к уменьшению рублевых пассивов в 69 регионах России. В некоторых регионах оно оказалось весьма значительным. Так, в Курганской, Ленинградской, Воронежской, Вологодской, Иркутской и Ярославской областях уменьшение рублевых пассивов составило более 20%.

Таблица 2

**Изменения рублевых средств клиентов по кредитным организациям
в разрезе федеральных округов за IV кв. 2008 г., %**

Федеральный округ	Всего	Вклады физических лиц
Центральный	-13,7	-11,8
Северо-Западный	-17,0	-22,1
Южный	-17,0	-16,0
Приволжский	-15,6	-15,1
Уральский	-12,3	-17,2
Сибирский	-19,7	-14,3
Дальневосточный	-12,4	-9,5

Особенностью ситуации был взрывной характер этого процесса, поскольку основное изъятие вкладов населения произошло за первые недели октября 2008 г. Так, например, в Амурской области за последние четыре месяца 2008 г. рублевые средства физических лиц уменьшились на 2,42 млрд руб., причем более половины этой величины составил отток вкладов в октябре [3]. Аналогичная ситуация была в Новосибирской области, где физическими лицами было снято со счетов около 7,7 млрд руб., или примерно 10,7% от общего объема вкладов на начало сентября 2008 г. При этом более 60% этой суммы было снято в течение октября. После октября паника вкладчиков начала спадать и отток вкладов резко уменьшился.

Мировая практика показывает, что официальное гарантирование правительством компенсации вклада в случае банкротства банка является достаточно эффективной мерой предотвращения панических настроений населения. Именно для недопущения бегства вкладов населения из банков гарантии по вкладам подняли более 20 стран (США, Канада, Бельгия, Испания, Италия, Кипр, Люксембург, Нидерланды, Словения, Финляндия, Великобритания и др.). Германия, Австрия, Греция, Ирландия, Португалия, Дания, Словакия, Австралия, Гонконг, Иордания, Кувейт, ОАЭ, Саудовская Аравия, Тайвань приняли решения о 100%-й государственной гарантии возврата вкла-

дов населения в банках. Не стала исключением и Россия. Гарантированная Агентством страхования вкладов сумма возврата вкладов населения в банках с 28 октября 2008 г. была поднята до 700 тыс. руб. [4]. По оценкам аналитиков, это нововведение позволило полностью защитить примерно 75% всех депозитных счетов населения.

Отток депозитов физических лиц является серьезным фактором обострения проблемы рублевой ликвидности в условиях кризисных тенденций в финансовом секторе. Именно поэтому банки предпринимают нередко не совсем законные способы купирования ажиотажной паники населения, приводящей к массовому изъятию депозитов. Основное оружие банков в борьбе с оттоком средств – задержки или отказы в выдаче вкладов, хотя можно отметить и прямо противоположные шаги – поощрение вкладчиков за лояльность, включающие комплекс мер с целью поощрить клиентов, сохранивших доверие к банку, и вернуть тех, кто вывел свои средства со счетов. Такие примеры единичны, – например, ОАО «Далькомбанк», Российский банк развития, которые разработали программы лояльности, предусматривающие специальные бонусы для клиентов, не поддавшихся панике, и сохраняющие на неизменном уровне проценты по вкладам для тех клиентов, которые их восстановят в течение определенного срока. Гораздо больше банков, которые для предотвращения оттока вкладов пошли по пути использования не «пряника», а «кнута». Банк «Глобэкс» первым из крупных российских банков предпринял беспрецедентные меры по предотвращению оттока средств населения. По оценкам руководства банка, за первые две недели октября 2008 г. граждане сняли со своих депозитных счетов около 3,5 млрд руб., причем подавляющая часть из них – досрочно изымаемые вклады. Такое обвальное уменьшение средств на счетах физических лиц привело к тому, что руководство банка издало распоряжение, запрещающее полную либо частичную выдачу средств с вкладов в случае их досрочного закрытия [5]. Московский залоговый банк при досрочном расторжении договора о вкладе удерживал 20% его суммы. Такую же комиссию стал взимать и Свердловский губернский банк при расторжении договора на сумму более 50 тыс. руб.

Напомним, что комиссию за досрочное изъятие вкладов вводил «Альфа-банк» в разгар банковского кризиса 2004 г. Тогда за два месяца сумма вкладов в «Альфа-банке» сократилась с 1,3 млрд до 1 млрд долл. США, и банк установил комиссию в размере 10% от суммы вкладов, которые клиенты забирали с 8 по 17 июля 2004 г. В результате «Альфа-банк» получил со своих вкладчиков около 4 млн долл. [6]. Однако после обращений вкладчиков в Конфедерацию обществ потребителей банк вернул бывшим вкладчикам удержанные средства. Эксперты отмечают, что так же как и ранее «Альфа-банк», сейчас банки будут вынуждены вернуть удержанные комиссии за снятие вкладов клиентами.

Другие банки борются с выводом средств из банка с помощью увеличения комиссии. По этому пути пошли, например, «Бинбанк», увеличивший комиссию за снятие наличных в его банкоматах в 10 раз – до 1%, и банк «Возрождение», в котором ставка за снятие наличных для вновь открываемых кредитных карт была повышена с 1 до 2%. Ввели ограничение (5000 руб. на одну транзакцию) на снятие наличных со своих кредитных карт банки «Русский стандарт» и «Ренессанс кредит».

Банки знают, что задержка в выдаче вклада или безналичном перечислении средств, удержание процента от суммы вклада при досрочном расторжении депозитного договора и т.п. противоречат закону. Они понимают, что проиграют процесс при обращении вкладчика в суд, так как п. 2 ст. 837 «Виды вклада» Гражданского кодекса РФ обязывает банк по первому требованию вернуть вкладчику его средства по договору банковского вклада любого вида (как до востребования, так и срочного). Если банк задерживает возврат вклада, то он обязан заплатить штраф за пользование чужими средствами. Однако в стремлении выиграть время, сбить ажиотажный спрос на возврат своих сбережений в условиях панических настроений населения банки идут на все эти явно незаконные действия, рассматривая их последствия как меньшее зло, чем обвальное уменьшение депозитной базы.

Следует отметить, что введение ограничений на досрочное снятие средств с депозитных счетов время от времени используется не только некоторыми банками, но и регулируемыми государственными органами отдельных стран, вплоть до правительств. Так, эти ограничения были использованы (правда, безуспешно) в Латвии с целью

поддержания крупнейшего частного банка страны – «Parex Bank» (его активы в это время составили 4,4 млрд долл. США, объем депозитов – 2,8 млрд долл., доля рынка частных вкладов – 19,8%). Государственная комиссия рынка финансов и капитала (КРФК) страны с 1 декабря 2008 г. наложила ограничения на выполнение банком своих обязательств. В частности, ему было запрещено выдавать клиентам – физическим лицам их средства на сумму, превышающую 35 тыс. лат в течение одного календарного месяца [7]. Однако несмотря на все принятые по поддержанию банка меры (включая объявленные государственные гарантии по каждому счету в сумме 55 тыс. долл. США), отток депозитных вкладов и других привлеченных средств продолжился. Итогом этого массового бегства вкладчиков, продолжавшегося менее месяца, стала национализация банка. Правительство Латвии купило его контрольный пакет акций за символические 2 лата [8].

В начале октября 2008 г. население Украины начало в массовом порядке снимать депозиты из банков и за неделю изъяло 3 млрд долл. США, что составило 4,3% от суммы срочных банковских вкладов. Хотя эта паника была на 90% вызвана психологическими факторами, для предотвращения обрушения банковской системы страны Национальный банк Украины принял постановление, которым запретил банкам в течение шести месяцев начиная с 13 октября 2008 г. до даты его прекращения досрочно выдавать депозиты физическим и юридическим лицам даже в случае, если такое изъятие предусмотрено договором. Одновременно было запрещено увеличивать кредитование, т.е. было произведено замораживание размера активов украинских банков [9].

Вклады населения на протяжении многих лет являются источником формирования более пятой части всех пассивов банковской системы. Несмотря на высокую стоимость их привлечения и трудоемкость обслуживания, их подверженность фактору паники и связанную с этим риском возможность обвала ресурсной базы, средства населения всегда были ее стабильным источником, рынком, на котором шла и идет острая конкурентная борьба. В последние годы объем вкладов населения России стабильно рос на 30–35% в год [10]. Источником банковских вкладов физических лиц являются денежные доходы населения, в которых они составляют все большую долю (табл. 3;

Таблица 3

Динамика вкладов физических лиц и их доля в денежных доходах населения за 2000–2008 гг.

Дата	Объем вкладов физ. лиц, млрд руб.	Доля в денеж. доходах населения, %
01.01.2000	297,1	10,2
01.01.2001	445,7	11,2
01.01.2002	678,0	12,7
01.01.2003	1977,0	15,1
01.01.2004	1517,8	17,1
01.01.2005	1980,8	18,0
01.01.2006	2761,2	20,0
01.01.2007	3809,7	22,1
01.01.2008	5159,2	24,2
01.01.2009	5907,0	23,1

см. [11]). Если на 1 января 2000 г. в банках находилось 10,2% денежных доходов населения, то к 2008 г. этот показатель увеличился более чем в 2 раза и составил 24,2%. Отток вкладов из банков в IV кв. 2008 г. уменьшил его на начало 2009 г. до 23,1%.

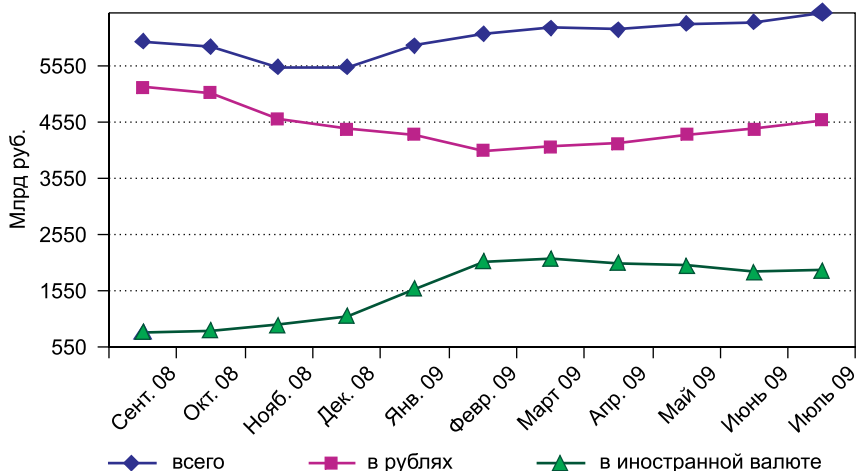
Существенно, что в структуре депозитов населения четко выражена тенденция увеличения доли средств, размещаемых на длительный срок. Если, например, в 2000–2001 гг. депозиты физических лиц размещались преимущественно на срок от 181 дня до одного года, то с 2002 г. основная масса средств населения находится на депозитных счетах сроком свыше одного года. При этом от года к году доля таких вкладов увеличивается, и к началу 2009 г. объем таких депозитов составил уже 65,2% [10].

В последние годы устойчиво уменьшалась доля депозитов, размещаемых физическими лицами в иностранной валюте. Если на начало 2005 г. доля валютных вкладов в банках составляла около 26%, то к 2008 г. она уменьшилась до 12,8% в общем объеме вкладов [10]. По мнению аналитиков, данная тенденция является подтверждением до-

верия вкладчиков к национальной валюте в условиях устойчивого укрепления курса рубля.

Если долгосрочные тенденции размещения средств физических лиц в банках достаточно устойчивы, то анализ кризисных периодов показывает значительные изменения их объемов и структуры. За 2008 г. объем средств населения в банках увеличился на 747,8 млрд руб. (на 14,4%), а в предыдущем году рост составил 1349,5 млрд руб., или 35,4% (см. табл. 3). Однако этот прирост происходил весьма неравномерно в течение года. Начиная с февраля 2008 г. наблюдался устойчивый рост объема депозитов на 1–3% в месяц, что соответствовало тенденциям предыдущих лет. К сентябрю 2008 г. объем прироста вкладов населения составил 818,8 млрд руб., после чего было зафиксировано ежемесячное снижение объема привлеченных средств населения (см. рисунок).

Основной вклад в отток средств населения внесло уменьшение рублевых депозитов, причем наиболее значительное изъятие средств населения коснулось счетов до востребования и депозитных счетов сроком от одного года до трех лет. По итогам 2008 г. объем рублевых депозитов сократился более чем на 160 млрд руб., или на 3,6%. Правда, уже в декабре 2008 г. вклады населения увеличились на 383,1 млрд

Динамика объема вкладов населения за сентябрь 2008 г. – июль 2009 г.

руб., т.е. суммарно за четыре последних месяца года было потеряно 71,1 млрд руб. Рост объема вкладов населения продолжился и в 2009 г.: 4,9% в I кв., 9,9% за полугодие. Суммарно за девять месяцев 2009 г. темп роста вкладов населения превысил соответствующее значение за 2008 г. (13,5 и 14,2% соответственно). Однако до марта 2009 г. этот рост происходил за счет вкладов в иностранной валюте, которые увеличились с начала года на 34%, а по сравнению с октябрем 2008 г. – более чем в 2,5 раза. Только начиная с марта 2009 г. прекратилось уменьшение рублевых депозитов населения, произошла стабилизация их объема и начался рост на 1–3% в месяц. Также в марте достиг максимума и начал уменьшаться объем привлеченных от населения средств в иностранной валюте. К декабрю 2009 г. его уменьшение по сравнению с максимумом составило 7%.

Таким образом, одним из последствий кризисного периода явилось изменение структуры вкладов населения, а именно, беспрецедентный за последние годы рост депозитов в иностранной валюте.

Если в начале 2008 г. доля валютных средств в общем объеме денежных вкладов населения составляла 14,8%, то в результате опережающего роста валютных сбережений она увеличилась по отношению к «пику» объема валютных депозитов более чем в 2 раза, составив почти 34%. Правда, далее эта величина снизилась к концу 2009 г. до 28%. Такой значительный впервые за последние несколько лет рост объема валютных вкладов начался в сентябре 2008 г., когда на валютные счета вкладчиков поступило более половины годового объема вкладов. Валютные вклады росли ежемесячно высокими темпами: на 11, 19 и 43% в октябре, ноябре и декабре соответственно.

В IV кв. 2008 г. началось «бегство» населения от рубля, принявшее беспрецедентные за все последние годы размеры. В обзоре состояния внутреннего рынка наличной иностранной валюты, ежемесячно публикуемом Банком России [12], отмечается, что октябрь 2008 г. характеризовался максимальным за весь период мониторинга (начиная с 1996 г.) спросом населения на наличную иностранную валюту – 16,9 млрд долл. США, что почти в 2,5 раза превышает аналогичный показатель в октябре 2007 г. В ноябре совокупный спрос населения на наличную иностранную валюту составил 12,9 млрд долл. В декабре

был зафиксирован очередной (после октября 2008 г.) рекорд совокупного спроса населения на наличную иностранную валюту (18,9 млрд долл.) и беспрецедентно высокий уровень роста валютных счетов.

Анализ структуры использования денежных доходов населения [11] показывает, что за несколько последних лет доля доходов населения, направляемая во вклады и на покупку валюты, вела себя достаточно стабильно: колебания этой величины по месяцам весьма устойчивы в течение 2003–2007 гг. Отчетные данные за 2008 г. показывают неизменность тенденций перечисленных показателей до августа этого года. В сентябре–ноябре происходит изъятие населением средств с вкладов (4,2% от суммы денежных доходов в сентябре, 18,8 и 7,7% – в октябре и ноябре соответственно) с целью покупки иностранной валюты. Подобных трат доходов населения на покупку иностранной валюты не было в течение последних нескольких лет. Все это свидетельствует о росте недоверия населения к рублю и о стремлении к валютным накоплениям.

В связи с таким резким всплеском интереса населения России к иностранной валюте уместно напомнить, что еще три года назад в СМИ широко обсуждалась перспектива полной дедолларизации экономики страны в ближайшие годы. Руководители Банка России делали оптимистические заявления на эту тему [13, 14]. Основные тезисы обсуждения базировались на сопоставлении данных Центробанка о платежном балансе на начало 2007 г., в котором запасы валютной наличности оценивались в 18,7 млрд долл. США, а по состоянию на 1 июля валютные сбережения населения, включая доллары и евро вне банковской системы, – в 11,9 млрд долл. В 1997–2002 гг. этот показатель составлял около 35 млрд долл. Из-за стремительного сокращения валютной наличности делался вывод, что к концу 2007 г. долларов «в чулках» практически не останется и процесс дедолларизации закончится. Однако, как следует из приведенных выше данных, суммарный совокупный спрос населения на наличную иностранную валюту составил 48,7 млрд долл., т.е. почти в 1,4 раза превысил величину, с которой начался процесс дедолларизации. Можно считать, что теперь образовалась новая дата отсчета этого процесса – март 2009 г.

Для оценки потерь ресурсной базы банков вследствие изъятия вкладов населения в кризисный период, вызванного всплеском паники на-

селения, нами был проведен анализ внутригодовой динамики объема привлеченных банковских вкладов (депозитов) физических лиц начиная с 2001 г. [10]. Анализ позволил выявить ряд закономерностей:

1) динамика помесечного изменения внутри года объема привлеченных от населения ресурсов практически одинакова на всем рассматриваемом периоде, за исключением месяцев, в которые наблюдался отток вкладов, связанный с «паникой» вкладчиков;

2) внутригодовая динамика объема привлечения средств физических лиц с высокой степенью точности аппроксимируется линейной зависимостью. Коэффициенты корреляции зависимости объема привлечения от времени (с дискретной временной переменной – месяц, т.е. аппроксимация по каждому году проводится по 12 точкам) составляют по разным годам от 0,93 до 0,99. Ошибка аппроксимации более чем для 90% точек исследуемого периода находится в пределах 1%, максимальная ошибка аппроксимации за все годы построения регрессий – 2,4%;

3) коэффициент при переменной времени в уравнении регрессии возрастает от года к году, т.е. темп внутригодового роста привлеченных от населения ресурсов увеличивается от года к году.

Выявленные закономерности позволяют оценить величину «недобора» депозитных вкладов населения. Если рассмотреть их динамику в 2008 г., то до сентября включительно она полностью подчинялась вышеописанным закономерностям, после чего объем депозитов населения начал уменьшаться. На основе данных за январь–сентябрь 2008 г. было построено уравнение регрессии зависимости от времени объема привлеченных средств в рублях и иностранной валюте. Его использование для прогноза изучаемого показателя позволило получить оценку «недобора» за IV кв. в размере 1,7 трлн руб. Аналогичные анализ и расчеты для рублевых депозитов населения дали оценку около 2 трлн руб., а для рублевых депозитов, привлеченных банковской системой от организаций, – 880 млрд руб. Таким образом, общий «недобор» рублевых ресурсов в период кризиса составил около 2,88 трлн руб. Заметим, что эта цифра вполне сопоставима с кредитами, депозитами и прочими привлеченными средствами, полученными кредитными организациями от Банка России за IV кв. (3,37 трлн руб.) [15].

Таким образом, полученные от Центробанка средства для преодоления дефицита рублевой ликвидности в значительной части компенсировали не собранные с рынка средства клиентов.

Весьма похожая картина наблюдается и в динамике депозитов, привлеченных кредитными организациями от юридических лиц. Объем депозитов, размещенных нефинансовыми организациями в кредитных учреждениях, в 2008 г. стабильно рос, особенно значительно – в августе–сентябре 2008 г. (на 7 и 5% соответственно). Причем устойчивый рост объема привлечения за счет депозитов юридических лиц имел место и по валютным, и по рублевым средствам [10]. Однако в октябре 2008 г. произошло снижение почти на 10% объема депозитов, привлеченных от организаций, причем по рублевым средствам это снижение составляло более 20%. Отметим значительное (почти на 40%) уменьшение в октябре 2008 г. средств организаций на рублевых депозитах сроком до 30 дней, а в ноябре – уменьшение почти в 3 раза депозитов сроком от 31 до 90 дней. Можно предположить, что эти депозиты были изъяты для пополнения оборотных средств и приобретения иностранной валюты. Впоследствии в течение примерно трех месяцев объем таких депозитов был практически восстановлен. В декабре 2008 г. наблюдается уменьшение почти на 10% объема депозитов организаций. Это происходит в основном за счет уменьшения на 36% рублевых депозитов при росте на 17% валютных.

Если учесть увеличение в декабре 2008 г. рублевой стоимости бивалютной корзины по отношению к рублю почти на 5,5%, то это означает, что предприятия не только переводят рублевые накопления в валютные, накапливая валюту либо для будущих валютных платежей, либо для последующей перепродажи с целью увеличения прибыли, но и переводят ненужный в текущий момент избыток валютных средств на депозитные счета. А изъятие средств с рублевых депозитов свидетельствует о нехватке ресурсов для текущей хозяйственной деятельности, в первую очередь для уплаты налогов.

Литература

1. **Британия:** паника вкладчиков может обрушить банки / Русская служба BBC [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/business/newsid_6998000/6998761.stm (дата обращения 10.12.2009).

2. **Сводная** статистическая информация по крупнейшим банкам по состоянию на 1 января 2009 г.; на 1 августа 2008 г.; на 1 сентября 2008 г.; на 1 октября 2008 г.; на 1 ноября 2008 г.; на 1 декабря 2008 г. / Информационно-аналитические материалы Банка России. Банковская система [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/ (дата обращения 02.02.2010).

3. **Региональный** раздел Банка России [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/regions/main.asp> (дата обращения 02.02.2010).

4. **Федеральный** закон от 13 октября 2008 г. № 174-ФЗ «О внесении изменений в статью 11 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12162766.htm> (дата обращения 10.12.2009).

5. КоммерсантЪ. – 2008. – 15 окт.

6. КоммерсантЪ. – 2004. – 20 июля.

7. КоммерсантЪ. – 2008. – 3 дек.

8. **Петрова С.** Ориентация на восток // Аналитический деловой еженедельник SmartMoney [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smoney.ru/article.shtml?2008/11/17/7205> (дата обращения 10.10.2009).

9. **НБУ** спасает банковскую систему жесткими мерами [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://elvisti.com/node/79455> (дата обращения 20.01.2010).

10. **Бюллетень** банковской статистики. 2001–2010. – № 1–12 / Издания Банка России [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/publ/main.asp?Prtid=BBS> (дата обращения 21.01.2010).

11. **Социально-экономическое** положение России – 2003–2009 гг. Социальная сфера. Использование денежных доходов / Периодические издания Федеральной службы государственной статистики [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/portal/PUB_CAT (дата обращения 03.02.2010).

12. **Движение** наличной иностранной валюты через уполномоченные банки за октябрь, ноябрь, декабрь 2008 г. / Информационно-аналитические материалы Банка России. Банковская система [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/analytics/bank%5Fsystem> (дата обращения 15.01.2010).

13. **Улюкаев А.** За три года дедолларизация в России в основном завершится // Деловая, общественно-политическая ежедневная газета «Время новостей» [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2006/223/8/166987.html> (дата обращения 20.01.2010).

14. КоммерсантЪ. – 2007. – 10 июля.

15. **Обзор** банковского сектора Российской Федерации за август, сентябрь, октябрь, декабрь 2008 года; февраль, март, апрель, июнь, август 2009 года; январь 2010 года / Информационно-аналитические материалы Банка России. Банковская система [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/ (дата обращения 10.02.2010).

Регион: экономика и социология, 2010, № 2, с. 168–179

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ МАРШРУТОВ МАГИСТРАЛЬНЫХ ТРУБОПРОВОДОВ КАЗАХСТАНА

О.И. Егоров, О.А. Чигаркина

Институт экономики (Алматы, Республика Казахстан)

Аннотация

Участие Казахстана в мировой торговле нефтью и природным газом основывается на устойчивом росте добычи этих ресурсов в стране и их значительных потенциальных запасах. Однако экспорт сырья сдерживается недостаточной пропускной способностью магистральных трубопроводов. В статье обосновываются варианты трасс перспективных трубопроводов для экспорта углеводородов, оцениваются их экономическая эффективность и последствия для казахстанской экономики.

Ключевые слова: нефте- и газопроводы, углеводородное сырье, эффективность, нефтегазовые месторождения

Abstract

Further involvement of Kazakhstan in world oil-and-gas markets is based on a steady growth of production and significant potential of these resources in the Republic. However, their export is limited by capacities of existing major pipelines. The paper proposes the variants of pipeline routes providing better export conditions; and assesses the economic effectiveness and consequences of these variants.

Keywords: oil-and-gas pipelines, hydrocarbon resources, effectiveness, oil-and-gas fields

Казахстан является сегодня крупнейшим в СНГ после России нефтедобывающим государством. Поставки на внешний рынок добы-

ваемой нефти и природного газа остаются одним из приоритетных и прибыльных направлений экономической деятельности страны. Разведанный потенциал углеводородов позволяет добывать только за счет ресурсов Каспийского региона уже с 2010 г. 100 млн т нефти. Разведанные запасы природного газа составляют 3 трлн куб. м, а потенциальные ресурсы оцениваются в 10 трлн куб. м, 90% из которых связаны с Прикаспийской впадиной. Экспорт нефти неуклонно растет: если в 2005 г. он составлял немногим более 39 млн т, то в 2010 г. достигнет 55 млн, а в 2020 г. – 78 млн т. Годовая добыча газа составляет 33–34 млрд куб. м [1]; подавляющая его часть пока используется как сырье для переработки и удовлетворения коммунально-бытовых и промышленных потребностей регионов Казахстана. Экспортируется газ в объеме 6–7 млрд куб. м на газоперерабатывающие заводы России.

Глубоко субконтинентальное расположение страны и значительные расстояния до основных потребителей нефти и газа за рубежом, ограниченные возможности действующих магистральных трубопроводов и их неудовлетворительное техническое состояние являются сдерживающими факторами для ввода имеющихся в стране запасов углеводородного сырья в мировой оборот и использования для внутреннего потребления. Неразвитость нефтетранспортной инфраструктуры Казахстана максимально привязывает освоение каспийской нефти к уже сложившимся системам трубопроводов, портов и терминалов. Современное техническое состояние и уровень развития сети трубопроводного транспорта не обеспечивают в достаточном объеме поставки углеводородов на внешний и внутренний рынки [2, 3]. В отличие, например, от европейской части России [4] в Казахстане система магистральных сетей транспорта углеводородов развита недостаточно.

В этой связи необходимо не только наращивать объемы добычи, но и создать надежную и экономически эффективную систему магистральных трубопроводов с конфигурацией, обеспечивающей, во-первых, наполнение внутреннего рынка энергоресурсами и, во-вторых, беспрепятственный экспорт нефти и газа.

География трубопроводов Казахстана такова, что по основным маршрутам нефть вывозится в четырех направлениях: западном, северо-западном – к Балтийскому морю, юго-западном – к Черному морю и восточном – в Западный Китай (рис. 1).

Нефтегазовые месторождения Казахстана уже связаны трубопроводами с объектами переработки сырья в Российской Федерации

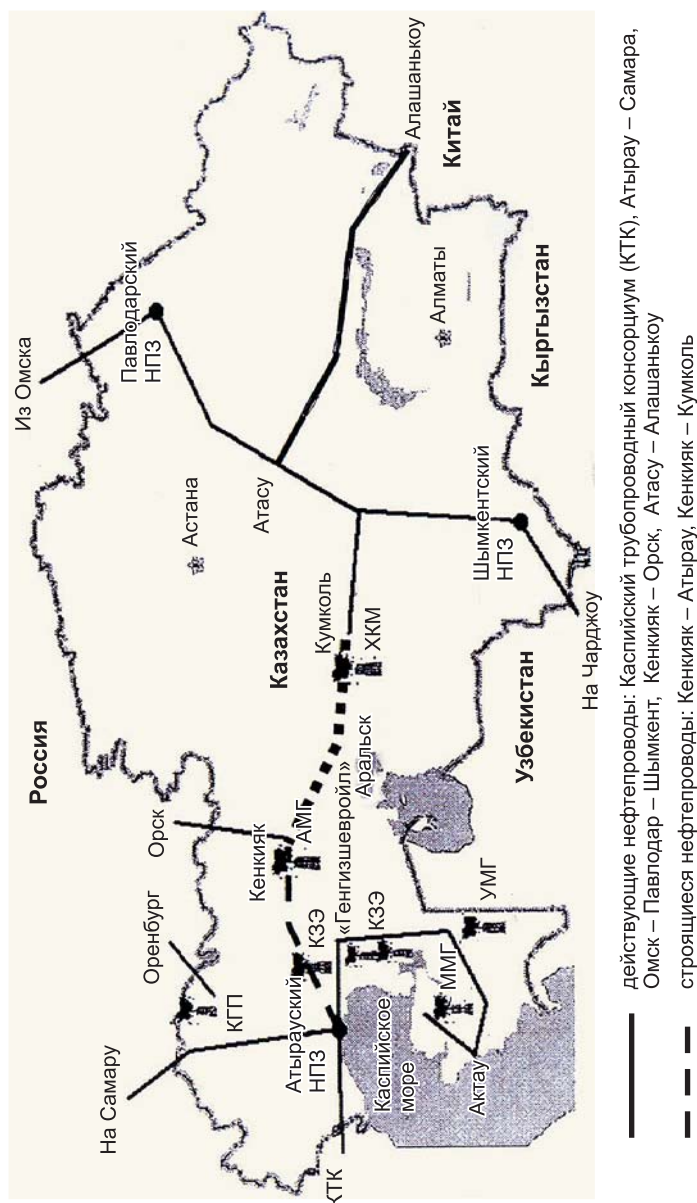

Рис. 1. Маршруты нефтепроводов Казахстана

ММГ – «Мангистаумунайгаз»; УМГ – «Узеньмунайгаз»; АМГ – «Ақтобемунайгаз»; КЗЭ – «Казахойлэмба»; КТП – «КазахстанПетролеумОперейтинг»; ХКМ – «ПетроКазахстан Кумколь Ресорсиз»

(Орск, Оренбург, Самара) [4] и самом Казахстане (Атырау, Актау, Жана-Озень) [2]. Однако все они функционируют длительное время и кроме снабжения действующих мощностей отмеченных заводов сырьем никаких других функций не выполняют. Более того, в перспективе не предусматриваются их реконструкция и использование для перекачки углеводородов на экспорт.

В последние годы прорабатываются варианты новых маршрутов «переброски» потоков сырья Прикаспийского региона. Каждый из них имеет особенности экономического, социального, политического характера, что обуславливает необходимость проведения тщательной экспертизы выдвигаемых проектов. В таблице отражены положительные и отрицательные стороны каждого варианта транспортировки нефти на мировые рынки.

Предварительные технико-экономические исследования показали, что проект транспортировки казахстанской нефти на экспорт в Китай является перспективным. Высокий приоритет он получает в связи с прогнозируемым ростом годовой добычи нефти в Казахстане до 120–140 млн т после ввода в разработку месторождений шельфа Каспийского моря. Столь значительно увеличивая добычу нефти (в 1,6–2,0 раза выше современного уровня), необходимо иметь реальную гарантию, что появляющимся дополнительным объемам углеводородного сырья в размере 30–40 млн т будет обеспечена транспортировка. Размещению этого объема будет способствовать вывод казахстанско-китайского нефтепровода на полную мощность. По оценкам ИЭОПП СО РАН, потребности Китая в сырой нефти и нефтепродуктах в 2010 г. составят более 40 млн т и через 10 лет удвоятся [5]. Экспорт в Китай экономически выгоден для Казахстана ввиду растущего спроса на нефть в данном регионе. Строительство трубопровода решает проблемы обеспечения устойчивого снабжения крупнейших нефтеперерабатывающих заводов Павлодара и Шымкента.

Сооружение нефтепровода Западный Казахстан – Китай предусматривается в два этапа. Уже реализован первый этап: построен и введен в эксплуатацию нефтепровод Атасу – Алашанькоу. По нему казахстанские компании «ПетроКазахстан», НК «Казмунайгаз», «Казгермунай», а также российские компании ТНК-ВР и «Газпромнефть» экспортируют в Западный Китай примерно 5 млн т нефти в год. Реализация второго этапа проекта предполагает строительство нефтепровода Кенкияк – Кумколь протяженностью 786 км. Завершение строитель-

Сравнительная характеристика нефтепроводов

Маршрут	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Атырау – Самара	Важнейший маршрут вывоза нефти в объеме до 15 млн т в год. Сеть российских трубопроводов обеспечивает выход в Европу	Зависимость от политики России и собственников трубопровода
Через Иран	Сравнительно низкая стоимость транспортировки	Транспортировка затруднена в силу политических мотивов. Низкая конкурентоспособность казахстанской нефти (цена с учетом транспортировки значительно превышает цену нефти Персидского залива)
Туркменистан – Афганистан – Пакистан (перспектива)	Возможность реализации избыточных объемов нефти	Транспортировка небезопасна в связи с войной в Афганистане
Через Западный Китай	Наличие емкого рынка, возможность диверсификации направлений транспортировки нефти	Высокая цена транспортировки. Наличие нефтяных месторождений Синьцзяня и Ганьсзу. Низкая востребованность в восточных районах Китая в силу преимуществ ввоза нефти танкерами из Индонезии и стран Персидского залива
Тенгиз – Атырау – Новороссийск	Возможность соединения Западного Казахстана со странами Черноморского побережья, где потенциал потребления нефти – более 65 млн т в год	Зависимость от тарифной политики российских транспортных компаний
Из Актау в Баку (танкерные перевозки) и в порт Батуми (по железной дороге)	Льготные тарифы. Возможность перекачки нефти по трубе в терминал Суса на Черноморском побережье Грузии	Зависимость действий от стратегии партнеров по Каспийскому трубопроводному консорциуму
Баку – Джейхан	Решение таможенных проблем с Турцией. Современный нефтяной терминал	Недостаточно объемов нефти для заполнения трубопровода. Нестабильность политической ситуации по всей трассе маршрута

ства в 2011 г. нефтепровода Западный Казахстан – Западный Китай позволит осуществлять транспортировку 20 млн т нефти ежегодно. Примерно половина этого объема будет обеспечиваться за счет добычи Китайской национальной нефтяной компании (КННК). Недостающие объемы обеспечат НК «Казмунайгаз», разрабатывающая месторождения в континентальной части Западного Казахстана и на его шельфе, и другие казахстанские нефтедобывающие компании.

Особое внимание на протяжении ряда лет придается функционированию экспортного нефтепровода на трассе Казахстан (Тенгизское месторождение) – Россия (Тихорецкая – Кропоткин – новый терминал севернее Новороссийска). Для реализации его в 1992 г. был создан «Каспиан Пайплайн» – Каспийский трубопроводный консорциум (КТК), в который вошли Казахстан, Россия и Оман.

Завершение строительства первой очереди нефтепровода до Новороссийска позволило экспортировать из Казахстана до 15 млн т сырой нефти в год. После ввода в действие объектов второй очереди, предназначенных для транспортировки сырья из Западного Казахстана, России и, вероятнее всего, из Азербайджана (месторождения прикаспийской зоны), появляется реальная возможность экспортировать от 60 до 75 млн т сырой нефти в год. Столь большой объем прокачиваемого сырья будет обеспечиваться за счет освоения новых месторождений как на прикаспийской суше, так и в акватории.

С момента ввода в эксплуатацию КТК прошло достаточно времени, для того чтобы определиться относительно планов его расширения. Однако постоянно возникающие разногласия между акционерами по поводу размеров тарифов на прокачку нефти, источников финансирования проекта, распределения долей акций участников, решивших выйти из состава консорциума, и т.д. свидетельствуют о продолжающихся спорах при решении главных проблем функционирования этой нефте-транспортной системы. Подобная ситуация не способствует установлению доверия между партнерами, особенно сейчас, когда Россия уже реализует проект строительства трубопровода Бургас – Александруполис и ей выгодно получить от Казахстана согласие на поставку гарантированных объемов сырья для транспортировки в этом направлении. Совпадение экономических и политических интересов Казахстана и России в решении этого вопроса подкрепляется тем фактом, что завершение строительства балканского нефтепровода, планируемое на 2013 г., совпадает по срокам с вводом в эксплуатацию крупнейшего

нефтегазового месторождения Кашаган, расположенного в северо-восточной части казахстанского сектора шельфа Каспийского моря. В этой связи в качестве положительного момента следует отметить, что уже в декабре 2009 г. акционеры КТК утвердили план реализации проекта расширения, предусматривающий увеличение пропускной способности трубопроводной системы до 67 млн т нефти в год.

Перспективы добычи нефти на морских месторождениях Каспия непосредственно увязываются с поставками ее в нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан, который к настоящему времени уже введен в эксплуатацию, однако в силу различных обстоятельств не загружен сырьем в объеме, обеспечивающем его эффективную работу. Добыча нефти на месторождении Кашаган позволит Казахстану поставлять на терминалы Баку до 20 млн т сырой нефти в год. Морскую транспортировку нефти продолжит осуществлять АО «Национальная морская судоходная компания «Казмортрансфлот», 50% акций которой принадлежит НК «Казмунайгаз». Транспортировка нефти в объеме 10 млн т в год в настоящее время осуществляется из порта Актау в Махачкалу, Неку и Баку (рис. 2).

Национальная компания «Казмунайгаз» ведет работу по созданию Казахстанской каспийской системы транспортировки (ККСТ), предназначенной для экспорта возрастающих объемов казахстанской нефти, которые будут добываться в первую очередь на месторождениях Кашаган и Тенгиз, через Каспийское море на международные рынки посредством системы Баку – Тбилиси – Джейхан и/или других нефте-транспортных систем, расположенных на территории Азербайджана. В рамках ККСТ для обеспечения транспортировки казахстанской нефти на международные рынки планируются строительство нефтепровода Ескене – Курык и создание Транскаспийской системы, которая будет состоять из терминалов на казахстанском побережье Каспийского моря, танкеров и судов, терминалов на азербайджанском побережье и соединительных сооружений до системы Баку – Тбилиси – Джейхан. Предполагается, что на начальном этапе по этой магистрали будет транспортироваться 20 млн т нефти в год с последующим увеличением до 35–56 млн т.

Сегодня сеть существующих в Казахстане нефтепроводов не может обеспечить планируемый объем транспортировки нефти северной части Каспийского моря при полном освоении месторождений Кашаган и Тенгиз. В рамках реализации проекта ККСТ предусматри-

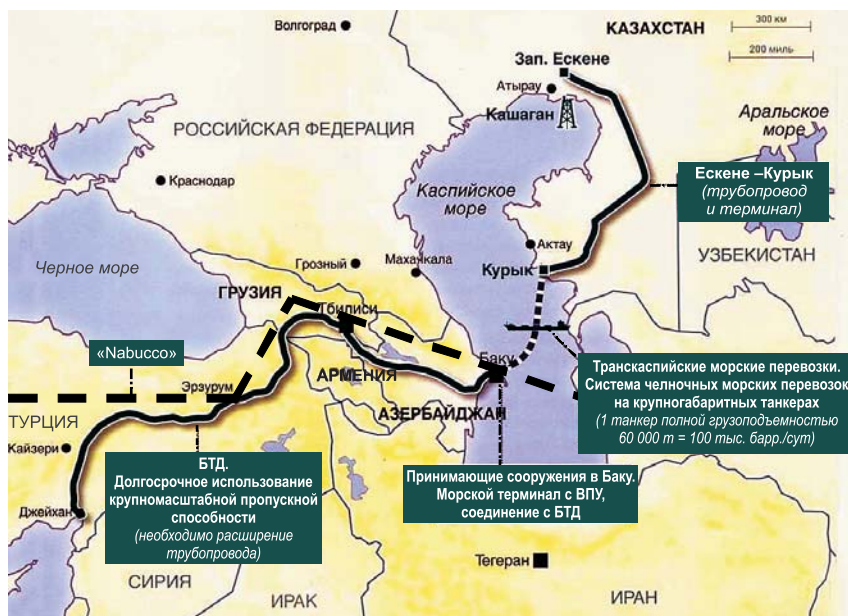

Рис. 2. Маршрут транспортировки нефти морских месторождений Казахстана

валяется создание специального танкерного флота и двух специализированных терминалов в Казахстане и Азербайджане, способных переваливать 60 млн т нефти в год и более. Нефтепровод до нового порта и вся необходимая инфраструктура в портах Курык и Баку будут сооружаться на паритетных условиях: по 50% вложений придется на национальные нефтегазовые компании Казахстана и Азербайджана. Разрабатывается проект строительства экспортного магистрального нефтепровода Ескене (Атырауская область) – Курык (Мангистауская область), который будет одним из главных звеньев созданной Казахстанской каспийской системы транспортировки (см. рис. 2).

Следует учесть, что трасса нефтепровода пройдет через многочисленные горные участки, подверженные тектоническим воздействиям. Это увеличивает степень риска и предполагает в целях обеспечения устойчивой работы трубопровода ввести в проект дополнительные технические решения, позволяющие обезопасить как само сооруже-

ние, так и территорию, по которой оно будет проходить, от возможных осложнений в будущем. К примеру, землетрясение силой более 6 баллов, произошедшее в Западной Турции в июне 1998 г., нанесло существенный ущерб г. Джейхану, где на морском побережье расположены нефтяные терминалы.

Произошедшее землетрясение обязывает будущих поставщиков каспийской нефти реально оценить сложившуюся ситуацию, невзирая на упорные попытки определенных кругов в странах, предполагающих получить свою комиссионную выручку от транзита сырья, доказать, что нефтепровод имеет стопроцентную гарантию прочности в отношении любых природных катаклизмов.

В этом проекте есть еще одна немаловажная сложность, касающаяся уже совершенно иной сферы взаимоотношений – политической. Трасса турецкого варианта нефтепровода должна проходить по регионам, политическая стабильность которых никем не может быть гарантирована. В их числе могут быть названы Нагорный Карабах, Грузия, районы Турции с компактным проживанием курдского населения. Поэтому совершенно не исключается и такой поворот событий участия в данном проекте, при котором основным сдерживающим фактором в его реализации станет политическая нестабильность в упомянутых регионах.

Каспийский регион для ведущих стран Западной Европы и США приобретает статус зоны стратегических интересов [6]. Освоение шельфа Каспийского моря не только отвечает интересам производителей нефти Казахстана и Азербайджана, но и отражает определенные цели США. Возможность импортировать каспийскую нефть позволит США диверсифицировать источники поставок и ослабит зависимость этой страны от импорта из стран Персидского залива. США оказывают поддержку развитию альтернативных экспортных маршрутов на рынки Средиземноморья и Азии.

Кроме обозначенных нефтетранспортных систем Казахстана по территории страны проходят крупные транзитные газопроводы, соединяющие газовые месторождения Узбекистана и Туркменистана с европейской частью России. По отводам от этой газотранспортной системы, построенным еще в советское время, обеспечивается природным газом южная столица Казахстана Алматы. Северная столица

страны Астана остается газифицированной за счет привозного газа в баллонах. Следует отметить, что перспективы относительно добычи газа в Казахстане весьма большие, что предопределяет возможность реализации ряда газотранспортных проектов. Среди газовых проектов реальные очертания получил проект строительства газопровода Туркменистан – Казахстан – Китай, протяженностью 1300 км и пропускной способностью 30–40 млрд куб. м в год. В 2009 г. завершен первый этап строительства этой системы, что позволит транспортировать газ с туркменских месторождений в объеме 4–5 млрд куб. м. Этот проект имеет двойную экономическую выгоду для Казахстана. Во-первых, транзит газа по территории страны позволит увеличить поступления в государственный бюджет за счет взимания установленных законом налогов, платы за транзит. Во-вторых, появится реальная возможность увеличения газоснабжения южных регионов. Планируется, что рост потребления газа на юге Казахстана увеличится с 2,3 до 10 млрд куб. м в год. Этому будет способствовать и подключение к системе газопровода Бейнеу – Бозой – Кызылорда, по которому начнется транспортировка газа с западно-казахстанских месторождений.

Отмечая установившийся в мире повышенный интерес к газовым ресурсам, следует признать, что прикаспийские государства сегодня являются зонами особого внимания для многих мировых нефтегазовых компаний. Одна из таких зон – Туркмения, в течение последних лет наблюдается ажиотаж вокруг ее газового потенциала. Он обусловлен информацией о перспективных запасах природного газа на вновь открытых месторождениях. Так, например, по данным британской геолого-разведки и Государственного информагентства Туркменистана [7], запасы нового месторождения газа в Марыйском регионе на юго-востоке Туркмении составляют от 4,5 до 14 трлн куб. м. На сегодняшний день это самое крупное в мире месторождение газа и одно из самых дешевых в мире (и самое дешевое в СНГ) по себестоимости добычи.

В настоящее время в Туркмении добывается около 80 млрд куб. м природного газа в год. Согласно подписанным соглашениям в 2010 г. в Россию будет направлено 30 млрд куб. м, 14 млрд – в европейские страны в обход России и, возможно, 8–10 млрд куб. м будет продано Китаю. Оставшаяся часть добытого объема, по-видимому, будет ис-

пользована для собственных нужд. Как видно, пока свободных объемов газа для участия Туркмении в иных проектах, например в подаче углеводородного ресурса в газопровод «Nabucco», нет.

На интригу вокруг проекта строительства экспортного газопровода «Nabucco», поддерживаемого рядом европейских стран, США, Турцией, следует обратить особое внимание. Идея сооружения этого трубопровода возникла в 2004 г., его сырьевой базой должны были служить газовые ресурсы месторождений Ирана. В дальнейшем из-за возникших политических конфликтов было принято решение изменить проект таким образом, чтобы основными поставщиками газа стали Азербайджан и Туркменистан. С тех пор интерес к реализации проекта «Nabucco» приобрел неустойчивый характер, так как главный вопрос – с источниками сырья для загрузки газопровода до конца не решен. Азербайджан представляется единственным надежным поставщиком газа, однако его мощностей недостаточно для трубопровода, рассчитанного на перекачку 31 млрд куб. м в год.

Таким образом, относительно сроков начала строительства газотранспортной системы «Nabucco» имеется полная неопределенность. На этом фоне четко просматривается активизация работ по претворению в жизнь проекта Прикаспийского газопровода, сырьевой базой для которого станут ресурсы Туркменистана, Казахстана и Азербайджана.

Однако в новых реалиях благодаря большим разведанным ресурсам газа, во-первых, возрастает политический вес Туркмении на мировой арене, у страны появляется реальная возможность устанавливать свои правила игры на газовом рынке. Во-вторых, наличие столь впечатляющих объемов природного газа может инициировать приток прямых иностранных инвестиций, за счет которых будет развиваться прежде всего газодобыча. Президент Туркмении Г. Бердымухамедов считает, что в настоящее время в стране накоплен излишек товарного газа и запасов туркменского газа хватит также для реализации проекта «Nabucco», предусматривающего поставки природного газа из бассейна Каспия в Европу в обход России [8]. В такой ситуации в Казахстане возможен пересмотр конфигурации экспортных газопроводов. Те, кто принимает решения, должны руководствоваться экономическими интересами страны и политической целесообразностью.

* * *

Анализ проектов увеличения объемов экспорта нефти и природного газа Казахстана, показывает, что предстоит сложный выбор приемлемых направлений развития нефтепроводного транспорта. Сложность заключается прежде всего в том, что кроме чисто экономических, коммерческих и конъюнктурных факторов следует принимать в расчет и факторы политического характера, деловые и торговые взаимоотношения с рядом государств, которые в определенной степени инвестируют многие производства и иные сферы деятельности страны.

Столь широкий спектр возможных направлений реализации нефти на внешнем рынке свидетельствует о том, что несмотря на некоторую неопределенность относительно объемов углеводородов, которые будут извлекаться и экспортироваться в среднесрочной перспективе, оценка экономических, экологических, политических позиций должна быть осуществлена заблаговременно.

Литература

1. **Егоров О.И., Чигаркина О.А.** Нефтегазовый комплекс Казахстана: состояние и перспективы развития // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 1. – С. 177–189.
2. **Жумагулов Р.Б.** Диверсификация нефтяной политики Республики Казахстан // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 4. – С. 284–291.
3. **Егоров О.И., Чигаркина О.А.** Нерешенные проблемы освоения казахстанского сектора шельфа Каспийского моря // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 4. – С. 308–320.
4. **Суслов В.И., Коржубаев А.Г.** Потенциал развития нефтегазотранспортных систем России // Регион: экономика и социология. – 2009. – № 1. – С. 127–144.
5. **Конторович А.Э., Коржубаев А.Г.** Прогноз развития новых центров нефтяной и газовой промышленности на Востоке России и экспорта нефти, нефтепродуктов и газа в восточном направлении // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 210–229.
6. **Куприянов А.Б.** Каспийско-Черноморский регион. – М.: Изд-во Ин-та Европы РАН, 2009. – 94 с.
7. **Балиев А.** Каракумы поспорят со Штокманом // Российская Бизнес-газета. – 2008. – 21 окт. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/10/21/gaz.html> (дата обращения 28.01.2010).
8. http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2009/07/10/n_1381364.shtml (дата обращения 28.01.2010).

© Егоров О.И., Чигаркина О.А., 2010

Регион: экономика и социология, 2010, № 2, с. 180–202

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЦЕССИИ 2008–2009 гг.: РЕЗУЛЬТАТЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т.Ю. Богомолова

ИЭОПП СО РАН, Новосибирский государственный университет

*Статья подготовлена в рамках Междисциплинарного интеграционного
проекта СО РАН «Демографические, этнические и социальные риски
развития человеческого потенциала Сибири»*

Аннотация

Анализируется опыт изменения в условиях кризиса экономического поведения, ожиданий, социальных установок и потребительских предпочтений населения США. Показано, что ударов рецессии в США не избежала ни одна возрастная группа, но конфигурация проблем и широта охвата ими, а также реакция на них существенным образом различаются в зависимости от возраста людей. На рынке труда сохраняется и усиливается рецессией высокая конкуренция между возрастными и гендерными группами. Экономические трудности значительно влияют на жизненные планы и сплоченность людей, но мобилизующее влияние оказывает уверенность американцев, что трудолюбие и напористость позволяют, несмотря на неблагоприятные экономические условия в стране, двигаться вперед.

Ключевые слова: экономическая рецессия, США, социальные последствия кризиса, экономическое поведение населения, социальные установки

Abstract

The paper analyses how the economic behavior, expectations, social attitudes and consumer preferences of the American people changed over the period

of the crisis. We show that there is no age group which could avoid the stroke of the crisis, but the configuration and scope of problems affected the people as well as their reaction did depend on their age. High competition between the age and gender groups is still observed on labour markets; moreover, the crisis intensified it. Economic difficulties have a strong impact on the American peoples' life expectations and solidarity. Nevertheless, the firm belief that people's diligence and energy may ensure their moving forward in spite of any unfavorable economic conditions remains among the American people, and makes them feel mobilized for action.

Keywords: economic recession, USA, social impact of the crisis, economic behaviour of the population, social attitudes

Рыночная экономика развивается циклично. Рано или поздно наступает фаза рецессии, которая неотвратима, но всегда неожиданна, как зима в России. Спад в экономике, нестабильность финансовых институтов, снижение доверия экономических контрагентов друг к другу, сокращение занятости, уменьшение доходов, увеличение стоимости жизни и падение потребительского спроса – широко известный набор черт экономической рецессии. Рецессия имеет как краткосрочные, так и долгосрочные последствия для всех социальных организмов – от страны до домохозяйства и индивида, многие из последствий латентны, а некоторые – позитивны.

На уровне индивида или домохозяйства кризисы выступают в качестве макрофакторов, которые, как правило, представляют угрозу для всех видов их капитала – финансового, человеческого и социального или негативно на них воздействуют, а также влияют на перспективы экономической мобильности и жизненные планы. Результаты такого воздействия рецессии и формирование населением специальных способов (практик) смягчения этого воздействия или противодействия негативному влиянию рецессии мы предлагаем рассматривать в качестве одного из измерений социальных последствий экономической рецессии.

В последние два десятилетия в России экономические кризисы постепенно становятся неотъемлемой частью исторического развития страны и биографий ее граждан. Россияне вольно или невольно развивают у себя компетенции противостояния экономическим потрясениям, находят способы оптимизации финансового и потребительского поведения, развивают умение манипулировать имеющимися, зачастую ограниченными, ресурсами.

Текущая экономическая рецессия в нашей стране имеет заметные проявления, реакция людей на сложную экономическую ситуацию принимает разные формы, и для их изучения важно использовать адекватные способы. В рамках подготовки программы и инструментария социологического обследования по теме «Человеческий потенциал Сибири: ресурсы и риски развития» нами сделан обзор зарубежного опыта изучения восприятия населением экономической рецессии 2008–2009 гг. и ее влияния на поведение, планы, ожидания и социальные установки людей.

В фокусе внимания в данной статье находятся результаты изучения социальных последствий текущего глобального экономического кризиса для тех, кто вступил в него раньше других, – американцев. В США официально принято считать, что кризис там начался в декабре 2007 г. Чтобы почувствовать воздействие кризиса, населению много времени не надо, но чтобы осознать его последствия и, главное, найти способы ему противостоять, освоить практики экономии ресурсов домохозяйства в условиях ослабевшей экономики страны – на это нужно время. Исследовательский центр Пью в рамках проекта «Социальные и демографические тренды» обратился к теме кризиса и реакции людей на него вплотную в 2009 г. Из 25 отчетов Центра за этот год почти половина были непосредственно связаны с кризисом, тогда как среди 16 отчетов за 2008 г. эта тема поднималась лишь в одном, хотя во вступительных частях и даже названиях еще нескольких отчетов упоминались «трудные времена», «плохое время для хорошей жизни».

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ

Исследовательский центр Пью в рамках упомянутого проекта начал серию исследований воздействия рецессии на поведение и социальные установки людей с телефонного опроса¹, который был проведен в период с 23 февраля по 23 марта 2009 г. по репрезентативной на

¹ Этот и последующие телефонные опросы проводились по номерам как стационарных, так и сотовых телефонов абонентов. Абоненты последних составляют примерно 20–25% выборки.

национальном уровне выборке². Этот опрос был нацелен на выяснение того, как рецессия повлияла на разные возрастные группы американцев. Второй опрос³ был проведен 2–8 апреля 2009 г. и сосредоточен на трех вопросах: 1) наличие каких вещей/приборов в домохозяйстве американцы считают необходимостью, а каких – роскошью? 2) какие шаги люди предпринимали для экономии средств из-за экономической рецессии? 3) с какими проблемами из вызванных экономической рецессией респонденты или члены их домохозяйств столкнулись за 12 месяцев, предшествовавших опросу? Отчет «Роскошь или необходимость? Народ делает U-образный поворот», базирующийся на материалах второго опроса, был опубликован 23 апреля 2009 г. [1]. Его авторы Р. Морин и П. Тэйлор представили результаты исследования изменений в потребительских предпочтениях американцев, стратегий «затягивания поясов» и других видов поведения, вызванных рецессией.

При опросе предлагали перечень из девяти мер, позволяющих домохозяйству сэкономить средства. Респондент должен был сказать, делали ли он или члены его семьи нечто подобное из-за рецессии⁴. Почти шесть из 10 опрошенных американцев сообщили, что они стали приобретать больше товаров в магазинах-дискаунтерах или перешли от известных брэндов к более дешевым разновидностям товаров; около трех из десяти сократили расходы на алкоголь и сигареты; каждый четвертый респондент уменьшил расходы на кабельное или спутниковое телевизионное обслуживание либо отказался от него совсем; каждый пятый начал косить свой газон или делать работы по ремонту дома сам, вместо того чтобы платить другим за эти услуги. Также каждый пятый респондент сказал, что последовал примеру первой

² Выборка состояла из 2969 взрослых американцев, проживающих в континентальной части страны.

³ По репрезентативной на национальном уровне выборке из 1003 американцев в возрасте 18 лет и старше, проживающих в континентальной части страны.

⁴ Вопрос звучал так: «Я сейчас прочитаю вам список вещей, которые одни люди делали из-за экономического спада, а другие не делали. По каждому из следующих пунктов скажите мне, пожалуйста: вы лично делали это или нет?».

Рис. 1. Распространенность видов поведения американцев по экономии средств из-за рецессии (доля людей, выбравших вариант ответа, %)

леди США Мишель Обама и планирует разведение «кризисного» огорода, чтобы сэкономить деньги на продуктах питания (рис. 1).

Половина опрошенных утвердительно ответили на вопрос: «Было ли что-то еще, что вы делали, чтобы сберечь деньги во время рецессии?». Они говорили о том⁵, что стали меньше ездить на машине, исключили поездки сверх необходимого (11%); стали реже ходить в рестораны, меньше питаться вне дома (10%); сократили расходы вообще (9%); сократили расходы на продукты питания, одежду, медикаменты (6%); стали лучше управлять личными финансами (4%); уменьшили затраты на отпуск или отказались от проведения отпуска, других планов на путешествия (4%); начали экономить на отоплении, электричестве или коммунальных услугах (4%); сократили расходы на развлечения (посещение кинотеатров, зрелищных спортивных мероприятий и проч.) (3%); устроились на вторую работу, работу на неполный день или занялись приработками (1%).

⁵ Учитывались только первые три ответа респондента.

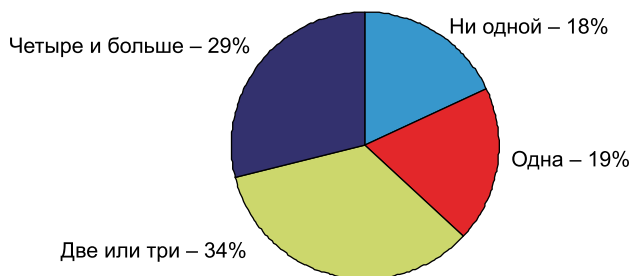

Рис. 2. Количество мер по сокращению расходов, предпринятых американцами в ответ на рецессию (доля опрошенных, %)

Если учесть перечисленные шаги все вместе, то окажется, что более 80% взрослых американцев в ответ на рецессию предприняли по крайней мере один специальный шаг, чтобы урезать расходы, в то время как 33% сделали два-три таких шага, а 29% – не меньше четырех, и лишь 18% не предпринимали никаких мер для экономии денег (рис. 2).

Не стало сюрпризом, что те, кто имеет самые низкие доходы, сообщают о том, что они делают для сокращения расходов больше всех остальных. Например, свыше 80% респондентов из семей с годовыми доходами ниже 30 тыс. долл. в ответ на рецессию предприняли те или иные действия по сокращению расходов. Но и среди состоятельных американцев таких немало: около трех четвертей всех взрослых с семейными доходами 100 тыс. долл. в год и выше делали хотя бы один шаг в сторону экономии (табл. 1).

Одна группа, которая менее других представлена среди тех, кто затягивал свои пояса в ходе рецессии, – пожилые американцы. Взрослые в возрасте 65 лет и старше со значительно меньшей вероятностью, чем более молодые взрослые, сообщают о том, что они предпринимали шаги по сокращению затрат. Как пишут Р. Морин и П. Тэйлор, опрос охватывал не столь широкий круг вопросов, чтобы полностью объяснить этот результат, но хорошо известно, что пожилые граждане имеют естественную склонность уменьшать разнообразие стиля жизни и расходов, – возможно, поэтому данная группа не осознает столь же

Таблица 1

**Доля в разных социально-демографических группах населения США
предпринявших то или иное количество мер по сокращению расходов
из-за рецессии, %**

Социально-демографические группы	Четыре и более	Две или три	Одна или ни одной
Все взрослые	29	34	37
Мужчины	30	30	40
Женщины	29	37	34
Возрастные группы, лет:			
18–29	35	34	31
30–49	33	34	33
50–64	30	35	35
65 и старше	10	32	58
Группы по уровню семейного дохода, тыс. долл.:			
100 и выше	22	26	52
50–99	29	35	36
30–49	30	40	30
менее 30	35	33	32

Примечание: по строке – 100%.

Источник: [1].

отчетливо, как более молодые взрослые, необходимость предпринимать специальные меры по экономии в ответ на рецессию.

Рецессия ударила по трем экономическим опорам американских домохозяйств: жилью, работе и накоплениям. Когда спросили о трех главных связанных с рецессией проблемах, почти половина респондентов (47%) сообщили, что они потеряли более 20% средств на пенсионных счетах или в других инвестициях; 27% ответили, что потеряли работу сами или кто-то из членов их семьи; 21% имели проблемы с оплатой арендуемого жилья или выплатами по ипотечному кредиту (рис. 3).

В целом две трети американских домохозяйств в 2008–2009 гг. столкнулись по крайней мере с одной из трех связанных с рецессией проблем. Четверо из десяти имели опыт противостояния одной проблеме, в то время как один из пяти столкнулся с двумя проблемами

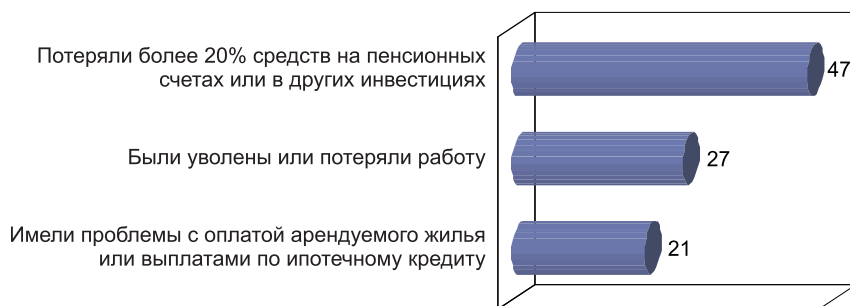

Рис. 3. Проблемы, связанные с рецессией (доля американцев, столкнувшихся с проблемой в 2008–2009 гг., %)

и 6% сообщили о том, что их домохозяйство столкнулось со всеми тремя выявляемыми в опросе проблемами (рис. 4).

Люди, которые приняли на себя больше экономических ударов в ходе этой рецессии, более других были вынуждены затянуть свои пояса. Немногим больше половины (51%) опрошенных из тех, кто столкнулись с двумя или тремя финансовыми проблемами в последние 12 месяцев, предшествовавших опросу, сократили расходы по крайней мере в четырех областях. Среди тех, у кого не было финансовых проблем, таких только 20%.

Например, из тех, кто сообщил, что их домохозяйство столкнулось как минимум с двумя из обозначенных выше проблем, 75% стали покупать товары менее дорогих марок или приобретать товары преимущественно в магазинах сниженных цен. Для сравнения: среди тех,

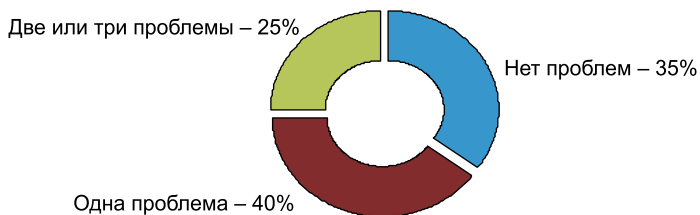

Рис. 4. Количество проблем, коснувшихся американцев одновременно за рецессию (доля опрошенных, %)

кто столкнулся только с одной проблемой, таких 54%, а среди тех, у кого последние 12 месяцев не было финансовых проблем, – 47%. Те, кто из-за рецессии имел всю совокупность проблем, в три раза чаще отвечают, что они к кому-то переехали жить или кто-то переехал к ним, чем те, у кого не было финансовых проблем (22% против 7%).

Опрос показал, что рецессия повлияла на разные демографические группы не одинаково: молодые люди, женщины и малообеспеченные более часто, чем пожилые взрослые, мужчины и состоятельные имели опыт потери работы или проблемы с оплатой арендуемого жилья либо уплатой ипотечных взносов. По контрасту, взрослые среднего возраста, так же как более состоятельные семьи, с большей вероятностью, чем другие группы, отмечают, что они или члены их домохозяйств потеряли существенную часть своих инвестиционных портфелей.

У-образный поворот, вынесенный в название отчета, диагностируется Исследовательским центром Пью по изменению представлений американцев о том, без чего нельзя обойтись сегодня в быту, а без чего – можно. Первое было названо необходимостью, а второе – роскошью. Не так давно, в 2006 г., подавляющее большинство населения говорило, что микроволновая печь, телевизор и даже домашний кондиционер являются необходимостью. По данным национального опроса 2009 г., почти половина или больше американцев считают каждую из этих вещей роскошью. Резко уменьшилась и доля тех, кто называл посудомоечную машину или сушилку для одежды насущно необходимыми предметами. Такая переоценка ценностей даже в период рецессии поразительна, ведь все предыдущее десятилетие границы восприятия людьми приборов домашнего пользования через соотношение «роскошь или необходимость» перемещались совсем в другом направлении. Например, доля взрослых, которые считали микроволновую печь необходимостью, в 1996 г. составляла 32%, в 2006 г. – 68%, а сейчас она снизилась до 47%. Точно так же только 52% респондентов в самом последнем опросе сказали, что телевизор – это необходимость; доля уменьшилась на 12 п.п. по сравнению с 2006 г., и она самая маленькая с того момента, как начал задаваться этот вопрос более 35 лет назад.

Р. Морин и П. Тэйлор предполагают, что «разворот» в трендах общественных суждений в отношении бытовых приборов и приспособлений объясняется не только влиянием переживаемой страной рецессии, как могло бы показаться, но и технологической адаптацией населения к некоторым из этих приборов. Например, на фоне экономического спада доля тех, кто считает высокоскоростной интернет необходимой вещью в доме, возросла с 29% в 2006 г. до 31% в 2009 г., сотовый телефон сохранил долю своих «почитателей» на уровне 59%, домашний компьютер потерял только 1 п.п. (50% в 2009 г.). Похоже, что каждый из этих относительных новичков среди приборов, используемых повседневно, отчасти заменил привычные телевизор или стационарный телефон, которые, между тем, значительным большинством продолжают считаться необходимыми (52 и 68%, соответственно). Но люди, признающие сотовый телефон необходимостью (среди них непропорционально высока доля молодежи), менее склонны, чем другие, воспринимать таким же образом стационарный телефон.

Безусловно, финансовые проблемы, затронувшие в последние годы многие американские семьи, сыграли существенную роль в изменении предпочтений людей в отношении того, что есть роскошь и что есть необходимость, но «нового кредо» бережливости, вызванного к жизни кризисом, стали придерживаться как те, по кому он ударил, так и те, кого он непосредственно не задел. И первый фактор – рецессия, и второй – технологическая адаптация по отдельности могли бы повлечь за собой какую-то переоценку значимости тех или иных вещей для жизни людей, но, наложившись друг на друга, они спровоцировали U-образный поворот в предпочтениях населения США в 2009 г.

ВОЗРАСТ КАК ОСНОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ В ПОСЛЕДСТВИЯХ РЕЦЕССИИ

Первые два опроса из серии проведенных в 2009 г. Исследовательским центром Пью продемонстрировали, что рецессия 2008–2009 гг. в США оказала различное влияние на разные возрастные группы. Этот вывод был вынесен в название отчета «Самые пожилые наибо-

лее защищены. Разные возрастные группы, разные рецессии» [2], опубликованного Р. Морином и П. Тэйлором 14 мая 2009 г. Материалы опросов позволяют проследить следующие закономерности: чем моложе респонденты, тем реже они говорят, что «полностью удовлетворены своим финансовым положением», и тем чаще отмечают, что за последний год имели проблемы с получением или оплатой медицинской помощи; съехались из экономии с другом/подругой или родственниками; стали сами выполнять работы во дворе или в доме, за которые до рецессии платили другим; сократили подписку на кабельное или спутниковое телевидение либо вообще отказались от этой услуги; сами или члены их домохозяйств имели проблемы с оплатой арендуемого жилья или выплатами по ипотеке; были уволены или потеряли работу.

При том что ударов рецессии не избежала ни одна возрастная группа, конфигурация проблем и широта охвата ими, а также реакция на них существенным образом различались в зависимости от возраста людей (табл. 2). Так, американцев в возрасте 18–49 лет более других потрепала буря на рынке труда, и они чаще других говорили, что в течение 12 месяцев до опроса имели проблемы с оплатой арендуемого жилья или выплатами по ипотеке. Представители этой возрастной группы больше остальных предпринимали меры по сохранению денег в кризис и чаще других говорили, что сократили расходы, но среди них меньше потерявших средства, вложенные в инвестиции, и беспокоящихся о том, что им не хватит денег для обеспечения себя на пенсии, чем среди американцев в возрасте 50–64 лет.

В рецессию 2008–2009 гг. именно так называемое «пороговое поколение» США – люди в возрасте 50–64 лет, которые находятся на пике заработков и накопленного богатства или близки к нему и которые стоят на пороге выхода на пенсию, если еще не прекратили трудиться, – больше всех пострадало от падения финансовых рынков. Эти люди чаще остальных говорят, что потеряли деньги во взаимных фондах, индивидуальных ценных бумагах или на накопительных пенсионных счетах типа 401(к), и масштабы их потерь, как можно видеть, наиболее значительны (табл. 3).

Таблица 2

Восприятие последствий рецессии в разных возрастных группах американцев, % ответивших

Оценка респондентами последствий рецессии	Возрастные группы, лет		
	18–49	50–64	65 и старше
Сократили расходы в прошлом году	68	59	36
Имели проблемы с получением/доступом к медицинской помощи в прошлом году	23	21	7
Потеряли деньги на инвестициях в прошлом году	44	66	43
Рецессия делает более трудным удовлетворение потребностей на пенсии	67	75	56
Полностью удовлетворены своим финансовым положением	22	22	31
Рецессия стала стрессом для семьи	52	58	38

Примечание: Первые пять строк отражают результаты основного телефонного опроса 1332 взрослых 65 лет и старше и 1631 взрослого моложе 65 лет, который был проведен с 23 февраля по 23 марта 2009 г. Результаты, представленные в шестой строке, основаны на телефонном интервью, проведенном 2–8 апреля 2009 г. по национальной-репрезентативной выборке из 1003 взрослых.

Источник: [2].

Таблица 3

Инвестиционные потери в возрастных группах американцев, % ответивших

Оценка респондентами инвестиционных потерь	Возрастные группы, лет			
	18–29	30–49	50–64	65 и старше
Не потеряли или не инвестировали	71	45	34	56
Потеряли менее 20%	13	14	18	13
Потеряли 20–40%	8	27	29	18
Потеряли более 40%	7	9	14	5

Примечание: Ответы «не знаю / затрудняюсь сказать» не показаны.

Источник: [2].

Неудивительно, что в пороговом поколении зафиксирована самая высокая доля тех, кто считает, что рецессия затруднит для них решение о выходе на пенсию. Они же значительно больше других беспокоятся о том, что им будет недостаточно денег для жизни на пенсии. Озабоченность этой группы недостаточностью финансов в будущем мало дифференцирована по полу, образованию, расе, даже по уровню текущих доходов этих американцев: около 73% из тех, чьи семейные доходы за год составляют до 30 тыс. долл., и 78% тех, у кого семейные доходы – 100 тыс. долл. и выше, говорят, что рецессия затруднит им финансовое обеспечение потребностей в пенсионные годы.

Исходя из материалов проведенных опросов с уверенностью можно сказать, что пожилые американцы переживают относительно более щадящую, мягкую рецессию. Они с меньшей вероятностью, чем их более молодые сограждане, говорят, что в последний год урезали расходы, понесли потери на своих пенсионных счетах или пережили затруднения с оплатой жилья или медицинской помощи, с большей вероятностью сообщают о полной удовлетворенности в отношении своих индивидуальных финансов. Доля тех, кто говорит, что рецессия стала источником стресса для их семьи, среди них наименьшая. Более того, несмотря на рецессию, три четверти пожилых американцев говорят, что смогут оставить наследство своим детям или другим родственникам, хотя больше половины из них признают, что рецессия уменьшила объем денег или собственности, которые они предполагали завещать. Среди родителей, планирующих оставить что-нибудь своим детям, почти восемь из десяти оценивают предполагаемое наследство в 10 тыс. долл. и более.

ЗАНЯТОСТЬ И УСТАНОВКИ НА ТРУД

Проанализировав опросные данные за последние несколько десятилетий, полученные Бюро переписи США, и материалы собственного опроса по репрезентативной на национальном уровне выборке, который был проведен в период с 20 июля по 2 августа 2009 г. и охватил 1815 чел. в возрасте 16 лет и старше, Исследовательский центр Пью

подготовил отчет «Изменение рабочей силы Америки: рецессия делает седеющие офисы еще более седыми» [3], где представлен ряд выводов о влиянии рецессии на характеристики рабочей силы страны.

Возрастной аспект. За прошедшие два десятилетия сложились такие взаимосвязанные тенденции: в рядах рабочей силы все дольше остаются пожилые американцы, а более молодые оказываются вне ее рядов. Фоновым фактором этих тенденций является старение американского населения в целом. Но в ходе текущей рецессии обе тенденции усилились и, как ожидается, сохранятся после восстановления экономики. В соответствии с оценкой правительства, 93% роста рабочей силы США с 2006 по 2016 г. придется на работников в возрасте 55 лет и старше. Почему сохранятся эти тенденции?

У стареющего, но здорового населения растет желание оставаться активными и в последние годы жизни. Опрос Исследовательского центра Пью показал: большинство (54%) работников в возрасте 65 лет и старше в качестве основной причины того, что они работают, называют желание работать; около 17% главной причиной указывают то, что им надо оплачивать счета; оставшиеся 27% мотивирует к труду сочетание желания и необходимости. У работающих в возрасте до 65 лет наиболее распространенный мотив – необходимость зарабатывать деньги (49%); работают, потому что хотят работать 20%; остальные 31% движимы к труду обоими мотивами. (В обеих возрастных группах опрашивались работники, занятые полный рабочий день. Ответы «затрудняюсь сказать» не показаны.) Когда респондентов попросили определить особые причины для работы, пожилые работники делали акцент на психологических и социальных факторах: «чтобы чувствовать себя полезным», «чтобы занять себя чем-то», «чтобы быть вместе с другими людьми». Молодые работники и работники среднего возраста значительно более склонны приводить классический набор соображений: «чтобы содержать себя и свою семью», «чтобы жить независимо», «чтобы иметь право на пенсионные пособия», «чтобы получать пособия на медицинское обслуживание».

Что касается молодежи, то, как показывают данные Бюро переписи США, в текущем десятилетии среди американцев в возрасте 16–24 лет

возрастает доля тех, кто проходит обучение в учебных заведениях, и уменьшается доля тех, кто входит в состав рабочей силы, – 57% сегодня против 66% в 2000 г. Отчасти такие изменения объясняются тем, что среди американцев всех возрастов все больше распространяется убеждение: чтобы преуспеть в жизни, необходимо получить образование в колледже. В 1979 г. так думали 49% населения, в 2009 г. – уже 73%. Но этим указанные изменения объясняются только отчасти, что еще более явным сделала рецессия.

По данным опроса, проведенного Исследовательским центром Пью, почти 40% американцев, которые работают после медианного возраста выхода на пенсию в 62 года, отложили выход на пенсию из-за рецессии. Среди работников в возрасте от 50 лет до 61 года целых 63% говорят, что они, возможно, дадут задний ход и пересмотрят свои планы относительно выхода на пенсию из-за текущих экономических условий. Неудивительно, что более чем четверо из 10 неработающих людей в возрасте 16–24 лет сообщают, что они ищут работу, но не могут ничего найти. И вряд ли шансы молодежи найти работу возрастут в перспективе на фоне планов работников с немалым трудовым стажем как можно дольше оставаться работающими.

Гендерный аспект. Пять последних десятилетий представительство женщин в составе американской рабочей силы неуклонно росло, а в последние годы стабилизировалось. В июне 2009 г. уровень представленности женщин в рабочей силе составил 59% – чуть ниже пика в 60%, который был достигнут в 2000 г. в конце периода устойчивого экономического роста, и почти на 13 п.п. ниже нынешнего уровня для мужчин. Уровень участия в рабочей силе мужчин уменьшался в США каждое десятилетие, с тех пор как в 1948 г. Бюро статистики по труду начало собирать такие данные. В июне 2009 г. он составлял 72%, оказавшись самым низким в современной истории. Нынешний экономический спад ударил по мужчинам сильнее, чем по женщинам: почти две трети от всех потерявших работу в связи с рецессией составляют мужчины. Интересно, что среди работников в возрасте 50–61 года планируют отсрочить свой выход на пенсию из-за рецессии 72% жен-

щин, но только 54% мужчин. Похоже, есть основания ожидать, что достигнутое выравнивание гендерного паритета в американской рабочей силе тоже не претерпит существенных изменений.

Защищенность важнее заработной платы. При соотношении, близком к 2:1, респонденты в опросе говорят, что они предпочли бы работу, которая дает лучшую защищенность (59%), работе, за которую платят больше, но которая обеспечивает меньшую стабильность (33%). И дело не в рецессии. Похожий вопрос задавали в Общем социальном опросе в 1989 г., когда экономика росла, и получили сходный результат.

Несмотря на трудные времена, **удовлетворенность работой остается высокой.** Даже на фоне повсеместного замораживания зарплат, угрозы увольнения и риска потерять работу девять из 10 занятых американцев говорят, что они полностью (30%) либо в основном (60%) удовлетворены своей работой. В последние десятилетия уровни удовлетворенности американцев работой имели тенденцию сохранять стабильность как в плохие, так и в хорошие времена.

Более пожилые работники являются самыми счастливыми работниками. Почти 54% работников в возрасте 65 лет и старше говорят, что они «полностью удовлетворены» своей работой, тогда как среди работников в возрасте 16–64 лет таких 29%. Эти цифры не удивляют, поскольку пожилые американцы работают в основном потому, что хотят работать, а не потому, что вынуждены это делать.

Выход на пенсию не всегда является добровольным. Только около половины (51%) из всех нынешних пенсионеров вышли на пенсию, потому что хотели этого. Около трети (32%) вышли на пенсию из-за проблем со здоровьем или по другим причинам, а 9% опрошенных вынужден выйти на пенсию наниматель.

И все-таки **выход на пенсию оценивается высоко.** Более половины всех пенсионеров (57%) говорят, что выход на пенсию принес им большое удовлетворение, еще 27% им вполне удовлетворены.

Общественность настроена скептически в отношении полной занятости матерей, а сами работающие матери хотели бы иметь работу с частичной занятостью.

ЖИЗНЕННЫЕ ПЛАНЫ И СПЛОЧЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Чтобы оценить влияние рецессии на жизненные планы американцев и сплочение их семей, в рамках проекта «Социальные и демографические тренды» изучались данные Ежегодного социального и экономического дополнения к Текущему опросу населения (Annual Social and Economic Supplement to the Current Population Survey), который проводит в марте каждого года Бюро переписи США, и данные репрезентативного на национальном уровне опроса 1028 американцев, проведенного Исследовательским центром Пью 21–25 октября 2009 г.

Опрос Исследовательского центра Пью показал, что у 13% родителей, имеющих взрослых сыновей и дочерей, один из их взрослых детей в прошлом году вернулся обратно домой. Молодых людей, которые вернулись к родителям после проживания вне дома, обществоведы называют «бумерангами». Нынешняя рецессия дала небывалый урожай «бумерангов». «Поездка домой на День благодарения в этом году для многих молодых людей не будет такой уж дальней. Вместо путешествия через всю страну или через весь город многие выросшие сыновья и дочери к обеду спустятся из своей прежней спальни в холл, который теперь стал для них одновременно и убежищем на период рецессии», – так начинается опубликованный 24 ноября 2009 г. отчет Исследовательского центра Пью «Домой на каникулы... и в любой другой день: рецессия вернула многих молодых людей в родное гнездо» [4].

Данные Бюро переписи США подтверждают, что сейчас стало меньше молодых американцев, живущих в одиночку, чем было до рецессии. В целом среди людей в возрасте 18–29 лет доля живущих одиноко уменьшилась с 7,9% в 2007 г. до 7,3% в 2009 г. Подобные падения доли молодых людей, которые живут сами по себе, наблюдались в течение или сразу после рецессий 1982 и 2001 гг. Нынешнее падение было особенно резким среди молодых женщин: доля тех, кто жил самостоятельно, снизилась на целый процентный пункт и составила 6,1%. Среди молодых мужчин доля живущих самостоятельно уменьшилась на 0,2 п.п. и составила 8,4%, что является статистически незначимым изменением [4].

Таблица 4

Влияние рецессии на жизненные планы и сплочение американцев в разных возрастных группах, % ответивших

Предпринятые действия	Возрастные группы, лет			В с е г о
	18–24	25–34	35 и старше	
Отложили вступление в брак	10	21	6	10
Решили повременить с рождением ребенка	12	15	4	6
Обрели соседа по комнате/жилью	24	3	3	5
Вернулись жить к родителям	6	11	1	4
Взяли пансионера / стали сдавать жилье	2	2	2	2

Примечание: ответы «не знаю / затрудняюсь сказать» не показаны; таблица составлена автором статьи на основе данных работы [4].

Сокращающаяся среди американцев в возрасте 16–24 лет доля официально зарегистрированных как занятые (46,1% в июне 2009 г. – меньше, чем в любое другое время начиная с 1948 г.) и растущая доля обучающихся в учебных заведениях [5], взятые вместе, помогают объяснить, почему в процентном отношении все меньше молодых людей проживают сегодня отдельно.

В ходе октябрьского опроса, который проводил Исследовательский центр Пью, респондентам, вернувшимся домой из-за рецессии, задавали вопросы о причинах возвращения. Каждый десятый американец в возрасте 18–34 лет (10%) сообщил, что переехать обратно к родителям заставило плохое состояние экономики⁶. Но чтобы вернуться, сначала надо уехать, поэтому больше всего вернувшихся в возрастной группе 25–34 года (табл. 4). Приобрели же соседа по

⁶ Так как каждой группе задавались разные вопросы, процент родителей, которые сообщили, что их дети вернулись назад, и процент взрослых детей, которые сказали, что вернулись домой, не должны совпадать. У родителей спрашивали, не вернулся ли кто-либо из их детей, в то время как взрослых детей опрашивали лишь в том случае, если лично они переехали жить к родителям. Также родителей взрослых детей не опрашивали, если их дети вернулись домой не из-за рецессии.

комнате/жилью в основном самые молодые – 24% американцев в возрасте 18–24 лет. Тяжелые времена заставляют молодых людей поддерживать свой уровень жизни также и другими способами. Например, существенная часть молодых американцев не старше 35 лет говорят, что из-за рецессии они отсрочили вступление в брак и/или отложили рождение ребенка. Такие решения оказались более всего характерны для возрастной группы 25–34 года.

Как показывают результаты опроса, экономические трудности одни семьи сплачивают, для других – выступают катализатором распада. Для кого-то они являются причиной пересмотра сроков принятия ответственных решений, а для кого-то – поводом вернуться под крыло родителей и повременить со вступлением во взрослую жизнь.

МОБИЛИЗУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Объединяющим и сердцевинным принципом «американской мечты» является представление об экономической мобильности как способности американских семей двигаться вверх и вниз по доходной лестнице на протяжении жизни или от одного поколения к другому. Этот тезис лежит в основе Проекта по экономической мобильности (ПЭМ) в США, реализуемого уже более двух лет под патронажем Благотворительного фонда Пью ассоциацией исследовательских и общественно-политических организаций, включая Американский институт предпринимательства, Институт Брукингса, Фонд «Наследие», Фонд «Новая Америка», Фонд Петерсона и Институт урбанистики. Целью проекта являются изучение и обобщение материалов лучших из доступных информационных баз, фактов, статистики для выявления тенденций, касающихся экономической мобильности в Соединенных Штатах. Уже полученные в рамках проекта результаты показывают, что для развития и процветания страны политики должны максимально содействовать разработке и реализации разного рода стратегий, направленных именно на повышение экономической мобильности американцев.

В начале 2009 г. по заказу ПЭМ были проведены серия фокус-групп и национальный опрос⁷, чтобы дать более точную картину того, как американцы оценивают свою собственную экономическую мобильность. Среди результатов, полученных на основе материалов фокус-групп, некоторые свидетельствуют о весьма интересном представлении американцев о нынешней рецессии: участники фокус-групп очень обеспокоены ее воздействием здесь и сейчас, но в то же время уверены, что она закончится, а люди могут двигаться вперед и в современных неблагоприятных экономических условиях. Респонденты говорили, что они нервничают по поводу своего экономического положения, но также считают, что у рецессии есть позитивный аспект: она заставит людей сберегать больше денег, не быть такими материально-ориентированными и делать меньше долгов. Американцы обеспокоены тем, что средний класс страны действительно становится банкротом. При этом их не оставляет уверенность, что тогда, когда обширные сегменты общества переживают трудное время, отдельные люди могут добиваться экономического успеха [6].

Подтверждают наличие этих установок и результаты национального опроса. Среди опрошенных большинство (79%) уверены, что люди все-таки могут улучшить свое положение даже при нынешнем состоянии экономики. Так считают и в группах американцев с низкими доходами, низким уровнем образования, безработных, цветных. Подобный консенсус поразителен, если учесть, что 94% американцев оценивают текущие экономические условия в стране как негативные. Американцы остаются оптимистами и в отношении своего будущего: 72% верят, что экономические условия в последующие 10 лет станут лучше. Среди опрошенных 74% считают, что они, по крайней мере в некоторой степени, контролируют свою собственную экономичес-

⁷ Исследовательскими компаниями «Public Opinion Strategies» и «Greenberg Quinlan Rosner Research» в период с 6 по 16 января 2009 г. в Балтиморе, Атланте, Чикаго, Фениксе, Сан-Диего было проведено 10 фокус-групп с совокупностями участников, различающихся расовой принадлежностью, семейным положением, уровнем образования, полом, возрастом, и в период между 27 января и 8 февраля 2009 г. – национальный телефонный опрос 2119 взрослых американцев.

кую ситуацию, хотя только 43% думают, что другие люди также держат свою ситуацию под контролем. С тем, что индивидуальные черты, такие как трудолюбие и целеустремленность, более важны для экономической мобильности, чем внешние условия, такие как состояние экономики и благоприятная экономическая конъюнктура, согласны 71% американцев. Противоположного мнения придерживаются 21% опрошенных [7].

Надо сказать, что обнаружив в Интернете в начале 2008 г. информацию о Проекте по экономической мобильности в США, первое, о чем подумал автор данной статьи, – какое может быть изучение мобильности в кризис? Оказалось, что анализируются материалы панельных опросов за предшествующие годы. Но проведение в 2009 г. опроса населения про мобильность на негативном экономическом фоне, на наш взгляд, было обречено на получение пессимистических результатов. Политиков, конечно, никогда не помешает взбодрить, но все-таки это надо делать с материалами без «шумов». И что мы наблюдаем? Несмотря на тяжелую, невиданную с 1929 г. Великую рецессию⁸, затронувшую если не финансовые активы, то умы практически всех американцев, ярко проявляются присущее американцам чувство оптимизма, верность «американской мечте». Похоже, это и есть один из самых перспективных ресурсов восстановления экономики страны.

* * *

Представленные выше результаты исследований позволяют увидеть, как отразилась текущая экономическая рецессия на повседневной жизни американцев, как люди видоизменяли потребительское поведение, чтобы вписаться в рамки сузившихся материальных возможностей, какие удары рецессии пришлись на те или иные социально-демографические группы и каковы рецепты совладания с проблемами. Обращает на себя внимание еще одно истинно социальное последствие экономической рецессии – переоценка социальных ориентиров,

⁸ Такое обозначение рецессии 2008–2009 гг. позаимствовано из работы [8].

эффективности того или иного рода экономического поведения, потребительских практик. Нельзя сказать, что наступление экономического кризиса конца первого десятилетия XXI в., да, наверное, и любого другого, есть исключительно следствие природы рыночного хозяйства. Без участия проявлений человеческой природы здесь не обошлось: стремление к красивой и праздной жизни, обеспеченной быстро и без особого труда, по Т. Веблену, живет и в тех, у кого для этого есть средства, и в тех, у кого их нет. Масштаб распространенности в Америке таких явлений, как приобретение в долг того, без чего вполне можно обойтись, игра на бирже при просроченных ипотечных выплатах, инвестиции в ущерб сбережениям и проч., является лишним тому подтверждением. Работа над ошибками сознания – важный социальный эффект кризиса.

Наряду с относительно быстро проявившимися последствиями в материалах, представленных в настоящем обзоре, показано, как рецессия 2008–2009 гг. усугубляет долговременные тенденции, обостряя поколенческий и высвечивая гендерный конфликты на американском рынке труда.

Все рассмотренные здесь результаты были получены на основе данных телефонных опросов. Телефонный опрос в силу понятных причин имеет ограниченную протяженность, что предъявляет высокие требования к качеству инструментария. Вопросы в анкете должны быть сформулированы лаконично, но понятно для представителей всех групп населения – как образованных, так и не очень, как укорененных, так и недавно ставших резидентами этой страны и т.д. А главное, их не должно быть много. Анкета, использовавшаяся в каждом из представленных здесь опросов, помимо данных о респонденте содержала 5–10 вопросов. То, сколько многоплановых результатов дали эти опросы, свидетельствует о филигранной заточенности их инструментария на проблему, а все вместе – о мастерстве американских исследователей, чьи материалы здесь анализировались.

Знакомство с результатами социологических исследований американских коллег, возможно, будет полезным для изучения социальных последствий экономического кризиса в нашей стране.

Литература

1. **Morin R., Taylor P.** Luxury or Necessity? The Public Makes U-Turn / Pew Research Center. A Social & Demographic Trends Report. Apr. 23, 2009 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://pewsocialtrends.org/pubs/733/luxury-necessity-recession-era-reevaluations.pdf> (дата обращения 20.05.2009).
2. **Morin R., Taylor P.** Oldest Are Most Sheltered. Different Age Groups, Different Recessions / Pew Research Center. A Social & Demographic Trends Report. May 14, 2009 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://pewsocialtrends.org/pubs/734/different-age-groups-different-recession.pdf> (дата обращения 20.05.2009).
3. **Morin R., Kochhar R., Taylor P. et al.** America's Changing Work Force. Recession Turns a Graying Office Grayer / Pew Research Center. A Social & Demographic Trends Report. Sept. 3, 2009 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://pewsocialtrends.org/pubs/742/americas-changing-work-force.pdf> (дата обращения 06.09.2009).
4. **Wang W., Morin R.** Home for the Holidays... and Every Other Day: Recession Brings Many Young Adults Back to the Nest / Pew Research Center Report. A Social & Demographic Trends Report. Nov. 24, 2009 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://pewsocialtrends.org/pubs/748/recession-brings-many-young-adults-back-to-the-nest.pdf> (дата обращения 27.11.2009).
5. **Fry R.** College Enrollment Hits All-Time High, Fueled by Community College Surge / Pew Research Center. A Social & Demographic Trends Report. Oct. 29, 2009 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://pewsocialtrends.org/pubs/747/college-enrollment-hits-all-time-high-fueled-by-community-college-surge.pdf> (дата обращения 01.10.2009).
6. **Bolger G.** Key Findings from the Pew Charitable Trust's Economic Mobility Project Focus Groups/ Public Opinion Strategies. Feb. 13, 2009 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.economicmobility.org/asset/pdfs/EMP_Key_Findings_Memo.pdf (дата обращения 18.05.2009).
7. **Findings** from a National Survey & Focus Groups on Economic Mobility/ Economic Mobility Project, The Pew Charitable Trusts, Greenberg Quinlan Rosner Research, Public Opinion Strategies. March 12, 2009 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.economicmobility.org/asset/pdfs/Survey_on_Economic_Mobility_Findings.pdf (дата обращения 18.05.2009).
8. **Before** the Great Recession, a Phantom Recovery / Testimony of Paul Taylor, Executive Vice President, Pew Research Center to the Senate Finance Committee. March 26, 2009 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://pewsocialtrends.org/pubs/731/middle-class-phantom-recovery-testimony.pdf> (дата обращения 07.05.2009).

НОВАЯ ЖИЛИЩНАЯ МОДЕЛЬ КАК АНТИКРИЗИСНАЯ МЕРА

О.Э. Бессонова

ИЭОПП СО РАН

Аннотация

Кардинальное изменение роли государства в жилищной политике в России большинство экспертов связывают с влиянием мирового финансового кризиса. В статье обосновывается позиция, что новый курс связан прежде всего с тем, что сегодня нет платежеспособных групп населения, имеющих неудовлетворенные жилищные потребности. Кризис лишь обострил и ускорил формирование новой жилищной модели, переход к которой закономерен с позиции теории раздаточной экономики. В работе рассматриваются конкретные антикризисные программы в сфере жилищного строительства, а также узловые проблемы развития жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: жилищная модель, раздаточная экономика, государственная и социальная ипотека, антикризисные механизмы, управляющие компании

Abstract

Most experts explain a drastic change in Russian housing policy, implying a higher role of government bodies, by the world financial crisis. This change took place first and foremost, as we prove here, due to the fact that the buying power of groups with unmet housing needs had exhausted. The crisis just precipitated and intensified the transition to a new housing model by the government, which we consider – in the context of the theory of a planned distributive economy – as a natural phenomenon. The paper also describes some anti-recessionary housing programs as well as the key problems which the housing and utilities infrastructure faces.

Keywords: housing model, planned distributive economy, social and public mortgage, anti-recessionary mechanisms, management companies

В России на всех уровнях управления пришло осознание глубины влияния мирового финансового кризиса на строительный комплекс страны. Поэтому с конца 2009 г. на федеральном и региональном уровнях фактически введена новая жилищная политика, в которой кардинально меняется роль государства. Переносится центр государственного вмешательства: вместо роли регулятора рыночных отношений государство будет выполнять роль заказчика (покупателя) значительной доли жилья для обеспечения населения со средними и низкими доходами. Изменение жилищной политики внешне выглядит как ответ на вызовы мирового финансового кризиса и потому рассматривается как временный сюжет. Большинство экспертов ожидают возврата к прежним схемам финансирования и формам реализации жилья после окончания кризиса.

Наша позиция иная. Она заключается в том, что идет объективный поворот от чисто рыночной жилищной модели к формированию новой модели, и он обусловлен неплатежеспособностью значительной части населения, имеющей доходы, не позволяющие купить собственное жилье. Массовое жилищное строительство «для народа», практиковавшееся в советское время, сменилось на «уплотнительную» застройку элитным жильем внутри микрорайонов. Высокие и постоянно растущие цены превратили новое жилье в сектор недвижимости, в основном ориентированный на вложение капитала обеспеченных слоев населения. Фактически в 1990-е годы жилищная модель была направлена на удовлетворение запросов новой элиты. К 2002–2003 гг. самый верхний слой платежеспособного населения насытился, и с помощью государственных мер по развитию ипотеки был подключен «верхний средний» слой, который к моменту кризиса был близок к своему исчерпанию.

Таким образом, рыночная жилищная модель наткнулась на серьезные, а сегодня просто непреодолимые препятствия в виде неплатежеспособного спроса со стороны «базового» слоя населения, который, по приблизительным оценкам, составляет около 50% численности занятых, – это практически все работающие на государство в том или ином виде, исключая слой управленцев верхнего и среднего уровней. Одновременно жилищный сектор, построенный по рыночной мо-

дели, столкнулся и с ограничениями по коммунальной и социально-бытовой инфраструктуре, поскольку использовал мощности советского периода и не развивал их в нужном объеме.

Жилищный вопрос – это узел, в который завязаны экономика и социальная сфера. Политическая ситуация также не может быть стабильной в обществе, где большинство граждан лишены надежды на удовлетворение базовой потребности в жилье, несмотря на добросовестную работу. Особенно это касается «бюджетников», чьи доходы даже теоретически не могут приблизиться к уровню, достаточному для участия в ипотеке и приобретении нового жилья. Большинство семей для решения своих жилищных проблем вынуждены выстраивать обменные цепочки с использованием приватизированного советского жилья, при этом их жилищные условия зачастую ухудшаются – в тех случаях, когда квартиру приходится делить для отселения выросших детей.

Внедряя «импортные» рыночные механизмы, жилищный сектор впал в крайность, поскольку практически свернут муниципальный сектор, который когда-то был доминирующим. Если же обратиться к международной практике, то можно видеть, что покупка жилья на рынке и собственное жилье не являются исключительными формами жилищной политики. Практически везде в мире существует арендный муниципальный (или общественный) сектор скромного по качеству и площади жилья, доступного для семей со средним и небольшим достатком. Обязательные признаки этого сектора – нормирование, очереди на получение, строгий контроль за реальным уровнем доходов граждан, претендующих на социальное жилье. А в России в период трансформации получился странный гибрид: на муниципальной земле в бывших государственных, а теперь муниципальных домах, обеспеченных муниципальной инфраструктурой, живут собственники приватизированных ячеек-квартир, зачастую не способные полноценно содержать свою недвижимость. На капитальный ремонт этих домов сейчас тратятся немалые бюджетные деньги. Жилищная очередь для льготных категорий граждан существенно продвигается только в Москве. Вот такая жилищная модель, характерная для переходного периода, и привела к кризису в строительном секторе экономики России.

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ЖИЛИЩНОГО СЕКТОРА

Непреложной истиной экономической науки является положение о том, что рост жилищного строительства приводит к распространению нового жизненного стандарта, обеспечивающего повышение качества жизни населения, а также стимулирует потребительский спрос на предметы длительного пользования. Улучшение жилищных условий населения оказывает существенное влияние и на демографические процессы, повышает рождаемость. Рынок труда напрямую связан с рынком жилья, без которого невозможны активные миграционные процессы в условиях формирования новых инновационных зон (рис. 1).

Жилищная политика, ориентированная на массовое строительство и доступность жилья для большинства населения, имеет мультипликативный эффект даже в стабильные фазы развития экономики. А во времена кризиса жилищно-коммунальное строительство выдвигается на первое место по возможности создать условия поддержания экономики в работоспособном режиме. Жилищный сектор развивает как потребительский сегмент, так и производственный сектор, создающий дороги, коммунальную и социально-бытовую инфраструктуру.

Именно поэтому строительство – основной рычаг вывода российской экономики из кризиса. Однако важно одновременно с осуществлением антикризисных мер проводить институциональные рефор-

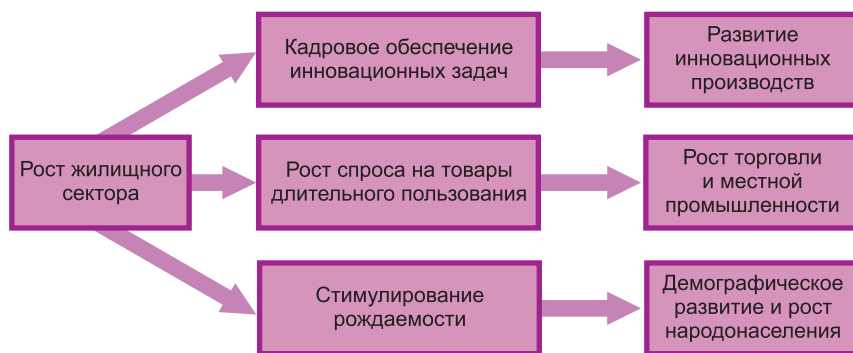

Рис. 1. Влияние развития жилищного сектора на рост экономики

мы, поскольку, вопреки распространенному мнению, не мировой финансовый кризис привел к падению строительной отрасли в России, а сложившаяся модель удовлетворения жилищного спроса исчерпала себя и вызвала кризисные процессы на российском жилищном рынке. Мировой кризис лишь ускорил ситуацию, в которой страна в ближайшее время неизбежно столкнулась бы с кризисом перепроизводства дорогого жилья в условиях ограниченного платежеспособного спроса.

В целом состояние жилищного сектора экономики России имеет следующие черты:

- недостаточен уровень обеспеченности населения жильем при низком уровне благоустройства жилищного фонда и значительном износе коммунальной инфраструктуры;
- для подавляющей части семей (80%) улучшение жилищных условий является недоступным из-за низких доходов и высоких цен на жилье;
- стоимость жилья в соотношении со строительными издержками неадекватно высокая, т.е. имеет место «пузырь жилищных цен» (рис. 2);
- предложение различных типов жилья не сбалансировано с реальным спросом;
- изношены мощности строительного комплекса и производства строительных материалов, недостаточна их модернизация на

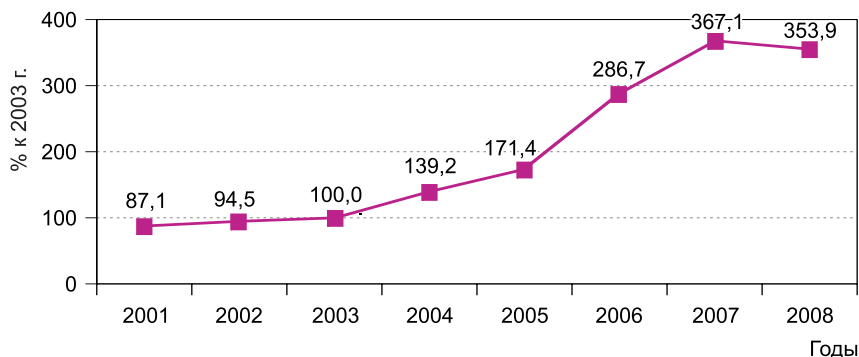

Рис. 2. Рост цен на жилищном рынке г. Новосибирска в 2001–2008 гг.
(за 100 % взяты цены 2003 г.)

основе современных инновационных технологий, существует дефицит квалифицированных трудовых ресурсов в строительном комплексе;

- имеют место монопольные ограничения по выдаче разрешений на подключение к коммунальным мощностям;
- градостроительные нормы и правила землепользования не введены в систему на региональном уровне.

На эти проблемы наложились кризисные явления, к которым следует отнести

- резкое снижение платежеспособного спроса на жилье в связи с потерей заработков и работы;
- недоступность долгосрочного жилищного кредитования для населения в связи с ростом процентной ставки, ужесточением требований к заемщику;
- многочисленные неплатежи и задержки по уже выданным ипотечным кредитам;
- выжидательная позиция покупателей и инвесторов в связи с ожиданием падения цен на жилищном рынке;
- отсутствие оборотных средств у застройщиков, невозможность кредитования строительства в связи с ростом цены кредита и политикой банков по минимизации рисков;
- «замораживание» объектов строительства из-за нехватки средств, сокращение вновь начинаемых строек.

Главной задачей новой жилищной стратегии является создание многосекторной жилищной модели, способной удовлетворять потребности населения в доступном и комфортном жилье на основе разнообразных организационных форм. Альтернатив государственному регулированию жилищного рынка и государственной поддержке малообеспеченных групп населения в настоящее время не существует в связи с исчерпанием ресурсных возможностей самого рынка. Распространенное мнение состоит в том, что выход из жилищного кризиса связан с механизмом субсидирования субъектов рынка. Он предполагает направление государственных средств в частные структуры, что увеличивает риски нецелевого использования бюджетных средств. Модель

субсидирования всех элементов рынка (ипотеки, застройщика, покупателя и т.д.) приведет к быстрому исчерпанию бюджетных средств, но не даст эффекта в плане формирования новой, адекватной современным реалиям жилищной модели, обеспечивающей потребности всех слоев населения. Поэтому имеющийся бюджетный ресурс следует сконцентрировать на создании жилищных секторов определенного типа застройки и стимулировании строительства того типа жилья, который будет востребован государством в качестве нового стандарта для основной массы населения.

Новая жилищная модель России будет использовать инструменты, являющиеся результатом синтеза государственных и рыночных методов. По отдельности каждый из этих методов был уже апробирован в разные исторические периоды развития страны и исчерпал свой потенциал, поэтому в настоящее время необходимо их комбинирование. Государственные органы при этом смогут активно влиять на увеличение платежеспособного спроса населения, формируя разные механизмы обеспечения жильем в зависимости от доходов. Результатом станет многосекторная жилищная модель, включающая

- частный сектор, формирующийся на платной основе по рыночным ценам, или по ипотеке с рыночным процентом, или с использованием накопительных схем, а также через приватизацию и наследование;
- государственный сектор на платной основе, с льготированным процентом и длительной рассрочкой на 15–20 лет по госценам («государственная ипотека»), а также на основе бесприбыльной аренды с правом выкупа по фиксированным ценам;
- социальный сектор на бесплатной или частично платной основе (включая взнос в виде старой квартиры) для очередников и определенных законодательством РФ групп населения (с использованием механизмов «социальной ипотеки»). Включает также все жилье социального найма;
- арендный сектор. Включает жилье, сдаваемое по рыночным ценам. В основном сохраняются не легализованные формы;
- сектор корпоративного (нового ведомственного) жилья – на платной основе по рыночным ценам, а также для служебного

пользования. Заказчиками этого фонда могут выступать предприятия и организации всех форм собственности.

Массовое жилищное строительство на базе многосекторной жилищной модели с разными формами доступности создаст благоприятные условия для эффективного развития экономики и задействует ее производственный потенциал. Эффективность именно данного варианта жилищной модели должна выразиться в преодолении кризисных тенденций существующего жилищного рынка.

Международная практика показывает, что для устойчивого развития жилищной модели необходимы как рыночный, так и государственный сектор. Рыночный сектор построен на отношениях непосредственной оплаты жилья при покупке либо оплаты в рассрочку в форме ипотечных кредитов, процент по которым регулируется рынком. Будущий государственный сектор также приходит к выработке новых институтов кредитования, например в форме государственной ипотеки и социальной ипотеки, применяемых пока эпизодически в разных регионах России (табл. 1).

Возможно, что сторонникам «чистого» жилищного рынка это предложение покажется возвращением назад. Однако речь идет не об отказе от рыночных механизмов, а об одновременном их сосуществовании с государственными формами обеспечения жильем. Так, частная ипотека в классическом виде сохранится для обеспеченных слоев населения, приобретающих второе или дополнительное жилье в качестве инвестирования в недвижимость. Радикально изменить сло-

Таблица 1

Государственный и рыночный сектора жилищной модели

Признак	Государство	Рынок
Управленческий механизм	Госзаказ на основе потребностей в кадрах	Частный заказ на основе платежеспособности
Базовые отношения	Госконтракт с фиксированными ценами	Частный контракт по договорным ценам
Формы обеспечения	Гос. ипотека по схемам госцен и рассрочек	Частная ипотека по рыночным схемам

жившуюся ситуацию можно только возобновив массовое строительство государственного жилья, предназначенного для распределения на арендных условиях между нуждающимися двух типов: социально незащищенными гражданами и служащими, работающими на государство. Причем в государственном секторе следует практиковать платные формы предоставления жилья, предусматривающие его постепенный выкуп (рассрочка до 20 лет по государственным ценам без процента и без первоначального взноса).

Специфика государственного жилищного сектора заключается в его целевом характере, т.е. в возможности получения жилья в этом секторе только для лиц, работающих на государство в разных сферах (социальной, бюджетной, военной и т.д.). Для этих групп населения необходим механизм государственной ипотеки – покупки квартиры в рассрочку на условиях, которые будут определены государством. Государственная ипотека за счет существенного снижения процента, низкого объема первоначального взноса, удлинения периода погашения кредитов сможет повлиять на формирование кадрового потенциала той или иной территории. Если ипотечная форма кредитования для банковской системы – способ заработать, то государственная ипотека вводится для облегчения доступа к жилью тем, кто работает в госсекторе или служит. В период выплаты по государственной ипотеке жилье находится в условном владении и не является частной собственностью ее владельца. По завершении выплат приобретаются все права на данное жилье.

Фактически в рамках государственного сектора новой жилищной модели будет использоваться модернизированный вариант советской формы обеспечения жильем, но с существенным улучшением. Работник на предприятии или в организации будет сразу, а не после 10 лет ожидания в очереди, получать жилье в ипотеку от предприятия под низкий процент (в случае социальной ипотеки) или без процента (в случае служебной ипотеки) при условии, что будет работать на данном предприятии в течение определенного периода времени. Эти условия фиксируются как в ипотечном контракте, так и в трудовом договоре. При условии рождения детей в период отработки государство погашает задолженность работника в определенных пропорциях (например, в рамках программы для молодых семей). А поскольку нанятый работ-

ник уже располагает приличным «ипотечным» жильем, высока вероятность регулярного прибавления семейства, стимулируемого не только жилищными условиями, но и бонусами демографической государственной программы. В конце трудового срока, установленного договором, жилье переходит в собственность работника, и он может распоряжаться им по своему усмотрению, как и своей рабочей силой.

Если же работник решил разорвать отношения с предприятием раньше оговоренного срока, то остаток суммы по ипотеке ему придется выплачивать по рыночной стоимости квадратного метра и по коммерческой процентной ставке, что должно быть зафиксировано в трудовом договоре в момент его заключения. Такая форма обеспечения жильем уже применена, например, в Кемеровской области для 3 тыс. молодых семей, которых заселили в государственное жилье без процентной ставки, без первоначального взноса, с рассрочкой выкупа на 20 лет.

Социальный сектор – это сектор социального найма, обеспечивающий жильем очередников из определенных законодательством РФ категорий населения (ветеранов, инвалидов и др.). Он основан на прямой раздаче бесплатного жилья из государственного фонда. Однако социальный сектор может формироваться и на частично платной основе, как в советские времена, когда бесплатно обеспечивалось лишь улучшение жилищных условий, поскольку необходимо было вернуть государству старую квартиру для формирования «цепочек» улучшения.

В настоящее время в России делаются только первые шаги по организации социальной ипотеки, предназначенной для улучшения жилищных условий социально незащищенных граждан в пределах установленных норм. В разных городах страны применяются разные условия социальной ипотеки, различающиеся по первоначальному взносу, размеру и сроку погашения кредита, величине ежемесячных выплат по ипотечному кредиту и минимальному доходу заемщика (его семьи). Социальный сектор может также включать варианты улучшений жилищных условий очередников через механизмы «цепочек».

Неотъемлемыми элементами новой жилищной модели станут также государственный заказ на строительство определенного типа жилья с заключением государственных контрактов. Развитие такого механизма заложено в Бюджетном послании Президента РФ Феде-

ральному собранию. В нем прописано, что основным документом, регламентирующим взаимоотношения между государственным заказчиком и подрядчиком, должен стать контракт, заключаемый на весь период реализации инвестиционного проекта, и в этом контракте должны быть четко зафиксированы обязательства подрядчика по сдаче объекта в эксплуатацию и обязательства государства по финансированию. Расходы на весь период реализации инвестиционного проекта, в отношении которого заключен государственный контракт, подлежат включению в расходные обязательства государства и не могут быть пересмотрены.

Государственный заказ сформирует запрос на определенный жилищный стандарт качества и необходимый объем жилищного строительства. Для его выполнения проводится конкурс среди подрядчиков. С победителями конкурса заключается государственный контракт, где фиксируются себестоимость будущего жилья и норматив рентабельности. Тем самым оказывается существенное влияние на формирование предложения определенного типа застройки и определенной цены за 1 кв. м.

Государственный контракт может стать эффективным механизмом регулирования объема строительства определенного типа с целью сбалансирования спроса с адекватным предложением, поскольку на объем выданных ипотечных кредитов формируется госзаказ по жилищному строительству для данной территории. С помощью государственной ипотеки государство получает конкурентоспособный инструмент для привлечения кадров в перспективные направления экономики.

Важный теоретический вывод заключается в том, что институциональная среда нового государственного сектора будет существенным

Таблица 2

«Старый» и «новый» государственные сектора

Признак	Госсектор советского типа	Новый госсектор
Управленческий механизм	Госплан	Государственный заказ
Базовые отношения	Директивные задания	Государственный контракт
Формы обеспечения	Раздача по очередям	Государственная ипотека

образом отличаться от госсектора советского типа. Новыми составными элементами будущей жилищной модели станут государственный заказ, государственный контракт и государственная ипотека (табл. 2).

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ – ШАГ В НАПРАВЛЕНИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ЖИЛИЩНОЙ МОДЕЛИ

В настоящее время в регионах страны уже сформирован пакет программ, реализуемых сегодня или намеченных к реализации в ближайшем будущем. Например, в Новосибирской области это:

1) меры государственного регулирования «спроса», а именно, ипотечного кредитования, направленные на создание механизмов обеспечения доступности жилья экономкласса для групп со средним уровнем доходов:

- субсидирование процентной ставки ипотеки из регионального бюджета и возмещение 300 тыс. руб.;
- федеральная программа «социальная ипотека»;
- развитие существующих ипотечных схем с использованием материнского капитала, военная ипотека;
- программа реструктуризации задолженности по ипотечным кредитам (осуществляется через ОАО «Агентство по реструктуризации ипотечных жилищных кредитов»);

2) меры государственного регулирования «предложения» на жилищном рынке:

- государственные гарантии застройщикам и субсидирование процентной ставки кредитов строителям через региональный бюджет;
- предоставление возможности выкупа региональным бюджетом недостроенного жилья (предложено внести изменения в закон о долевом строительстве на федеральном уровне);

3) создание новых государственных служб для реализации функций заказчика на территории области:

- госзаказ на жилищное и коммунальное строительство (через Агентство жилищного строительства на областном уровне);

- госзаказ на жилищное строительство на муниципальном уровне (осуществляется по старым правилам и в старых формах);
- 4) формирование новых способов обеспечения жильем:
 - создание государственных специализированных жилищных фондов для исполнения обязательств, предусмотренных федеральным законодательством в области улучшения жилищных условий граждан;
 - государственная поддержка наукоемких компаний и решение жилищных вопросов сотрудников будущих компаний-резидентов создаваемого научно-технологического парка (на уровне поручений губернатора).

Каждая программа имеет свою направленность и внутренние механизмы, которые содержат в себе предполагаемое влияние на те или иные проблемные зоны жилищного рынка. Необходим системный мониторинг всей совокупности программ для выявления проблем, возникающих из-за их применения, а также для отслеживания проблем, появляющихся внутри самих программ, при столкновении с неожиданным «ответом» реальности. При выявлении проблемных зон могут родиться новые схемы реализации жилищных потребностей разных доходных групп.

Продолжение работы по совершенствованию концептуальных основ новой жилищной модели и регулярному мониторингу реализации перечисленных жилищных программ должно идти в направлении решения ряда вопросов. Во-первых, эффективно ли создание государственного подрядчика на территории области для реализации государственных строительных программ или лучше для этих целей привлекать на конкурсной основе частные строительные компании? Во-вторых, нужно ли определение целевых групп населения для предоставления им субсидированной или социальной ипотеки, особенно в случае, если число желающих получить такую ипотеку будет превышать ее возможности? В-третьих, как и в каких формах финансировать госзаказ на жилищное строительство при условии, что бюджетное планирование не стыкуется со спецификой деятельности застройщиков? В-четвертых, в каких пропорциях должны развиваться сектора новой жилищной модели, различающиеся по объему прав на жилые помещения (служебный, социальный, государственный, ведомственный, корпоративный и др.)?

В настоящее время в некоторых регионах, включая Москву, апробируется новый механизм создания бесприбыльного арендного государственного жилья. По существу, это платный государственный сектор, где помимо коммунальных услуг оплачивается аренда, но в 3–4 раза меньше, чем в частном арендном секторе или по ипотечным схемам. При этом семья имеет право выкупа данной квартиры. Этот механизм может реализовываться либо для домов, возведенных по государственному заказу, либо для недостроенного жилья, выкупленного у частных застройщиков, при этом решается и проблема «зависших» строек.

Жилищно-коммунальная реформа была ориентирована на создание частной собственности посредством приватизации жилищного фонда и организации частных управляющих компаний по его обслуживанию. На самом деле приватизация привела лишь к существенному расширению прав по распоряжению квартирами в рамках видоизмененного института государственной собственности (с разделением на федеральный и муниципальный уровни). Накануне приватизации в жилищной системе, базирующейся на прямой раздаче гражданам квартир с квартирной платой, не связанной ни с качеством жилища, ни с эксплуатационными издержками, накопилось значительное количество проблем, вызванных жесткостью регулирования жилищных отношений. Приватизация вывела жилищные отношения на саморегуляцию, создав вторичный рынок жилья, существенно облегчающий обменные операции через сделки купли-продажи.

Внедрение частных обслуживающих организаций началось с экспериментов в разных городах России, в том числе и в Новосибирске. Результаты эксперимента были неожиданными.

Во-первых, вскрылись главные дефекты административной системы управления, формировавшейся в советское время. Таким дефектом была хозяйственная несамостоятельность нижних звеньев жилищного хозяйства, что создавало условия для «перекачки» части фонда оплаты труда непосредственных исполнителей в премиальный фонд руководителей. Это привело к бюрократизации и резкому увеличению административно-управленческих издержек при катастрофически низком качестве жилищного обслуживания.

Во-вторых, в результате эксперимента стало ясно, что главным для повышения качества жилищного обслуживания является не замена государственных форм на частные компании, а создание новой, договорной модели управления вместо административной системы. Договорная модель предусматривает, что государственные органы, выступая в роли заказчика, заключают договоры с организациями различных организационно-правовых форм, выступающими в роли подрядчика по выполнению жилищных услуг. Именно отсюда родилась идея «управляющих компаний», которые в настоящее время создаются или на базе звеньев старой системы управления, или как новые частные фирмы.

Современный анализ ситуации выявил большую конфликтность сферы жилищного обслуживания, обусловленную системными дефектами реализуемой модели «товарищества собственников жилья (ТСЖ) – управляющие компании (УК)». Для обеспечения целостного подхода к решению жилищной проблемы необходимо включить анализ жилищно-коммунальной сферы в общий мониторинг и выявить узловые проблемы, провоцирующие необоснованный и неконтролируемый рост тарифов на жилищное обслуживание.

Форма ТСЖ в качестве управляющей компании обнаружила системные дефекты, из-за чего процесс их создания резко замедлился. При этом уже созданные ТСЖ лихорадит от внутренних конфликтов. Ограничивающим фактором распространения ТСЖ являются разный уровень приватизации жилых домов и разная платежеспособность населения в пределах одного дома, а также наличие определенного (довольно устойчивого) процента неплательщиков.

Существуют две модели обслуживания фонда, связанные с тем, как строятся отношения между заказчиком и подрядчиком в рамках управляющей компании: она может иметь в своем составе собственного уполномоченного подрядчика, а может нанимать на конкурсной основе разных частных подрядчиков. Обе модели еще не устоялись, и возникают конфликтные ситуации внутри их структуры. Независимый частный подрядчик создает проблемы для управляющей компании непрозрачностью своих финансовых потоков и необоснованным ростом управленческих расходов. Поэтому выявлена тенденция формирования «собственных» подрядных организаций.

Контроль за деятельностью управляющих компаний неэффективен в связи с трудностями, с которыми сопряжен разрыв договоров со стороны жильцов, неудовлетворенных деятельностью УК. Представитель администрации практически всегда поддерживает управляющую компанию. Комитет ЖКХ лишь косвенно, по результатам редких проверок санитарно-технического состояния домов и дворов дает оценку ее деятельности. Однако в случае неудовлетворительной оценки никаких существенных санкций со стороны органов власти к УК пока не применяется.

Управляющие компании должны соблюдать обязательные стандарты жилищных услуг, зачастую прописанные еще в советские времена (травля грызунов и т.д.). Реально эти стандарты не соблюдаются (согласно жалобам жильцов), а в тарифы соответствующие затраты неизменно включаются. В связи с резким ростом тарифов возникает социальная напряженность, люди отказываются от оплаты услуг, происходят конфликты между управляющими компаниями и жильцами дома. А средства, собранные на обязательные (но не выполненные) работы, видимо, являются источником чистой прибыли УК.

Отчетность управляющих компаний разработана таким образом, что понять, какие работы выполнены по конкретному дому, не представляется возможным ни жильцам, ни органам власти, ни, зачастую, самой управляющей компании (в случае стороннего подрядчика). Эти острейшие проблемы из-за сохранения «общего котла» и непрозрачности расходов по каждому отдельному дому вызывают огромный поток жалоб в региональные органы управления и сигналы в СМИ.

В секторе жилищного обслуживания нарастает угроза монополизма советского типа, но в ухудшенном варианте: УК смогли уйти как из-под контроля жильцов, так и из-под контроля органов власти. При этом механизм формирования прибыли и источники ее получения оказываются в теневой области. По экспертным оценкам, управленческие расходы (в том числе прибыль) УК вместо 10% от сметы составляют до 50%. В эту цифру включены три дохода: собственников УК, менеджеров УК, менеджеров подрядчиков УК.

На заседании Правительства РФ в декабре 2009 г. рост тарифов на услуги ЖКХ в течение 2005–2009 гг., не соотношенный с доходами населения, признан экономически необоснованным, при этом определение тарифов на электричество, тепло и воду осуществляется по непо-

нятым и необоснованным методикам. Кризис продемонстрировал, что требуется государственное регулирование тарифов коммунальных отраслей и деятельности естественных монополий.

Таким образом, современное состояние реформы в ЖКХ связано с недостаточными четкостью и проработанностью взаимных обязательств, отсутствием конкретного механизма применения экономических санкций за нарушения условий договоров, а также механизма урегулирования спорных ситуаций по жилищно-коммунальному обслуживанию потребителей.

Общественные приемные, а также районные, городские, областные структуры управления получают жалобы по поводу проблем в ЖКХ и жилищной сфере. Механизм работы с жалобами ориентирован на устранение конкретной проблемы, и жалоба перенаправляется руководителю того хозяйствующего субъекта, на который она пришла. Но при этом комплексный анализ всех жалоб не проводится, хотя жалобы представляют собой ценнейшую информацию о характере возникающих проблем. Именно поэтому их анализ, сведение в единую базу данных должны стать важным направлением жилищного мониторинга. В ИЭОПП СО РАН разработана и опробована методика систематизации и анализа жалоб, с помощью которой выявляются сущность и характер возникающих проблем. Исследование жалоб позволит заранее определять узкие места и упреждать нарастание социальной напряженности.

Раздаточный тип экономики является основой российской цивилизации и сохраняет неизменной свою природу, лишь видоизменяя формы. Рыночные реформы фактически представляют собой фазу трансформации в ее развитии. В эту фазу институт частного предпринимательства становится доминирующим. В процессе рыночных реформ заимствуются западные модели, из которых приживаются лишь те, которые могут быть адаптированы к российской экономической среде*. Что же касается механизма раздачи жилья под условие службы государству, то он сложился в России задолго до возникновения самой идеи социализма. Наша экономика всегда была в основном раздаточной, причем распределенной по огромной территории с тяжелыми природными усло-

* Подробнее см.: **Бессонова О.Э.** Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. – М.: РОССПЭН, 2006. – 144 с.

виями. Ее функционирование и защита сырьевых богатств от недружелюбных притязаний требовали хорошо организованных общественных трудовых усилий и концентрации ресурсов, посильной только для мощного государства. Для такой социально-экономической модели характерна практика раздач материальных благ по определенным нормам под условие государственной службы. Данный тип экономических отношений назван «раздатком», он, так же как и «рынок», имеет объективную природу. Раздаток и рынок существуют в разных пропорциях в каждом обществе, достраивая друг друга для обеспечения устойчивости. Когда рынок был законодательно запрещен при социализме, он все равно присутствовал в теневых формах.

Эти выводы базируются на выявленных закономерностях развития России за длительный исторический период. На всем протяжении российской истории имущество отдельных граждан образовывалось в результате «пожалования», «дарствования», «государственного данья» служилым людям. В современном языке сохранилось слово «дача», обозначающее выделенный за городом участок земли. Ранее существовали «хлебные», «натуральные», «денежные» дачи. Главная расходная статья государственной росписи XVIII в. – «окладные дачи» перекочевала в современную финансовую систему под названием «оклады». Сейчас слово «поместье» ассоциируется с крупной земельной собственностью, а произошло оно от понятия «по месту службы», т.е. означало выделенный участок для проживания и службы. Уже со второй половины XV в. были выработаны нормы раздач: «оклад – по чину, дача – по вотчине, придача и к окладу, и к даче – по количеству и качеству службы».

В этом смысле в советское время не было изобретено ничего радикально нового, поскольку каждый исторический период лишь обновлял формы, но сохранял неизменным природу базовых институтов. Такими формами в СССР стали плановая экономика и раздаточная жилищная система по очередям – ведомственным и муниципальным. Но тотальность, однобокость таких отношений внесла свой вклад в системный кризис «социализма» из-за их крайней негибкости, а потому и нежизнеспособности. Более устойчивой представляется система будущего «либерального раздатка», в которой раздаточные формы сосуществуют с рыночными отношениями.

Жилищный сектор – органическая часть экономической системы, в нем проявляются как базовые черты раздаточной экономики России, так и логика трансформационных процессов. Сначала заимствуются из практики западных стран институты и механизмы рыночной модели, однако по мере внедрения происходит их существенное видоизменение в соответствии с природой российской экономики. Весь объем видоизменений приводит к системному эффекту: задумывался переход от раздаточной экономики советского типа к рыночной модели, а на самом деле происходит существенное обновление самой раздаточной экономики с окончательным оформлением модели либерального раздатка в недалеком будущем. Соответственно, и новая жилищная модель России будет базироваться на тех же принципах, что и вся экономическая система.

Анализ состояния жилищной сферы России в 2009 г. показал, что мировой финансовый кризис лишь ускорил институциональный кризис существовавшей в 2000-е годы жилищной модели. В ней отсутствуют механизмы обеспечения жильем базового работающего слоя населения, а частные инвесторы-застройщики не имеют «длинных» денег и потому оказались несостоятельными в условиях снижения платежеспособного спроса, сокращения кредитования, снижения уровня цен за 1 кв. м.

Результатом совмещения финансового и институционального кризисов стала стагнация жилищного рынка: непрерывное снижение цен на квартиры (недвижимость) до 30–50%, сокращение количества сделок на вторичном рынке в 2–5 раз, неопределенность ценовой динамики, сдерживающая покупательский спрос. Такая ситуация была вызвана тем, что произошли резкое сокращение ипотечных кредитов для населения (в 10 раз), повышение процентной ставки в среднем на 40–50%, увеличение количества должников по ипотеке из числа лиц, потерявших работу. В строительном комплексе кризисные явления выразились в приостановке работ на трети объектов, банкротстве ряда строительных фирм, «брошенных» дольщиках, резком уменьшении количества новых строительных проектов, сокращении банковского кредитования до 10–44% от потребностей.

Для предотвращения строительного коллапса потребовалось резкое вмешательство государственных органов в жилищный рынок. Поддержка государством на федеральном и областном уровнях ипотечного

кредитования для стимулирования спроса выразилась в субсидировании процентной ставки и субсидиях по первоначальному взносу (например, губернаторская программа в Новосибирской области), в создании Агентства реструктурирования ипотечного жилищного кредитования на федеральном уровне с региональными отделениями для реструктурирования ипотеки. В настоящее время начали реализовываться новые программы Агентства ипотечного жилищного кредитования по переводу не оплаченного полностью ипотечного жилья в муниципальный фонд без выселения (на правах социального найма). Прямая поддержка государством жилищного рынка также осуществлялась через закупку жилья высокой степени готовности для военных, ветеранов ВОВ и для расселения проживающих в ветхих и аварийных домах.

В результате по итогам 2009 г. было намечено изменение курса жилищной политики на федеральном уровне через Федеральный фонд содействия развитию жилищного строительства. Выработана долгосрочная ориентация на строительство жилья исключительно экономкласса, для которого готовятся участки с комплексным обеспечением инфраструктурой, документацией и созданием финансового механизма для их освоения, а именно, с индикативно регулируемыми конечными ценами жилья. Кроме того, будет принят новый типовый архитектурный проект, под который будет развиваться промышленность строительных материалов с соответствующими требованиями.

В отдельных субъектах Федерации созданы специальные агентства по развитию жилищного строительства в форме акционерных обществ со стопроцентным государственным участием, наделенные уставным капиталом из бюджета области. В задачи таких агентств будет входить покупка на аукционах земельных участков под жилищное строительство. На подготовленных земельных участках агентство будет организовывать процесс жилищного строительства, передавая готовые дома в бесплатную или льготную многолетнюю аренду закрытым кооперативам граждан. Это необходимая институциональная новация для реализации нового жилищного курса, готовая для распространения на субфедеральном уровне.

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ: РИСКИ И ИХ ИЗМЕРИТЕЛИ

С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, О.В. Чудаева

ИЭОПП СО РАН

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 08-06-00667)
и гранта «Интеграция СО РАН»*

Аннотация

Общественное здоровье рассматривается как важнейшая качественная характеристика населения, его ресурс и интегральный показатель благополучия территории. Исследуются основные составляющие заболеваемости и смертности населения Сибирского федерального округа, при этом выделяются отдельные демографические группы. Показаны основные риски в формировании здоровья населения Сибири. В качестве инструмента измерения рисков предлагаются индикаторы и их ориентировочные значения, к которым необходимо стремиться для нейтрализации или смягчения негативных явлений в формировании здоровья населения.

Ключевые слова: здоровье населения, Сибирь, риски, заболеваемость, смертность, репродуктивное здоровье, ожидаемая продолжительность жизни, индикаторы состояния здоровья

Abstract

The public health is considered as an important qualitative characteristic of the population and its resource as well as an integral indicator of communities' welfare. The paper analyses the key factors of morbidity, mortality and risks affected the population of different demographic groups in the Siberian Federal District. To measure such risks, we developed the indicators, and estimated their values, which we consider normal and advisable to be reached if we want to neutralize or mitigate any negative impacts on public health.

Keywords: population health, Siberia, risks, morbidity, mortality, reproductive health, life expectancy, health indicators

Успех государства почти во всех сферах тесно связан с устойчивым демографическим развитием, обеспечивающим обществу воспроизводство человеческого потенциала. Демографический потенциал государства в немалой степени зависит от качественных характеристик населения, из которых важнейшее значение имеет показатель здоровья. Учитывая разнообразие факторов, влияющих на формирование общественного здоровья и его значимость как одного из важнейших ресурсов, можно сказать, что здоровье – это интегральный показатель благополучия территории, отражающий социально-экономическое положение населения, состояние экологии и медицинской помощи, оказываемой населению, а также генетический груз самого населения, с одной стороны, а с другой стороны, это объективный критерий успешности проводимых политических, социальных и экономических реформ. С этих позиций анализ рисков в формировании здоровья населения и демографического потенциала отдельного региона является очень важной и актуальной задачей исследования.

ФАКТОРЫ СОКРАЩЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Большой вклад в депопуляцию в России вносит аномально высокая смертность. На протяжении 15 лет начиная с 1990 г. здоровье россиян постоянно ухудшалось, а смертность имела тенденцию к росту. К 2005 г. на пике роста смертности общий коэффициент смертности в Сибирском федеральном округе (СФО) в 1,6 раза (в РФ – в 1,4 раза) был выше, чем в 1990 г. (рис. 1), и почти в 1,5 раза (в РФ – в 1,6 раза) превышал уровень рождаемости. Наши расчеты показывают, что с 1992 г. ежегодные потери населения только от сверхсмертности¹ составляли от 60 до 100 тыс. чел. В результате суммарный уровень

¹ Под сверхсмертностью понимается уровень потерь населения, превышающий относительный показатель смертности населения в 1990 г. (10 чел. на 1000 чел. населения).

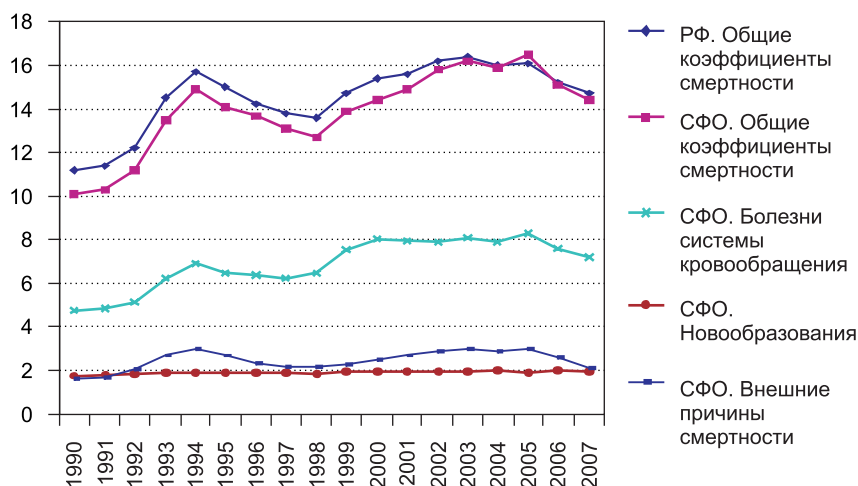

Рис. 1. Динамика коэффициентов смертности в СФО по основным причинам, число умерших на 1000 чел. населения

сверхсмертности населения округа только за 1992–2001 гг. составил свыше 757 тыс. чел., а за 1992–2007 гг. – 1200 тыс. чел.

Совершенно очевидна четкая и незамедлительная реакция показателя смертности на ухудшение условий существования. Социально-экономический кризис 1990-х годов повлек за собой расширение масштабов и углубление бедности, обнищание государственного здравоохранения, ухудшение санитарно-гигиенической обстановки, рост насильственной преступности и числа самоубийств. Кризисные явления в обществе – одна из важнейших причин снижения ожидаемой продолжительности жизни, но не единственная. Продолжают действовать отрицательные долговременные тенденции: загрязнение окружающей среды, нездоровое питание, отсутствие физической культуры, вообще пренебрежение к своему здоровью и вредные стереотипы поведения.

Среди **основных классов причин смерти** населения СФО выделяются болезни системы кровообращения (50,5% всех смертей, в РФ – 56,9%), внешние причины (17,2%, в РФ – 13,2%) и новообразования (13,2% и столько же в РФ) (рис. 2). Смертность от этих трех причин составляет 80,9% от общего числа смертей (в 1990 г. – 80,6%). Проис-

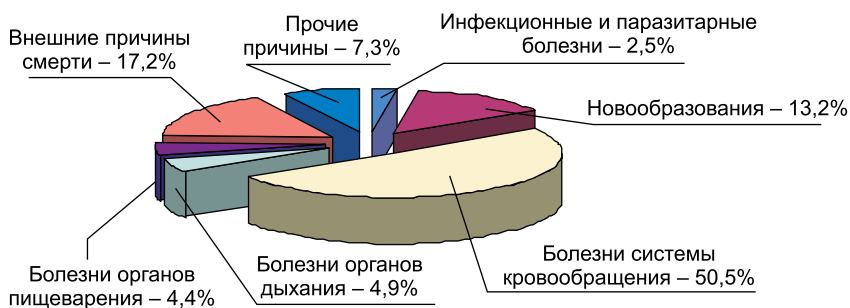

Рис. 2. Структура смертности по основным группам причин в СФО в 2006 г.

ходит изменение структуры смертности в сторону увеличения доли смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и внешних причин.

На фоне общего роста уровня смертности в 1990–2007 гг. наблюдались пики смертности по основным классам причин. Очень высокая **смертность от сердечно-сосудистых заболеваний** достаточно четко «реагировала» на социально-экономические события в стране. В целом за 1990–2006 гг. с учетом сокращения смертности после 2003 г. смертность от болезней системы кровообращения увеличилась в СФО на 60% и составила 760 чел. в расчете на 100 тыс. чел. населения. При общем увеличении заболеваемости в 1,2 раза рост сердечно-сосудистых заболеваний сопровождался увеличением таких тяжелых осложнений, как гипертоническая болезнь и ишемическая болезнь сердца. Количество острых инфарктов миокарда увеличилось в 2 раза, а заболеваемость стенокардией – более чем в 3 раза. Тем не менее в СФО смертность от сердечно-сосудистых заболеваний на 12% ниже среднероссийского показателя в связи с более молодой, чем в целом по стране, структурой населения. Крайне высока смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в Кемеровской области – около 900 чел. на 100 тыс. чел. населения; выше средних по СФО были показатели в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях. Читинская область характеризуется самыми высокими темпами роста смертности по данному классу причин. Увеличение за рассматриваемый период здесь составляет почти 2 раза. Выше средних были темпы роста

смертности в Республике Тыве и Республике Бурятии, а также в Омской области.

Смертность от внешних причин в округе в расчете на 100 тыс. чел. населения увеличилась в 1,6 раза, что привело к ежегодным потерям около 40 тыс. чел. (в РФ – более 300 тыс. чел.). Уровень смертности от этих причин в регионе на 30% выше, чем в РФ. При этом в структуре внешних причин смертности в настоящее время первое место занимают самоубийства, второе – отравления алкоголем, третье – убийства, четвертое – транспортные травмы. В критические годы рассматриваемого периода до 12% всех первичных обращений за медицинской помощью в СФО были связаны с травмами и отравлениями, а смертность от отравлений алкоголем в 1,5 раза превосходила среднероссийские показатели. В результате ежегодные потери в округе по этой причине составляли 7–8 тыс. чел.²

Огромную роль в увеличении смертности в России и СФО играет алкоголизация населения. Вклад алкоголя в смертность заключается не только в алкогольных отравлениях, психозах, убийствах и самоубийствах, травмах, но и во влиянии на смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, болезней печени и поджелудочной железы и т.д., связанных с употреблением алкоголя³.

Особую тревогу вызывает стабильно высокий уровень наркотизации жителей Сибири – свыше 400 чел. на 100 тыс. чел. населения, что в 1,8 раза больше среднего уровня по России. В Республике Тыве, Алтайском и Красноярском краях, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областях наблюдается превышение среднероссийского уровня наркомании (в Томской, Кемеровской, Иркутской и Новосибирской областях – в 2 раза и более). От отравления наркотиками в округе в 2006 г. умерло 3,5 тыс. чел., что в 1,7 раза больше смертности от наркотиков в 2005 г.

² Смертность от отравлений алкоголем в СФО в 2006 г. составляла 42,6 чел. (в РФ – 23,1 чел.) на 100 тыс. чел. населения, в Кемеровской области – 46,0, в Читинской области – 60,2, в Республике Бурятии – 63,0, в Республике Алтай – 89,9 чел. на 100 тыс. чел. населения.

³ По оценке специалистов, с употреблением алкоголя связано около трети всех смертей.

Среди внешних причин смерти в настоящее время около 15% составляют самоубийства (в 1990 г. – 20%) и 10% – убийства. Максимум связанных с алкоголем убийств наблюдается в Республике Тыве, Иркутской и Кемеровской областях. Самоубийств в целом в Сибири больше, чем в европейской части России, однако в 2002 г. началось снижение числа самоубийств, а в 2003 г. стало уменьшаться и число убийств.

Смертность от злокачественных новообразований увеличилась на 20 чел. на каждые 100 тыс. чел. населения. При этом если в настоящее время в СФО на 100 тыс. чел. населения приходится заболевших на 7% больше, чем в среднем по России, то темпы роста заболеваемости в округе выше средних по стране более чем в 1,5 раза.

Завершая анализ уровня смертности по трем основным группам причин смерти, необходимо отметить, что в то время как смертность от онкологических заболеваний в России и СФО незначительно отличается от показателей развитых стран, смертность от заболеваний сердечно-сосудистой системы в 4–5 раз превосходит уровень смертности данных стран, имеющих высокую долю старого населения, а по уровню смертности от внешних причин СФО находится на одном из первых мест в мире.

При общей крайне неблагоприятной картине смертности в России и СФО начиная с 2003 г. наблюдается тенденция снижения уровня смертности: к 2006 г. смертность от болезней системы кровообращения уменьшилась на 6,2%, от внешних причин – на 10,6%.

Среди других видов причин смертности, не вошедших в основную тройку, в 1990–2006 гг. в СФО особенно высок был рост смертности по причине болезней органов пищеварения – 2,5 раза, возросла на 22% смертность от болезней органов дыхания⁴, на 12–13% – от заболеваний эндокринной системы, в том числе на 14–15% – от сахарного диабета.

Смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний в СФО увеличилась в 2,3 раза и превысила среднероссийские показатели в 1,5 раза, а смертность от туберкулеза в округе – одна из самых высоких в России. В 2006 г. она составила 32,3 чел. на 100 тыс. чел. население.

⁴ В Омской области смертность от болезней органов дыхания увеличилась на 59%, в Кемеровской – на 41%.

ния (в 2005 г. – 36,3 чел.), при этом в число неблагополучных территорий входят Новосибирская область, Республика Тыва, Алтайский край, Иркутская и Кемеровская области.

Смертность от психических расстройств в 2006 г. превышала уровень смертности 1990 г. почти в 2 раза (в 1995 г. – в 4 раза), а основной составляющей их стали психические расстройства, связанные с употреблением алкоголя, – 70% (в 1990 г. – 45%). Доля смертности от психических расстройств, связанных с употреблением наркотических веществ, увеличилась с 0,5 до 2,3%.

Особенно тревожная тенденция – *увеличение смертности населения трудоспособного возраста*, от которого в значительной степени зависит состояние экономики страны. Причем первое место в структуре смертности у данной категории населения, опережая смертность по причине сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований, устойчиво занимает смертность в результате внешних причин (рис. 3). Около 80% всех умерших в трудоспособном возрасте – представители «сильного пола».

Прирост уровня смертности этой группы, как и всего населения в СФО, в 1990–2006 гг. составил 60% (в 1990–2005 гг. – почти 85%). В настоящее время в округе на каждые 100 тыс. чел. населения данной возрастной группы умирает 850 чел., что на 14% больше, чем в среднем по России. По большинству причин смертности удельный показатель смертности трудоспособного населения СФО выше уровня РФ:

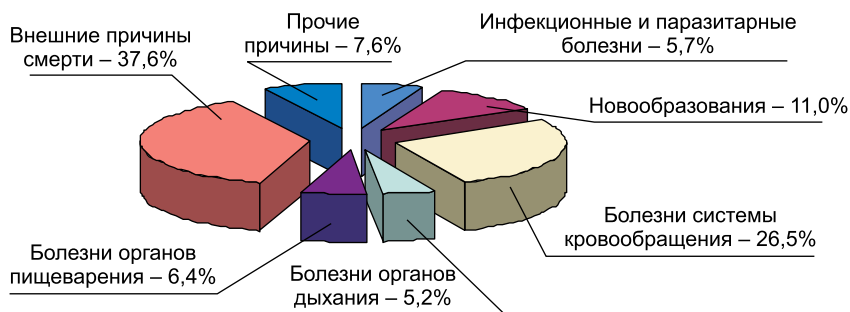

Рис. 3. Структура смертности населения трудоспособного возраста по основным группам причин в СФО в 2006 г.

от инфекционных и паразитарных болезней – в 1,5 раза, от внешних причин – в 1,3 раза, от болезней органов дыхания – в 1,2 раза, от новообразований – на 7%, от болезней органов пищеварения – на 3%.

Значительной проблемой России и СФО является **сверхсмертность мужского населения**. По всем основным причинам мужская смертность в СФО превосходит женскую: от злокачественных новообразований – в 2 раза, от болезней сердечно-сосудистой системы и органов пищеварения – в 1,7 раза, от внешних причин, болезней органов дыхания, а также инфекционных и паразитарных заболеваний – почти в 4 раза. Особое внимание обращает на себя высокий уровень самоубийств и убийств среди мужского населения, а также смертность от отравлений алкоголем и всех видов несчастных случаев, связанных с транспортом. Мужчин-самоубийц в 5 раз, а мужчин, погибших насильственной смертью, в 3 раза больше, чем женщин. Высокие показатели смертности от внешних причин обусловлены употреблением алкогольных напитков, так как, например, доля связанных с алкоголем убийств составляет около 60% всех убийств.

Среди всех умерших мужчин в России и в СФО в последние годы мужчины трудоспособного возраста (15–59 лет) составляют более 80%. Коэффициенты смертности мужчин в этой группе населения в отдельные годы в 3–4 раза превосходят аналогичные показатели у женщин. Возрастные коэффициенты смертности у мужчин трудоспособного возраста также увеличиваются, особенно резко с 35 лет. Но особую проблему представляет сверхвысокая смертность наиболее экономически эффективной части населения – мужчин в возрасте 19–39 лет, прежде всего от алкоголизма, наркомании, токсикомании, несчастных случаев, травм, убийств и суицидов.

Высокий уровень смертности привел к **интенсивному сокращению показателей ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ)**. Особенно резкое их падение произошло при переходе от 1992 г. к 1994 г. (рис. 4). Только за период 1990–1994 гг. ОПЖ сократилась в округе на 6,3 года, и в последние годы она более чем на 3 года отставала от уровня ОПЖ в 1990 г. По состоянию на 2007 г. показатели ОПЖ в России, и Сибири в том числе, при росте начиная с 2006 г. еще весьма далеки от своего не очень высокого дореформенного уровня. В 2007 г. ожидаемая

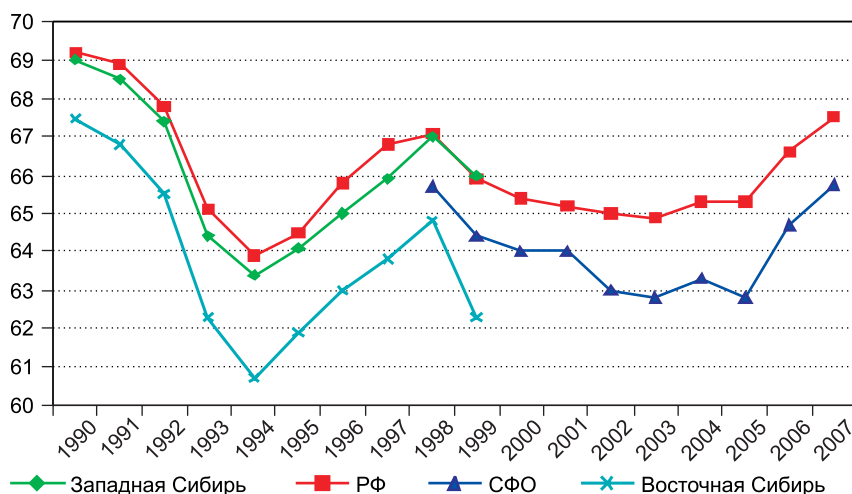

Рис. 4. Динамика показателя ожидаемой продолжительности жизни населения России и Сибири, 1990–2006 гг., лет

Примечание: из-за отсутствия данных по ОПЖ отдельно для Западной и Восточной Сибири с 2000 г. приводятся данные по Сибирскому федеральному округу

продолжительность жизни в СФО была на 2 года меньше, чем в среднем по России. Продолжает сохраняться сформировавшийся значительный разрыв в уровне ОПЖ у мужчин и женщин СФО. Мужчины в среднем живут на 13 лет меньше женщин, их ОПЖ пока не достигла даже пенсионного возраста и, по данным за 2007 г., составила 59,6 года.

Сокращение продолжительности жизни в России в 1990-е и 2000-е годы происходило на фоне роста аналогичных показателей в экономически развитых странах. В 1992–1993 гг. в США величина показателя ОПЖ для мужчин была равна 72,2 года, для женщин – 79,2 года, в большинстве других развитых стран – в границах 72–75 лет и 79–81 года, а в Японии – 76,5 и 83,1 года для мужчин и женщин соответственно. В последующие годы эти показатели продолжали расти, и к 2003 г. ОПЖ в США составляла 74,8 года для мужчин и 80,1 – для женщин, в Японии к 2005 г. – 78,5 года для мужчин и 85,5 – для женщин. В России ОПЖ в 2007 г. составляла 61,4 года для мужчин и 73,9 – для женщин.

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И ИНВАЛИДИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Первичная заболеваемость населения Сибирского федерального округа в 1999–2006 гг. выросла в среднем на 17,8% (в РФ – на 7,6%). Следует отметить существенный рост заболеваемости по следующим группам болезней: болезни системы кровообращения – на 84,4% (в РФ – на 64,2), болезни эндокринной системы – на 44,7 (в РФ – на 44,4), болезни мочеполовой сферы – на 39,1 (в РФ – на 34,3), болезни костно-мышечной системы – на 39,8 (в РФ – на 20,4), болезни крови – на 35,7 (в РФ – на 54,3), новообразования – на 34,2 (в РФ – на 20,7), болезни нервной системы – на 21,4 (в РФ – на 13,1), болезни кожи и подкожной клетчатки – на 19,3 (в РФ – на 17,3), болезни органов пищеварения – на 18,2% (в РФ – на 3,2%) (рис. 5). СФО занимает первое место среди других федеральных округов России по заболеваниям системы кровообращения, эндокринной системы, по болезням органов пищеварения, инфекционным болезням и болезням мочеполовой сферы, второе – по новообразованиям и бо-

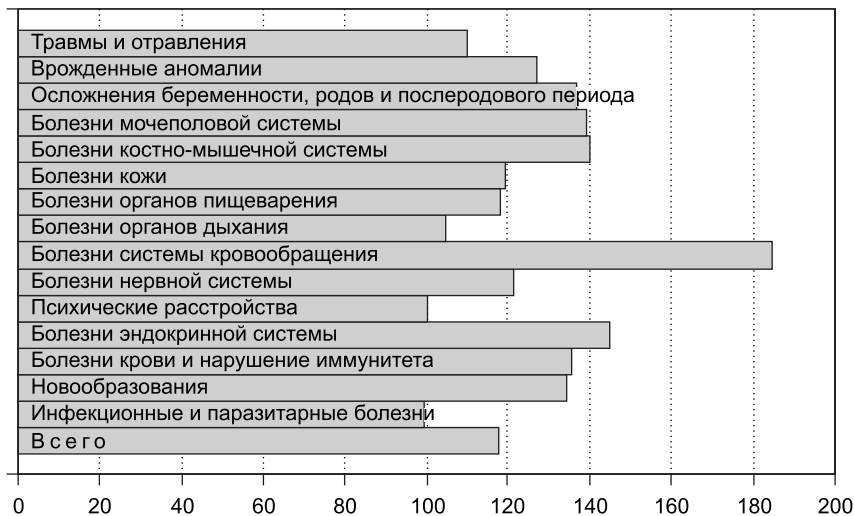

Рис. 5. Динамика заболеваемости населения СФО за 1999–2006 гг.: общее число заболевших с впервые установленным диагнозом в расчете на 1000 чел. населения в 2006 г., % к 1999 г.

лезням костно-мышечной системы, третье – по болезням крови, нервным, кожным заболеваниям, осложнениям беременности и родов, врожденным аномалиям, отравлениям и травмам.

В 2006 г. по отношению к 2000 г. в СФО сократилась заболеваемость по инфекционным болезням – на 0,7%, в том числе по острым вирусным гепатитам – в 4,4 раза, по острым кишечным инфекциям – на 11,2%. За резким ростом к 1998 г. заболеваемости сифилисом и гонореей после 2000 г. идет существенное ее снижение, хотя уровень заболеваемости данной группой болезней в 1,5 раза превосходит показатели 1995 г., а показатели СФО превышают среднероссийские в 1,3 раза. Вместе с тем заболеваемость дифтерией за период 2000–2006 гг. увеличилась в 3,2 раза, менингококковой инфекцией – на 18,7%, по болезням, вызванным вирусом иммунодефицита человека, она увеличилась на 12,7%, заболеваемость активным туберкулезом выросла на 4,1%.

Несмотря на сокращение за 2000–2006 гг. числа больных с впервые установленным диагнозом психического расстройства, связанного с употреблением алкоголя, и уменьшение числа состоящих на учете больных алкоголизмом и алкогольными психозами (рис. 6), эти по-

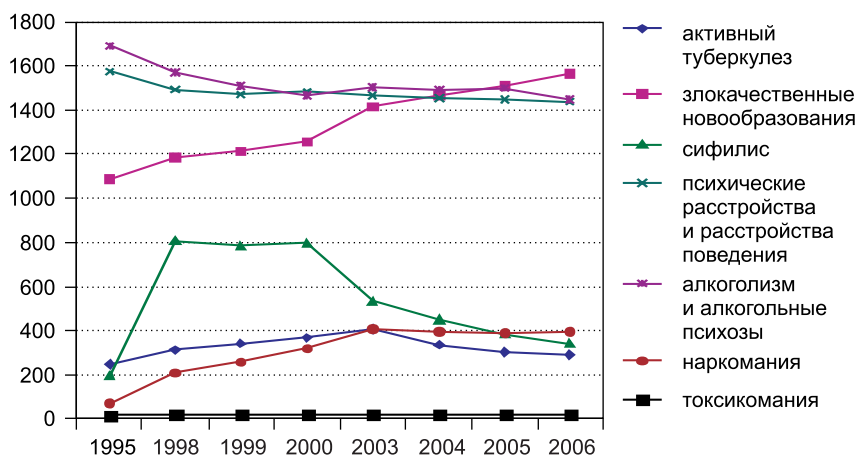

Рис. 6. Динамика численности состоящих на учете по заболеваемости некоторыми видами социально значимых болезней в СФО, чел. на 100 тыс. чел. населения

казатели в СФО выше средних по России на 7,2 и 3,1% соответственно. Дополняет этот класс заболеваний категория больных с наркологическими расстройствами. Численность таких больных, состоящих на учете, увеличилась на 13,7%. Следует отметить, что СФО значительно превосходит все другие округа по заболеваемости наркоманией, особенно высоки показатели в Кемеровской (531,5 чел. на 100 тыс. чел. населения) и Иркутской (525,9 чел. на 100 тыс. чел. населения) областях.

Численность больных наркоманией, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, на конец 2006 г. составила: по РФ – 234,4 чел. на 100 тыс. чел. населения, в Центральном федеральном округе – 147,0, в Северо-Западном – 157,8, в Южном – 254,4, в Приволжском – 217,9, в Уральском – 302,9, в Сибирском – 395,6, в Дальневосточном – 286,6 чел. на 100 тыс. чел. населения.

Уровень профессиональной заболеваемости на промышленных предприятиях в СФО примерно в 1,5–2 раза выше общероссийских показателей. Следует отметить, что сроки развития ряда профессиональных заболеваний в регионах с суровыми климатическими условиями примерно в 1,5 раза короче, чем в центральных районах России [1].

Неблагоприятная ситуация складывается с показателями, характеризующими *репродуктивное здоровье населения*. В 2004–2007 гг. в СФО было зарегистрировано 19–21% бесплодных браков [2]. Причем налицо тенденция увеличения этого показателя, что является серьезнейшей проблемой не только для демографической сферы, но пока не осознается в должной мере обществом.

Несмотря на уменьшение, продолжает оставаться большим число аборт, превышающее число рождений. Аборты не только весьма существенно снижают текущую рождаемость, но и ухудшают рождаемость в будущем через рост заболеваемости репродуктивной сферы, включая бесплодие и проблемы с вынашиванием и рождением детей в будущем, ослабляют здоровье будущих матерей и их новорожденных детей. Ежегодное число аборт в России до сих пор является одним из самых высоких в мире. Так, в 2006 г. в стране, только по официальной неполной статистике, было прервано 1587 тыс. беременностей (107 аборт на 100 родов), что превысило число рождений более чем на 100 тыс. В СФО этот показатель был еще выше и составлял

124 аборта на 100 родов. Даже на фоне этих высоких показателей особо выделяется Новосибирская область, которая в последние годы устойчиво держится в тройке «лидеров» по всем субъектам Федерации, а в 2002 и 2006 гг. (172 аборта на 100 родов) регион занимал первое место в стране. Если бы удалось сохранить хотя бы часть из этих беременностей, никакой депопуляции бы не было. Причем в первой половине 1990-х, когда раскручивался маховик депопуляции, ситуация с абортами была еще хуже: из трех беременностей сохранялась только одна, а общее число прерванных беременностей в России составляло в 1990 г. 4103,4 тыс. Это говорит о глубочайшем моральном кризисе общества. Аборты ежедневно уносят тысячи жизней, но общество не бьет по этому поводу тревогу.

В 1999–2006 гг. в СФО на 38% увеличилась заболеваемость, связанная с беременностью и родами (см. рис. 5), в основном за счет патологии, связанной с сахарным диабетом. Показатели заболеваемости беременных женщин в СФО превосходят средние по России: по болезням системы кровообращения – на 20,7%, по болезням мочеполовой сферы – на 18,7, по нарушениям родовой деятельности – на 13,5%.

Младенческая смертность является одним из немногих показателей, демонстрирующих устойчивую положительную тенденцию к снижению. В то же время число детей, родившихся больными или заболевших, увеличилось за период 2000–2006 гг. на 23,6%, в том числе с врожденной пневмонией – в 2,1 раза, с инфекцией кожи – в 1,8 раза, с врожденными аномалиями – на 37%, с осложнениями в перинатальном периоде – в 1,35 раза.

Общая детская заболеваемость в СФО выросла за период 1999–2006 гг. на 37,6%, а подростковая – на 41,5%, что превышает показатели роста средней заболеваемости всего населения в 2 и 2,4 раза соответственно. Среди детей в возрасте 0–14 лет наблюдается существенный рост заболеваемости по таким группам болезней, как новообразования – на 80% (в РФ – на 63,6%), болезни костно-мышечной системы – на 57,1 (в РФ – на 40,1), болезни мочеполовой системы – на 54,9 (в РФ – на 55,1), болезни крови – на 50,8 (в РФ – на 81,6), болезни кожи – на 41 (в РФ – на 38,6), болезни органов дыхания – на 39,4 (в РФ – на 27,8), болезни органов пищеварения – на 36,9 (в РФ – на

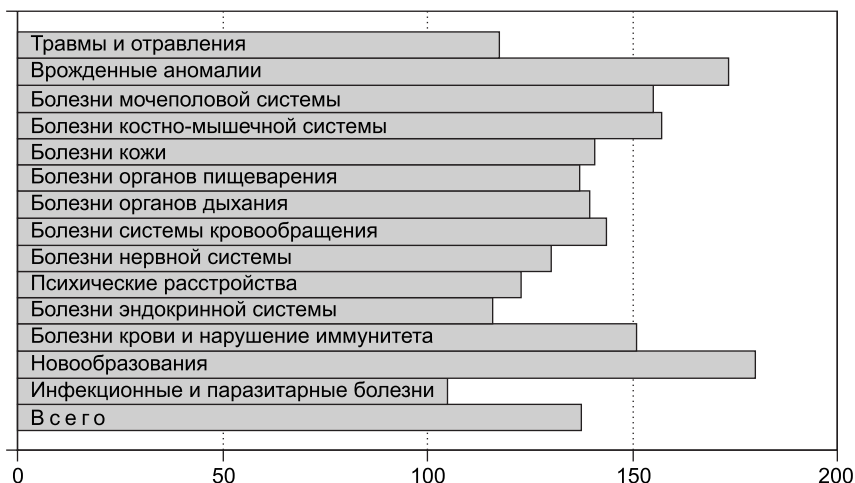

Рис. 7. Динамика детской заболеваемости населения СФО в 1999–2006 гг.: общее число заболевших с впервые установленным диагнозом в расчете на 1000 детей в возрасте 0–14 лет в 2006 г., % к 1999 г.

31,4), болезни нервной системы – на 30,5 (в РФ – на 27,2), психические расстройства – на 23,2 (в РФ – сокращение на 22,7), болезни эндокринной системы – на 16% (в РФ – на 29,9%) (рис. 7). Нарастают такие дефекты здоровья, как нарушение осанки (страдает более 60% детей), понижение остроты зрения (страдает около 30% детей) и др.

При этом с увеличением возраста уменьшается удельный вес детей с первой группой здоровья (без патологических отклонений в состоянии здоровья) с 45–48% (в возрасте трех лет) до примерно 30% (в подростковом возрасте).

Среди подростков округа уровень заболеваемости существенно вырос за рассматриваемый период практически по всем основным группам болезней: по болезням крови – на 85,7% (в РФ – на 79,1%), по болезням системы кровообращения – на 83,1 (в РФ – на 77,5), по болезням костно-мышечной системы – на 65,8% (в РФ – на 55,4%). Более чем на 40% увеличилась заболеваемость по новообразованиям, болезням нервной системы, органов дыхания и пищеварения, мочеполовой

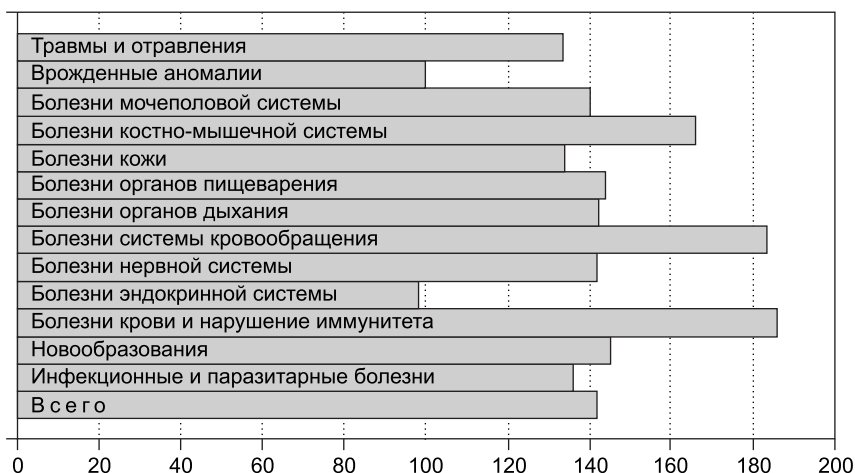

Рис. 8. Динамика заболеваемости подростков СФО в 1999–2006 гг.: общее число заболевших с впервые установленным диагнозом в расчете на 1000 детей в возрасте 15–17 лет в 2006 г., % к 1999 г.

системы. Свыше 30% составил рост заболеваемости по инфекционным болезням, а также травмам, отравлениям и т.д. (рис. 8).

Дополняет объем потерь здоровья жителей СФО **инвалидизация населения**. В категорию инвалидов ежегодно попадает более 100 чел. из каждых 10 тыс. чел. взрослого населения. Причем в 73,5% случаев это инвалиды I и II групп. Среди детей уровень инвалидизации составляет 27–29 чел. на каждые 10 тыс. чел. детского населения. В настоящее время в округе 8,2% всего населения являются инвалидами (в РФ – 9,1%), в то время как в 1999 г. их было 5,2% (в РФ – 7%), т.е. темпы инвалидизации в СФО выше среднероссийских. Доля инвалидов в возрастной группе 0–17 лет в 2000–2006 гг. выросла с 1,8 до 2,1%. Основными причинами, по которым дети становятся инвалидами, являются травмы и отравления (26,7%), врожденные аномалии (16,6%), болезни нервной системы (12,1%) и психические расстройства (8,8%). У взрослого населения инвалидизация определяется болезнями системы кровообращения (43,7%), новообразованиями (13,1%), а также болезнями костно-мышечной системы (9,6%), травмами и отравлениями (6,3%).

ИЗМЕРИТЕЛИ РИСКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Индикаторы состояния здоровья – функциональные характеристики отдельных сторон процесса заболеваемости и смертности населения, отражающие состояние здоровья (заболеваемости) населения по отдельным заболеваниям или группам заболеваний (см. таблицу). Каждому индикатору соответствует шкала допустимых значений его изменения, при этом важно знать ориентировочные значения, к которым необходимо стремиться на первом этапе для нейтрализации или

Показатели здоровья населения СФО в 2007 г.

Показатель	Величина показателя	Ориентировочные значения
<i>Здоровье детей и подростков</i>		
Доля новорожденных с низкой массой тела (менее 2500 г), %	5,3	Менее 3,0
Удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей (0–14 лет), %	12,0–15,0	80,0
Доля детей первого года жизни с врожденными аномалиями, чел. на 1000 детей, достигших возраста 1 года	66,9	26,0 – данные по РФ докризисного периода (1990 г.)
Детская и подростковая инвалидность, чел. на 100 чел. нас. соотв. возраста	2,13	0,4
Заболеваемость подростков алкоголизмом, зарегистрир. больных с впервые установлен. диагнозом на 100 тыс. чел. нас. соотв. возраста	17,0	0,0
<i>Репродуктивное здоровье</i>		
Распространенность бесплодия среди семей, %	19,0–21,0	2,0
Число абортот, на 100 родов	105,0	В 10 раз превышает уровень развитых стран

Окончание таблицы

Показатель	Величина показателя	Ориентировочные значения
Младенческая смертность, число умерших в возрасте до 1 года детей на 1000 родившихся живыми	10,5	В 1,5–2,0 раза превышает уровень развитых стран
Осложнения беременности, родов и послеродового периода, на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	71,8	38,9 – данные по РФ в 1995 г.
<i>Здоровье всего населения</i>		
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	65,7 – все население, 59,6 – мужчины, 72,3 – женщины	70,0 – все население, 65,0 – мужчины, 75,0 – женщины (данные по РФ в 1987 г.)
Заболеваемость населения болезнями системы кровообращения, зарегистрир. больных с впервые установлен. диагнозом на 1000 чел. населения	31,9	13,3 – данные по РФ в 1995 г., 9,9 – данные по СЗФО в 1995 г.
Заболеваемость населения, связанная с несчастными случаями, отравлениями и травмами, зарегистрир. больных с впервые установлен. диагнозом на 1000 чел. населения	90,1	88,0 – данные по РФ в 1995 г., 72,0 – данные по ЮФО в 1995 г.
Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста, число умерших на 1000 чел. соотв. пола и возраста	7,8 – все население, 12,0 – мужчины, 3,5 – женщины	3,8 – все население, 5,5 – мужчины, 2,3 – женщины (данные по РФ в 1960 г.)
Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста от внешних причин, число умерших на 1000 чел. нас. соотв. пола и возраста	2,9 – все население, 4,7 – мужчины, 1,1 – женщины	1,7 – все население, 2,8 – мужчины, 0,5 – женщины (данные по РФ в 1990 г.)
Распространенность среди населения алкоголизма, число больных, состоящих на учете в ЛПУ, на 100 тыс. чел. населения	1448,4	За 1992–2002 гг. в РФ алкоголизация населения возросла в 1,6 раза
Инвалидизация населения, на 100 чел. населения	8,2	5,3–5,5 – данные по СФО в 1999 г., 2,6 – данные по РФ в 1990 г.

хотя бы смягчения негативных факторов в формировании здоровья населения. Информационную основу, с помощью которой рассчитываются рассматриваемые индикаторы, составляют региональные данные статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики.

Разработанные индикаторы позволяют осуществлять диагностику состояния здоровья населения СФО на данный период и в будущем и могут рассматриваться в качестве ориентиров для разработки и реализации региональной политики в сфере здравоохранения и демографии.

* * *

В России сформировались долговременные негативные тенденции ухудшения здоровья населения и качественных сторон его воспроизводства, что свидетельствует о снижении качественных характеристик человеческого потенциала страны. Более явно эти тенденции проявляются в Сибирском федеральном округе.

Детская заболеваемость в России за относительно благополучный 2008 г. выросла по сравнению с предыдущим годом еще на 5%, по-прежнему высока детская инвалидность. Полностью здоров лишь каждый десятый ребенок, а около 40% детей отстают в половом развитии, что влечет за собой проблемы с репродуктивной функцией будущих поколений. Практически все юноши призывного возраста страдают хроническими заболеваниями, примерно треть – дистрофией, 33% молодых людей употребляют алкоголь и наркотики [3]. Такие данные были озвучены на прошедшем в феврале 2009 г. в Москве общенациональном форуме «Здоровье детей – основа здоровья нации».

Особенно опасными следует признать тенденции к нарастанию женского и мужского бесплодия, невынашивания беременности, аномалий развития и нарастания задержек развития плода, ранних нарушений в работе иммунной и эндокринной систем, нервно-психической сферы и др.

По мнению многих специалистов, огромную роль в формировании демографического кризиса в России и нездоровья населения игра-

ют триада: алкоголь, табак, наркотики. Этими факторами объясняются низкая ожидаемая продолжительность жизни, огромный разрыв в смертности мужчин и женщин, а также высокая смертность мужчин трудоспособного возраста. Они влияют не только на смертность, но и на уровень рождаемости, а также на здоровье населения, в том числе и будущих поколений, способствуют разрушению семей и появлению большого числа социальных сирот и безнадзорных детей, снижению интеллектуального, творческого и трудового потенциала, высокому уровню преступности, сокращению контингента для набора в силовые структуры и т.д. Таким образом, по целому ряду направлений подрываются основы национальной безопасности.

К другим факторам, ухудшающим здоровье россиян и так или иначе негативно влияющим на демографическую ситуацию, следует отнести продолжающееся загрязнение окружающей среды, плохие условия проживания и труда, перегрузку негативной информацией и постоянное нервное напряжение, некачественное питание, ограниченную физическую подвижность, беспорядочные половые связи, высокий уровень аборт и т.д.

Для восстановления и укрепления здоровья населения необходимы создание и поддержание здоровой окружающей физической и психологической среды жизнедеятельности населения, утверждение здорового образа жизни в качестве общепринятой нормы существования, доступная, эффективная и безопасная система здравоохранения.

Литература

1. [http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2002/VSF_NEW200802161415/ VSF_NEW200802161415_p_004.htm](http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2002/VSF_NEW200802161415/VSF_NEW200802161415_p_004.htm) (дата обращения 08.06.2009).
2. <http://www.kolesnikov-science.ru/okrug/konf-2007-05-28.html> (дата обращения 08.07.2009).
3. <http://www.kolesnikov-science.ru/publications/gazeta-2009-02-16.html> (дата обращения 08.07.2009).

© Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В., 2010

Регион: экономика и социология, 2010, № 2, с. 242–261

АНТИКРИЗИСНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

С.Б. Байзаков

Институт экономических исследований (Астана, Республика Казахстан)

Аннотация

Дан анализ действующих моделей управления экономикой, а именно, постановки задач управления, инструментов проведения аналитических работ и оценки соответствия результатов исследования целевым установкам развития реального сектора экономики. В качестве основного инструмента использовалась модель общего равновесия, в которой определяются уровни производства, занятости, доходов и цен. Предложено применение принципа двойственности Канторовича – Купманса для определения оптимального использования ограниченных производственных ресурсов.

Ключевые слова: экономика, управление, теория общего равновесия, модель монетаризма, подходы типа кейнсианского

Abstract

The paper considers the existing management models, i.e. what management tasks are set up, what instruments are used to perform analytical works, and how to assess whether results of analytical works comply with development goals of the real economy. Key instrument of our study is a general equilibrium model which defines the output levels, employment, incomes, and prices. We suggest the Kantorovich-Koopmans's duality principle to be used to find the solution of optimal use of limited production resources.

Keywords: economy, management, theory of general equilibrium, monetarist model, Keynesian approaches

Приступая к выяснению причин сложившихся тенденций развития экономики страны, на наш взгляд, следует разобраться в трех ключевых вопросах: правильно ли поставлена задача анализа современной ситуации в экономике? действительно ли выбраны нужные инструменты аналитической работы для выявления причинно-следственных связей между факторами и результатами развития? отвечают ли полученные результаты проведенной работы выбранным критериям объективности и заданным целевым параметрам развития?

До 2008 г. экономика стран СНГ характеризовалась достаточно быстрыми темпами роста, но глобальный финансово-экономический кризис приостановил ее поступательное движение. Для того чтобы справиться с подобной неустойчивой тенденцией в развитии экономики, необходимо надлежащим образом ответить на приведенные выше ключевые вопросы. Дело в том, что странам СНГ не в полной мере подходят современные инструменты разработки экономической политики, применяемые в развитых странах, которым присущи эволюционные, устойчивые и относительно невысокие темпы экономического роста. По мере усиления внешнеэкономических связей между государствами, с одной стороны, и развития межотраслевых отношений и усложнения корпоративных связей внутри страны – с другой, будет расти потребность в совершенствовании технологии государственного управления экономическим развитием. Кроме того, механизмы регулирования, прогнозирования и анализа рыночной экономики должны соответствовать сегодняшнему уровню научно-технического и технико-технологического прогресса.

Потребность государства в высоких технологиях принятия управленческих решений справедливо соотносить с потребностями в этих технологиях со стороны самой реальной экономики. Опираясь на утверждение Б.Е. Большакова, что «знание приобретает статус научного в том и только в том случае, если оно выражено в измеримых величинах» [1, с. 17], можно сказать, что научное управление экономикой – это умение соизмерять экономические величины. Отсюда следует, что, во-первых, управляемая экономика – это измеримая экономика. Во-вторых, стремление человека к совершенствованию жизненных условий и развитию технологии своей деятельности служит

естественным побудительным мотивом любого научного открытия, а значит, и всего научно-технического прогресса в производстве и управлении. В-третьих, в управлении экономикой научно-технический прогресс выступает особой движущей силой, обеспечивающей экономию материальных, трудовых или капитальных затрат на единицу выпускаемой товарной массы и оказываемых услуг. Правильное соизмерение фактических затрат и результатов экономической деятельности является исходным пунктом в искусстве управлять и предпринятием, и государством.

На современном этапе прогнозирование экономического развития любой страны, разработка планов оперативных действий и принятие управленческих решений перестали быть разовыми актами, а становятся компонентами единого технологического процесса управления. Архитектура такой технологии управления должна соответствовать современному базису развития самой экономики. Именно в этом смысле надо понимать Й. Шумпетера, когда он говорит о задаче экономического развития: «Эта задача, очевидно, требует использования логики, математики, и... экономической науки, колыбели всех понятий» [2, с. 852]. На наш взгляд, в ближайшем будущем конкурентоспособными окажутся те страны, которые владеют высокой технологией государственного управления, а не те, которые делают акцент на разработке высоких технологий производства отдельных товаров и услуг, надеясь на рыночные механизмы регулирования. Именно в данной области страны СНГ обладают рядом сравнительных преимуществ, которыми следует своевременно воспользоваться, объединив усилия ученых и специалистов.

В настоящей статье обосновывается задача создания системных инструментов анализа и выбора управленческих решений, адекватных задачам устойчивого развития стран СНГ. Эти инструменты должны отвечать современному уровню прогресса и иметь право называться «кирпичиками» высоких технологий управления в общей системе поддержки инициатив стран СНГ относительно развития новых методов анализа, оперативного мониторинга и прогнозирования, т.е. развития интеллектуальной технологии управления экономикой. В научно-исследовательских институтах России и Казахстана имеются определен-

ные наработки в этой области, которые уже находят практическое применение. Так, в Институте экономических исследований с 2004 г. по заданию Министерства экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан проводится работа по созданию методов и инструментов системного экономического анализа, предназначенных для внедрения в информационно-аналитических системах планирования и управления экономикой страны. В России подобного рода работы ведутся в институтах РАН: Институте народно-хозяйственного прогнозирования, Институте экономики, ЦЭМИ, ИЭОПП СО РАН и др. Появление таких разработок в России и Казахстане – закономерный процесс. Наши страны обладают достаточным потенциалом для развития интеллектуальных информационных систем прогнозирования и планирования, а также оперативного мониторинга, обеспечивающих принятие обоснованных планово-прогнозных и текущих управленческих решений.

В целом предлагаемый ниже проект позволит по-новому поставить задачу экономического управления и дать оценку отдельным инструментам ее решения, проверить их эффективность по заданным критериям жизнеспособности. Что касается постановки задачи, то проект имеет целью определить конструкцию новой технологии управления, с помощью которой можно не только создать условия для устойчивого развития реальной экономики, но и регулировать ее развитие согласно законам рыночных отношений.

Правительствами России и Казахстана уже проводится определенная работа по внедрению высокотехнологичных информационно-аналитических систем экономического управления. Так, правительство Казахстана в 2007 г. разработало концепцию планирования, ориентированную на результат, которая принята в качестве основы настоящего проекта поддержки механизмов государственного управления.

Для простоты изложения понятийного и формализованного инструментариев настоящего проекта здесь приведены лишь простейшие математические модули. Эти модули, полученные путем приложения физических законов и прикладной теории общего равновесия к процессам анализа и прогнозирования экономики, позволили усилить содержательный аспект построения методов и инструментов системной поддержки государственного управления. Первая из них –

формула (А) построена аналогично первому закону Ньютона. Она позволяет провести оценку вклада в темпы экономического роста трех ключевых факторов развития:

- базового уровня развития ($S(0)$), например, – фактический уровень ВВП на душу населения в 2000 г., а $S(t)$ – его прогнозный уровень в 2010 г.);
- интенсивного развития ($2V(T)t$, где V – средняя скорость изменения ВВП на душу населения за промежуток времени T);
- инновационного развития ($a_1 t^2$, где a – ускорение изменения ВВП на душу населения за промежуток времени $t = T/2$).

Итоговая форма записи этой модули выглядит так:

$$S(t) = S(0) + 2V(T)t + a(t)t^2, \quad (A)$$

где $t = T/2$.

Скорость и ускорение изменения любого экономического показателя оцениваются через изменения этих простейших компонентов формулы (А). И именно взаимное сравнение скорости и ускорения изменения разных экономических показателей по формуле (А) позволяет определить, насколько устойчиво развивается экономика за любой промежуток времени. В этой формуле главный акцент делается на факторе времени.

Приведенная интерпретация динамики ВВП на душу населения по формуле (А) легко распространяется на динамические ряды других экономических показателей, особенно на динамические ряды системы национальных счетов. Формула (А) имеет большое практическое значение для анализа скоростей и ускорения изменения основных экономических показателей и для оценки сравнительных преимуществ в развитии отдельных стран мира. Она применима также в экономическом анализе сравнительных преимуществ в развитии предприятий, отраслей и регионов. Ее удобство для экономического анализа состоит в том, что в ней объединены динамика экономического показателя в абсолютном выражении, скорость и ускорение его движения. И она наглядно отражает динамику экономического показателя системно, указывает на характер изменения его траектории. Так, приняв за базу анализа совокупную факторную производительность $\phi(t)$, имеем

$$\varphi(t) = \varphi(0) + 2V(T)t + a(t)t^2, \quad (A1)$$

где $t = T/2$.

Отсюда легко определяется, какую долю от достигнутой совокупной факторной производительности составляет ее базовый уровень, какую долю – скорость движения и какую – ускорение. Нас здесь интересует содержательный аспект уравнения (A1). Оно связывает конечный результат производства $\varphi(t)$ с результатами сил воздействия на траекторию движения совокупной факторной производительности. И таким образом образуется законченная содержательная система, пригодная, например, для определения сравнительных преимуществ субъекта управления по базовому уровню, скорости движения и ускорения изучаемого индикатора экономики. Но эта формула не определяет, какие силы (факторы) воздействовали на скорость изменения и ускорили рост, скажем, совокупной факторной производительности.

Формула (B) позволяет определить силу воздействия основных факторов – затрат (энергии) труда и капитала на динамику движения, скажем, той же совокупной факторной производительности φ :

$$\varphi(t) = \gamma(t) \cdot q(t), \quad q = 1 + E \cdot h, \quad (B)$$

где γ – среднегодовое вознаграждение труда в расчете на одного работника; $E = r$ – среднегодовая норма эффективности (r – среднегодовая цена) основного капитала; h – вооруженность единицы фонда оплаты труда капиталом.

Нетрудно догадаться, что левая сторона уравнения (B) представляет тот же самый результат производства, что входит в уравнение (A1). Правая его сторона представляет затраты на получение этого результата, где $\gamma(t)$ – денежные затраты на использованный в производстве фактор труда, а $q(t)$ – производительность этого фактора, определенная воздействием сил основного капитала. Точнее сказать, она есть совокупная факторная производительность единицы оплаты труда.

Преимущество уравнения (B) состоит в том, что в нем совокупная факторная производительность как результат производства и сами затраты труда и капитала, использованные для получения этого результата, определяются в одних и тех же единицах измерения. Ясно, что оно точнее выражает истинную совокупную факторную производи-

тельность, чем уравнение (A1), определенное, скажем, в расчете на один час рабочего времени.

Применение формулы (B) в системном анализе экономики позволяет интегрировать цену труда с уровнем его капиталовооруженности в расчете на единицу его оплаты как объединенную силу основных факторов производства.

В целом формула (A) определяет скорость и ускорение (положительным или отрицательным знаком) изменения совокупной факторной производительности без указания его источника. Формула (B) указывает на ту силу, которая служила источником определения вклада каждого фактора – труда и капитала в скорость и ускорение изменения совокупной факторной производительности. Тем самым устанавливается функциональная связь между производительными силами основных факторов экономического роста γ и q и конечными результатами производства ϕ .

Разумеется, динамика движения индикатора q – совокупной факторной производительности оплаты труда и уровня его вооруженности основным капиталом зависит от динамики движения среднегодовой оплаты труда γ , точно так же как динамика движения совокупной факторной производительности труда и капитала ϕ зависит от динамики движения численности занятых людей в экономике L . Разница между ними состоит в том, что совокупная факторная производительность труда и капитала ϕ измеряет продуктивность работы одного работника, а индикатор q – эффективность человеческого капитала, труд которого уже оплачен предпринимателем. То есть этот индикатор выражает отдачу человеческого капитала. Здесь следует выделить один экономически содержательный момент. В первом случае речь идет о размерной величине и имеется в виду производительность физического труда, например ВВП на одного работника, измеряемый, скажем, в тенге за один час его работы. Во втором случае речь идет о безразмерной величине, об отдаче интегрированной в денежном выражении производительной силы человеческого и финансового капитала, т.е. о среднегодовой норме эффективности оплаты труда.

Поскольку индикатор $q = 1 + E \cdot h$, постольку продуктивность человеческого капитала определяется в зависимости от динамики изме-

нения индикатора h – вооруженности человеческого капитала основным капиталом и динамики изменения индикатора E – эффективности основного капитала. В свою очередь, динамика изменения вооруженности человеческого капитала основным капиталом может привести к изменениям коэффициента E – эффективности основного капитала. В случае роста этого коэффициента под влиянием новых вложений в экономику можно говорить об **инновационном** развитии. В противном случае новые инвестиции возмещают снижение уровня этого коэффициента или при $E = \text{const}$ выражают **интенсивное** развитие экономики. Отсюда становится ясным, что назрела объективная необходимость развития инструментов экономического анализа и оценки уровня интеграции затрат труда и капитала. Одним из таких инструментов может служить метод соизмерения их интегральных затрат наряду с показателями совокупной факторной производительности труда и капитала ($\varphi = \gamma + Ef$, где f – капиталовооруженность труда) и с показателями совокупной факторной производительности человеческого капитала и его вооруженности основным капиталом ($q = 1 + E \cdot h$).

Принцип сбалансированности системы макроэкономических индикаторов, условия общего равновесия непосредственно соотнобразуются с содержанием третьей формулы – (С), определенной путем приложения третьего закона Ньютона к области прикладных инструментов экономики. Как известно, третий закон Ньютона гласит: действию всегда соответствует равное и противоположно направленное противодействие. Это значит, что силы, с которыми два тела действуют друг на друга, всегда равны по модулям и направлены в противоположные стороны:

$$F_{1,2}(t) = -F_{2,1}(t). \quad (\text{С})$$

С помощью формулы (С) раскрывается экономическое содержание одного из источников роста ВВП (в Марксовом обозначении – $V + M$) – ресурсосбережение, экономия материальных ресурсов вообще, и в частности промежуточного потребления C , под влиянием капитальных вложений в экономику, так как их сумма $(C + V + M)$ в относительном выражении равна единице. Так, относительная экономия материальных ресурсов равна по модулю приросту ВВП $\Delta(V + M)$: $-\Delta C = \Delta(V + M)$.

В данном случае уравнение (С) просто объясняет, что полученный прирост ВВП по производству есть результат взаимодействия двух сил (форм материи): производительных сил труда и основного капитала, с одной стороны, и материальных ресурсов, привлеченных в процессы производства, – с другой. То есть уравнение (С) помогает экономистам понять, что в процессе перехода энергии из одного тела (материальных ресурсов) в другое тело (товарные ресурсы) получена относительная экономия первичных материальных ресурсов.

Известно, что относительная экономия в материальных затратах в расчете на единицу товарной продукции ($C + V + M$) является важнейшим ресурсосберегающим источником роста ВВП. Важность этого источника экономического роста определяется тем, что в его основе лежат фактор научно-технологического прогресса и диверсификация экономики с целью совершенствования ее структуры. Конечным результатом этого пути развития, при прочих одинаковых условиях, является снижение издержек производства в текущем периоде против их уровня в базовом году.

На необходимость системного анализа элементов материальных затрат и учета экономии ресурсов промежуточного потребления указывал и М. Портер: «Движение к развитой экономике требует развития сильной местной конкуренции. Соперничество должно идти по пути смещения акцента с низкой заработной платы к низким общим издержкам, что требует совершенствования эффективности производства и предоставления услуг» [3, с. 220]. Именно Портер ввел в экономический оборот понятие производительности ресурсов, обратное выражение которой определяет экономию материальных, прежде всего природных, ресурсов. Обозначив через μ производительность ресурсов, имеем: $c = (\mu / (1 + \mu))$, где c – доля ($V + M$) в структуре товарной продукции ($C + V + M$). Назовем ее коэффициентом технологического совершенства сферы производства. В свою очередь, совокупная факторная производительность f_v в текущих ценах является функцией, зависимой от уровня технологического совершенства производства: $r_p f = c\psi$, где p – индекс цен; ψ – производительность труда по товарной продукции.

По М. Портеру, рост совокупной факторной производительности является единственно разумной концепцией конкурентоспособности на национальном уровне. «Возможность реализации этой цели зависит от производительности, которая достигается в использовании трудовых ресурсов и капитала» [3, с. 168]. Далее Портер выдвигает свой основной тезис: «В идеальном варианте ограниченные человеческие и другие ресурсы конкретной нации следует распределять таким образом, чтобы использовать их с максимальной производительностью» [3, с. 169]. Портер прав: максимальные темпы роста совокупной факторной производительности достигаются оптимальным распределением ограниченных ресурсов труда, капитала и природных ресурсов. Этим путем обеспечивается относительная экономия суммарных затрат производственных ресурсов в расчете на единицу рыночной цены проданного товара.

Другим путем, обеспечивающим относительную экономию материальных ресурсов, является рост текущих цен отечественных товаров и услуг на внутренних и внешних рынках против цен базового года. Источниками их роста могут быть объективные и субъективные факторы. Так, рост рыночных цен на экспортные позиции Казахстана или рост цен на отдельные товары внутреннего производства против платежеспособного спроса происходят под влиянием этих факторов.

Если исключить возможную относительную экономию материальных ресурсов, достигаемую разницей в обменных курсах валют в процессе товарообмена между странами, то третьего пути обеспечения экономии материальных ресурсов в расчете на единицу цены товарной продукции нет.

Уравнение (С) также показывает, что в условиях равновесия ВВП по производству равен ВВП по конечному использованию с обратным знаком. То есть формула (С) есть другое выражение равенства совокупного предложения (ВВП по производству) с совокупным спросом ($C + G + I + (X - M)$). Разумеется, они уравновесятся с помощью цен равновесия.

Система национальных счетов, которая ныне входит в ежегодную статистическую отчетность по развитию экономик стран СНГ, построена на принципах общего равновесия. В ней ВВП по доходам,

ВВП по производству и ВВП по конечному использованию уравниваются между собой через индексы цен равновесия.

Практическая значимость составления системы национальных счетов для решения задач экономического управления объясняется тем, что классическая теория функционирования рыночной экономики основана на общем равновесии уровней производства, занятости, доходов и цен на трех взаимосвязанных рынках: рынке труда и невозпроизводимых природных ресурсов, рынке товаров и услуг, рынке денежного и финансового капиталов. Схема общего равновесия (см. работу К. Макконнелла и С. Брю [4]) названа ее авторами «ключевым графиком». Левая часть этой схемы имитирует начало кругооборота товарных потоков. С ее помощью определяется совокупное предложение товаров и услуг. В правой части моделируется начало кругооборота денежных и финансовых потоков, и с ее помощью определяется совокупный спрос на товары и услуги. Посередине между этими двумя частями схемы авторы работы [4] изобразили процесс согласования совокупного предложения и совокупного спроса.

В «ключевом графике» в явной форме отсутствует обратный обменный процесс. Для определения содержательной постановки задач общего равновесия и для дальнейшей работы с «ключевым графиком» нами составлена схема, детально показывающая взаимодействие рынков. Преимущество этой схемы состоит в том, что решение поставленной К. Макконнеллом и С. Брю [4] задачи будет иметь практическую значимость и для экономического анализа, и для управления частными индикаторами рынка труда, рынка капитала и цен товарных рынков с позиции адекватной реализации теории общего равновесия. И потому ключевым графиком, отражающим теорию общего равновесия между рынками труда, капитала и товарными рынками, на наш взгляд, должна стать схема, представленная на рис. 1.

Как видно на рис. 1, условно левую часть схемы Макконнелла и Брю можно обозначить как имитатор работы частного сектора, а ее правую часть – как имитатор работы остальных секторов экономики. Между этими секторами находятся рыночные «условия общего равновесия» уровней спроса и предложения на рынках товаров и услуг, труда и капитала, которые выражаются соответствующими индикато-

Рис. 1. Уточненная схема общего равновесия

рами производства, занятости, доходов и индексами цен. И потому постановку задачи Макконнелла и Брю необходимо сформулировать так: требуется обеспечить сбалансированность трех крупных экономических рынков: труда, капитала и товаров. При этом сбалансированность должна быть обеспечена по всем видам товаров и услуг, трудовых и капитальных ресурсов.

Если данная схема общего равновесия между рынками труда, капитала и товарными рынками правильно отражает общепринятую классическую теорию занятости, формирования доходов субъектов рынка и рыночных цен на товары и услуги, то прав А. Рубинштейн: «экономика в большей степени столкнулась с “ошибками рынка”, нежели с “ошибками государства”, и кризис лишь обнажил накопившиеся противоречия между мейнстримовскими представлениями о модели капитализма и реальной экономической жизнью» [5, с. 7]. Принципиальная важность постановки А. Рубинштейном вопроса о причинах кризиса состоит в том, что встречаются не только суждения отдельных ученых, а имеются также учебники по экономике, в которых дается постановка частных задач развития рыночной экономики без учета теории общего равновесия. Между тем однобокая постановка частных задач взаимодействия «рынков» приводит к неожиданным экономическим потрясениям, таким как нынешний финансово-экономический кризис.

За последние годы в экономической науке заметен отход от классической теории общего равновесия: появились суррогатные теории равновесного типа, модели обобщающих композитных индексов, построенных на основе частных индексов. Множатся рейтинговые оценки, заменяющие экономические индикаторы их суррогатами в форме

системы оценочных показателей, выраженных в баллах, в том числе определенных субъективным (опросным) путем.

На фоне этих разнонаправленных моделей равновесия нельзя не согласиться с Е.В. Балацким, который считает целесообразным вернуться к истокам классической теории общего равновесия [6]. Изучив общепризнанный закон Вальраса в идеальной форме, Е.В. Балацкий пришел к заключению, что в моделях общего равновесия необходимо учитывать баланс по всей номенклатуре товаров и услуг, по всем источникам экономических ресурсов и доходов. Немаловажен и его вывод о том, что игнорирование теоретических схем экономики является серьезным упущением со стороны представителей высших эшелонов власти.

С учетом вышеизложенного можно утверждать, что требуются новые подходы и новые прикладные инструменты для построения концептуальной модели общего равновесия. Это будет способствовать эффективному управлению экономикой и даст возможность не допустить в будущем масштабные финансово-экономические кризисы.

О практической значимости проектирования уровней производства, занятости, доходов и цен в «ключевом графике», разработки адекватной реальности модели общего равновесия на основе истинной меры стоимости и мировых валют свидетельствует динамика ВВП на душу населения в США, показанная в таблице.

Как видно из таблицы, в период действия золотого стандарта (до 1944 г.) в течение 112 лет уровень ВВП на душу населения в США в текущих ценах вырос приблизительно со 100 до 1600 долл. с ежегодным приростом в пределах примерно 15 долл. В период действия золотого

Динамика ВВП на душу населения в США за 1836–2008 гг., долл. США *

Период	ВВП		Среднегодовой прирост ВВП	
	в текущих ценах	в ценах 2005 г.	в текущих ценах	в ценах 2005 г.
1836–1945	95–1594	1897–14382	13,8	114,5
1945–1976	1594–8366	14382–23575	218,5	296,5
1976–2008	8366–47427	23575–43714	1220,7	629,3

* Составлено по данным [7].

эталона Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы этот показатель возрос приблизительно с 1600 до 8400 долл., т.е. в 5,5 раза, увеличиваясь примерно на 220 долл. в год. А после введения долларowego эквивалента Ямайской системы душевой ВВП увеличился почти в 47 раз против его базового уровня, ежегодный прирост за 1976–2008 гг. составлял более 1200 долл. в год.

Как показывает динамика тех же показателей в ценах 2005 г., в большей своей части эти скорости приращений душевого ВВП в США обусловлены, на наш взгляд, недостатками постановки задачи общего равновесия, допущенными при построении моделей Кейнса и Фридмена, так как с помощью этих моделей регулировались темпы экономического роста в странах мира и оценивалась устойчивость их экономического развития. То есть односторонность моделей типа монетаризма или подходов типа подхода Кейнса связана с неадекватной постановкой задач экономического управления без учета теории общего равновесия [8]. Тем не менее для построения концептуальной модели общего равновесия можно использовать подходы типа кейнсианского и фридменовского как базовые принципы.

Преимущества моделей типа моделей Кейнса состоят в определении функциональной взаимосвязи между совокупными расходами и реальным ВВП *при постоянном уровне цен*. Кейнсианская теория делает упор на совокупных расходах, и главным рыночным регулятором в ней выступает инвестиция *I*. Следовательно, кейнсианская теория может быть использована как принцип для имитации работы левой части схемы Макконнелла – Брю.

В моделях типа монетаризма главный акцент делается на работе финансового сектора *при сравнительном постоянстве скорости обращения денег*. В данной модели в качестве основного регулятора принимается денежная масса *M*. Следовательно, теория монетаризма может быть использована как принцип моделирования правой части схемы Макконнелла – Брю.

В концептуальной основе системы моделей экономического управления, применяемой в Казахстане, лежит логическая схема, которая реализует принцип двойственности Канторовича – Купманса (рис. 2). Принцип двойственности Канторовича – Купманса позволяет

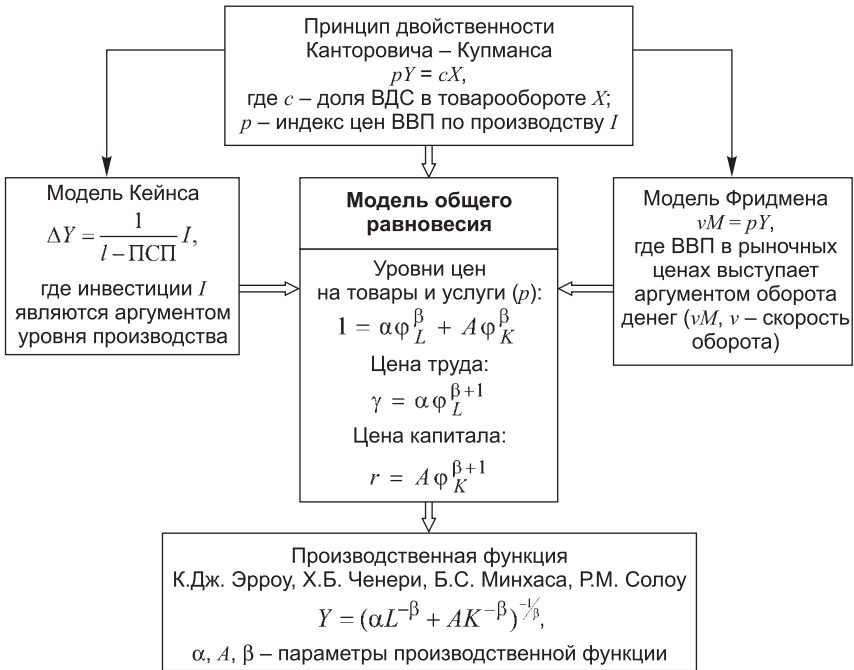

Рис. 2. Концептуальная схема согласования уровней производства, занятости, дохода и цен

L – труд; K – капитал; γ – цена труда; r – цена капитала; ϕ – совокупная факторная стоимость

реализовать модели типа кейнсианских и типа фридменовских в единой расчетной схеме. Принцип двойственности Канторовича – Купманса не противоречит также условиям построения производственных функций, которые являются основным инструментом построения моделей общего равновесия типа *CGE*.

Согласно этой логической схеме, во-первых, использование принципа двойственности Канторовича – Купманса в решении сопряженных задач экономического управления денежными и товарными потоками позволяет построить модели типа моделей Кейнса и Фридмана, отвечающие требованиям общего равновесия. Во-вторых, другим ин-

струментом, отвечающим требованиям общего равновесия на всех экономических рынках, является система из трех взаимно интегрированных балансовых уравнений соответственно уровней производства, доходов и цен:

$$1 = \alpha \varphi_L^\beta + A \varphi_K^\beta; \quad (D1)$$

$$\gamma = \alpha \varphi_L^{\beta+1}; \quad (D2)$$

$$r = A \varphi_K^{\beta+1}. \quad (D3)$$

Здесь (D1) – уравнение взаимной согласованности работы трех рынков: труда и капитала, товаров и услуг, денег и финансов в денежном выражении в нормированных показателях в расчете на одного работника. Слева – рыночная цена одной единицы Y в ценах базового года, а справа – ее товарный эквивалент.

(D2) – уравнение сбалансированности на рынках труда. Слева – цена равновесия труда в ценах базового года, а справа – ее товарный эквивалент.

(D3) – уравнение сбалансированности на финансовых рынках. Слева – цена равновесия капитала, а справа – ее товарный эквивалент.

Конечным результатом этой системы является производственная функция типа Кобба – Дугласа, так как входами любой экономической системы служат затраты ресурсов – людских, финансовых и материальных, а выходами – нормированные уровни ВВП по конечному использованию, ВВП по производству и ВВП по доходам, система индексов цен и уровни доходов на ресурсы. Производственная же функция при этом выражает устойчивое количественное соотношение между входами и выходами.

Принцип двойственности Канторовича – Купманса применительно к решению сопряженных задач экономического управления с ограниченным ресурсным потенциалом страны концептуально записывается так:

$$p \cdot Y = c \cdot X, \quad (E)$$

где Y – конечный продукт текущего года в ценах базового года (по классическим учебникам – главный показатель макроэкономики [3]);

p – индекс цен конечного продукта, безразмерная величина (*тенге/тенге*); X – расчетный объем реализованной продукции текущего года, товарооборот в текущих ценах (двойственная пара главного показателя макроэкономики – Y); c – доля валовой добавленной стоимости (ВДС) в структуре реализованной продукции, безразмерная величина (*тенге/тенге*).

Модуль (Е) только по форме напоминает уравнение обмена Фридмана, составляющее основу модели монетаризма. Уравнение обмена предназначено для решения узкого круга задач в управлении экономикой. Так, в уравнении обмена главный показатель макроэкономики – ВВП по производству (Y) рассматривается без своей двойственной пары X , которая имеет прямое отношение к объему денежного оборота [8]. В итоге без двойственной пары остается другой главный показатель макроэкономики – ВВП по доходам, представляющий денежный эквивалент ВВП по конечному использованию и являющийся основой анализа совокупной факторной производительности.

Товарная продукция X , представляющая, согласно принципу двойственности, оборот денег, вообще отсутствует в уравнении Фридмана. Отсюда, согласно уравнению обмена Фридмана, деньги обращаются самостоятельно со своей относительно стабильной скоростью независимо от оборота товаров и услуг. В итоге при директивном управлении «виновником» уменьшения экономического содержания Y товарной продукции X считалась гонка за «валовой продукцией», а теперь «спекулятивный пузырь» объясняется уменьшением экономического содержания Y в денежном обороте. Где же выход?

Концепция построения равенства (Е) на основе принципа двойственности позволяет анализировать глубинные процессы в экономике, протекающие не только в сфере обмена, но и в сфере производства товаров и услуг. По этой концепции, на экономические весы ставятся масса товара pY и ее денежный эквивалент cX , а не тождественная ей этикетка цены самой товарной массы vM . Тем более скорость обращения денег, как будет показано ниже, – зависящая от параметра c и товарооборота X переменная величина.

Благодаря применению принципа двойственности обеспечивается гармония между товарными и финансовыми потоками, достигается сбалансированность их соответствующих показателей. На этой осно-

ве образуется цепочка единой технологии экономического управления в составе новой модели монетаризма, скажем типа *RMSMX*, построенной на основе равенства (Е), и ее сопряженной пары в виде новой модели типа кейнсианской, скажем типа *CGEM*.

В целом принцип двойственности обеспечивает равновесие в экономической системе «ресурсы – товары – деньги». Равенство (Е) представляет оптимальные решения двойственной пары задач экономики (прямой и сопряженной), где экстремум достигается в точке пересечения двух производственных функций pY и cX , представляющих соответственно сторону товаров (pY) и сторону их денежного эквивалента (cX). Такую оптимальную точку согласования товарных и денежных потоков редко достигают механизмы совершенной конкуренции и «невидимая рука» А. Смита. И потому деловые циклы, характерные для любой (рыночной и нерыночной) экономики, из-за бесконтрольности оборота в экономике массы денег, точнее, из-за отсутствия индикатора X в технологии экономического управления, часто приводят к крупным потрясениям.

Акцент на выбор коэффициента c , который служит индикатором совершенства технологии производства, не случаен: для развивающихся стран на этапе инновационного развития решающим фактором ускорения их экономического роста становится инвестиция, а показателем ее эффективной реализации является индикатор c .

Что на самом деле представляет индикатор c в содержательном экономическом плане? Если p есть индекс рыночных цен проданного товара, а Y – физический объем ВВП в денежном измерении в ценах базового года, то cX – денежный эквивалент товарной массы $Y(MЗ)$.

Согласно теории двойного счета, денежная масса $MЗ$ равна cX , где X представляет концептуально оборот денег и товарооборот. Из этого следует, что рыночная экономика – саморегулируемая система. Пределы регулирования товарных и денежных потоков известны, так как товарооборот (X) и оборот денег ($vMЗ$, где v представляет скорость оборота денег) взаимно погашаются. Кроме того, скорость оборота денег ($v = 1/c$) становится переменной величиной, зависимой от доли ВДС в обороте товаров и услуг ($X = vMЗ$). Сам денежный агрегат $MЗ$ в строгом математическом смысле и в смысле процедуры двойного счета

в экономике станет определенным в зависимости от ВДС. То есть ВДС служит ядром денежного обращения. В конечном счете, поскольку по принципу двойственности cX равняется ВВП по производству, появляется легко контролируемая система регуляторов: $ВВП = pY = M3 = cX$. Значит, сама масса денег в обороте $M3$ – регулируемая величина, лишь рядовой инструмент управления, величина, зависящая от общего регулятора cX , который определяется реальными возможностями сферы производства.

Аналогичная система регуляторов практикуется в зоне действия евро. Так, например, для стран, входящих в эту зону, ставятся ограничения: бюджетный дефицит – не более 1–2%, инфляция – не более 2–3%, уровень безработицы – не более 5%. Остается лишь расширить круг регулируемых параметров экономики и финансов. Получается так, что реальная экономика управляется не директивными методами, а с помощью легко определяемых косвенных регуляторов.

Следовательно, параметр технологии развития экономики c и товарооборот X определяют динамику всех ведущих экономических показателей со стороны реального сектора и потому являются ключевыми индикаторами управления развитием экономики и финансов.

Таким образом, решение задачи обеспечения устойчивого экономического роста на основе инновационной технологии связывается с выбором эффективных вариантов инвестирования и непрерывной заменой старых технологий производства на новые. При выполнении этих условий экономика будет находиться в равновесном состоянии. Определяющим считается уравнение (D1), представляющее элементарную клеточку рыночной цены проданного товара (индикатор устойчивости экономического развития), выражающее уровень равновесия спроса и предложения на товарном рынке и на рынке денег.

Для содержательного экономического анализа, прогнозирования и проведения оперативного мониторинга данные инструменты общего равновесия являются более ценными, чем сами производственные функции типа функции Кобба – Дугласа. Производственные же функции типа Кобба – Дугласа в соответствии с уравнениями (D1), (D2), (D3) выводят ся как конечный результат согласования трех ключевых рынков.

Среди двух равноценных уравнений – цены равновесия на рынке труда (D2) и цены равновесия на рынке капитала (D3) ведущим урав-

нением для дальнейшего прикладного исследования согласно новой технологии экономического управления принята функция цены человеческого капитала от совокупной факторной производительности. Следует также отметить, что ведущим можно принять и уравнение цены капитала (D3).

П. Кругман завершил свою книгу «Возвращение Великой депрессии?» такими словами: «...Я уверен, что единственными важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей» [9, с. 295–296]. При этом он не забыл предупредить, что прикладная экономическая наука не должна попадать в ловушку Кейнса: «Рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла» [9, с. 296]. Думается, что принцип двойственности Канторовича – Купманса привносит в теорию общего равновесия больше добра, чем «устаревшие доктрины» Кейнса и Фридмена.

Литература

1. **Большаков Б.Е.** Закон природы, или Как работает Пространство-Время. – Российская Академия естественных наук; Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2002. – 265 с.
2. **Шумпетер Й.А.** Теория экономического развития: Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
3. **Портер М.Э.** Конкуренция: Пер. с англ. – М.: ИД «Вильямс», 2002. – 496 с.
4. **Макконнелл К.Р., Брю С.Л.** Экономик-с: принципы, проблемы и политика. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 974 с.
5. **Мировой** экономический кризис: Круглый стол // Новая экономическая ассоциация. – 2009. – № 1-2. – С. 7.
6. **Балацкий Е.** Свободные время как фактор экономического равновесия // Вестник РАН. – 1999. – Т. 69, № 11. – С. 1018–1025.
7. <http://www.measuringworth.org/usgdp/> (дата обращения 03.03.2010).
8. **Байзаков С., Сагинтаева С.** Экономическая концепция обновления мировой валютно-финансовой системы. – Астана, 2009. – 122 с.
9. **Кругман П.** Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами лауреата. – М.: Эксмо, 2009. – 336 с.

СИСТЕМА МОНИТОРИНГА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИНЯТИЯ ОПЕРАТИВНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

С.Н. Алпысбаева, Ж.К. Бопиева

Институт экономических исследований (Астана, Республика Казахстан)

Аннотация

Действующая в Республике Казахстан информационная система мониторинга социально-экономических показателей страны представляет собой первый этап создания ситуационного центра в Министерстве экономики и бюджетного планирования РК. Система предназначена для оценки текущих параметров национальной экономики и прогнозирования ее состояния в будущем, для выявления критического состояния секторов экономики и принятия в режиме обратной связи оперативных управленческих решений.

Ключевые слова: Казахстан, мониторинг, экономика, управление, обратная связь, оперативные решения

Abstract

The Informational System for Monitoring of National Socio-Economic Indicators operating in the Kazakhstan Republic is the first stage in building the Situational Center under the Ministry of Economy and Budget Planning of Kazakhstan. This System serves as a tool to assess operational parameters of the national economy and to predict future ones; to identify the sectors which are in critical state; and to make proper operational decisions via feedback regime.

Keywords: Kazakhstan, monitoring, economy, management, feedback, operative decision

В период мирового финансово-экономического кризиса и роста неопределенности дальнейшего развития мирохозяйственной системы

повышается актуальность оперативного управления национальной экономикой на основе получения информации о состоянии ключевых секторов и сфер реальной экономики в режиме on-line для быстрого реагирования на отклонения от заданной траектории и принятия эффективных и адекватных состоянию экономики управленческих решений.

Информационная система оперативного мониторинга социально-экономических процессов в Республике Казахстан предназначена для систематического накопления, визуализации и аналитической обработки с помощью современных информационных технологий информации, необходимой для обеспечения ситуационного анализа и процесса принятия решений по регулированию экономики страны. Система мониторинга предоставляет возможности современных информационных технологий для выявления критического состояния или состояния изменения отдельных секторов и сфер экономики, в отношении которых будет выработан курс действий на будущее, и для установления обратной связи в целях оценки определенных политики или программ. Система автоматизирует процессы хранения, алгоритмической обработки, наглядного представления данных и генерации отчетов, необходимых для информационно-аналитической поддержки решений правительства страны при формировании мер антикризисного управления. Система хранит и обрабатывает информацию, представляемую в Министерство экономики и бюджетного планирования (МЭБП) Республики Казахстан центральными государственными органами и национальными компаниями по установленным формам, визуализирует результаты аналитической обработки информации и представляет их в распечатанном виде для использования Советом экономической политики, правительством, при проведении селекторных совещаний.

В целях поддержки принятия управленческих решений и оценки их эффективности информационная система обеспечивает

- мониторинг объектов, субъектов и процессов управления, факторов риска;
- статистическую обработку информации (компонентный анализ временных рядов, регрессия);
- аналитическую оценку и прогноз макроэкономических показателей в системе мониторинга;

- визуализацию результатов аналитической обработки и прогноза показателей.

Система оперативного мониторинга позволяет пользователям самостоятельно проектировать и строить показатели и регламент мониторинга, создавать окна ввода новых показателей, алгоритмы обработки и прогноза показателей, разрабатывать форму представления информации (информационные панели). Система базируется на едином информационном поле. Оперативная информация поступает в режиме on-line в специальные формы ввода (всего 125 форм), устанавливаемые на рабочих местах в государственных органах. Установлено более 60 клиентских мест во всех ключевых государственных органах и национальных компаниях, а также в 14 регионах и городах Астана и Алматы (рис. 1). Здесь представлен образец формы сбора информации, используемой в Министерстве финансов Республики Казахстан (рис. 2).

Для оценки текущих параметров национальной экономики и прогнозирования ее состояния в будущем необходима полная, непротиворечивая и непрерывная информация за различные временные ин-

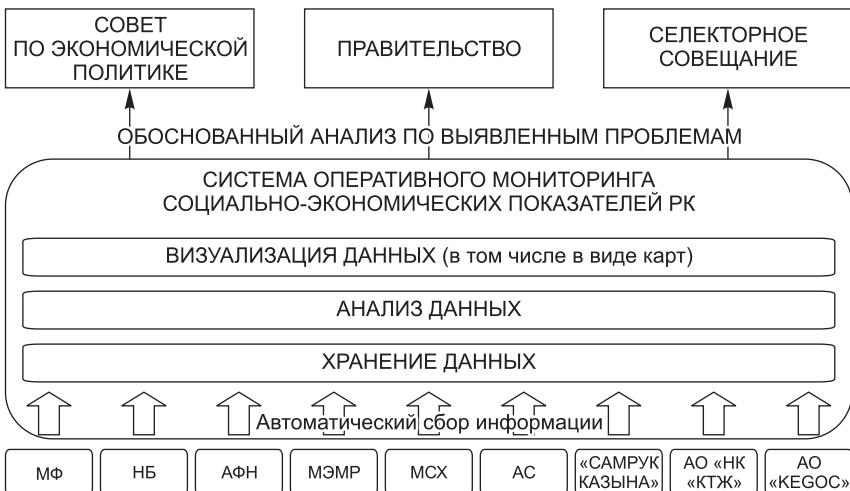

Рис. 1. Общая схема организации системы оперативного мониторинга социально-экономических процессов в Республике Казахстан

Ежедневные и еженедельные показатели ТОФИ

Сохранить Изменить пароль ТОФИ 2 Выход Около

Ежедневные и еженедельные показатели ТОФИ

Дата: 09.01.2008 Интервал: 06 ЯНВАРЬ 2008 Режим просмотра группы: Редактирование Сохранить Справка Выход

Формы:

Наименование Комментарий

Д-1 Справка по оперативному ежедневному мониторингу текущей конъюнктуры на мировом

Д-2 Объем торгов государственными и негосударственными ценными бумагами на KASE

Д-3 Оперативные показатели по отгрузке товаров на железной дороге

Показатели:

Наименование Комментарий

Показатели деловой активности

Мировая цена на стратегические товары

Международные котировки ведущих валют

Процентные ставки банковского рынка

Показатели:

Наименование Единица измерения Значение

Dow Jones пункт 8588,18

S&P 500 пункт 880,35

NASDAQ пункт 1571,59

DAX пункт 4763,89

Nikkei 225 пункт 8836,8

Hang-Seng пункт 14377,44

FTSE 100 (Великобритания) пункт 4440,54

Комментарий

Рис. 2. Образец формы сбора информации в системе

тервалы, которая может быть как обобщена (просуммирована или агрегирована другим способом), так и детализирована. То есть систематически собираемая информация должна быть определенным образом организована и структурирована для хранения и последующего использования. Именно эти требования явились определяющими при создании системы оперативного мониторинга социально-экономических показателей Республики Казахстан с собственным хранилищем данных как базиса для обработки и визуализации материалов. Создание этой информационной системы позволило сформировать основу для автоматизации ситуационного анализа при поддержке управленческих решений на правительственном уровне.

Система оперативного мониторинга ориентирована прежде всего на предоставление удобного инструмента, позволяющего

- повысить качество анализа и сократить трудоемкость периодически повторяющихся операций по обновлению аналитических данных, построению их наглядных представлений и публикации;

- увеличить аналитикам время для качественной интерпретации результатов, а также увеличить время на исследования новых факторов и методов анализа.

Информационно-технологическое, организационное и информационно-аналитическое обеспечение системы мониторинга наиболее полно отвечает современным требованиям, предъявляемым к обработке и отображению информации в режиме реального времени для обеспечения коллективных действий группы лиц по решению управленческих проблем. В центральных и местных государственных органах, представляющих информацию, установлены клиентские места для ввода данных через web-доступ. Для передачи информации из действующих информационных систем государственных органов разработаны специальные ETL-приложения. Информация через единую транспортную систему (ЕТС) поступает из территориально распределенных государственных органов на сервер базы данных для хранения. Специально подготовленные сотрудники Института экономических исследований и департаментов Министерства экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан используют сервисы сервера приложений для краткосрочного прогнозирования социально-экономических показателей, предсказания макроэкономической динамики, оценки влияния факторов и разработки различных сценариев развития. Для формирования доступных через web-браузер информационных досок, где отображается оперативная актуальная, сводная аналитическая и прогнозная информация для лиц, принимающих управленческие решения, используется аналитический сервер. Сервер базы данных для хранения, сервер приложений для аналитической обработки и аналитический сервер для визуализации данных расположены в здании Дома министерств и находятся в распоряжении МЭБП РК (рис. 3).

В настоящее время Центр макроэкономического анализа и прогнозирования при Институте экономических исследований осуществляет следующие работы в системе оперативного мониторинга:

- сбор, обработка, визуализация данных и поддержание базы данных системы в актуальном состоянии;

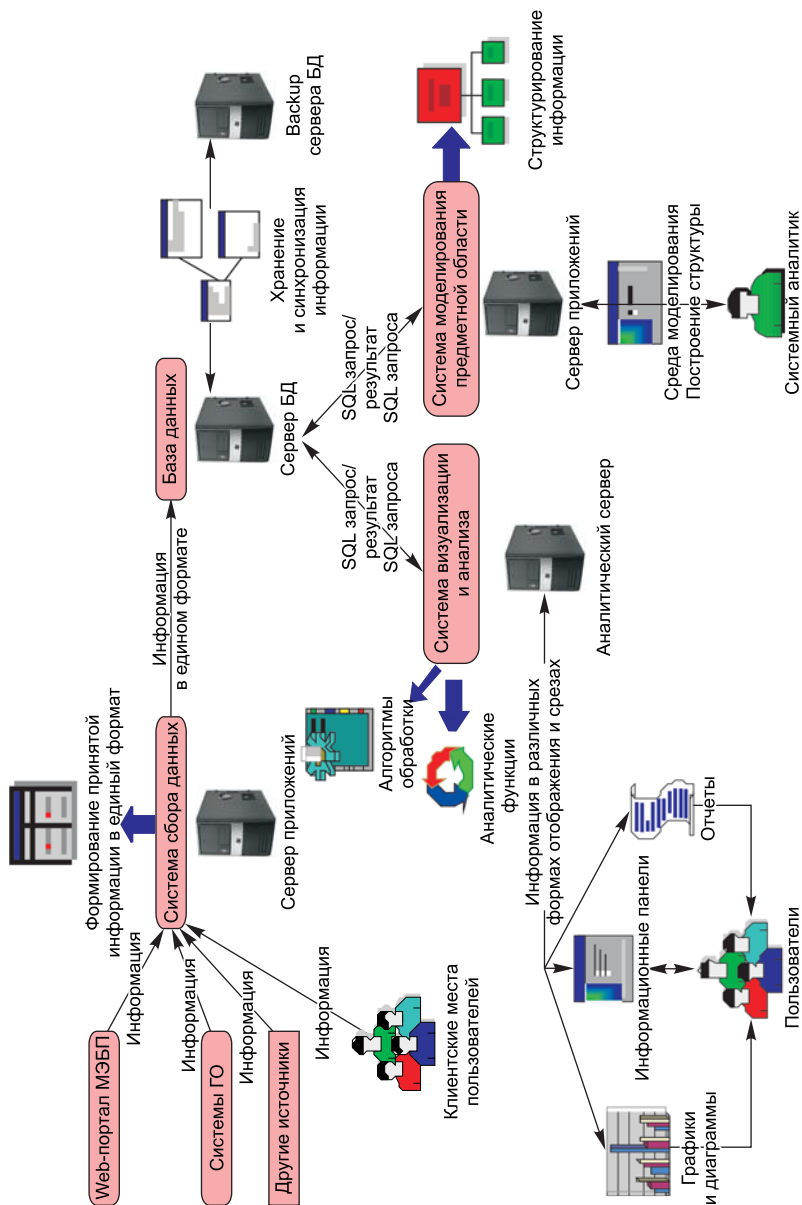

Рис. 3. Информационно-технологическая структура системы оперативного мониторинга

- мониторинг показателей базы данных системы с целью раннего выявления негативных для экономики страны процессов;
- на основе полученных оперативных результатов проведение исследований и подготовка аналитических справок и отчетов;
- исследование перспектив развития экономики Казахстана с разработкой прогноза основных показателей на кратко- и среднесрочный периоды на основе экономико-математической модели.

В рамках решения задач макроэкономического анализа и прогнозирования в системе оперативного мониторинга реализованы макроэкономическая кратко-среднесрочная модель KazSTEM и система раннего обнаружения поворотных моментов в макроэкономической динамике.

Макроэкономическая модель KazSTEM разработана в Центре макроэкономического анализа и прогнозирования Института экономических исследований в сотрудничестве с Институтом народно-хозяйственного прогнозирования Российской академии наук на основе макроэкономической модели Qummir, адаптированной к реалиям экономики Казахстана. В модели KazSTEM прогнозируются основные макроэкономические показатели по следующим блокам: ВВП методом производства, ВВП методом конечного использования, ВВП методом образования доходов, показатели рынка труда, платежного баланса, государственных финансов, денежно-кредитного сектора, инфляция.

Модель обеспечивает

- прогнозирование основных макроэкономических показателей на два-три квартала;
- определение эластичности основных параметров прогнозируемых показателей;
- построение сценарных прогнозов при различных внешних параметрах;
- определение пороговых значений параметров для достижения целевых показателей роста, установленных правительством страны (рис. 4).

Система раннего обнаружения поворотных моментов в макроэкономической динамике создана для проведения мониторинга, получения сигналов о циклических изменениях и подтверждения

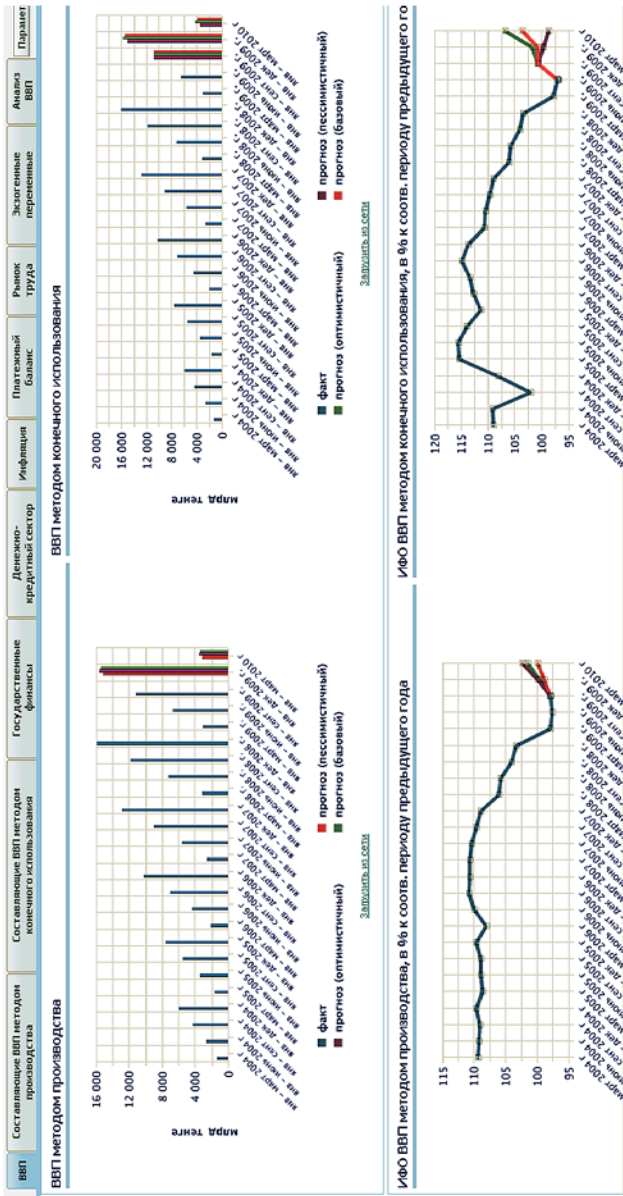

Рис. 4. Визуализация макроэкономической модели KazSTEM

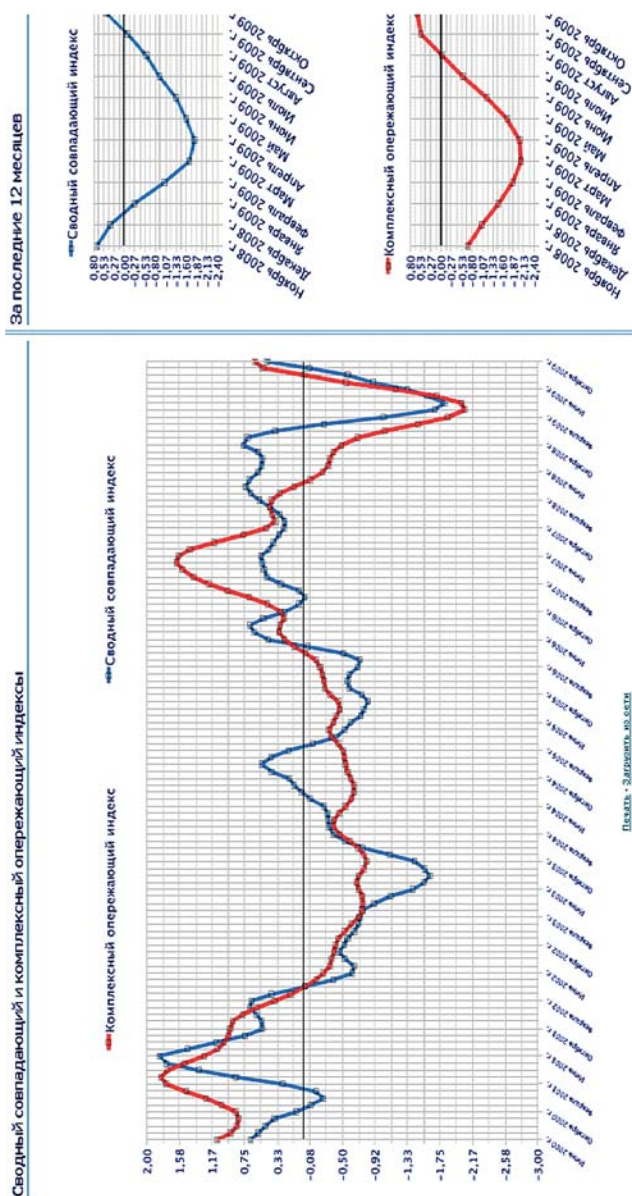

Рис. 5. Визуализация динамики комплексного опережающего показателя

их наличия, особенно для выявления поворотных моментов в экономике в целом. Идея заключается в том, что в целях предсказания моментов перехода экономики от ускорения роста к замедлению (или, наоборот, от замедления к ускорению) система интегрирует такие показатели, у которых поворотные моменты наступают раньше, чем у экономики в целом. Ряды, которые используются для этой цели, выбираются по критериям всеобъемлемости и системного отношения к циклам экономической конъюнктуры и известны как циклические показатели. На множество факторов, из-за которых происходит спад или подъем экономики, рассматриваемый показатель реагирует так же, как и экономика в целом, но немного раньше.

Таким образом, опережающие индикаторы макроэкономической динамики представляют собой «систему раннего обнаружения» и предназначены для прогноза будущей экономической динамики. По интегрированному на их основе показателю можно отслеживать сигналы циклических изменений и поворотные моменты в экономике. В системе оперативного мониторинга поддерживается задача выявления динамики комплексного опережающего индекса (КОИ) развития экономики Казахстана (рис. 5). Основной целью использования КОИ является раннее обнаружение изменений в макроэкономической динамике. КОИ включает в себя показатели, динамика которых опережает динамику экономики страны в целом, и дает возможность предсказывать за два-три месяца момент перехода экономики от подъема к спаду или наоборот. Достижение поворотной точки показателя КОИ (опережающий индикатор) позволяет говорить о вероятном приближении поворотной точки в макроэкономической динамике.

Заложенные при разработке системы принципы ее функционирования ориентированы на ее совершенствование в плане расширения возможностей по поддержке новых методов анализа и прогнозирования дальнейшего развития национальной экономики.

Созданная система оперативного мониторинга социально-экономических показателей страны представляет собой первый этап реализации стратегии создания ситуационного центра в Министерстве экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОМПЛЕКС РОССИИ

А.Г. Коржубаев

ИЭОПП СО РАН, Новосибирский государственный университет

Аннотация

В условиях кризиса в нефтегазовом комплексе России произошло кратковременное замедление реализации добычных и инфраструктурных проектов. В статье показано, что в нефтяной и газовой промышленности не было значительного снижения инвестиций в добычу и транспорт, но имело место обвальное сокращение финансирования геолого-разведочных работ. Международные цены на нефть и газ снизились по сравнению с пиковыми значениями, но продолжают оставаться на уровне, превышающем относительные показатели последних десятилетий, демонстрируя тенденцию к росту.

Ключевые слова: кризис, нефть, газ, спрос, цены, капитализация, инвестиции, добыча, геологоразведка

Abstract

In the period of crisis, there was observed a short slowdown in implementation of the production and infrastructure projects by Russian oil-and-gas production complex. We show that there was no notable drop in investments made into the oil-and-gas production and transport while a critical reduction in financing the geologic explorations happened. The world oil and gas prices decreased in relation to their peak values, but remain at the level exceeding the values of the last decades, and show tendency to grow.

Keywords: crisis, oil, gas, demand, prices, capitalization, investments, oil-and-gas production, geologic exploration

Российская экономика открыта и значительно интегрирована в мировую экономику. Отношение объема торговли к ВВП, по данным официальной статистики, в 2009 г. составило 45%. Российский фондовый рынок серьезно зависит от портфельных инвестиций иностранных инвесторов. Будучи одним из emerging markets, он начинает испытывать значительные флуктуации при нестабильности и отсутствии ликвидности на развитых финансовых рынках, а капитализация компаний моментально снижается. Их инвестиционная привлекательность значительно падает. В России произошло сокращение ВВП и промышленного производства при девальвации рубля, снизились инвестиции и занятость, уменьшились экспорт (в денежном выражении) и сальдо торгового баланса, сократились доходы и возник дефицит федерального бюджета, при этом инфляция оказалась ниже ожидаемой.

Снижение капитализации российских рынков составило в 2008 г. от 50–60% (связь) до 75–85% (банковский сектор). Капитализация металлургических компаний уменьшилась в среднем на 79%, химических – на 77, электроэнергетических – на 75, нефтегазовых – на 70%. В первые пять месяцев 2009 г. негативные тенденции на рынке акций усилились в банковской сфере при сохранении тенденций в металлургии и улучшении ситуации в нефтегазовом и нефтехимическом секторах, а также в связи. Уже в I кв. 2009 г. снижение капитализации достигло зоны сопротивления. Начиная с весны 2009 г. происходит постепенное оживление финансовых рынков, главным образом за счет роста курса акций нефтегазового сектора (рис. 1).

Российский нефтегазовый комплекс (НГК) остается важнейшим элементом экономики страны. Достаточно отметить, что доходы федерального бюджета в последние годы формируются на 45–50% за счет ресурсов данного комплекса. Добыча газа в России составляет более 21% глобальной добычи, добыча нефти и конденсата – 12,4%. В части добычи газа Россия и США значительно опережают ближайших конкурентов, производя его в 3–7 раз больше, чем Канада, Иран или Алжир. В добыче нефти и конденсата с большим отрывом от всех остальных стран лидируют Саудовская Аравия и Россия.

В 2009 г. в результате падения спроса на газ, прежде всего со стороны стран Европейского союза, добыча газа в России сократилась

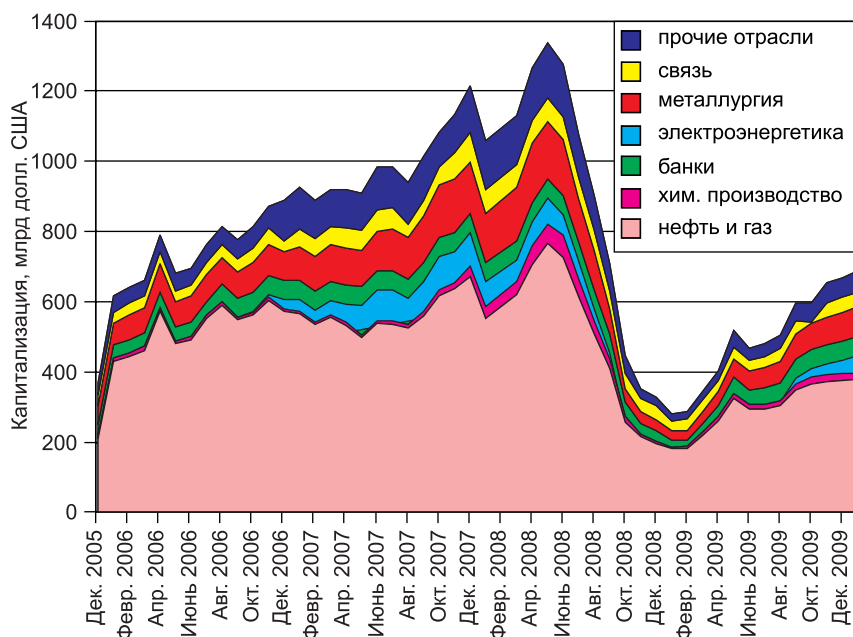

Рис. 1. Капитализация российского рынка по отраслям в период с января 2008 г. по декабрь 2009 г., млрд долл. США

на 12,5% (рис. 2). В части добычи нефти отмечен небольшой рост – на 1,2% (рис. 3) при увеличении экспортных поставок в условиях сокращения квот странами ОПЕК и естественного снижения добычи в Северном море.

Дальнейшее эффективное развитие НГК России предполагает не наращивание экспорта сырья любой ценой, а превращение денежных доходов в капитал за счет эффективных инвестиций в развитие сырьевой базы, систем глубокой переработки и транспорта углеводородного сырья на внутренний и международные рынки, формирование глобальной, контролируемой российским государством и бизнесом системы нефтегазообеспечения, диверсифицированной системы экспортных поставок.

При высокой вовлеченности российского НГК в мирохозяйственные связи процессы в мировой экономике оказывают существенное

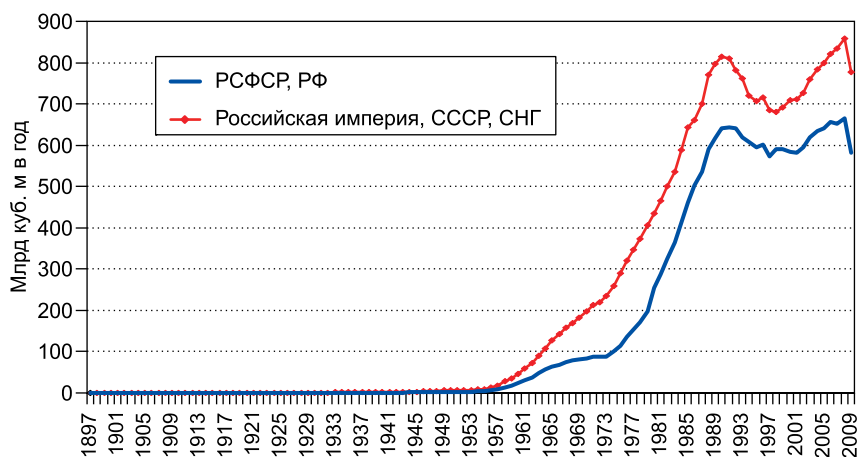

Рис. 2. Динамика добычи газа в России

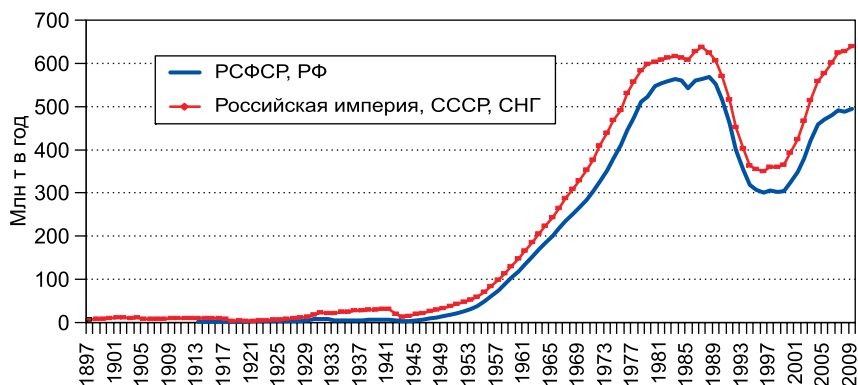

Рис. 3. Динамика добычи нефти в России

влияние на ситуацию в этой сфере экономики страны. Влияние кризиса на НГК проявилось в следующих как позитивных, так и негативных процессах:

- снижение цен по сравнению с пиковыми значениями на нефть с осени 2008 г. (рис. 4) и на газ с весны 2009 г. (рис. 5);

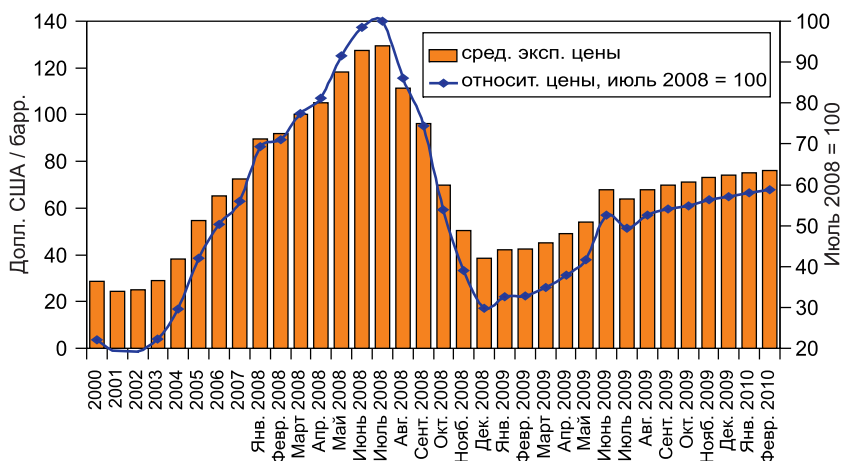

Рис. 4. Средние экспортные цены на российскую нефть

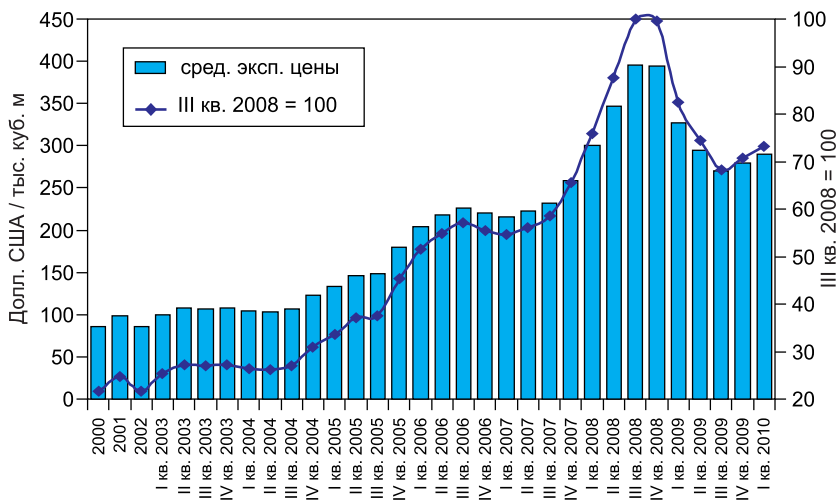

Рис. 5. Средние экспортные цены на российский газ

- сокращение темпов роста спроса на нефть и газ в Азии, стагнация спроса в Америке, спад в Европе;
- снижение цен на инвестиционную продукцию для НГК;

- девальвация рубля по отношению к основным мировым валютам, прежде всего к доллару США и евро;
- изменение условий кредитования;
- снижение капитализации компаний;
- сокращение инвестиционного строительства и вложений в геолого-разведочные работы (ГРР), которые финансировались преимущественно из прибыли;
- ухудшение возможностей привлечения денежных средств на финансовых рынках (выпуск облигаций).

В целом в 2008 г. финансовая ситуация в НГК России развивалась крайне неравномерно. Рост цен на нефть марки «Urals» в январе–июле 2008 г. с 89,5 до 129,7 долл. США за баррель обеспечил значительный рост финансовых показателей нефтяных компаний, приток иностранной валюты в страну, увеличение налоговых поступлений в бюджет и специальные фонды, рост золотовалютных резервов. Во II полугодии произошло значительное снижение цен на нефть: к декабрю 2008 г. они уменьшились до 39,2 долл./барр. Среднегодовая экспортная цена нефти составила в 2008 г. около 95 долл./барр., что превышало уровень 2007 г. (69 долл.). Основная часть нефтяных компаний, получивших значительный прирост общей выручки и прибыли в I и II кв. 2008 г., с учетом трехмесячного лага в изменении таможенных пошлин имели значительные убытки в IV кв. Начиная со II полугодия 2009 г. международные цены на нефть вновь стабилизировались на достаточно высоком уровне в среднем диапазоне 60–72 долл./барр., что, тем не менее, более чем в 2 раза ниже, чем в середине 2008 г.

Средние экспортные цены на газ достигли своего пика в III кв. 2008 г. – около 396 долл./тыс. куб. м, после чего последовательно снизились до 270 долл. в III кв. 2009 г. Среднегодовая цена газа составила в 2009 г. 280 долл./тыс. куб. м, что выше уровня всех предыдущих лет, за исключением 2008 г.

Другим каналом распространения кризиса на нефтегазовую отрасль явились сжатие кредитных рынков и исчезновение ликвидности. Меры государственного регулирования и помощи оказались в данной ситуации неэффективными и недостаточными. Осенью 2008 г. в ожидании постепенной девальвации рубля и общей нестабильности

банки перестали кредитовать реальный сектор, конвертируя получаемые от государства через ВЭБ, ВТБ и Сбербанк рублевые средства в иностранную валюту и экспортируя капитал за границу. Все российские компании нефтегазового сектора имеют высокий уровень долга в своей структуре капитала (в среднем по отрасли, кроме ОАО «Сургутнефтегаз», 20–25% от активов). Значительная часть долга номинирована в иностранной валюте и является краткосрочной – до трех лет. Невозможность текущего рефинансирования и недостаток ликвидности привели к наступлению margin calls перед иностранными контрагентами по многим кредитам, залогом по которым выступали акции самих компаний. Угроза потери резидентами контроля над российскими активами вызвала необходимость экстренного вмешательства государства через ВЭБ и ВТБ для помощи в рефинансировании. Неопределенность ситуации на финансовых и кредитных рынках привела к снижению рентабельности отрасли в целом, «вымыванию» оборотных активов и замораживанию инвестиций в новые проекты.

Добыча и воспроизводство минерально-сырьевой

Показатель	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Добыча нефти, млн т	462	399	354	318	307	301
Прирост запасов нефти, млн т	931	565	442	224	182	217
Кратность восполнения запасов нефти	2,02	1,42	1,25	0,70	0,59	0,72
«Проедание» / расширение запасов нефти, млн т	469	166	88	–94	–125	–84
Добыча газа, млрд куб. м	643	641	618	607	595	601
Прирост запасов газа, млрд куб. м	1741	1814	726	266	188	180
Кратность восполнения запасов газа	2,71	2,83	1,17	0,44	0,32	0,30
«Проедание» / расширение запасов газа, млрд куб. м	1098	1173	108	–341	–407	–421
Глубокое поисково-разведочное бурение на нефть и газ, тыс. м	4263	3884	2207	1469	1521	1476
Эффективность глубокого бурения	627	613	529	334	243	269

Главной долгосрочной опасностью, вызванной кризисом, являются сокращение вложений в НИОКР и ГРП, нарастание технологических проблем, задержка реализации крупных инвестиционных проектов. Проблема недоинвестирования НГК России не была решена и в предкризисный период, превышение объемов добычи над приростом доказанных запасов создает опасность стагнации в долгосрочной перспективе этой важнейшей отрасли российской экономики.

В долгосрочной перспективе добыча углеводородов в значительной мере будет определяться состоянием и развитием минерально-сырьевой базы. Современное состояние минерально-сырьевой базы углеводородного сырья характеризуется снижением текущих разведанных запасов нефти и газа и низкими темпами их воспроизводства. Начиная с 1994 г. приросты запасов нефти и газа существенно меньше, чем добыча этих полезных ископаемых. Превышение добычи нефти над приростом ее запасов составило в период 1994–2009 гг. около 1,2 млрд т (табл. 1).

Таблица 1

базы углеводородов в России

1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
306	303	305	323	348	380	421	459	470	480	491	488	494
252	232	250	295	300	260	380	218	330	353	385	500	620
0,82	0,77	0,82	0,91	0,86	0,68	0,90	0,47	0,70	0,74	0,78	1,02	1,26
–54	–71	–55	–28	–48	–120	–41	–241	–140	–127	–106	12	126
572	591	591	584	581	595	620	634	641	656	653	665	582
394	280	209	450	500	514	560	582	660	560	630	650	580
0,69	0,47	0,35	0,77	0,86	0,86	0,90	0,92	1,03	0,85	0,96	0,98	1,00
–178	–311	–382	–134	–81	–81	–60	–52	19	–96	–23	–15	–2
1510	1250	1234	1719	1847	1105	1080	925	1079	1211	1488	1497	1060
428	410	372	433	433	700	870	865	918	754	682	768	1132

Финансирование геолого-разведочных работ в 2008 г. достигло 146,3 млрд руб., увеличившись по отношению к 2001 г. в 8,5 раза, или в 3,7 раза в неизменных ценах. Федеральные расходы на проведение ГРП на углеводородное сырье составили менее 7%.

В связи со снижением государственных инвестиций в геологоразведку в России в 2009 г. объем параметрического бурения сократился на 41% (с 17,1 до 10,1 тыс. м) по сравнению с 2008 г., уменьшившись до уровня 2005 г. В 2009 г. более чем на 30% сократились объемы сейсморазведки (с 44,8 тыс. пог. км в 2008 г. до 29,6 тыс. пог. км в 2009 г.).

В 2009 г. на проведение геолого-разведочных работ на нефть и газ из федерального бюджета было выделено 8,9 млрд руб., что ниже аналогичного показателя 2008 г. на 1,2 млрд руб. Расходы на ГРП за счет средств недропользователей снизились в среднем на 30% (табл. 2).

В 2009 г. прирост запасов нефти в России составил около 620 млн т. Значительная часть прироста связана с доразведкой Ванкор-

Таблица 2

**Финансирование геолого-разведочных работ на углеводороды в России
в 2001–2009 гг., млрд руб.**

Год	Федеральный бюджет и бюджеты субъектов РФ		Недропользователи		В с е г о	
	В текущих ценах	В ценах 2009 г.	В текущих ценах	В ценах 2009 г.	В текущих ценах	В ценах 2009 г.
2001	1,8	4,4	15,4	38,3	17,2	42,7
2002	3,0	6,3	32,0	67,1	35,0	73,4
2003	3,7	6,8	44,2	81,4	47,9	88,1
2004	4,3	7,1	46,7	76,8	51,0	83,9
2005	5,2	7,6	61,0	89,8	66,2	97,4
2006	7,3	9,8	95,4	126,6	102,7	136,4
2007	9,7	11,9	130,0	158,3	139,7	170,2
2008	10,1	11,0	136,2	148,2	146,3	159,2
2009	8,9	8,92	101,1	101,12	110,0	110,04

ского и прилегающих месторождений в Красноярском крае. Основной прирост запасов нефти в последние годы происходил за счет до-разведки существующих, а не открытия новых месторождений, что обусловило повышение показателя эффективности поисково-разведочного бурения.

В условиях кризиса в российском нефтегазовом комплексе имело место кратковременное замедление реализации добычных и инфраструктурных проектов, прежде всего в газовой промышленности (освоение ресурсов п-ва Ямал, штокмановский проект и др.) в связи с падением спроса. Вместе с тем в нефтяной и газовой промышленности не произошло значительного снижения инвестиций в добычу и транспорт при обвальном сокращении финансирования ГРП как за счет федерального бюджета, так и за счет компаний. Международные цены на нефть и газ снизились по сравнению с пиковыми значениями, но продолжают оставаться на уровне, превышающем относительные показатели последних десятилетий, демонстрируя тенденцию к росту.

После восстановления спроса и возвращения к прежнему уровню инвестиций именно нефтегазовый комплекс может стать локомотивом, который выведет экономику из кризиса, будет способствовать формированию значительного технологического и конечного спроса.

В современных условиях отмечается спад спроса на энергоносители, в первую очередь на нефть и газ. Однако в странах Азии продолжается рост спроса на эти ресурсы. В то же время финансовые и кредитные ресурсы во многих странах этого региона остаются избыточными.

Реализуемый в нефтегазовом комплексе России курс на диверсификацию экспортных поставок (проекты ВСТО с отводом на Китай, «Северный поток», «Южный поток», БТС-2, «Сахалин-2»), организацию прямого выхода на крупнейших платежеспособных потребителей нефти и газа в основном соответствует долгосрочным рыночным процессам. Беспокойство вызывают медленная технологическая модернизация добычи и переработки нефти и газа, сокращение объемов и уровня научного обеспечения геолого-разведочных работ.

СТРУКТУРНАЯ РЕФОРМА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ

Е.Б. Кибалов, А.А. Кин

ИЭОПП СО РАН

Аннотация

Анализируется структурная реформа железнодорожного транспорта Российской Федерации как крупномасштабный институциональный проект. Показаны методологические особенности оценки эффективности проекта, связанного с рисками и многоаспектными экстерналиями. Рассмотрены негативные и позитивные результаты реформы, вскрыты причины недостатков и сформулированы предложения по их если не ликвидации, то смягчению в дальнейшем.

Ключевые слова: институциональный проект, железнодорожный транспорт, реформирование, оценка, эффективность, неопределенность

Abstract

The paper analyses a large-scale institutional project of the Russian Federation – a structural reform in the railway sector. We describe the specifics of the methodology applied to the assessment of efficiency of the project characterized by high risks and dependant on multi-aspects externalities. We also show negative and positive results of the reform, what failures are observed and why they happened; and make recommendations on how, at least, to mitigate the consequences of such failures, if we will fail to eliminate them completely.

Keywords: institutional project, rail transportation, reform, assessment, efficiency, uncertainty

Проблемы оценки эффективности крупномасштабных инвестиционных проектов исследовались нами в работе [1]. В качестве успеш-

ного рассматривался проект сооружения Транссибирской железнодорожной магистрали, относящийся к разряду *капиталообразующих*, анализировались также неуспешные проекты того же класса. В настоящей статье приводятся результаты исследования крупномасштабного проекта другого типа, именуемого в официальных документах структурной реформой. Этот проект является институциональным, и при его реализации средства вкладываются в создание *нематериальных активов*, а именно, в разработку и апробацию эффективных правил взаимодействия с государством и другими агентами рынка транспортных услуг ключевой для России железнодорожной отрасли с параллельной перестройкой организационного механизма бывшего Министерства путей сообщения (МПС) на либеральных принципах. Особенности исследуемого проекта состоят в том, что его общественные результаты (выгоды) могут быть измерены в основном косвенно и не всегда имеют объективную денежную меру, а полные затраты всех видов латентны и трудноизмеримы. Следовательно, априорная оценка ожидаемой эффективности институционального крупномасштабного проекта вынужденно субъективна и может диаметрально отличаться от апостериорной. Здесь возникают две методологически сопряженные проблемы: во-первых, как повысить степень объективности оценки и, во-вторых, как трансформировать первоначальную *неопределенность* оценки, когда невозможно предугадать будущее и предотвратить наступление нежелательных последствий, в *риск*, когда возможность таких последствий можно предвидеть и снизить вероятность их актуализации [2].

В естественных науках классический способ снижения уровня неопределенности, понимаемой как «незнание», заключается в приращении знаний и проверке их истинности в эксперименте. В физике, например, законы, открытые теоретиками на «кончике пера» и модельно обоснованные при строгом соблюдении некоторых базовых предпосылок, проверяются натурными экспериментами в широком диапазоне – от приборных экспериментов с помощью адронного коллайдера до атомных бомбардировок городов Японии. Гуманитарные науки, конкретно экономика, точно так же свои теории проверяют модельно и натурно. Например, формационная теория общественного устройства была сформулирована К. Марксом в середине XIX в. в основном на вербальном уровне, т.е. более или менее строгих доказательств (как в физике) своей «верности» не имела и была принята российски-

ми большевиками в качестве догмата веры. Чем закончился большевистский натурный эксперимент – известно.

Однако ввиду сложности социально-экономической материи, в центре которой находится человек, необходимость натуральных экспериментов, несмотря на повсеместный рост цивилизованности, не отпала. В общественном развитии бывают коллизии, когда только натурный эксперимент, в частности экономическая реформа, способен спасти страну от деградации и развала. Например, реформы Ф. Рузвельта после Великой депрессии в США и Дэн Сяопина в коммунистическом Китае оказались успешными. А вот натурный эксперимент по реформированию СССР, в котором были использованы некоторые либеральные принципы, закончился крахом социалистического проекта.

Структурная реформа железнодорожного транспорта России, конечно, менее масштабна, чем реформы в приведенных выше примерах, но как проект она характеризуется многоаспектными внутритранспортными эффектами (экстерналиями) в широком общественном диапазоне. Если же учесть масштабы железнодорожной деятельности России (более 20% грузооборота и 10% пассажирооборота всех железных дорог мира [3]) и конкурентоспособное географическое положение страны на карте «путей сообщения» мира, диапазон может быть расширен до мирового уровня.

Решение первой части проблемы связано с научным обеспечением реформы, второй – с механизмом реализации проекта реформирования, причем эффективность второго решения зависит от качества первого. Именно под таким углом зрения ниже рассматриваются методология и ход структурной реформы на железнодорожном транспорте России, официально начатой 12 лет назад¹.

Сразу отметим, что по оценкам большинства отечественных и зарубежных экспертов, с которыми мы согласны, краткосрочные результаты реформы оказались положительными [5]. Но есть и негативные оценки, в частности правительственные, затрагивающие долгосрочные стратегические аспекты реформы и степень ее инновацион-

¹ Если считать с момента опубликования Постановления Правительства РФ от 15 мая 1998 г. № 448 «О концепции структурной реформы федерального железнодорожного транспорта» [4].

ности². Отмеченные недостатки реформы, на наш взгляд, – не следствие специального умысла реформаторов, как иногда говорят и пишут оппоненты сторонников реформы, а результат слабости, недостаточности научного задела на момент запуска проекта и вынужденного эмпиризма в процессе его осуществления. Анализу причин имевших место недостатков и предложениям по их если не ликвидации, то смягчению в дальнейшем, собственно, и посвящена настоящая статья.

ПРОЕКТНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Необходимость радикального реформирования железнодорожного транспорта России, управляемого МПС в течение 170 лет, декларировалась правительством «младореформаторов» практически сразу после начала радикальных рыночных реформ плановой экономики в 1992 г. Подчеркнем, что это не было инициативой функционеров центрального аппарата МПС или его территориально-дивизиональных структур – железных дорог. Инициатива генерировалась «сверху», но четко сформулированной стратегической цели и возможных последствий реформы обозначено не было. Отвергая разного рода конспирологические объяснения этого удивительного факта, считаем, что просто в составе того правительства отсутствовали профессионалы-железнодорожники, изучавшие железнодорожную отрасль не по западным учебникам, а на личном опыте, как, например, С.Ю. Витте. Поэтому необходимость железнодорожной реформы обосновыва-

² В Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года отмечается, что «несмотря на успехи структурной реформы железнодорожного транспорта в Российской Федерации, ее мероприятия и результаты оказались недостаточны для того, чтобы в короткие сроки создать эффективные источники развития, позволяющие обеспечить масштабное привлечение средств в развитие отрасли и ее модернизацию, сформировать условия для ее долговременного устойчивого роста и повышения конкурентоспособности на мировом рынке. Российские железные дороги не всегда оказываются способны адекватно и гибко реагировать на внешние вызовы, в результате чего потенциальные возможности для получения экономической выгоды могут обращаться в источник проблем» [3].

лась из общих соображений: коль скоро экономика становится рыночной, то и советский организационный монополист МПС должен быть трансформирован с вменением ему рыночных правил поведения. Поскольку собственного опыта подобных трансформаций не было, по необходимости заимствовали западные рецепты, например рецепты по борьбе с монополиями всех видов, предлагавшиеся Всемирным банком, главная рекомендация которого была стандартной: дробить монополию, а деятельность продуктов дробления коммерциализировать. Главное – не позволить монополиям властвовать на рынке через установление монопольных цен и сокращение объемов производимых благ.

Однако применительно к железным дорогам существовала (и ныне остается) одна особенность, обсуждавшаяся экономической наукой еще в классических работах Маршалла, Хотеллинга, Шумпетера и Коуза. В случае если естественным монополистом является железнодорожный транспорт, имеет место падение средних и предельных издержек при увеличении масштаба оказываемых услуг по перевозкам. В подобной ситуации дробление и коммерциализация

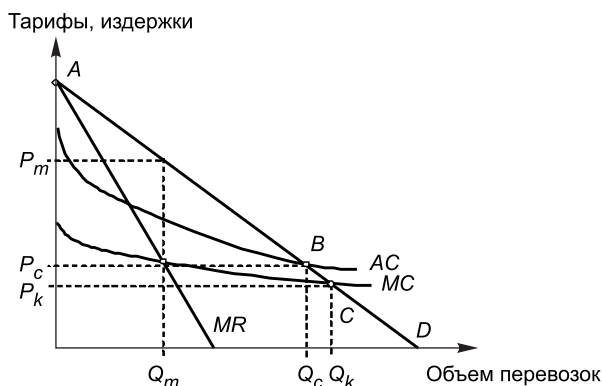

Рис. 1. Железнодорожная монополия: монопольное равновесие, регулирование
 D – линия спроса на перевозки; AC – средние текущие экономические издержки (включающие нормальную прибыль); MC – предельные издержки; MR – предельный доход

не всегда эффективны и требуют тщательного учета текущих и долгосрочных последствий.

Универсальных рецептов регулирования деятельности железных дорог как естественных монополистов не существует и сегодня. Поэтому компилировать один к одному западный опыт дробления и приватизации применительно к МПС России представлялось неразумным (что правильно) и было решено творчески адаптировать его к российским условиям. Опыт же отечественный, когда С.Ю. Витте провел *огосударствление* железных дорог в *рыночной* экономике Российской империи, т.е. сделал нечто, отражающее российскую специфику, инициаторов реформ, уверовавших в универсализм либеральных прописей, либо не интересовал (что неправильно), либо они его просто не знали (что грустно).

Теоретический аспект проблемы, как он разработан в трудах классиков, удобно проиллюстрировать с помощью рис. 1³. При низкой плотности транспортной сети в России⁴ железнодорожный транспорт либо вообще не испытывает конкуренции со стороны альтернативных видов транспорта (автомобильного, водного, воздушного), либо эта конкуренция слабая⁵. В сочетании с возрастающим эффектом масштаба это приводит к тому, что железные дороги оказываются естественными монополистами. Для предотвращения отрицательного воздействия монопольной власти данного агента рынка на потребителей его услуг тарифы должны регулироваться государством. При этом возможны разные варианты регулирования.

В отличие от бухгалтерской практики в данном случае рассматриваются «экономические» издержки, включающие нормальную при-

³ Авторы благодарят д.э.н. К.П. Глущенко (ИЭОПП СО РАН) и к.э.н. В.П. Нехорошкова (Сибирский государственный университет путей сообщения) за участие в подготовке комментария к рис. 1.

⁴ Густота сети железных дорог в России относительно невелика и составляет 5,1 км/1000 кв. км (для сравнения: в США – 26,6 км/1000 кв. км) [6].

⁵ Заметим, что на Западе это не так: конкуренция в транспортном секторе велика, особенно между железными дорогами и автотранспортом. Кроме того, предложение услуг со стороны железных дорог превышает спрос.

быль. Средние издержки представляют собой экономические издержки на единицу объема работ (перевозок). Прибыль здесь также «экономическая», представляющая собой валовую прибыль за вычетом нормальной. Таким образом, разность между тарифом на перевозки и средними издержками ($P - AC$) является удельной (на единицу перевозок) прибылью, полученной сверх нормальной. (Линии спроса и издержек на рис. 1 – условные.)

На рисунке 1 монополист-перевозчик получает максимальную прибыль при тарифе P_m , ограничивающем перевозки объемом Q_m , неприемлемым с точки зрения общества. Наиболее общественно эффективный объем перевозок Q_k соответствует условиям конкурентного рынка при тарифе, ограниченном государством на соответствующем уровне P_k ; выигрыш общества при этом максимален и равен площади треугольника ACP_k . Однако вследствие убывания предельных и средних издержек прибыль перевозчика при этом оказывается ниже нормальной (так как $P_k < AC$), что вызывает необходимость государственного дотирования перевозок (при тарифе P_k возможна даже их убыточность). Такой вариант вполне реалистичен, если государство намерено стимулировать железнодорожные перевозки. Другой вариант регулирования состоит в ограничении государством тарифа на уровне P_c (удельные текущие затраты плюс нормальная прибыль). Выигрыш общества при этом становится равным площади треугольника ABP_c (выигрыш потребителей) плюс площадь фигуры, ограниченной линией P_c сверху, линией MC снизу и линией D справа (выигрыш производителя). Возможно также, что государство установит тариф на уровне между P_c и P_m , отражающем его намерения поддержать железные дороги в кризисных ситуациях.

Решение относительно метода регулирования уровня тарифа, важнейшего параметра при оценке деятельности железнодорожного транспорта, является теоретически неуправляемым с точки зрения отрасли и должно рассматриваться как элемент внешней среды. Учет возможных решений государства приводит к «расщеплению» сценариев-контрастов ее (среды) развития: разные варианты решения государства по поводу уровня тарифов образуют версии каждо-

го из сценариев и создают так называемую зону неопределенности в пределах сценария.

Теоретически эффективность отрасли – инфраструктурного монополиста может оцениваться выигрышем общества (суммой выигрыша потребителей и производителя), представляющим собой, вследствие значительных масштабов деятельности, макроэкономический показатель. Поэтому оценка эффективности железнодорожной деятельности, например в Стратегии развития железнодорожного транспорта Российской Федерации до 2030 года, измеряется по вкладу железнодорожного транспорта в ВВП.

Теоретическая модель, представленная на рис. 1, в общем виде описывает проблемную ситуацию, которая возникает в странах мира, где железнодорожный транспорт играет важную роль в оказании услуг по перевозке пассажиров и грузов. Соответственно, существуют различные подходы к разрешению проблемы регулирования железнодорожной деятельности со стороны государства. Три такие модели, более или менее адекватные российским реалиям, представлены на рис. 2–4⁶.

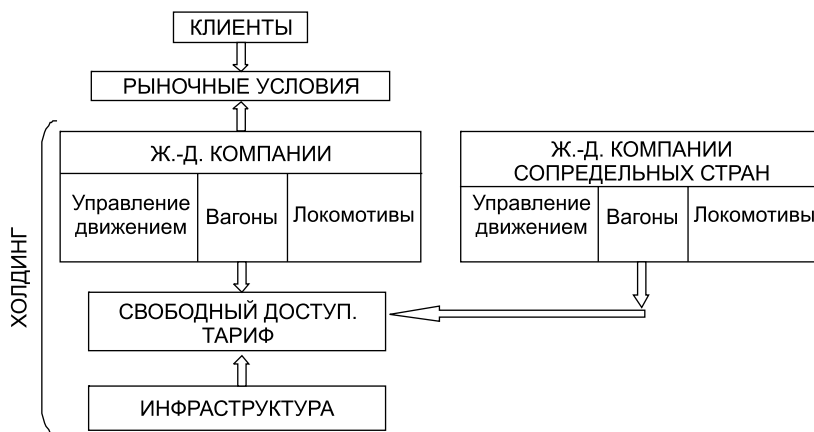

Рис. 2. Германская модель регулирования деятельности железнодорожного транспорта

⁶ Рисунки взяты из Программы реструктуризации железнодорожного транспорта Казахстана на 2001–2005 гг. [7].

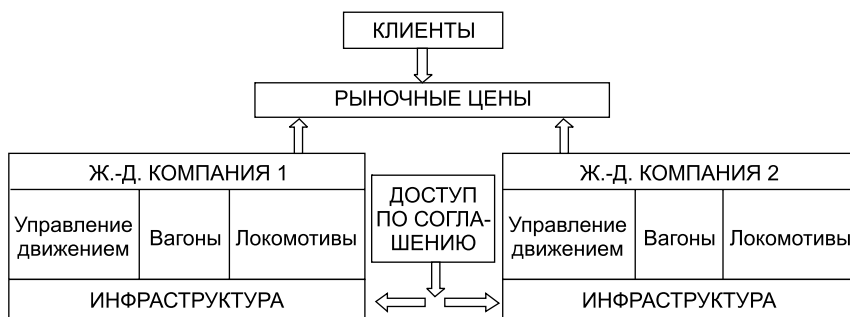

Рис. 3. Североамериканская модель регулирования деятельности железнодорожного транспорта

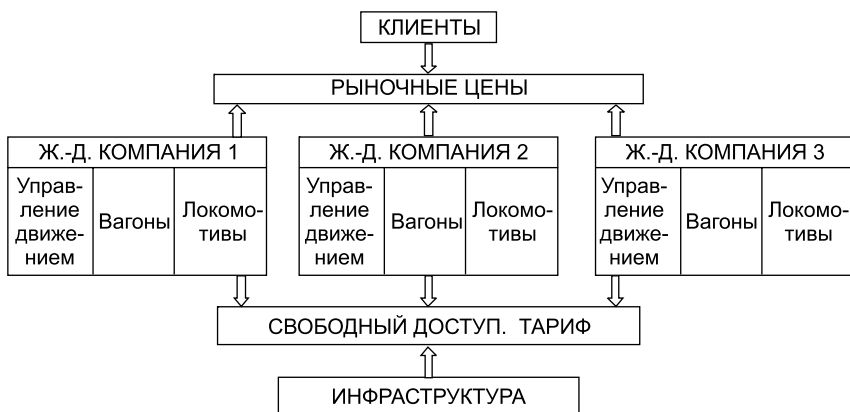

Рис. 4. Австралийская модель регулирования деятельности железнодорожного транспорта

НУЛЕВОЙ ШАГ РЕФОРМЫ⁷

Базовые характеристики регуляторных моделей, применяемых в разных странах, – тарифную политику, доступ железнодорожных компаний-перевозчиков к инфраструктуре, формы взаимодействия

⁷ Данный шаг является аналитическим. Он именуется нулевым, чтобы отличать его от первого, второго и третьего шагов реформирования железнодорожного транспорта, регламентированных в официальных документах.

железнодорожных компаний с инфраструктурой схематично демонстрируют рис. 2–4. Целевая установка реализуемых моделей – найти приемлемый компромисс между внешним регулированием со стороны государства, транслирующим игру политических сил, и саморегулированием железнодорожной отрасли на основе конкуренции между железнодорожными компаниями-олигополистами и другими участниками рынка транспортных услуг.

Модели регулирования государством железнодорожной деятельности, представленные на рис. 2–4, учитывают специфику политического устройства и экономик указанных стран, параметры внутренних и внешних транспортных потоков, уровень конкуренции в транспортном секторе, уровень платежеспособности клиентов, особенности национальных железных дорог. Разработаны детальнейшие руководства по оценке эффективности инструментария регуляторных моделей (см., например, [8]). Это означает, что при формировании замысла структурной реформы железнодорожного транспорта в России в части того, как это делать эффективно, многое было известно, и все это было проверено на Западе в ходе либеральных реформ 80-х годов. Главной их установкой тогда считалась интенсификация конкурентных механизмов для стимулирования эффективной работы отраслей инфраструктуры. Железные дороги к тому времени по мере повсеместного сокращения перевозок из «локомотивов» развития, каковыми они были в конце XIX и начале XX в., постепенно превращались в застойный «ржавый индустриальный пояс» постиндустриальных экономик развитых стран. Правительства же этих стран, по мнению специалистов Всемирного банка, слишком много занимались «проведением транспортных операций» на принадлежащих государству железных дорогах, вместо того чтобы вырабатывать правила игры, по которым должны действовать приватизированные железнодорожные компании.

В России, унаследовавшей от СССР государственные железные дороги, ситуация была похожей, но много хуже: к маю 1993 г. спрос на железнодорожные перевозки, по оценке Всемирного банка, из-за спада деловой активности снизился на 35% от пикового уровня 1988 г., и краткосрочный прогноз был пессимистическим. Производительность труда составляла менее 50% от величины этого показателя на железных дорогах США. Количество тонно-километров на единицу промышленной продукции почти в 6 раз превышало аналогичный показатель в США и в 4,5 раза – в Китае. Доля железнодорожного транспорта в скрытом субсидировании, например, производства электроэнергии равнялась 6% ВВП. И в то же время правительство субсидировало гигантский текущий дефицит железных дорог, который составил к концу 1992 г. в годовом исчислении 75 млрд руб. [9]. Износ основных фондов, по отечественным первоисточникам, фиксировался на уровне 36% [10].

Перечень показателей «неэффективности» железных дорог России можно было бы продолжить, памятуя, однако, что понятие «эффективность» относительно и неопределенно. Все зависит от состава и характера целей (экономических

и политических, тактических и стратегических), вменяемых государством железнодорожному транспорту в рамках регуляторных моделей, и от типа экономики и общества, в которых эти цели реализуются. Сложно сравнивать эффективность железных дорог в централизованно управляемом государстве, опирающемся на экономику дефицита (СССР), с эффективностью тех же дорог в полуразрушенном государстве с переходной экономикой (РФ). Еще сложнее сопоставлять отечественные организационно-экономические механизмы управления железными дорогами с их отдаленными аналогами, действующими в правовых государствах со стабильной рыночной экономикой. Строго говоря, экономическая наука не знает, как это делать корректно применительно к подобным крупномасштабным объектам и проектам их трансформаций⁸. Остаются экспертные технологии, опирающиеся на знания специалистов. К сожалению, экспертные заключения неverifiedируемы в принципе, и вся надежда на высокую квалификацию экспертов и логичность процедур оценки эффективности. Ввиду дефицита на отечественных экспертов подобного уровня для оценок текущего состояния отрасли и получения советов, как адаптировать железнодорожный транспорт к новым условиям функционирования и развития, под эгидой правительства создавались смешанные группы из российских железнодорожников и зарубежных специалистов⁹.

В качестве ориентира для проекта реформирования МПС первоначально была выбрана европейская (германская) модель (см. рис. 2), предполагавшая на нулевом шаге реформирования МПС вертикальное дробление монополиста, т.е. отделение инфраструктуры от перевозочного процесса и поощрение конкуренции «на рельсах» при свободном доступе к государственной инфраструктуре – «рельсам». Заметим, что это решение представлялось компромиссным. Действительно, наиболее близкой к российским объемам перевозок и, следовательно, к объемам регулируемой железнодорожной деятельности,

⁸ Например, когда в 2000 г. В. Мау (в то время руководитель Рабочего центра экономической реформы при Правительстве РФ) спросили, в какой мере реформа железнодорожного транспорта соответствует упрочению единого экономического пространства страны, он ответил: «На мой взгляд, это спекулятивный вопрос». И далее стал говорить о необходимости более детального обсуждения *экономических* проблем МПС, хотя вопрос ему был задан *политический*. И заключил так: «Но в принципе я не хочу отвечать на этот вопрос» [11, с. 5]. На наш взгляд, отвечать было просто нечего, потому что тогда (да и сейчас) экономическая наука не знала гарантированно правильного ответа на заданный вопрос.

⁹ Железнодорожники к разработкам своих программ реформирования привлекали (и привлекают) консорциум консультантов, в том числе иностранных [12].

а также, что немаловажно, наиболее эффективной среди других моделей по коммерческим критериям была американская модель. Однако технико-технологический базис железнодорожной сети США (транспортная решетка), частнопредпринимательский генезис ее создания (снизу) и характер конкуренции на рынке транспортных услуг (жесткий) контрастно отличались от аналогичных характеристик российской сети (паутинообразной), созданной государством (сверху) и не имеющей сильных (внутрироссийских) конкурентов. Главным же аргументом против американской регуляторной модели была недопустимость по технологическо-эксплуатационным (аргумент МПС) и политическим (аргумент государства) причинам предусмотренных в ней горизонтального «дробления» инфраструктуры и передачи *региональных* фрагментов в состав частных вертикально интегрированных железнодорожных компаний.

Подвидом американской модели считается модель австралийская, когда одна из вертикально интегрированных железнодорожных компаний в соответствии с требованиями закона обеспечивает равный доступ к государственной инфраструктуре другим независимым перевозчикам. Однако то, что эффективно при австралийских объемах железнодорожной работы, на порядок меньших, чем в России, и методах ее регулирования, возможно, подходит, например, для Казахстана, но никак не для России¹⁰.

Формально нулевой шаг завершился утверждением Правительством РФ Постановления от 15 мая 1998 г. «О концепции структурной реформы федерального железнодорожного транспорта». По этому постановлению МПС в рамках установки на «дробление» сбрасывало с себя балласт непрофильных и вспомогательных производств. Также признавалась необходимость

- разграничения естественно-монопольных и конкурентных видов деятельности. Но при этом исходя из практической целесо-

¹⁰ Нечто похожее по форме, как представляется, стремится в результате реформы получить ОАО «РЖД», не только меняя свою внутреннюю организацию, но и активно влияя на создание так называемого целевого рынка грузовых железнодорожных перевозок. Создана «Первая грузовая компания» – дочерняя структура ОАО «РЖД», в стадии становления «Вторая грузовая компания» с тем же статусом. Таким образом, происходит «мягкая» холдинговая вертикальная интеграция процессов перевозок и эксплуатации инфраструктуры.

образности допускалось сохранение обоих видов в одной организации;

- создания минимум шести-восьми грузовых компаний;
- создания альтернативных МПС и равноправных с ним участников рынка, имеющих равный доступ к инфраструктуре железных дорог и располагающих собственным вагонным парком или арендующих его у МПС.

Таким образом, нулевой шаг институционального проекта по реформированию МПС с точки зрения неформальной закончился выбором эволюционного варианта реформы, т.е. победой «градуалистов» МПС над правительственными «шокотерапевтами». Более того, в аспекте стратегическом МПС удалась роль осторожно оперирующего игрока, принимающего гарантированно выгодные для себя решения в игре с «природой». В роли «природы» оказалось правительство с не специфицированными целями вообще и в отношении железнодорожного монополиста в частности. Российское правительство не считало реформу МПС первоочередной задачей в силу ряда причин политического и экономического свойства: шла война в Чечне, в приоритетном порядке реформировались монополисты РАО «Газпром» и РАО «ЕС», проходили залоговые аукционы, росла социальная напряженность в стране. К тому же менялись председатели правительства и их заместители, курирующие реформу, и синхронно, но малопредсказуемо менялась железнодорожная политика [13]. На «знакопеременную», но «не злонамеренную» позицию правительства¹¹ существенно повлиял факт асимметрии информации о методах реформирования: профессионалы из МПС и приглашенные ими иностранные консультанты оказались компетентнее правительственных [15].

С методической точки зрения на нулевом шаге был вскрыт первый слой «радикальной» (невероятностной) неопределенности и появилась возможность институциональный проект реформирования

¹¹ Если отвлечься от личных интересов регулирующих чиновников, государственное регулирование, «как правило, обуславливается добрыми экономическими и социальными намерениями, когда контроль над прибылями и ценами задумывается для защиты потребителей (в нашем случае – клиентов МПС. – *Авт.*) от монопольной силы» [14, с. 178].

МПС развивать далее в ситуации риска. Возможно ли было на данном шаге исключить неопределенность полностью? Маловероятно. Параллельно осуществляемые железнодорожные реформы в Англии и Франции давали неоднозначные результаты, а отечественная экономическая наука стагнировала. Поэтому когда после дефолта 1998 г. начался восстановительный подъем российской экономики, что привело к росту перевозок по железным дорогам, «неожиданно» обнаружился дефицит провозных мощностей МПС, хотя ничего другого вследствие многолетних «недовложений» в подвижной состав и инфраструктуру железнодорожного транспорта ожидать не приходилось. Откладывать реформу далее было стратегически опасно, и после очередной смены министра МПС в 2001 г. реформе был дан официальный старт.

НЕНУЛЕВЫЕ ШАГИ

Подчеркнем еще раз, что ненулевые шаги в рамках проекта реформирования осуществлялись уже в стратегическом коридоре, определенном на шаге нулевом. После 10 лет дискуссий¹² с участием практически всех российских акторов процесса перевозок всех видов грузов и категорий пассажиров, а также с привлечением зарубежных экспертов в ходе многотуровых экспертиз была подтверждена правильность теоретического положения о противоречивости критериев общественной и коммерческой эффективности деятельности естественных монополистов типа МПС (см. рис. 1 и, например, работу [16]). Более того, выявились коалиции интересов, апеллирующие как к первой группе критериев и релевантным ей установкам на сохранение политического единства страны через единство железнодорожной сети и технологической устойчивости железнодорожного транспорта, так и ко второй группе критериев с установкой на приватизацию железных дорог и трансформацию государственного монополиста МПС в систему конкурирующих коммерческих перевозчиков. Уже этот публично установленный факт структурировал проблему и снизил

¹² Дискуссия началась еще в 1991 г. при правительстве И.С. Силаева [9].

уровень ее неопределенности¹³, что позволило на последующих шагах реализации институционального проекта реформирования МПС учесть многокритериальный его характер и направлять реформу на путь эволюционных Парето-улучшений [17].

Программа структурной реформы на железнодорожном транспорте [10], принятая в 2001 г., была уже не рекомендательным документом типа «Концепции...» нулевого шага, а директивным документом, обязательным к исполнению. Как средство дальнейшего снижения уровня неопределенности и продвижения к согласованному оптимуму по Парето эта программа во многом замечательна.

Несмотря на некоторую непоследовательность изложения текста основных положений и нечеткое разделение целей и средств их достижения, что, впрочем, характерно для стиля государственной бюрократии, в программе указаны две обобщенные стратегические цели реформирования МПС: *политическая*, сформулированная как необходимость поддержания социально-политической стабильности в стране, и *макроэкономическая*, отражающая необходимость обеспечения роста эффективности экономики в целом. Обе цели являются внешними по отношению как к бывшему МПС, так и к создаваемому ОАО «Российские железные дороги» (РЖД), а функции и структура этих организаций суть средства достижения указанных целей.

Тонкость здесь состоит в том, что реформируемый объект (МПС) в исходном дореформенном состоянии являлся сложной социотехнической системой, пространственно рассредоточенной и крупномасштабной, экономическим монополистом, фактически сильным квазигосударством в слабом государстве (Российской Федерации). Естественно, что у такой уникальной организации есть цели как совпадающие с государственными, так и не совпадающие с ними; последние нуждались в согласовании. Когда МПС совмещало функции регулирующей организации и хозяйствующего субъекта, проблема согласования была его внутренним делом. Реформа отменила прежние методы согласования и, по сути, ликвидировала последнее оставшееся от плановой эконо-

¹³ Заметим, кстати: из-за «недовскрытия» неопределенности по причинам латентности целевых установок и келейности обсуждений «тонуло» большинство реформ в СССР, собственно, породившего МПС и его проблемы.

номики министерство. Возникла проблема целеориентации системы государственного регулирования в отношении наследника МПС – ОАО «РЖД». В программе названы две обобщенные цели правительства – регулятора в монопольном секторе: 1) обеспечение *макроэкономической* эффективности; 2) обеспечение *баланса экономических интересов* клиентов и транспортников. Расшифровав содержание цели макроэкономической, вмененной регулятору в терминах ему же поставленных задач (как они сформулированы в программе), видим полное совпадение с целью, вменяемой в том же документе ОАО «РЖД», но уже в качестве цели *политической* (гармоничное развитие единой транспортной сети страны и ее экономики, обеспечение национальной безопасности и обороноспособности государства и т.п.).

Имеются и другие неясности. Например, программная макроэкономическая (не политическая) цель ОАО «РЖД» – «снижение совокупных народно-хозяйственных затрат на перевозки грузов железнодорожным транспортом» на деле зависит от того, как определяется понятие «совокупность». Если в состав совокупности входят потребители транспортных услуг, то сокращение затрат на перевозки нередко увеличивает затраты у клиентов, что противоречит цели политической. Если разрешение возникшего противоречия поручается самим железнодорожникам, то разделение политической и хозяйственной функций МПС выглядит нелогичным. То же самое касается цели «безопасность» как составной части цели политической: высокая безопасность стоит больших денег, что противоречит цели экономической – снижению затрат.

Примеры подобного рода можно было бы продолжить, в программе таких казусов немало. В итоге возникает вопрос: зачем было дробить и видоизменять железнодорожные структуры, разделять финансовые потоки и бухгалтерский учет, пересаживать чиновников и с большими затратами менять бренд бывшего МПС? Чтобы затем снова вменить те же самые плохо структурированные политические и экономические цели новой железнодорожной корпорации – естественно-му монополисту, а также регулятору – государству? Частично ответ содержится в той же программе, в разделе «Ожидаемые результаты реформирования». В оптимистическое заявление о том, что разрабо-

танная программа якобы позволит обеспечить цели реформирования, которым открывается раздел, трудно поверить. Если не ясна даже формулировка целей и непонятно, за достижение каких результатов отвечают железнодорожники, а каких – правительство, вероятность получения положительных результатов мала. Зато впечатляет подход к описанию результатов, которые будто бы позволят решить основные проблемы железнодорожного транспорта. Например, утверждается: ожидаемые устойчивость и безопасность работы (о нормативном уровне этих показателей умалчивается) железнодорожного транспорта будут обеспечены постепенностью и эволюционностью реформ и привлечением необходимых инвестиций. А если случится форс-мажор, вроде сегодняшнего кризиса, какова цена сохранения ожидаемых устойчивости и безопасности, взвешенная по вероятности? Или декларируется, что основные препятствия к развитию конкурентного рынка железнодорожных услуг будут устранены в результате разделения функций хозяйственной деятельности и государственного регулирования. Возможно ли эффективно разделить функции без четкого разделения целей, что, как показал анализ, имеет место в программе? Маловероятно.

Ожидаемым результатом объявляется существенное повышение мотивации и производительности труда работников железнодорожного транспорта. Результаты, фактически достигнутые к концу 2007 г. [18, 19] (завершение второго шага реформы), без комментариев приводятся в таблице и на рис. 5. Отметим только, что в период с 1966 по

Сравнительная характеристика российских и зарубежных железных дорог

Страна	Численность на 1 экспл. км, чел.	Производительность труда, т·км на 1 чел.
Казахстан	5,4	2234,3
Украина	13,6	749,7
Китай	36,2	1297,0
Канада	0,7	10733,0
США	0,8	13536,0
Россия	10,5	2800,1

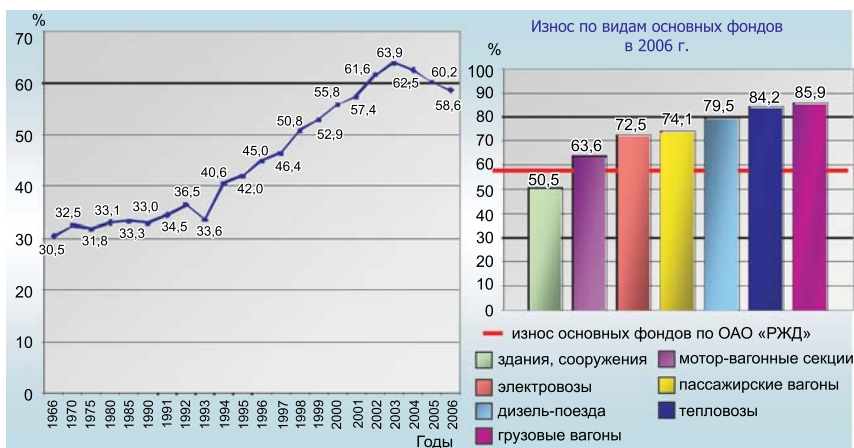

Рис. 5. Динамика износа основных фондов российских железных дорог

1992 г. износ основных фондов находился на уровне 30–34% благодаря их своевременному воспроизводству. В результате резкого сокращения объемов инвестиций с 1992 г. степень износа к 2003 г. достигла критической величины 63,9% и продолжает оставаться на высоком уровне. Износ основных фондов ОАО «РЖД» составляет 58,6%. Наибольшую степень износа имеет подвижной состав.

Понятно, что приведенные в таблице показатели нуждаются в уточнении, но даже устранение возможной ошибки «в разы» относительно величины производительности труда не сможет радикально поменять вывод о катастрофическом отставании железных дорог России от железных дорог США и Канады по этому показателю. Что касается уровня износа основных фондов наших железных дорог, то приведенные здесь показатели корреспондируют с показателями, приводимыми в программе, в том смысле, что за годы реформы они ухудшились.

Понятно, что при подобном качестве проработки основополагающего программного документа все последующие шаги реформы были неуверенными и плохо подготовленными с точки зрения методической. Тем не менее удалось выдержать эволюционный характер преобразований, сохранить технико-технологическое ядро МПС и придать динамизм развитию созданного ОАО «РЖД», позиционирующему

себя ныне в качестве управляющего холдинга с организационной моделью, структурированной по видам деятельности. Это несомненно позитивный результат, отвечающий специфике развития политической и экономической систем России на современном этапе. Не было допущено противостояния между регулятором и корпорацией, фактически возникла кооперация между государством и ОАО «РЖД» в форме так называемого легального картеля. Десять шагов к эффективности, указанные в одноименной статье В.И. Якунина, президента ОАО «РЖД» [20], суть, по нашему мнению, десять шагов по укреплению именно такой организационной формы, адекватной российской почве¹⁴.

Что касается Парето-улучшений, то процесс их наращивания по причине вышеупомянутой картелизации замедлился, и многие игроки на рынке транспортных услуг это чувствуют. Полагаем, что в период кризиса временные потери неизбежны, и все государства поддерживают в этой ситуации прежде всего системообразующие структуры. ОАО «РЖД» – именно такая структура, а в какой форме государство помогает корпорации пережить трудный период – вопрос интересный, но не столь важный. Кстати, кризис как явление вероятностное при должном уровне развития отечественной экономической науки мог бы быть предсказан, но этого не случилось. Оттого антикризисные институциональные решения в ситуации риска принимаются эмпирически, зачастую методом проб и ошибок. Время покажет, эффективен ли легальный картель «государство – ОАО «РЖД»» в период кризиса¹⁵.

¹⁴ К сожалению, в упомянутой статье не названы одиннадцатый шаг – снижение затрат естественного монополиста и должные методы контроля за этим показателем со стороны государства.

¹⁵ Когда настоящая статья готовилась к печати, появилась информация об успешном размещении дебютного выпуска еврооблигаций ОАО «РЖД». Компания сумела занять 1,5 млрд долл. США на 7–10 лет под 5,739% годовых. По оценке президента ОАО «РЖД», такой успех является беспрецедентным. Что неудивительно: за несколько дней до начала размещения международное рейтинговое агентство «Fitch» присвоило эмиссии облигаций компании рейтинг, соответствующий суверенному рейтингу России. По мнению специалистов агентства, это отражает 100-процентную принадлежность компании государству и ее стратегическую роль в экономике и обществе страны [21].

ШАГИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ

Развивая тему легального картеля в интересующем нас стратегическом аспекте и проецируя ее на развитие институционального проекта реформирования железнодорожного транспорта России в будущем, проанализируем имеющиеся альтернативы. Если факт возникновения легального картеля комментировать конструктивно, т.е. не как реинкарнацию МПС в рыночной ипостаси, а как известный в мировой железнодорожной практике вариант регуляторной модели, когда естественный монополист сам стремится стать *регулируемым*, возникает вопрос: что дальше? Как быть с первоначально исходными для железнодорожных реформ во всех странах мира либеральными установками «дробить», «коммерциализовать» и самой главной из них – стимулировать конкурентную борьбу между «раздробленными» в интересах общества? Мировой экономический кризис ставит под сомнение правильность подобных рецептов в мировом масштабе, результаты реализации рассматриваемого нами проекта свидетельствуют о том же в масштабе общероссийском. В частности, необходимо критически проанализировать один из стратегических советов специалистов Всемирного банка, непосредственно участвовавших в разработке проекта реформирования МПС на нулевом шаге.

Еще на этапе формирования проектного замысла (1993 г.) специалистами Всемирного банка была представлена стратегическая идея реформирования железнодорожного транспорта России [9]. Идея, не потерявшая актуальности и сегодня, заключается в следующем. Предлагается с целью обеспечения внутрироссийской конкуренции на железнодорожном транспорте сначала слить в единую систему региональные железные дороги, а затем систему разделить на вертикально интегрированные компании, конкурирующие на параллельных линиях от Байкала до Москвы и далее до западных границ России. Созданные компании будут *совместно* владеть железными дорогами восточнее Байкала (как бы одним мостом для нескольких пользователей), что в конечном итоге должно обеспечить внутреннюю конкуренцию на всем пути из Европы в Азию.

В долгосрочной перспективе после сооружения Северосибирской железнодорожной магистрали, строительство которой включено в стратегию развития железных дорог России [3], и завершения реконструкции БАМа, которая уже началась в 2009 г. [22], сходный, но более эффективный по уровню конкуренции вариант развития структурной реформы, представляется вполне реальным. Действительно, сооружение Севсиба ликвидирует проблему тайшетской горловины, а реконструкция недогруженного БАМа – проблему одновариантного моста от Байкала до побережья Тихого океана.

Стратегический выбор, перед которым, по нашему мнению, стоит легальный картель, заключается в том, каким способом превратить холдинг ОАО «РЖД», доминирующий сегодня на российском рынке транспортных услуг, в международного перевозчика – мощного конкурента иностранных компаний на мировом рынке. Возможны альтернативы. Назовем некоторые из них.

Инерционная альтернатива (с точки зрения сложившейся в России траектории структурной реформы) заключается в том, что на рынок выходит холдинг ОАО «РЖД» и, опираясь на государственную поддержку и (пока потенциальные) конкурентные преимущества межстранового и межконтинентального перевозчика, занимает достойную для великой транспортной державы рыночную нишу.

Неинерционная альтернатива состоит в том, что легальный картель со временем самоликвидируется, ОАО «РЖД» превращается в ассоциацию вертикально интегрированных железнодорожных компаний, конкурирующих на параллельных линиях от западных до восточных границ России. Железные дороги России, каждая самостоятельно, интегрируются в мировую железнодорожную сеть.

Контрастное различие альтернатив заключается в конкретизации использования механизма конкуренции в качестве наиболее мощного инструмента повышения общественной эффективности железнодорожного транспорта: в первом случае – при внешней конкуренции, во втором – при внутренней плюс внешней. Выяснение того, какая из стратегических альтернатив предпочтительнее по критерию ожидаемой эффективности, т.е. с учетом факторов неопределенности и риска, требует углубленных научных проработок в академических и отраслевых на-

учно-исследовательских организациях¹⁶. Уже официально принятую и частично реализуемую правительством железнодорожную стратегию в ходе выполнения соответствующего исследовательского проекта следует регулярно обновлять в скользящем режиме, смещая в будущее горизонт анализа и совершенствуя методику разработки стратегий. Без этого, как представляется, еще долго сохранится ситуация, по поводу которой В.В. Путин, будучи Президентом России, сказал: «С точки зрения развития транспортной инфраструктуры наша страна и наша экономика являются весьма запущенными» [24].

Литература

1. **Кибалов Е.Б., Кин А.А.** Учет фактора неопределенности при оценке крупномасштабных регионально-транспортных проектов // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 3. – С. 67–91.
2. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экон. книги «Начало», 1997. – 180 с.
3. **Стратегия** развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года: Постановление Правительства РФ № 877-р от 17.06.2008 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 29, ч. II. – Ст. 3537.
4. **О концепции** структурной реформы федерального железнодорожного транспорта: Постановление Правительства РФ от 15.05.1998 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 20. – Ст. 2159.
5. **Обзор** регуляторной реформы по железным дорогам Российской Федерации. Обновленные краткие выводы и заключения, 9 февраля 2005 года. ECMT, 2005 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/files/16704/1_218RussianToolkit.pdf (дата обращения 07.01.2010).
6. **Соколов Ю.И.** Проблемы и методы формирования спроса на грузовые железнодорожные перевозки. – М.: Маршрут, 2005. – 128 с.

¹⁶ Отечественные пионерные работы в этом направлении были выполнены и опубликованы до 1998 г. (см., например, [23]), т.е. еще до реализации нулевого шага реформирования МПС. Теперь, когда практически завершен третий шаг институционального проекта реформирования и подводятся его итоги, полезно было бы указанные разработки интенсифицировать и должным образом профинансировать. Это позволило бы бесценный опыт *институционального экспериментирования* в России не «положить на полку», как это нередко бывает, а обобщить, нарастив, таким образом, знания по крайней мере о том, чего не следует делать при дальнейшем развитии проекта.

7. **Программа** реструктуризации железнодорожного транспорта Казахстана на 2001–2005 гг. // Магистраль. – 2001. – № 7. – С. 26–27.

8. **Инструментарий** для оценки воздействия на конкуренцию. Версия 1.0. OECL, 2007 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.fas.gov.ru/files/16704/1_218RussianToolkit.pdf (дата обращения 10.01.2010).

9. **Стратегия** Российской Федерации в области транспорта: Доклад о положении дел в отрасли / Отдел инфраструктуры, энергетики и окружающей среды. Департамент по странам 3. Регион Европы и Центральной Азии, МФК. – Всемирный банк, май 1993. – 262 с.

10. **Программа** структурной реформы на железнодорожном транспорте. Утверждена Правительством Российской Федерации от 18 мая 2001 г. № 384 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2366.

11. **Томин В.** Куда летит наш паровоз? Концепция железнодорожной реформы вызывает много вопросов // Век. – 2000. – № 40 (405). – С. 5 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/presse/vek/200010061.htm> (дата обращения 15.03.2010).

12. Независимая газета. – 2001. – 31 мая.

13. Коммерсантъ Business Guide. – 2008. – № 197.

14. **Заславская Т.И.** Социальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002. – 568 с.

15. Коммерсантъ. – 2001. – 31 янв.

16. **Массе П.** Критерии и методы оптимального определения капиталовложений / Пер. с фр. Ф.Р. Окуновой и А.И. Гладышевского; науч. ред. А.В. Жданко. – М.: Статистика. 1971. – 502 с.

17. **Тамбовцев В.Л.** Основы институционального проектирования: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 144 с.

18. **Стратегия** развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года (проект 2007 г.) [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://doc.rzd.ru/wps/portal/doc?structure_id=5086 & layer_id=373 & id=3751 (дата обращения 05.06.2008).

19. Гудок. – 2007. – 24-25 окт.

20. **Якунин В.** Десять шагов к эффективности [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/33/10_shagov_k_effektivnosti/ (дата обращения 05.01.2010).

21. Гудок. – 2010. – 20 марта.

22. <http://vtinform.ru/smi/150/42927.php> (дата обращения 05.01.2010).

23. **Тамбовцев В.Л.** Теоретические вопросы институционального проектирования // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 82–94.

24. Ведомости. – 2007. – 13 нояб.

АНТИКРИЗИСНЫЕ РЕЦЕПТЫ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ

С.Н. Чирихин

*Управление федеральной антимонопольной службы
по Новосибирской области*

Аннотация

Показана актуальность трансформации государственной политики управления отраслью электроэнергетики в условиях кризиса с учетом негативных тенденций изменения ее состояния и проводимой реформы. Обосновывается, что одним из направлений такой трансформации является активизация государственной поддержки создания предприятиями объектов малой и автономной электрогенерации. Подчеркивается необходимость изменения подходов к проведению государственной политики в отрасли прежде всего на региональном уровне.

Ключевые слова: электроэнергетика, государственная политика, инвестиционный голод, реформа в отрасли, кризис, собственная генерация, возобновляемые ресурсы

Abstract

The paper shows that, because of negative impacts of the crisis and the reform taking place in the electrical energy industry, there is a necessity to transform the governmental policy concerning the management in this industry. One of the ways to such transformation, as we suppose, is to provide governmental support for building the small and autonomous enterprises producing electric power. First and foremost, the transformation should be done at the regional levels.

Keywords: electrical energy industry, governmental policy, investment «hunger», sectoral reform, crisis, own energy production, renewable resources

Существующие в настоящее время подходы к формированию и реализации государственной политики в области электроэнергетики базируются на экстраполяции сложившихся тенденций. Эти подходы имеют такие недостатки, как ориентация на эксплуатацию устаревших технологий, чрезмерную централизацию и концентрацию производственных мощностей, применение в качестве сырья невозобновляемых источников энергии. Указанные особенности приводят к возникновению существенных рисков для устойчивого функционирования отрасли, которые в полной мере проявили себя в условиях экономической нестабильности.

Главным направлением воздействия государства на рынок является установление тарифов на электроэнергию в размере, сбалансированно учитывающем интересы участников рынка. При этом потребители стремятся обосновать необходимость снижения тарифов в целях повышения своей конкурентоспособности, а производители доказывают, что тарифы и так существенно занижены и по этой причине у них не хватает инвестиционных ресурсов. Еще до того как экономический кризис стал очевидным, российский бизнес активно лоббировал в органах управления отказ от замораживания тарифов на уровне 2008 г. В качестве обоснования роста цен энергетики апеллировали к мировой динамике энерготарифов, увеличение которых за последние три года составило 1,8–2 раза. В России тарифы на электроэнергию в 2009 г. повысились в среднем на 25%. Этот рост, безусловно, существенно сократил возможности отечественного бизнеса успешно противодействовать кризису, хотя расширил инвестиционные возможности энергокомпаний.

Государственное регулирование тарифов в электроэнергетике в настоящее время никак нельзя назвать эффективным. Об этом свидетельствуют прежде всего грубые просчеты в прогнозировании цен на топливо в 2008 г. Прогнозные цены, заложенные в тариф регулируемыми органами, оказались в несколько раз ниже фактических [1], и по этой причине имело место значительное недоинвестирование отрасли. Повышение тарифов в 2009 г. отрицательно сказалось на деловой активности потребителей электроэнергии. Таким образом, отчетливо видно колебание маятника государственного тарифного регулирования.

ния то в сторону недостаточного учета интересов производителей энергии, то в сторону ущемления возможностей ее потребителей.

Остается далеким от идеала и другое направление государственного управления отраслью – установление правил технологического присоединения потребителей к электрическим сетям. В России сегодня нет регионов, которые бы не столкнулись с этой проблемой. Основными сложностями до недавнего времени являлись высокая цена за присоединение, ограничение потребляемой мощности, распространение практики требования стопроцентной предоплаты. Также имела место проблема немотивированных отказов потребителям со стороны сетевых компаний и в целом бесправия потребителей по отношению к ним.

Последние новации в данной сфере связаны с внесением в феврале 2009 г. изменений в Правила технологического присоединения энергопринимающих устройств юридических и физических лиц к электрическим сетям и принятием тогда же Постановления Правительства РФ «О ценообразовании в отношении электрической и тепловой энергии в Российской Федерации». Согласно новым правилам плата за технологическое присоединение энергопринимающих устройств максимальной мощностью до 15 кВт устанавливается исходя из стоимости мероприятий по технологическому присоединению в размере не более 550 руб. Ранее плата за подобное присоединение в крупных городах могла достигать 100 тыс. руб. и более за 1 кВт.

Однако представители малого и среднего бизнеса считают, что установление фиксированной цены – не та мера, которая будет способствовать упрощению схемы подключения электроэнергии. Процесс усложняется и замедляется самой бюрократической системой управления энергокомпаниями. Процесс сбора документов на подключение занимает порой несколько месяцев. Установление фиксированной платы не лишит энергетические компании возможности устанавливать за подключение ту цену, которую они считают необходимой. Формально при подключении предприятий малого и среднего бизнеса к сетям энергоснабжения существует фиксированная оплата и поставщики не имеют права взимать с них большую. Сложность заключается не столько в цене, сколько в том, что предпринимателю сообщают об отсутствии технической возможности, но добавляют, что она мо-

жет появиться при определенных условиях. То есть первоначальная фиксированная оплата не имеет принципиального значения, так как далее могут предложить, например, заменить трансформаторную подстанцию, потому что существующая устарела. А трансформаторная подстанция может стоить сколько угодно. Таким образом, согласование размера затрат на улучшения, которые заложены в технических условиях, и является тем незадокументированным процессом, который усложняет процедуру подключения. В этом смысле позиция энергетиков неуязвима, потому что на многих участках есть технические проблемы, которые влияют на безопасность, и их нужно решать. В итоге при подключении небольшого объекта могут потребоваться весьма солидные средства.

Стоит отметить, что ситуацию не исправляет и такое направление государственного регулирования, как применение антимонопольного законодательства. Предприятия, как правило, не обращаются в антимонопольную службу с жалобами на нарушения со стороны энергетиков при подключении энергии. Это объясняется тем, что предпринимателям зачастую проще заплатить, чем жаловаться. Очень немногие могут доказать, что у энергоснабжающей компании есть техническая возможность их подключить, так как не имеют доступа к этим сведениям. Кроме того, разбирательство может оказаться очень долгим.

Неэффективность государственного регулирования отрасли усугубляется инвестиционным голодом. Несмотря на непростые общие экономические условия, сохраняет свое действие распоряжение Правительства РФ от 22 февраля 2008 г., которое одобрило Генеральную схему размещения объектов электроэнергетики до 2020 года [2]. Ухудшившиеся экономические условия не снимают с энергетиков жесткие обязательства по выполнению инвестиционных проектов (если новые мощности не вводятся, налагается штраф размером до 25% от всей инвестиционной программы). Генеральная схема предусматривает ввод в 2008–2012 гг. новых объектов суммарной мощностью 44,7 ГВт (без учета АЭС). Однако, например, эксперты ОАО «Сибирский ЭНТЦ» (г. Новосибирск) единодушны в том, что генсхема по срокам ввода энергомошностей не будет соблюдена, особенно в части строительства энергоблоков, работающих на угле [1].

В настоящее время в Сибири сложилась практика возведения теплоэлектростанций только на угле. Стоимость их строительства в 2 раза превышает стоимость строительства газовых станций, а кроме того, газовые строятся в 2 раза быстрее угольных. Однако в Сибири тарифы на электроэнергию в 2 раза меньше, чем в европейской части страны. По оценкам экспертов, при существующем уровне тарифов срок окупаемости проектов в сфере угольной генерации достигает 50–100 лет, что не может в принципе быть привлекательным для бизнеса. Привлекательность же появляется при росте тарифов в 3–4 раза, что очевидно неприемлемо из-за возникающей в этом случае чрезмерной социальной и экономической нагрузки. Таким образом, в целом проблема реализации инвестиционных программ в сфере электроэнергетики до сих пор не имеет адекватного решения.

К сказанному следует добавить, что износ оборудования в отрасли достигает угрожающих размеров [1]. Например, в Сибири износ электрооборудования в среднем составляет 65%, при этом в СФО есть регионы, где он доходит до 80–84%. Мировая практика диктует совершенно иные требования. Для нормального функционирования энергетики и удовлетворения потребностей населения и экономики износ оборудования и сетей не должен превышать 45–50%.

Определенные сложности для участников рынка создает проводимая государством реформа электроэнергетики. Изначально ее главной целью определялись повышение эффективности предприятий отрасли и создание условий для ее развития на основе стимулирования инвестиций, а также обеспечение надежного и бесперебойного энергоснабжения потребителей. В ходе реорганизации разделились естественно-монопольные (передача электроэнергии, оперативно-диспетчерское управление) и потенциально конкурентные (производство и сбыт электроэнергии, ремонт и сервис) функции. В итоге вместо прежних вертикально интегрированных компаний, выполнявших все эти функции, были образованы предприятия, специализирующиеся на отдельных видах деятельности.

На сегодня в стране действует масштабный либерализованный оптовый рынок электроэнергии (ОРЭМ). В результате реформы у крупных потребителей появилась реальная возможность выбирать

поставщика – независимую энергосбытовую компанию, и этой возможностью они не преминули воспользоваться. Кузбасс является самым «насыщенным» регионом по активности независимых энергосбытовых компаний, предлагающих свои услуги потребителям в альтернативу традиционным гарантирующим поставщикам, и это предложение находит своего потребителя. В 2008 г. шесть независимых энергосбытовых компаний начали закупать энергию на ОРЭМ для кузбасских крупных промпотребителей. В результате уже в 2008 г. ОАО «Кузбассэнергосбыт» вынуждено было сократить объемы поставок электроэнергии почти на 50%. В числе клиентов «Кузбассэнергосбыта» остались население, социальная сфера, малые и средние предприятия и сельхозпроизводители.

Потеря крупных потребителей электроэнергии негативно скажется на финансовой деятельности «Кузбассэнергосбыта». Не случайно гарантирующие поставщики в качестве антикризисной меры предлагают органам власти ввести на период кризиса временный запрет на выход крупных потребителей электроэнергии на ОРЭМ и считают необходимым принятие регламента о порядке компенсации выпадающих доходов гарантирующих поставщиков в связи с уходом от них крупных потребителей на ОРЭМ. Во многом их финансовые показатели сегодня зависят от того, как регулирующие органы будут возмещать эти выпадающие доходы. Скорее всего, возмещение будет частичным, и следует ожидать, что финансовое положение таких энергокомпаний ухудшится. В результате вырастут розничные тарифы, что еще в большей степени ухудшит положение розничных потребителей, не имеющих возможности выхода на оптовый рынок вследствие дороговизны приобретения необходимого для такого выхода соответствующего сложного технологического оборудования.

Можно констатировать, что проводимая в отрасли реформа половинчата и не закончена, поскольку не созданы условия для развития конкуренции между компаниями, поставляющими энергию розничным потребителям, а у последних не увеличились возможности выбора поставщика. Более того, реформа даже ухудшила положение мелких и средних предприятий, которые в условиях ухода от гарантирующих поставщиков крупных потребителей вынуждены компенсиро-

вать поставщикам возникающие у них в связи с этим дополнительные убытки. Все это происходит за счет повышенного тарифа гарантирующего поставщика для розничных потребителей. Таким образом, на розничном рынке монополизм не только не исчез, но даже усилился в виде ужесточения диктата энергокомпаний.

Рассматриваемую ситуацию в отрасли усугубляет экономический кризис. По данным опроса, проведенного среди предпринимателей [3], в условиях кризиса именно рост тарифов на продукцию субъектов естественных монополий является самым угнетающим деловую активность фактором, – это отметили более половины опрошенных.

В результате действия кризиса тенденции резкого сокращения объемов потребления электрической энергии стали реальностью. До 2009 г. энергопотребление в России росло в среднем на 4% в год. С осени 2008 г. основные потребители начали сокращать производство, и спрос на электричество упал: в ноябре – на 6,6%, в декабре – на 5%. В итоге в целом за 2008 г. энергопотребление выросло всего на 1,9% по отношению к уровню 2007 г. В 2009 г. падение составило в регионах от 4 до 8,5%.

Кризис проявился также в снижении доступности кредитов для предприятий энергетического сектора и падении стоимости их акций. Сегодня банки либо совсем не выдают кредиты, либо выдают их под высокие проценты (ставки для энергокомпаний в течение 2009 г. выросли с 8 до 15%). При таких условиях брать кредиты для строительства новых станций невозможно. В полной мере проявляет себя рост неплатежей со стороны потребителей. Так, по состоянию на начало 2010 г. по 20 основным энергосбытовым компаниям Сибири долги потребителей превысили 6 млрд руб.

Таким образом, состояние отрасли в целом характеризуется такими негативными явлениями, как неэффективное госрегулирование, хроническое недоинвестирование, половинчатость и незавершенность проводимых реформ, интенсивное проявление экономического кризиса. Причем это прямое следствие просчетов в реализации проводимой государственной политики, на что прямо указывают ряд авторов [4, 5].

Ответом на рост цен на энергоресурсы в централизованной распределительной сети и на возникновение и увеличение существенных производственных рисков электроснабжения становится автономное производство электроэнергии пользователями для своих собственных нужд. Если доля затрат на тепло и электричество в себестоимости производимой продукции или услуг достигает 15–20%, то у пользователя есть все основания подумать о собственной энергетике – она себя оправдает. В настоящее время уже имеются далеко не единичные примеры принятия и осуществления таких решений (Новосибирский инструментальный завод, ОАО «Томский инструмент», АО «Азот», ОАО «Каскад-энерго» в Кузбассе и др.).

Мировой опыт свидетельствует о возрастающей роли малой энергетики. По данным исполкома форума стран – экспортеров газа, за счет удешевления технологий сжижения газа и вследствие этого легкой его доставки по выгодным ценам к 2030 г. в развитых странах планируется производить на газе каждый третий киловатт электроэнергии [6]. В Финляндии, имеющей схожие климатические условия с восточными районами России, признано выгодным использование установок малой энергетики (тепловых электростанций, парогазовых установок и установок когенерации). Например, коэффициент полезного действия когенерационной установки (КГУ) достигает 90%. Срок окупаемости строительства варьирует от одного года до пяти лет в зависимости от сложности установки, цен на энергоносители и состава оборудования. По окончании срока окупаемости экономия может достигать 50% от стоимости централизованных тарифов. Если КГУ подключить к центральной электро- или теплосети, то она может стать источником дополнительного дохода, так как избыточную энергию можно продавать. С учетом требований экологов к безопасности выбросов в окружающую среду и удорожания энергии угольных и атомных электростанций экономический эффект от применения КГУ и парогазовых установок, работающих на природном газе, даже при малых мощностях в 50–300 МВт бесспорен. Несомненными плюсами являются меньшие по сравнению с традиционными станциями размеры и возможность сооружения в минимальные сроки в непосредст-

венной близости от потребителей – промышленных предприятий, небольших городов и поселков. В автоматическом режиме КГУ будут выдавать именно тот объем энергии, который необходим, что очень важно в малопредсказуемых условиях ведения бизнеса при экономическом кризисе.

Западная Европа и Япония уже давно задумались не только об энергосберегающих технологиях, но и об альтернативных источниках энергии. В Дании, которая в 1973–1974 гг. пережила тяжелый энергетический кризис, в качестве альтернативных источников энергии приняли солому, отходы древесины, жидкие навозные стоки и бытовые отходы. В 2005 г. правительство Дании стимулировало использование энергетическими компаниями 1,5 млн т биомассы для производства электроэнергии. Ежегодное потребление для этих целей древесных отходов должно теперь увеличиваться на 0,5 млн т, соломы – на 530 тыс. т. В стране функционирует 77 ТЭЦ, сырьем для которых служат щепы и древесные гранулы. Они поставляют тепло и электроэнергию для систем централизованного водоснабжения. Дания и другие развитые страны при массовой реализации таких проектов преследуют три основные цели: обеспечивают собственную энергетическую безопасность, поддерживают экологический баланс, сохраняют энергоресурсы своих стран для будущих поколений.

Развитие альтернативной энергетики является одним из приоритетных направлений экономической политики администрации Б. Обамы [7]. Будучи сенатором, Обама неоднократно публично выступал за развитие альтернативной энергетики. Во время предвыборной президентской кампании он представил свое видение реформирования отрасли, выдвинув масштабный план, в основу которого были положены две идеи: энергетическая независимость от нефти (прежде всего ближневосточной и венесуэльской) и развитие альтернативной энергетики. Объем «зеленых» инвестиций должен был составить 150 млрд долл. за 10 лет, благодаря чему к 2012 г. доля энергии, получаемой из альтернативных источников, должна достичь 10%, а к 2025 г. – 25%. Став президентом, Обама включил альтернативную энергетику в качестве одной из стратегически важных частей в антикризисную программу спасения

американской экономики. Из бюджета (787 млрд долл.) на модернизацию энергетической отрасли предусмотрено 30 млрд долл.

В условиях Сибири использование автономных источников энергии более чем оправданно по причинам больших расстояний (требуются значительные капитальные затраты на доставку электроэнергии потребителям), сурового климата (увеличиваются затраты на эксплуатацию оборудования), повышенного износа оборудования в электроэнергетике, наличия мощной ресурсной базы для автономного электроснабжения. Приведем несколько примеров. Для типового проекта электроснабжения городского торгового комплекса площадью 15,6 тыс. кв. м в г. Новосибирске стоимость подключения к городским сетям составляет 170 млн руб., тариф за 1 кВтч – 2,18 руб. При использовании соответствующего автономного источника электроснабжения мощностью 1000 кВт стоимость оборудования с проектированием, установкой и пусконаладкой составляет 65 млн руб., а стоимость 1 кВтч – 0,59 руб. Для типового проекта электроснабжения жилого комплекса, состоящего из трех жилых домов в г. Новосибирске (максимальная электрическая нагрузка на объекте – 500 кВт), стоимость подключения к городским сетям составляет 1 млрд руб., тариф за 1 кВтч – 1,6 руб. При использовании автономного источника электроснабжения стоимость оборудования с проектированием, установкой и пусконаладкой составляет 20–40 млн руб. в зависимости от выбранного оборудования, а стоимость 1 кВтч – 1,08 руб.

Помимо применения газовых станций в Сибирском федеральном округе в целом сегодня сложилась оптимальная ситуация для создания и развития системы малой энергетики на базе местных ресурсов и отечественных технологий [8, 9]. Однако актуализации данной проблемы в связи с кризисными явлениями в экономике пока не произошло.

Одним из самых востребованных видов топлива для локальных электростанций являются отходы лесоперерабатывающей промышленности. По СФО в среднем за год в процессе лесопользования и лесопереработки остаются невостребованными более 13 млн куб. м отходов и низкосортного сырья. Из них только 3,3 млн куб. м используется для производства конечной продукции – древесных плит, целлю-

лозы. Дело не только в том, что отвалы из опилок и щепы негативно влияют на экологию и не позволяют лесопромышленникам и лесозаготовителям получать максимальный экономический эффект от своей деятельности. В дополнение к этому следует иметь в виду упущенную возможность решить проблемы энергетической безопасности отдаленных регионов наиболее дешевым и эффективным способом, используя то, что лежит в буквальном смысле под ногами и воспринимается как мусор.

Оборудование для локальных источников энергии, работающих на возобновляемых ресурсах, в настоящее время на рынке представлено в достаточной степени. Так, например, котельный завод в г. Бийске занимается разработкой и внедрением технологий локальной энергогенерации, обеспечивающих получение стабильных параметров пара на сжигаемых угле, газе, а также нетрадиционных видах топлива (лузга подсолнечника, гречки и т.д.), древесных отходах (кора, щепа с влажностью более 50%, шлифовальная пыль), торфе.

В России уже имеются примеры инвестиционной активности по возведению объектов локальной энергетики на возобновляемых ресурсах [10]. В 2008 г. ростовский агрохолдинг «Астон» и британская «Camco International» подписали контракт о сотрудничестве. Проект предусматривает утилизацию отходов маслоперерабатывающего производства «Астон» для получения технологического пара и электроэнергии. На базе маслоэкстракционных заводов в Морозовске и Миллерове сооружаются электростанции, работающие на лузге подсолнечника. Мощность электростанций – по 6 МВт каждая, инвестиции – около 32 млн долл. США собственных средств компании. До 2012 г. «Camco International» продаст квоты на выбросы в атмосферу на 800 тыс. т на международном углеродном рынке, и «Астон» сможет компенсировать за счет этого примерно 20% инвестиций в строительство электростанций. Конечно, капиталоемкость в малой энергетике выше в 2,5–3 раза по сравнению, например, с угольной энергетикой, однако и стоимость электроэнергии при использовании указанного вида топлива ниже в 5 раз.

Помимо биотоплива Сибирский федеральный округ обладает значительными гидроэнергетическими ресурсами. Только в Алтайском крае насчитывается 17085 рек. Практически возле каждой реки расположены населенные пункты, туркомплексы, фермерские хозяйства, где нет централизованного энергоснабжения. Решение проблемы – внедрение малых гидроэнергетических станций (МГЭС), где будут установлены гидротурбины и водяные колеса для выработки электроэнергии за счет использования потенциала малых рек и водотоков. В рамках развития туристско-рекреационной и игровой зон создание МГЭС также экономически целесообразно и перспективно.

В результате обследования 30 рек бассейна р. Катунь установлена экономическая целесообразность строительства 35 малых ГЭС [11]. И конечно, важнейшее положительное значение имеет социальный эффект строительства малых ГЭС, выражающийся в стабилизации тарифов на энергию и создании новых рабочих мест.

Таким образом, в условиях кризиса, когда первой антикризисной мерой является сокращение издержек, субъектам хозяйствования есть прямой экономический резон рассмотреть возможность создания собственной электрогенерации (а попутно и теплогенерации). Для этого в настоящее время существуют все условия, а эффективность таких решений достаточно очевидна. Сегодня указанным рецептом наиболее активные субъекты хозяйствования уже пользуются. Об этом свидетельствуют рост объемов продаж оборудования для автономной энергогенерации в Новосибирской области на 25% в 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, а также увеличение на 70% количества потенциальных клиентов, ведущих переговоры о поставке такого оборудования. Отметим также, что банки при существующих возросших кредитных рисках объемы выдачи кредитов на закупку данного вида оборудования не сократили.

Органам власти в целях реализации мер по системному противодействию кризису и повышения для этого эффективности функционирования субъектов хозяйствования на подведомственной территории в качестве антикризисного рецепта можно рекомендовать мероприятия по стимулированию создания этими субъектами собственной

энергогенерации. Среди типовых мероприятий по развитию малой энергетики следует назвать

- предоставление инвестиционных льгот по соответствующим проектам;
- организационную и информационную поддержку производителей и поставщиков проектных решений по автономной энергогенерации;
- стимулирование газификации регионов, в том числе приглашение к работе в регионе поставщиков, альтернативных «Газпрому»;
- принятие законов, регулирующих включение источников локальной электроэнергии в состав региональных центральных сетей. Это позволит производителям энергии реализовывать ее излишки на рынке или докупать необходимое ее количество;
- кредитное стимулирование активности хозяйствующих субъектов в сфере автономной энергогенерации.

Последние две меры выделим как ключевые, поскольку они полностью соответствуют распространенной мировой практике [12] и, на наш взгляд, наиболее актуальны и эффективны. Мировая практика подтверждает обязанность централизованных сетей закупать излишек электроэнергии (если такой образуется) у малых источников. Также следует отметить распространенность беспроцентного кредитования за счет бюджета деятельности предприятий по возведению таких источников [12].

В настоящее время некоторые финансовые институты вместе с органами власти готовы поддержать промышленников в этом вопросе. Например, для его решения «МДМ-Банк» совместно с IFC разработал и реализует специализированную программу по финансированию энергоэффективных проектов – «МДМ-Энергия». Государственная поддержка предприятий в области создания собственных энерго мощностей необходима и потому, что некоторые из крупных потребителей электроэнергии, например «РУСАЛ», уже имеют планы создания энергообъектов за рубежом, несмотря на очевидные значительные риски, с которыми сопряжено такое решение. При этом за рубежом размещается соответствующая база налогообложения, что, естественно, в целом регионам невыгодно.

Массовое создание источников автономного энергоснабжения будет иметь своим последствием развитие конкуренции на рынке электроснабжения. В условиях естественной монополии, которые господствуют на рынке электроэнергии, основным фактором развития конкуренции может выступать только потенциальная конкуренция, когда у потребителей должна быть в полной мере реализована техническая и экономическая возможность создания собственного источника энергоснабжения. В таких условиях собственники централизованных сетей получают дополнительные стимулы для повышения своей конкурентоспособности, лучшего удовлетворения интересов клиентов и внедрения передовых технологий. В частности, на энергопредприятиях до сих пор не нашли должного применения технологии, которые позволяют станциям работать на угле с нулевым выбросом, – так называемые «чистые» угольные установки со сжиганием топлива в кипящем слое. По поводу данной проблемы существует достаточно много публикаций (см., например, [8]), однако авторы, как правило, не увязывают ее решение с развитием автономного энергоснабжения.

Развитие системы электроснабжения на базе автономных источников вовсе не должно означать полный отказ от применения традиционной энергетики, основанной на централизованном использовании угля и газа. Необходимо сменить акценты в государственном планировании стратегии развития региональных энергосистем, сосредоточив усилия государства в наибольшей степени на предоставлении пользователям максимальной свободы выбора относительно удовлетворения своих потребностей в электроснабжении и на формировании на этой основе конкурентной среды в отрасли.

Создание локальных систем электроснабжения как направление государственной политики носит инновационный характер, поскольку, во-первых, требует разработки и апробирования передовых технологий, во-вторых, предполагает применение принципиально новых видов оборудования, в-третьих, формирует предпосылки для построения и реализации систем организации и регулирования рынка, существенно отличающихся от используемых в настоящее время в отношении региональных и локальных монополистов.

Время кризиса – особое время, когда у предприятий возникают дополнительные стимулы к укреплению своей конкурентоспособности,

и снижение затрат на энергопотребление – одно из направлений такого укрепления. Дело органов власти – помочь предприятиям пережить кризис и выйти из него окрепшими. Вспомним, что программы масштабного развития автономного энергоснабжения в Дании и США родились в ответ на кризисные явления.

Литература

1. **Коломейцева О., Сницарь О.** Тарифная пауза [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.ksonline.ru/nomer/ks/-/jid/414/cat_id/6/id/20662 (дата обращения 04.02.2010).
2. **Распоряжение** Правительства РФ от 22.02.2008 № 215-р «О Генеральной схеме размещения объектов электроэнергетики до 2020 года» [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=EXP;n=417830> (дата обращения 04.02.2010).
3. **Титов Д.** Деловая активность падает по вине государства // Экономика и жизнь. – 2009. – № 3.
4. **Гранберг А.Г., Михеева Н.Н., Ершов Б.С. и др.** Воздействие мирового кризиса на стратегию пространственного социально-экономического развития Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 4. – С. 69–101.
5. **Карманова Н.Е.** В переходной экономике и кризисы переходные // ЭКО. – 2009. – № 11. – С. 2–12.
6. **Дубинская А.** Что согрееет человечество? // Экономика и жизнь. – 2006. – № 24.
7. **Обама** против нефти [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.tetra-electric.ru/press-centr/pressa_ob_otrasli/obama_protiv_nefti (дата обращения 04.02.2010).
8. **Федосеев В.И., Радченко С.М.** Инновационная стратегия развития угольной энергетики России // ЭКО. – 2009. – № 8. – С. 27–40.
9. **Деревянные** киловатты [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.ksonline.ru/search/?search_query=%E4%E5%F0%E5%E2%FF%ED%ED%FI (дата обращения 04.02.2010).
10. **Компенсация** за лужанье семечек // Крестьянские ведомости. – 2008. – 5 июня.
11. **Развитие** энергетического потенциала Республики Алтай – основа ее экономического благополучия [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.altai-republic.com/modules.php?op=modload&name=Sections&file=index&req=viewarticle&ar> (дата обращения 04.02.2010).
12. **Малая** энергетика – большие проблемы [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravda.ru/science/planet/human-being/7767-4> (дата обращения 04.02.2010).

Регион: экономика и социология, 2010, № 2, с. 320–329

ЭКОНОМИКО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Е.А. Соломенникова

ИЭОПП СО РАН, Новосибирский государственный университет

Аннотация

Кризис существенно сдерживал в 2009 г. создание новых предприятий и усилил банкротство действующих. В статье анализируются особенности современного состояния промышленных предприятий и тенденции развития ситуации в будущем. Показаны организационные изменения предприятий в условиях кризиса.

Ключевые слова: кризис, предприятия, бизнес, трансформации, государственная поддержка, слияния и поглощения, финансы

Abstract

In 2009 the crisis considerably limited the number of new enterprises being built, and increased the number of those become bankrupt. The paper analyses the present state of industrial enterprises, and tendencies of their development. We also show what managerial changes happened in the context of the crisis.

Keywords: crisis, enterprises, business, transformations, governmental support, mergers and acquisitions, finance

По данным Федеральной налоговой службы (ФНС), в I полугодии 2009 г. в России было создано 115,6 тыс. новых коммерческих организаций, что на 45% меньше, чем в первые шесть месяцев 2008 г., а о за-

крытии крупных компаний было объявлено 143 тыс. раз. На 1 июля 2009 г. количество действующих компаний составило 4132,5 тыс. В I полугодии их число увеличилось на 111,2 тыс., хотя в январе–июне 2008 г. было зарегистрировано почти в 2 раза больше фирм – 201,1 тыс. При этом, судя по статистике налоговиков, крупные компании не спешат заявлять о закрытии. За январь–июнь 2009 г. было ликвидировано 143,5 тыс. организаций, что на 12,4% меньше, чем в январе–июне 2008 г. Это скорее всего связано с тем, что ликвидация предприятий зачастую не оформляется документально. Это же отмечает ведущий налоговый консультант ЗАО «Грант Торнтон» Н. Зубкова, по мнению которой, количество компаний, уже не ведущих деятельность, может быть и значительно больше, но владельцы не торопятся ликвидировать организацию [1].

Кризисное состояние характеризуется тем, что финансовые результаты деятельности предприятий ухудшаются. Большинство руководителей и собственников предприятий верили правительству, заверявшему, что Россия лучше многих других стран подготовилась к кризису, имея в виду созданную «подушку безопасности», и поэтому если кризис и затронет российскую экономику, то это будет не так сильно, как в других странах. Однако время показало, что прогноз развития экономики России на 2009–2010 гг., по данным Международного валютного фонда, гораздо хуже, чем для экономик развитых и развивающихся стран. Снижение ВВП оказалось несколько большим, чем прогнозировал МВФ.

Ввиду того, что общероссийские данные о социально-экономическом положении организаций появляются с большой задержкой во времени, в настоящей статье мы используем оперативные данные статистики по Новосибирской области*. Так, сальдированный финансовый результат организаций области в 2009 г. сократился на 62,5% по сравнению с 2008 г. За этот же период наблюдался рост числа убыточных предприятий (на 96 ед.), и их количество достигло 369 ед. В то же время количество прибыльных организаций уменьшилось на 6% в общем числе организаций, на эту же величину выросло количество убы-

* Заметим, что Новосибирская область имела лучшие социально-экономические показатели по сравнению со среднероссийскими.

точных организаций. Индекс физического объема по основным экономическим показателям 2009 г., за исключением индекса производства и распределения электроэнергии, газа и воды, выпуска продукции сельского хозяйства, номинальных среднедушевых денежных доходов населения, номинальной среднемесячной начисленной заработной платы одного работника, ниже 100%.

Приведенные цифры показывают, что экономическая ситуация в Новосибирской области за 2009 г. ухудшилась. Некоторое оживление темпов развития в ряде отраслей промышленности региона в IV кв. 2009 г. позволило надеяться, что дно кризиса пройдено. Однако сделанные Минэкономразвития России оценки темпов роста на 2010 г. по промышленности отрицательные (–0,3%), как и оценки инвестиций в основной капитал (–2,8%). Сравнение идет с кризисным 2009 г.

Кризисное состояние экономики привело к сжатию потребительского спроса на все виды товаров, за исключением спроса на некоторые продукты питания. Нарастает неплатежеспособность предприятий Новосибирской области. Кредиторская задолженность на конец октября 2009 г. составляла 193549,4 млрд руб., в том числе просроченная – 10501,6 млрд руб., или 5,4% от общей суммы кредиторской задолженности (на конец октября 2008 г. – 4,7%). Число организаций, имеющих кредиторскую задолженность, возросло на 7,6%. Кредиторская задолженность увеличилась на 20,5% по сравнению с 2008 г., а просроченная – на 0,7%. Число организаций, имеющих дебиторскую задолженность за рассматриваемый период, возросло на 7,6%, а сумма дебиторской задолженности – на 15,5%. При этом удельный вес просроченной дебиторской задолженности увеличился также на 0,7% на конец октября 2009 г. по сравнению с октябрём 2008 г.

Динамика кредитов, предоставленных реальному сектору во второй половине 2008 г., была положительной. Рост составлял от 144,5 до 153,7% по отношению к началу года. В 2009 г. рост полученных кредитов составлял от 97,1 до 104,9% по отношению к 2008 г. Предприятия пытались покрыть растущую дебиторскую задолженность кредитными ресурсами, но такое замещение было недостаточным для нормального их функционирования. Больше всего пострадали предприятия, которые брали зарубежные кредиты. Их сумма долга соста-

вила 540 млрд долл. США, или 30% ВВП. Западными кредитами, привлекательными из-за невысоких процентов, воспользовались в основном крупные холдинги, предприятия с государственной формой собственности и отдельные частные компании.

Отсутствие у предприятий возможности рассчитаться с работниками, выполнить свои обязательства по поставкам продукции и произвести расчеты с поставщиками ресурсов привело к «ручному управлению экономикой», главным элементом которого стало стремление переложить решение этих проблем на государство. «Сегодня вчерашние миллиардеры стоят в очереди за казенными деньгами, мечтая, чтобы государство приняло доведенные до банкротства компании под свою опеку. Казалось бы, вот и полный контроль над экономикой, о котором мечтали чиновники: бюджетная поддержка в обмен на долю в бизнесе» [2, с. 16]. Советник Президента РФ А. Дворкович считает, что «если бизнес не справляется, государство будет делать это вручную. Конечно, у государства плохо получается делать что-то руками, но в отдельных секторах можно попробовать» [3, с. 13]. Однако государственная помощь оказывается только крупным компаниям на условиях наращивания доли государства в уставных капиталах предприятий. Эти предприятия выбирают точно. Механизм и принципы их отбора неизвестны, поэтому априори считается, что госпомощь оказывается социально значимым и градообразующим предприятиям, которых в России много.

Так, критическая ситуация сложилась вокруг «РУСАЛа» из-за стратегической политики агрессивного поглощения наиболее привлекательных активов, которая усугубилась в связи с падением цен на алюминий и сокращением объемов его производства, последовавшей нерентабельностью большинства предприятий этого холдинга и требованиями кредиторов возврата финансовых средств. Собственник обратился за помощью к государству. Внешэкономбанк помог компании рефинансировать внешний долг в сумме 4,5 млрд долл. США, а Сбербанк и ВТБ предоставили кредит на сумму около 2 млрд долл. Предполагается провести гонконгское IPO при поддержке российских банков, которые, видимо, выкупят значительную часть первичного размещения. Несмотря на госпомощь, оперативное руководство компанией остается за собственником. В 2009 г. была запущена антикризисная программа

оптимизации. Приведенные в работе [2] данные о полученном эффекте свидетельствуют, что он составляет десятую часть от полученной помощи (620 млн долл.). Однако эта господдержка помогла предприятию снизить себестоимость производства алюминия до 1,3 тыс. долл. за т, а при сохранении мировой цены свыше 2 тыс. долл. «РУСАЛ» может надеяться на операционную прибыль и возврат кредитов и займов.

Малые и средние предприятия переживают кризис хуже, так как у них существенно меньше запас прочности, им менее доступны кредитные ресурсы. Падение потребительского спроса привело к тому, что в I полугодии 2009 г. закрылось почти 250 тыс. таких предприятий. Чтобы обеспечить прозрачность деятельности каждого вида бизнеса, представленного малыми или средними предприятиями, часто находящимися в собственности у одних и тех же людей, их объединяют в холдинговые структуры. Такая организационно-экономическая форма ведения бизнеса позволяет определять результаты деятельности каждого предприятия и затраты, связанные только с его деятельностью, а также без существенных потрясений создавать новые предприятия и ликвидировать невыгодный или убыточный бизнес.

Одним из негативных последствий финансового кризиса стал рост задолженности компаний перед банками и финансовыми партнерами. Компаниям не хватает свободных денежных средств для погашения кредитов, и связано это главным образом с отрицательной динамикой торговли: задержками платежей, падением объемов продаж и снижением спроса на продукцию. По данным Банка России, доля просроченной задолженности по корпоративным кредитам в мае 2009 г. составила 4,4%. И это лишь при учете непосредственно суммы просроченных процентных платежей. Если же в этот показатель включить и основное тело долга, а также объемы рефинансированных и пролонгированных ссуд, то реальная доля долгов компаний в кредитном портфеле банков уже превышает 10% [4].

Из всех возможных путей решения проблемы возврата долгов промышленными предприятиями остановимся только на одном. Банки снова консолидируют активы промышленных предприятий в счет погашения ими кредитов. Так, заявление о признании должника – Черноголовского завода алкогольной продукции «ОСТ-Алко» несос-

тоятельным было зарегистрировано подмосковным арбитражем по иску ВТБ. По мнению участников рынка, если ВТБ добьется своего и в компании будет введена процедура наблюдения, владельцы бизнеса не смогут совершать без одобрения кредиторов никаких сделок. В случае положительного решения завод будет признан банкротом и часть его активов отойдет Россельхозбанку и ВТБ [5].

Другой пример: компании холдинга «Продо» испытывали проблемы и до кризиса ввиду того, что мясопереработка – низкомаржинальный бизнес и в состав холдинга входили старые активы, которые требовали модернизации мощностей, когда весь рынок показывал рост. Желание продать предприятия дорого привело к тому, что сегодня вряд ли кто-то может заплатить за их активы достойные деньги. Банки стали предъявлять иски к холдингу. «Альфа-банк», например, подал пять исков на сумму 1,35 млрд руб., Газпромбанк предъявил три иска на сумму 770 млн руб. Судебные приставы арестовали акции двух предприятий группы – ОАО «Мясокомбинат «Омский» и ОАО «Линдовская птицефабрика – племенной завод». Арестованы счета Клинского мясокомбината, компании «Омский бекон» и «Продо дистрибьюшн кампани». Группа «Продо» занимает около 5% российского рынка мясопереработки, являясь лидером в этом секторе, владеет Клинским, Пермским, Уфимским и Тольяттинским мясокомбинатами, «Омским беконом», 10 птицефабриками и компанией «Дарья» [6].

Эти два примера показывают, что повторяется практика начала 90-х годов, когда в банках создавались специальные подразделения по управлению промышленными активами, и это несмотря на имевшийся в те годы отрицательный опыт неэффективного управления промышленными активами, когда единственным выходом можно считать последующую перепродажу активов, что достаточно проблематично, хотя отдельные случаи покупки промышленных активов у банков известны. В частности, владелец «Coalco» может купить 11 алкогольных заводов, находящихся на балансе ВТБ; последний предполагает их продавать по балансовой стоимости. Самым дорогим активом является 51% акций московского завода «Кристалл», который банк оценивает в 2,5 млрд руб. Необходимо отметить, что целью приобретения «Coalco» алкогольных заводов, видимо, является объединение их с созданной им

Восточно-Европейской дистрибьюторской компанией [7]. Такое решение противоречит современным тенденциям организации бизнеса, когда предприятия стараются сосредоточиться преимущественно на профильном бизнесе и оставить его в собственности, распродавая вспомогательные и неосновные бизнесы. Даже «АвтоВАЗ» планирует выделить шесть производств в отдельные дочерние предприятия.

Кризис – это время приобретать активы предприятий-банкротов. Так, госкорпорация «Ростехнологии» приобрела 25% акций «ИжАвто», который фактически объявлен банкротом: его конвейер простаивает более полугода.

Кризис – это период снижения активности процессов слияний и поглощений. По данным агентства «Thomson Reuters», объем российского рынка слияний и поглощений (M&A) в 2009 г. сократился на 72%. За семь месяцев 2009 г. объем этого рынка составил всего 18 млрд долл. США, тогда как за тот же период 2008 г. он составлял более 65 млрд долл. Эксперты связывают это с тем, что кризис пока не закончился и возрождения рынка ждать не стоит. Снижение активности на российском рынке слияний и поглощений началось еще в IV кв. 2008 г. По прогнозам экспертов, восстановление рынка M&A начнется не раньше II–III квартала 2010 г. К тому же пока российский рынок считается дорогим по сравнению с другими развивающимися странами. Кроме того, сырьевая направленность российской экономики делает труднопрогнозируемыми и рискованными инвестиции в несырьевые отрасли. Эксперты также отмечают уменьшение размера сделки [8].

Несмотря на снижение активности на рынке M&A, процессы слияний и поглощений все-таки происходят. Остановимся только на нескольких сделках. ООО «Камелот-А», которое входит в томскую «КВД групп», за период кризиса совершило два крупнейших поглощения. В конце 2008 г. «КВД групп» поглотила «Бриджстоун фудс», после чего в ее ассортименте добавились сухарики «3 корочки», закуски «Делмор», чипсы «Про», чипсы «O'key» и соломка «Дафри». В конце 2009 г. ООО «Камелот-А» купило 100-процентный пакет акций крупнейшего в России производителя снеков – новосибирской компании «Сибирский берег» (бренды «Кириешки», «Компашки», «FAN», «BEERka» и др.). Возникает вопрос: что могло заставить собст-

венников одной из известнейших компаний г. Новосибирска ее продать? Причиной могли стать кредитные обязательства. Кредиторская задолженность «Сибирского берега» на конец сентября составляла 277,23 млн руб., а чистый убыток по РСБУ за январь–сентябрь 2009 г. – 34,087 млн руб. (против 101 млн руб. чистой прибыли за аналогичный период 2008 г.). Другой причиной могло стать сжатие рынка снеков. По оценке компании «Сибирский берег», рынок снеков активно меняется, мелким производителям тяжелее получать кредитные ресурсы и продвигать продукцию, рекламировать ее. Эксперты из этой компании полагают, что в течение 2009–2010 гг. должна произойти некая консолидация рынка, на нем должны остаться только сильнейшие игроки, целенаправленно занимающиеся поддержанием своей эффективности.

Эксперты считают, что основным положительным результатом действий ООО «Камелот-А» по консолидации рынка снеков будет существенное усиление позиций компании в соответствующем сегменте снеков, так как его рыночная доля существенно увеличивается и уже превышает 60% сегмента сухариков. К тому же расширяется портфель брендов за счет включения нескольких новых сильных и достаточно узнаваемых торговых марок. И все же такое поведение компании «Камелот-А» нельзя признать рациональным, так как рынок снеков не растет [9].

Розничные сети (ритейл) стремятся к объединению. Так, компания «X5 Retail Group» (сети «Пятерочка», «Перекресток», «Карусель») активизировали переговоры о покупке предприятий сети «Копейка» или слиянии с ней. Сегодня выгодно слияние, а не покупка, так как первое не требует финансовых затрат при увеличении выручки на четверть и при росте доли на рынке. Сама «Копейка» смогла бы пережить кризис, поскольку это закредитованный бизнес, но рыночную долю ей не удержать, поэтому о ее развитии не может быть и речи. Однако владельцу выгодно именно продажа сети, потому что вырученные деньги можно было бы пустить на другие его проекты [10].

Кризис заставляет компании оптимизировать свои издержки. С целью снижения внутренних издержек и, следовательно, повышения общей конкурентоспособности консолидируются региональные ритейлеры. Многие предприятия, решая задачу оптимизации затрат, ликвиди-

ровали или резко снизили расходы на рекламу. Только некоторые предприятия в кризисных условиях наращивают соответствующие статьи расходов, получая в этот период значительные скидки на рекламу.

Известны примеры, когда компании в условиях кризиса начали расширять бизнес. Например, «Феликс», крупнейшая в стране компания по производству офисной мебели, сократила в разы затратную часть (бюджеты, бизнес-процессы), что привело к росту производительности труда на одного работающего в 1,5 раза. Внедрение штрихкодирования на предприятии позволило также сократить трудозатраты и улучшить качество изделий, что дало возможность не только сохранить ассортимент мебели бизнес-класса, но и начать производство мебели эконом-класса. В то время как конкуренты сворачивали или сокращали производство мебели, компания «Феликс» расширила географию продаж, открыв салоны в Москве, Подмосковье, Красноярске, Тамбове, Брянске, Ижевске, Чите и выйдя на казахстанский рынок [11].

С целью создания благоприятных условий для развития бизнеса банки начинают поворачиваться лицом к промышленным компаниям. В кризисный период, в условиях нестабильности кредиты были дорогими и выдавались на короткий срок. При поддержке Банка России в условиях смягчения требований к залогам (началось беззалоговое кредитование) предприятия могут брать кредиты уже не только на пополнение оборотных средств, но и на развитие. Правда, срок кредитования сегодня составляет в среднем три года вместо пяти-семи лет. В наибольшей мере это касается компаний, ориентированных на производство и реализацию продукции и услуг населению: предприятий торговли, аптек, стоматологических клиник и т.д.

Крупные предприятия и в условиях кризиса осуществляют меры по модернизации производства. Например, ООО «Комбинат полуфабрикатов «Сибирский Гурман» (г. Новосибирск) в 2010 г. предполагает инвестировать около 50 млн руб. в обновление оборудования. На приобретение дополнительного лабораторного оборудования компания намерена потратить более 4 млн руб. [12].

Принимаемые компаниями организационные решения для достижения одной и той же цели могут быть прямо противоположными. Чтобы стать гибкими и успешными, одни компании выводят из своего состава

непрофильные и убыточные бизнесы, другие, наоборот, консолидируют свои активы, чтобы централизовать финансовые ресурсы и мобильно ими управлять в кризисных условиях. Таким образом, многие российские компании концентрируют внимание на решении внутренних проблем. Однако, на наш взгляд, сегодня первостепенной задачей становится возобновление спроса на продукцию российских компаний. Государственная же поддержка предприятий позволяет им только произвести расчеты с работниками по заработной плате и погасить задолженность перед поставщиками, а главное, перед банковскими структурами, бюджетными и внебюджетными фондами. При этом названная первостепенная цель практически не достигается. Проследить все организационно-экономические трансформации предприятий достаточно трудно, и их эффективность можно будет определить спустя несколько лет.

Литература

1. Селиванова М. Бизнес не в кризис: Предприниматели активно самоликвидируются // РБК Daily. – 2009. – 5 авг.
2. Красавин А., Жеглова Ю., Логинов М. и др. Спрут-2009: Кризис инициировал новый передел собственности // Компания. – 2009. – № 48. – С. 16–35.
3. Секрет фирмы. – 2009. – № 7. – С. 13.
4. Как банкам вернуть выданные компаниям кредиты [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://credit.rbc.ru/recommendation/business/2009/07/22/7705.shtml?> (дата обращения 27.11.2009).
5. Копейченко Н., Кузьменко А. ВТБ пришел за водкой: Банк пытается обанкротить «ОСТ-Алко» // РБК Daily. – 2009. – 5 авг.
6. Давидович без мяса // Компания. – 2009. – № 3. – С. 12.
7. Перешел на водку // Компания. – 2009. – № 47. – С. 6.
8. Лаврентьев С. Рынок M&A тает на глазах // РБК Daily. – 2009. – 5 авг.
9. Попов А., Эргардт М. «Кириешки» меняют хозяина [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.expert.ru/articles/2009/12/09/sib_bereg/ (дата обращения 27.11.2009).
10. Замах на «Копейку» // Компания. – 2009. – № 3. – С. 12.
11. Павлов С. «Феликс»: свой взгляд на кризис // Компания. – 2009. – № 46. – С. 38–39.
12. «Сибирский гурман» инвестирует в производство котлет [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://business.ngs.ru/article/59000/> (дата обращения 27.11.2009).

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ КИТАЯ ПО РАЗВИТИЮ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Цзоу Сютин

*Институт проблем России Академии общественных наук
провинции Хэйлунцзян (Харбин, Китай)*

Аннотация

В провинциях Китая малые и средние предприятия доминируют в общем количестве предприятий. На материалах социологических исследований и статистики анализируются проблемы, возникшие для малого и среднего бизнеса под влиянием мирового кризиса. Показано, какие антикризисные меры приняты центральным и региональными правительствами, и дана оценка их эффективности.

Ключевые слова: Китай, провинции, уезды, малые и средние предприятия, кризис, кредиты, фонды, поддержка

Abstract

In China provinces, the small and medium enterprises are predominant among all enterprises. Using the data of sociological and statistical researches, we analyze the problems which the small and medium enterprises faced during the world crisis. We show what anti-recessionary arrangements were undertaken by the central government, and how effective they were.

Keywords: China, province, county, small and medium enterprises, crisis, credit, funds, support

По официальным данным, малые и средние предприятия в Китае составляют более 99% от общего количества предприятий страны. Доля малых и средних предприятий в ВВП превышает 60%, в налоговых поступлениях – 50, в общем объеме экспорта и импорта – 70%.

В области инновационной деятельности на малые и средние предприятия приходится более 66% патентов, они создают 82% продуктов нового поколения. В своей работе малые и средние предприятия используют свыше 74% инновационных технологий страны. В период X пятилетки (2001–2005 гг.) средний годовой прирост экономики Китая составил 9,5%, а темпы развития малых и средних предприятий – в среднем 28%. Со второго полугодия 2008 г. в связи с глобальным финансовым кризисом малый и средний бизнес в Китае несет потери. Значительное число малых и средних предприятий обанкротились, их доля в ВВП уменьшилась.

В такой критической обстановке как центральная, так и региональные власти осуществили целый ряд мероприятий по поддержке малого и среднего бизнеса, благодаря которым были получены первые результаты.

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС

По данным статистических органов Китая, в 2008 г. из 43 млн малых и средних предприятий обанкротились 17,2 млн, 40% предприятий сильно пострадали от финансового кризиса и лишь 20% предприятий избежали его удара. Особенно сильно пострадали от кризиса малые и средние предприятия, поставляющие свою продукцию на экспорт. Из-за снижения спроса на мировом рынке усилилась конкуренция между предприятиями, многие из них были вынуждены сократить число рабочих мест.

В условиях финансового кризиса малые и средние предприятия столкнулись с дефицитом оборотных средств, с трудностями получения банковских кредитов. Так, например, социологический опрос, проведенный в провинции Чжэцзян с целью изучения состояния малых и средних предприятий в кризисной обстановке, показал, что в связи с тем, что банки испытывают затруднения в аккумуляции капитала, усложняется процедура выдачи кредита. За два первых месяца 2009 г. лимит выдачи кредита банками для 2106 обследованных малых и средних предприятий уменьшался с каждым месяцем, из 3365 предприятий 574 (17,6%) столкнулись с трудностями в получении кредита. Кроме

того, изменилась структура кредитов: 86% обследованных предприятий получали краткосрочные кредиты и лишь около 8% – среднесрочные и долгосрочные. Из-за недостатка свободных средств на модернизацию многие предприятия не имеют возможности освоить новые виды продукции. Зарубежные и внутренние заказы, объемы импортных поставок у 2016 предприятий за первые два месяца 2009 г. снизились соответственно на 6329 млрд, 1,58 и 2,01 млрд юаней, а по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. уменьшились на 28,2, 15,96 и 19,28%. К концу февраля 2009 г. из 46710 обследованных предприятий 3106 частично простаивали, 964 полностью простаивали.

Из общего числа опрошенных руководителей малых и средних предприятий (3365) провинции Чжэцзян 157 чел. считают, что их предприятия не подверглись влиянию мирового финансового кризиса, 2280 – полагают его влияние несущественным, 916 – признают сильное влияние кризиса на свои предприятия. Руководители по-разному оценивают современное состояние и перспективу развития своих предприятий: 941 чел. дал позитивную оценку, 419 – негативную, 1988 – нейтральную. Среди опрошенных руководителей 705 чел. относятся к мировой экономической ситуации оптимистично, 736 – пессимистично, 1911 – безразлично.

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ

По мере распространения влияния мирового финансового кризиса у малых и средних предприятий Китая на пути их развития возникают барьеры. Чтобы помочь таким предприятиям выйти из кризиса и продолжать развиваться, центральная власть осуществила ряд комплексных антикризисных мер, которые включают определение политических установок, создание целевого фонда поддержки малого и среднего бизнеса, оказание прямой финансовой помощи и т.д. Например, в 2009 г. за счет средств государственного бюджета был создан целевой фонд в размере 5,1 млрд юаней, из которого малым и средним предприятиям выдавались кредиты под гарантии государства. Создано 330 гарантийных органов, аккумулировавших средства центрального и региональных бюджетов в размере, превышающем 1 млрд юаней. Для 40 тыс. ма-

лых и средних предприятий они выступили гарантами в получении кредита и освобождении от налога на прибыль сроком на три года. Созданы подразделения гарантийных органов в уездах, выступающие в качестве гарантов малых и средних предприятий, взявших кредиты из регионального бюджета. Под гарантии этих органов в 2009 г. предприятия получили кредитов на сумму 600 млрд юаней.

Правительство помогает малым и средним предприятиям, работающим эффективно, выпускать ценные бумаги, облигации, оказывает содействие крупным предприятиям в их поддержке малого и среднего бизнеса. Для повышения уровня подготовки специалистов по управлению малыми и средними предприятиями созданы курсы, на которых проводятся консультации по технике управления и выходу на рынок.

В результате реализации названных мер в деятельности малых и средних предприятий Китая наметились позитивные изменения. Так, в январе–августе 2009 г. прирост промышленной продукции малых и средних предприятий составил 11,1% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г., прибыль повысилась на 1,6%. По мере роста экономики те предприятия, которые в 2008 г. простаивали или работали не на полную мощность, начали восстанавливать производство.

Региональные власти, в частности правительство провинции Хэйлунцзян, активно разрабатывали меры по преодолению последствий мирового финансового кризиса. Малые и средние предприятия являются важной составляющей экономики этой провинции, выступают главной силой в торгово-экономическом сотрудничестве с российским Дальним Востоком, их развитие непосредственно связано с перспективой приграничного сотрудничества между Россией и Китаем.

На территории провинции Хэйлунцзян действует 1,81 млн малых и средних предприятий. Они составляют более 90% от общего числа предприятий провинции. В 2007 г. малые и средние предприятия Хэйлунцзяна выпустили продукции на 280,8 млрд юаней, доля их продукции в ВРП повысилась с 29% в 2002 г. до 39,6%; объем выплаченных ими налогов (24 млрд юаней) вырос по сравнению с 2002 г. в 2 раза и составил 60% доходной части регионального бюджета.

Внешнеторговый оборот малых и средних предприятий в 2002 г. составлял 13 млрд долл. США, или 75% от общего объема экспорта и импорта провинции. В январе–ноябре 2009 г. объем внешней торговли провинции Хэйлунцзян с Россией снизился по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года: экспорт – на 53,4%, импорт – на 44,7%. Чтобы помочь малым и средним предприятиям успешно пережить «суровую зиму кризиса», правительства Хэйлунцзяна и г. Харбина (столицы провинции) разработали и реализовали целый ряд мероприятий.

Во-первых, при финансовой поддержке регионального бюджета было создано более 100 гарантийных органов, 40 из которых оказывали финансовую помощь малым и средним предприятиям. Суммарный объем выданных гарантийных кредитов составил 22 млрд юаней.

Во-вторых, правительство г. Харбина за счет средств городского бюджета оказывает финансовую поддержку малым и средним предприятиям в целях их дальнейшего развития в кризисной обстановке. Так, только в 2009 г. из городского бюджета перечислено в целевой фонд развития малых и средних предприятий города 20 млн юаней.

В-третьих, под гарантии правительства г. Харбина банки выдают малым и средним предприятиям города кредиты. За 2009 г. по этой модели более 300 малых и средних предприятий получили кредитов на сумму около 1,5 млрд юаней.

В-четвертых, правительства разных уровней провинции на безвозмездной основе обеспечивают малые и средние предприятия официальной информацией о политической конъюнктуре и развитии кризиса.

Помимо вышеуказанных мероприятий правительства разных уровней в условиях финансового кризиса начали улучшать стиль административной работы, повышать качество административных услуг для малых и средних предприятий, например упрощая порядок утверждения их проектов.

В результате реализации антикризисных мер малые и средние предприятия провинции Хэйлунцзян активно выходят из кризисного состояния, и многие из них уже достигли докризисного уровня.

Регион: экономика и социология, 2010, № 2, с. 335–350

РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ МЕЖДУ КРИЗИСАМИ 1998 И 2008 гг.

С.А. Суспицын

ИЭОПП СО РАН

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 09-02-00335)*

Аннотация

Приводятся оценки социально-экономического положения регионов Российской Федерации в период бескризисного развития в 2000–2007 гг. Оценки даются по показателям сравнительного роста регионов, динамики территориальной структуры, по важнейшим индикаторам регионального развития, сводным индексам сравнительного положения субъектов Федерации, по составу групп регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров.

Ключевые слова: пространственные трансформации, диагностика, регион, межрегиональные сравнения

Abstract

The paper describes the socio-economic situation in Russian regions over 2000–2007 – the period of the crisis-free development – through our analyses of such indicators as the comparative indicators of regional growth, transformation of the territorial structure, basic indicators of regional development, comparative consolidated indices of the situation in the units of the Russian Federation, and lists of regions-leaders and regions-outsiders.

Keywords: spatial transformations, diagnostics, region, inter-regional comparisons

Подробное изучение социально-экономического развития страны и ее регионов между кризисами 1998 и 2008 гг. еще впереди, но уже беглый анализ позволяет характеризовать этот период как «золотой век» российской экономики с созданием и упрочением механизмов и институтов устойчивого развития, с одной стороны, и проявлением симптомов «болезни роста» в ряде секторов и регионов – с другой. Уже к 2003 г. была осознана магистральная тенденция экономического развития в этот период, оформившаяся в концепции удвоения ВВП. Региональные проявления этого были проанализированы в работе [1], а некоторые соответствующие оценки приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Экономический рост регионов России за 2003–2005 гг.
(по отношению к установкам удвоения)**

Федеральный округ	Продукция промышленности	Продукция сельск. хоз-ва	Душевые доходы населения	Бюджет. обеспеченность	Рост в среднем
РФ в целом	1,00	0,77	1,16	1,01	1,01
Центральный	1,09	0,62	1,18	1,09	1,07
Северо-Западный	1,09	0,51	1,12	1,17	1,07
Южный	0,99	0,95	1,23	0,88	1,00
Приволжский	0,94	0,85	1,12	0,92	0,95
Уральский	0,95	0,93	1,22	0,93	1,00
Сибирский	0,93	0,81	1,11	1,08	0,97
Дальневосточный	0,92	0,86	1,14	1,04	0,98

Масштабный экономический рост и накопленные ресурсы развития во многом повлияли на постановку амбициозных задач развития, отраженных, в частности, в установках и рубежах плана долгосрочного развития России на период до 2020 г. [2], в пакете стратегических проектов широкой модернизации экономики России и ее регионов. Мировой финансовый и экономический кризис 2008 г. вносит свои коррективы в эти планы. Вместе с тем достигнутые в 2007–2008 гг. результаты могут рассматриваться как рубежи преодоления экономического спада и начала нового этапа устойчивого экономического роста.

МЕТОДИКА И ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ АНАЛИЗА

Анализировались массивы данных за 2000–2007 гг. по 79 субъектам Федерации в разрезе восьми основных показателей: численность населения, численность занятых, средняя начисленная зарплата, ВРП, производство товаров (продукция промышленности и сельского хозяйства), потребительский рынок (оборот розничной торговли и объем платных услуг населению), инвестиции в основной капитал, доходы населения. Использовались данные Федеральной службы государственной статистики [3]. На этих показателях были построены массивы региональных индикаторов в ценах 2000 г., в которых элиминированы региональные удорожания (на основе стоимостных оценок фиксированных потребительских наборов по регионам): душевой ВРП, средняя зарплата, бюджетная обеспеченность, инвестиции, производство товаров и масштабы потребительского рынка в расчете на одного человека. Сводные региональные индексы рассчитывались на нормированных к среднероссийскому уровню региональных индикаторах как их усредненные оценки.

В большинстве приводимых здесь таблиц результаты представлены по восьми федеральным округам с выделением в трех округах макрорегионов с особыми условиями развития, которые в существенной степени влияли на оценки по федеральным округам в целом: в Центральном федеральном округе – Московского региона (Москва и Московская область), в Северо-Западном федеральном округе – Санкт-Петербургского региона (Санкт-Петербург и Ленинградская область), в Уральском федеральном округе – Тюменской области.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Российские регионы по-разному реализовали возможности экономического роста в период относительно благоприятных условий ускоренного развития (табл. 2). Разброс оценок роста за 2000–2007 гг. основных показателей в разрезе укрупненной 10-региональной структуры составил: по численности населения – 0,93–1,04; по численности занятых – 0,98–1,17; по ВРП – 1,32–1,93; по средней зарплате –

Таблица 2

Рост основных показателей макрорегионов РФ, 2007 г. к 2000 г., раз

Макрорегион	Численность населения	Численность занятых	Средняя зарплата	ВРП	Производство товаров	Оборот розн. торговли и плат. услуг	Инвестиции в осн. капитал	Бюджеты
Россия	0,97	1,05	2,56	1,63	1,61	2,05	2,20	1,84
Москва и Московская обл.	1,02	1,18	2,31	1,90	2,60	1,76	1,86	2,35
Ост. часть Центрального ФО	0,93	0,98	2,46	1,39	1,42	1,99	2,08	2,04
С.-Петербург и Ленинградская обл.	0,97	1,05	2,83	1,93	2,03	2,14	3,38	2,92
Ост. часть Северо-Западного ФО	0,93	1,02	2,15	1,32	1,30	1,88	2,68	1,65
Северо-Кавказский ФО	1,02	1,17	2,71	1,90	1,77	2,63	2,24	2,30
Южный ФО	0,97	1,08	2,51	1,62	1,68	2,30	1,72	2,53
Приволжский ФО	0,96	1,03	2,51	1,57	1,48	2,31	2,15	1,48
Тюменская обл. (с авт. окр.)	1,04	1,10	1,85	1,60	1,48	2,72	1,64	0,37
Ост. часть Уральского ФО	0,96	1,04	2,65	1,74	1,65	2,86	2,61	2,48
Сибирский ФО	0,96	1,03	2,47	1,59	1,45	2,33	3,02	2,40
Дальневосточный ФО	0,95	1,03	2,34	1,47	1,42	1,86	3,67	1,83

1,85–2,83; по производству товаров – 1,3–2,6; по потребительскому рынку (обороту розничной торговли и объему платных услуг) – 1,76–2,72; по инвестициям в основной капитал – 1,64–3,38; по доходам региональных бюджетов – 0,37–2,93.

Общие оценки изменения межрегиональных различий в 2007 г. по сравнению с 2000 г. на основе обобщающих региональных индексов приведены в табл. 3. В ней сводные индексы макрорегионов представлены как взвешенные оценки сводных индексов входящих в них субъектов РФ, динамика которых показана в табл. 13.

Таблица 3

**Сводные индексы макрорегионов и оценки межрегиональных различий
в 2000 и 2007 гг.**

Макрорегион	2000	2007	2007/2000
Москва и Московская обл.	124,3	129,8	104,4
Ост. часть Центрального ФО	74,4	75,4	101,3
С.-Петербург и Ленинград- ская обл.	97,4	125,1	128,4
Ост. часть Северо-Западно- го ФО	103,5	99,0	95,7
Северо-Кавказский ФО	47,5	52,2	109,9
Южный ФО	73,8	70,3	95,3
Приволжский ФО	94,4	90,4	95,8
Тюменская обл. (с авт. окр.)	366,4	245,0	66,9
Ост. часть Уральского ФО	84,7	98,7	116,5
Сибирский ФО	83,3	90,7	108,9
Дальневосточный ФО	87,5	91,2	104,2

Межрегиональные различия в системе из 11 макрорегионов (максимум к минимуму) составили в 2000 г. 7,7 раза и заметно сократились к 2007 г. — до 4,7 раза. Высокий уровень различий и столь же большое их сокращение обусловлены в основном динамикой сводного индекса развития Тюменской области, снизившегося почти в 1,5 раза. Без Тюменской области показатели межрегиональной дифференциации и их изменение во времени существенно стабильнее: 2,6 раза в 2000 г. и 2,5 раза в 2007 г.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Вполне ожидаемо и устойчиво вели себя территориальные структуры выделенных показателей (табл. 4–9).

Таблица 4

Динамика территориальной структуры населения по макрорегионам, % к РФ

Макрорегион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Россия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Москва и Московская обл.	11,5	11,7	11,5	11,9	12,0	12,0	12,1	12,2
Ост. часть Центрального ФО	14,8	14,7	14,6	14,5	14,4	14,3	14,3	14,2
С.-Петербург и Ленинградская обл.	4,4	4,4	4,4	4,4	4,4	4,4	4,4	4,4
Ост. часть Северо-Западного ФО	6,1	6,1	6,0	6,0	6,0	5,9	5,9	5,9
Северо-Кавказский ФО	5,6	5,7	5,8	5,8	5,8	5,9	5,9	5,9
Южный ФО	9,4	9,4	9,4	9,4	9,4	9,4	9,4	9,4
Приволжский ФО	21,7	21,7	21,7	21,6	21,6	21,5	21,5	21,5
Тюменская обл. (с авт. окр.)	2,2	2,2	2,3	2,3	2,3	2,3	2,4	2,4
Ост. часть Уральского ФО	6,4	6,4	6,3	6,3	6,3	6,3	6,3	6,3
Сибирский ФО	14,0	14,0	14,0	13,9	13,9	13,9	13,9	13,9
Дальневосточный ФО	4,7	4,7	4,7	4,6	4,6	4,6	4,6	4,6

Таблица 5

Динамика структуры ВРП по макрорегионам, % к РФ

Макрорегион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Россия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Москва и Московская обл.	16,2	15,8	16,2	16,7	16,9	17,8	18,3	18,8
Ост. часть Центрального ФО	10,3	9,5	9,3	9,2	8,9	8,7	8,7	8,7
С.-Петербург и Ленинградская обл.	4,0	4,0	4,5	4,6	4,5	4,6	4,7	4,8
Ост. часть Северо-Западного ФО	7,1	7,0	6,7	6,4	6,4	6,3	6,0	5,8
Северо-Кавказский ФО	2,1	2,2	2,3	2,3	2,4	2,4	2,4	2,4
Южный ФО	6,0	6,1	6,1	6,0	6,1	5,9	6,0	6,0
Приволжский ФО	19,5	19,9	19,4	19,5	19,1	18,8	18,8	18,8
Тюменская обл. (с авт. окр.)	8,1	8,4	8,2	8,3	8,2	8,6	8,2	8,0

Окончание табл. 5

Макрорегион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Ост. часть Уральского ФО	5,2	5,2	5,1	5,3	5,3	5,5	5,6	5,6
Сибирский ФО	11,9	12,0	11,8	11,7	12,0	11,9	11,7	11,6
Дальневосточный ФО	4,1	4,1	4,0	3,8	3,8	3,6	3,5	3,7

Таблица 6

Динамика структуры производства товаров по макрорегионам, % к РФ

Макрорегион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Россия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Москва и Московская обл.	6,3	6,2	6,4	7,5	7,7	8,6	9,3	10,2
Ост. часть Центрального ФО	14,6	13,7	13,6	13,1	12,8	12,8	12,9	12,9
С.-Петербург и Ленинградская обл.	3,9	3,9	4,7	4,7	4,9	5,1	5,1	4,9
Ост. часть Северо-Западного ФО	9,2	8,6	8,3	7,8	8,1	8,2	7,7	7,4
Северо-Кавказский ФО	2,2	2,3	2,4	2,3	2,3	2,4	2,3	2,4
Южный ФО	6,3	6,7	6,8	6,4	6,7	6,7	6,8	6,6
Приволжский ФО	26,5	26,6	26,1	26,0	25,3	24,9	24,8	24,3
Тюменская обл. (с авт. окр.)	8,1	8,1	8,1	8,3	8,5	8,3	7,8	7,4
Ост. часть Уральского ФО	7,6	7,6	7,5	7,7	7,7	7,8	7,8	7,8
Сибирский ФО	13,8	13,8	13,7	13,5	13,2	13,1	12,7	12,3
Дальневосточный ФО	4,0	3,8	3,7	3,5	3,4	3,3	3,2	3,5

Таблица 7

Динамика структуры потребительского рынка (оборота розничной торговли и платных услуг) по макрорегионам, % к РФ

Макрорегион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Россия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Москва и Московская обл.	23,1	22,5	21,6	21,5	21,4	20,8	20,5	19,9
Ост. часть Центрального ФО	10,3	9,7	9,6	9,6	9,6	9,8	9,9	10,0

Окончание табл. 7

Макрорегион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
С.-Петербург и Ленинградская обл.	4,3	4,4	4,4	4,2	4,3	4,6	4,6	4,5
Ост. часть Северо-Западного ФО	5,0	5,3	5,3	5,1	5,0	4,9	4,8	4,6
Северо-Кавказский ФО	3,1	3,2	3,3	3,4	3,6	3,8	3,9	4,0
Южный ФО	7,5	7,7	8,0	8,1	8,2	8,1	8,1	8,4
Приволжский ФО	17,1	17,2	17,5	17,7	17,6	18,3	18,8	19,3
Тюменская обл. (с авт. окр.)	2,2	2,3	2,3	2,5	2,6	2,7	2,7	2,9
Ост. часть Уральского ФО	4,7	4,8	5,1	5,4	5,7	6,2	6,4	6,6
Сибирский ФО	11,0	11,2	11,7	11,9	12,0	12,3	12,4	12,5
Дальневосточный ФО	3,5	3,5	3,5	3,4	3,4	3,3	3,2	3,2

Таблица 8

**Динамика структуры инвестиций в основной капитал по макрорегионам,
% к РФ**

Макрорегион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Россия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Москва и Московская обл.	13,1	10,2	10,9	11,3	11,6	11,5	11,3	11,1
Ост. часть Центрального ФО	9,7	9,2	9,1	9,2	9,5	9,9	9,3	9,2
С.-Петербург и Ленинградская обл.	4,6	5,9	6,1	7,6	6,7	6,6	6,8	7,0
Ост. часть Северо-Западного ФО	6,2	6,6	6,7	6,6	7,9	9,0	9,1	7,5
Северо-Кавказский ФО	2,5	2,3	2,2	2,1	1,8	2,1	2,2	2,5
Южный ФО	9,8	9,1	8,5	7,6	7,2	7,1	7,1	7,6
Приволжский ФО	19,2	19,5	18,8	17,7	17,4	18,8	18,6	18,8
Тюменская обл. (с авт. окр.)	14,1	15,1	14,4	13,5	11,7	10,0	10,0	10,5
Ост. часть Уральского ФО	4,4	4,2	4,5	4,5	5,1	5,0	5,2	5,3

Окончание табл. 8

Макрорегион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Сибирский ФО	8,5	9,1	8,8	9,2	9,4	10,6	11,1	11,7
Дальневосточный ФО	3,4	4,5	4,9	5,1	6,7	6,5	5,7	5,7

Таблица 9

Динамика доходов региональных бюджетов по макрорегионам, % к РФ

Макрорегион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Россия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Москва и Московская обл.	15,7	15,5	14,7	15,5	14,9	17,7	19,3	20,0
Ост. часть Центрального ФО	8,9	9,3	10,3	10,0	9,7	10,4	9,8	9,8
С.-Петербург и Ленинградская обл.	4,3	4,8	5,0	4,9	4,7	6,0	6,9	6,8
Ост. часть Северо-Западного ФО	6,1	6,0	6,0	5,8	6,2	6,0	5,7	5,5
Северо-Кавказский ФО	2,9	3,2	4,0	3,6	3,3	3,5	3,3	3,6
Южный ФО	4,6	5,3	6,1	6,0	5,7	5,8	5,8	6,3
Приволжский ФО	21,5	20,2	18,8	18,7	18,1	18,9	17,8	17,3
Тюменская обл. (с авт. окр.)	10,9	8,7	7,5	7,4	8,7	4,1	3,6	2,2
Ост. часть Уральского ФО	4,1	4,0	4,3	4,6	4,9	5,0	5,4	5,6
Сибирский ФО	10,4	11,4	12,3	12,5	13,4	13,8	13,0	13,6
Дальневосточный ФО	4,7	5,9	5,6	5,5	5,1	4,8	4,4	4,7

ИНДИКАТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ МАКРОРЕГИОНОВ

Представленные в табл. 10–12 в разных срезах индикаторы развития макрорегионов РФ показывают заметное снижение межрегиональных различий к 2007 г. в целом по системе выделенных регионов по всем выделенным индикаторам.

Таблица 10

Индикаторы развития макрорегионов РФ в 2000 и 2007 гг., тыс. руб./чел.

Макрорегион	ВРП		Инвестиции		Бюджет. обеспеченность		Сред. зарплата	
	2000	2007	2000	2007	2000	2007	2000	2007
Россия	39,6	66,6	8,0	18,2	7,1	13,6	2,2	5,6
Москва и Московская обл.	55,7	103,0	9,1	16,6	9,7	22,3	2,2	5,1
Ост. часть Центрального ФО	27,6	41,0	5,3	11,8	4,3	9,4	1,8	4,4
С.-Петербург и Ленинградская обл.	36,2	72,2	8,3	29,0	7,0	20,9	2,3	6,5
Ост. часть Северо-Западного ФО	46,4	65,6	8,1	23,3	7,1	12,6	2,5	5,5
Северо-Кавказский ФО	14,8	27,4	3,5	7,6	3,6	8,2	1,3	3,5
Южный ФО	25,5	42,4	8,4	14,7	3,5	9,0	1,7	4,3
Приволжский ФО	35,5	58,2	7,1	15,9	7,1	10,9	1,9	4,9
Тюменская обл. (с авт. окр.)	144,7	222,3	50,7	79,5	35,0	12,3	5,5	10,2
Ост. часть Уральского ФО	32,5	59,4	5,6	15,2	4,6	12,0	2,2	5,7
Сибирский ФО	33,8	55,7	4,9	15,3	5,3	13,3	2,3	5,6
Дальневосточный ФО	34,3	53,1	5,8	22,6	7,1	13,7	2,4	5,5
Max/min	9,8	8,1	14,5	10,4	10,0	2,7	4,2	2,9

Таблица 11

Относительные оценки индикаторов развития макрорегионов, на душу населения, % к РФ

Макрорегион	ВРП		Инвестиции		Бюджет. обеспеченность		Сред. зарплата	
	2000	2007	2000	2007	2000	2007	2000	2007
Россия	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Москва и Московская обл.	140,6	154,6	114,0	91,2	136,1	164,2	99,9	90,1
Ост. часть Центрального ФО	69,6	61,5	65,9	64,6	60,2	69,3	81,7	78,7
С.-Петербург и Ленинградская обл.	91,5	108,3	103,8	159,1	97,3	154,1	104,5	115,4

Окончание табл. 11

Макрорегион	ВРП		Инвестиции		Бюджет. обеспеченность		Сред. зарплата	
	2000	2007	2000	2007	2000	2007	2000	2007
Ост. часть Северо-Западного ФО	117,2	98,4	101,4	128,0	99,8	92,8	115,3	96,9
Северо-Кавказский ФО	37,5	41,2	43,7	41,9	50,8	60,2	59,6	63,0
Южный ФО	64,3	63,6	104,5	80,9	48,7	66,6	77,3	75,8
Приволжский ФО	89,8	87,3	88,6	87,4	99,2	80,7	88,4	86,7
Тюменская обл. (с авт. окр.)	365,4	333,6	633,0	436,6	489,1	90,8	249,7	180,3
Ост. часть Уральского ФО	82,1	89,1	69,6	83,6	64,6	88,4	98,1	101,5
Сибирский ФО	85,3	83,7	61,0	84,2	74,4	97,9	103,1	99,5
Дальневосточный ФО	86,6	79,7	73,0	124,2	100,0	101,3	106,8	97,4

Таблица 12

Рост основных индикаторов развития макрорегионов РФ, 2007 г. к 2000 г., раз

Макрорегион	Душевой ВРП	Душевые инвестиции	Бюджет. обеспеченность	Сред. зарплата
Россия	1,7	2,3	1,9	2,3
Москва и Московская обл.	1,9	1,8	2,3	1,8
Ост. часть Центрального ФО	1,5	2,2	2,2	2,2
С.-Петербург и Ленинградская обл.	2,0	3,5	3,0	3,5
Ост. часть Северо-Западного ФО	1,4	2,9	1,8	2,9
Северо-Кавказский ФО	1,9	2,2	2,2	2,2
Южный ФО	1,7	1,8	2,6	1,8
Приволжский ФО	1,6	2,2	1,5	2,2
Тюменская обл. (с авт. окр.)	1,5	1,6	0,4	1,6
Ост. часть Уральского ФО	1,8	2,7	2,6	2,7
Сибирский ФО	1,6	3,1	2,5	3,1
Дальневосточный ФО	1,5	3,9	1,9	3,9

СВОДНЫЕ ИНДЕКСЫ СУБЪЕКТОВ РФ

Подробная картина сравнительных изменений социально-экономического положения регионов РФ в территориальном разрезе представлена в табл. 13. Среди 20 регионов, лучших по сводным индексам в 2000 г., 14 регионов сохранили свои позиции в группе лидеров и в 2007 г.: Тюменская область, Москва, Республика Татарстан, Республика Саха (Якутия), Республика Коми, Республика Башкортостан, Красноярский край, Вологодская, Магаданская, Липецкая, Сахалинская, Ленинградская, Архангельская области и г. Санкт-Петербург. При этом Сахалинская область и Санкт-Петербург вышли на первые позиции в группе лидеров (второе и шестое места), Республика Коми и Республика Башкортостан несколько снизили темпы развития и потеряли ряд позиций. Покинули группу лидеров Пермский край и Республика Карелия. Вошли в группу лидеров к 2007 г. ряд промышленно развитых регионов: Кемеровская, Белгородская, Свердловская, Оренбургская, Челябинская, Иркутская, Самарская, Мурманская и Томская области, а также Удмуртская Республика.

Группа аутсайдеров региональных сравнений оказалась еще более устойчивой: 16 из 20 субъектов РФ, входивших по результатам 2000 г. в число 20 последних по уровню сводных индексов регионов, оказались в этой группе и по итогам 2007 г.

Таблица 13

Сводные индексы положения регионов РФ в 2000–2007 гг.

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
<i>Центральный ФО</i>								
Белгородская обл.	87,2	90,5	87,3	88,3	91,0	97,3	101,1	107,3
Брянская обл.	52,6	55,9	58,0	59,5	57,1	57,1	58,8	60,8
Владимирская обл.	71,0	70,5	74,8	69,4	65,0	63,6	63,6	64,2
Воронежская обл.	61,4	62,7	65,6	68,2	64,2	63,9	61,9	62,4
Ивановская обл.	46,4	48,4	49,8	49,4	49,0	53,6	53,3	50,5
Калужская обл.	77,0	77,9	74,8	75,1	72,1	72,3	72,1	77,8
Костромская обл.	76,5	71,5	73,7	67,8	72,9	75,1	70,2	66,2

Продолжение табл. 13

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Курская обл.	72,7	66,2	71,4	64,9	69,1	71,3	72,3	71,0
Липецкая обл.	116,7	116,3	121,5	124,4	132,3	125,4	127,1	122,1
Московская обл.	85,0	81,3	79,1	85,5	88,6	92,5	93,2	96,2
Орловская обл.	83,7	82,5	83,2	80,3	77,5	78,6	77,6	81,5
Рязанская обл.	68,6	74,3	74,6	74,3	75,4	76,7	74,0	68,0
Смоленская обл.	86,8	88,9	86,7	83,3	77,7	78,3	74,2	73,9
Тамбовская обл.	56,7	63,8	66,6	71,8	65,5	70,4	67,4	70,5
Тверская обл.	74,5	72,9	72,9	74,6	75,9	73,0	73,2	70,7
Тульская обл.	80,3	80,7	82,1	77,0	73,2	76,9	75,6	76,8
Ярославская обл.	91,2	96,2	93,4	93,2	95,8	102,1	90,3	85,6
Москва	150,0	140,2	142,3	139,8	137,5	144,4	149,4	151,2

Северо-Западный ФО

Республика Карелия	105,8	105,3	105,5	93,8	96,6	104,0	97,4	91,3
Республика Коми	144,2	146,2	138,5	118,2	119,2	124,9	129,3	111,6
Архангельская обл.	100,2	104,8	103,4	102,4	112,1	115,6	122,6	119,1
Вологодская обл.	133,5	127,6	132,1	132,1	147,9	145,9	135,6	122,5
Калининградская обл.	68,6	64,4	73,1	71,7	71,7	72,6	77,9	84,3
Ленинградская обл.	102,8	110,7	108,8	115,6	116,7	117,3	125,1	115,6
Мурманская обл.	104,3	101,2	88,1	87,1	86,0	86,6	87,7	86,9
Новгородская обл.	83,9	90,8	80,4	85,3	81,8	92,8	88,6	81,6
Псковская обл.	62,9	65,8	71,5	72,9	69,1	65,0	62,7	62,4
Санкт-Петербург	95,5	103,4	113,8	117,6	112,4	121,1	124,9	128,5

Северо-Кавказский ФО

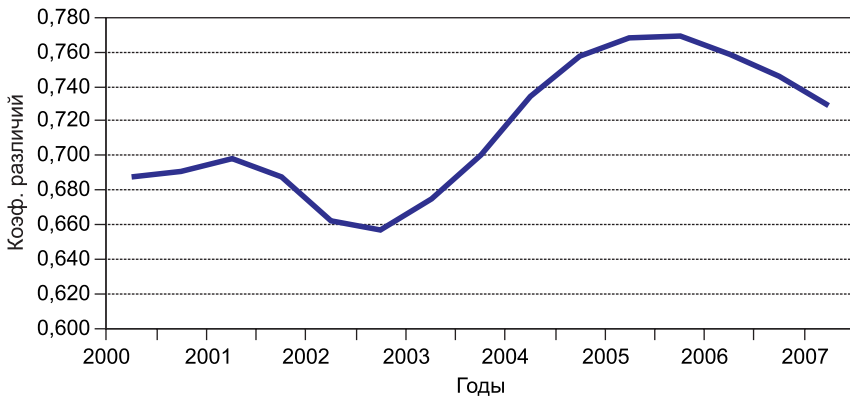
Республика Адыгея	50,2	48,6	53,2	50,0	44,2	45,0	42,5	51,6
Республика Дагестан	31,0	31,6	36,5	38,1	41,2	43,3	44,1	45,2
Республика Ингушетия	33,4	29,6	31,8	27,3	25,8	25,5	24,0	26,1
Кабардино-Балкарская Республика	52,1	53,3	54,5	56,2	52,2	52,2	52,5	55,0

Продолжение табл. 13

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Карачаево-Черкесская Республика	44,3	49,5	55,2	53,0	52,5	53,6	53,9	53,6
Республика Северная Осетия – Алания	49,2	54,0	56,1	57,3	54,8	58,9	56,4	60,5
Ставропольский край	62,9	63,6	64,3	59,9	57,9	60,1	59,7	60,8
<i>Южный ФО</i>								
Республика Калмыкия	88,5	72,9	71,2	57,9	53,9	46,6	46,3	49,5
Краснодарский край	79,5	77,4	82,0	75,4	73,3	71,7	74,3	66,2
Астраханская обл.	84,4	87,0	84,1	85,8	83,9	80,5	77,1	82,5
Волгоградская обл.	71,3	73,7	73,2	76,6	79,0	78,5	71,7	71,7
Ростовская обл.	65,3	70,0	69,2	68,1	69,5	68,9	72,1	72,8
<i>Приволжский ФО</i>								
Республика Башкортостан	118,6	115,7	110,5	113,0	105,5	105,6	108,7	104,0
Республика Марий-Эл	50,2	51,3	54,2	58,4	59,1	63,2	67,2	69,5
Республика Мордовия	64,7	66,8	69,1	80,1	81,1	81,5	73,6	76,3
Республика Татарстан	151,4	149,9	138,7	140,4	134,7	142,3	136,6	134,6
Удмуртская Республика	97,6	98,9	90,4	85,5	82,2	87,5	84,7	83,9
Чувашская Республика	59,1	63,2	64,7	66,3	65,9	68,9	71,6	63,7
Кировская обл.	65,0	63,1	63,7	61,3	62,2	62,8	63,0	66,8
Нижегородская обл.	77,4	79,4	83,2	76,9	75,8	75,4	77,6	77,1
Оренбургская обл.	90,0	88,4	87,5	89,8	95,7	99,9	99,0	101,5
Пензенская обл.	54,3	56,9	57,1	61,3	57,3	57,9	60,3	65,3
Пермский край	112,5	109,3	98,7	93,0	92,1	90,1	91,0	86,8
Самарская обл.	104,3	109,7	107,0	102,9	101,7	98,9	97,2	97,1
Саратовская обл.	62,3	60,7	67,4	70,4	68,4	75,9	73,3	73,6
Ульяновская обл.	68,8	62,0	62,4	61,1	59,5	61,3	66,1	67,4
<i>Уральский ФО</i>								
Курганская обл.	55,7	50,5	54,6	55,6	55,0	58,0	59,1	59,9
Свердловская обл.	88,8	89,5	91,9	96,3	101,9	103,7	107,3	107,2

Окончание табл. 13

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Челябинская обл.	88,1	83,9	86,9	90,6	92,7	94,5	96,0	98,5
Тюменская обл.	366,4	357,6	333,7	326,6	319,7	272,4	257,8	245,2
Ханты-Мансийский АО	511,7	489,0	421,0	416,2	410,9	395,2	362,1	356,9
Ямало-Ненецкий АО	514,4	491,5	537,8	525,9	448,8	370,4	348,4	365,1
<i>Сибирский ФО</i>								
Республика Алтай	45,2	64,0	69,0	65,6	63,2	62,3	63,4	62,1
Республика Бурятия	64,6	67,9	76,6	75,2	63,0	57,4	61,4	65,5
Республика Тыва	40,3	49,8	58,6	57,7	53,9	54,5	52,9	53,7
Республика Хакасия	68,6	70,5	71,0	75,0	73,4	76,6	80,4	73,0
Алтайский край	57,8	59,6	63,8	63,9	60,5	56,8	59,1	61,4
Забайкальский край	61,6	66,2	65,6	75,1	74,1	69,1	68,6	69,1
Красноярский край	142,0	130,9	124,8	121,2	124,2	126,4	123,2	124,6
Иркутская обл.	90,9	91,6	93,0	86,9	84,1	92,5	95,9	98,1
Кемеровская обл.	90,4	89,1	90,1	93,6	105,9	113,8	109,2	107,5
Новосибирская обл.	65,9	76,1	76,6	78,5	79,3	83,8	82,1	87,2
Омская обл.	60,5	72,4	79,8	84,3	96,6	102,9	93,2	89,4
Томская обл.	102,3	103,3	102,6	97,5	90,8	81,5	86,9	86,9
<i>Дальневосточный ФО</i>								
Республика Саха (Якутия)	149,5	165,0	155,3	145,1	139,0	140,1	123,0	137,7
Приморский край	59,9	61,0	62,3	59,4	61,1	61,1	62,4	61,2
Хабаровский край	92,4	95,4	94,6	93,8	89,3	84,5	78,6	79,9
Амурская обл.	66,8	86,3	82,5	78,3	73,2	68,2	63,9	66,4
Камчатская обл.	91,8	86,8	91,2	101,2	88,7	70,5	67,0	70,5
Магаданская обл.	120,4	128,9	141,4	136,5	130,7	134,5	131,7	126,2
Сахалинская обл.	106,4	119,4	126,7	140,8	226,8	216,6	203,5	205,9
Еврейская авт. обл.	51,7	58,4	60,0	59,7	64,3	65,0	65,0	66,1
Чукотский АО	84,2	117,9	174,4	227,9	192,2	118,6	85,9	85,9

Колебания межрегиональных различий в срединном кластере в 2000–2007 гг.

Для регионов срединного кластера, т.е. не входящих в выделенные маргинальные группы лидеров и аутсайдеров, на временном интервале 2000–2007 гг. выявлены циклы сравнительной динамики показателей их роста и уровня различий между ними (см. рисунок). Установленный факт позволяет сформулировать гипотезу о том, что динамическое равновесие развития многорегиональных систем проявляется в виде кластеров, конфигурация которых эволюционирует по типу устойчивых «пространственных пульсаров».

Литература

1. Суспицын С.А. Регионы России на пути удвоения // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 2. – С. 217–224.
2. Регионы России / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2008.
3. Доклад Э.С. Набиулиной. Россия-2020: Концепция обеспечения экономического лидерства. Москва. 1 октября 2008 г. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: www.economy.gov.ru (дата обращения 20.04.2010).

© Суспицын С.А., 2010

НАШИ АВТОРЫ

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич, кандидат экономических наук, заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН, Новосибирск, sel@ieie.nsc.ru

Манделл Роберт Александр, Лауреат Премии по экономике памяти Альфреда Нобеля, доктор экономики, профессор Колумбийского университета, США, liubinqi@gmail.com

Фелпс Эдмунд, Лауреат Премии по экономике памяти Альфреда Нобеля, действительный член Национальной академии наук США, доктор экономики, профессор Колумбийского университета, директор Центра по изучению капитализма и общества при Колумбийском институте Земли, США, esp2@columbia.edu

Липин Андрей Станиславович, кандидат экономических наук, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, lipin@ieie.nsc.ru

Баранова Кира, кандидат экономических наук, координатор секции Института государственного управления, Шпайер, ФРГ, baranova@foev-speyer.de

Фербер Гизела, доктор экономики, профессор, руководитель секции Института государственного управления, Шпайер, ФРГ, faerber@foev-speyer.de

Клисторин Владимир Ильич, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, klistorin@mail.ru

Унтура Галина Афанасьевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая лабораторией ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, untura@ieie.nsc.ru

Ершов Юрий Семенович, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, eryus@mail.ru

Колесникова Екатерина Николаевна, аспирант Государственного университета «Высшая школа экономики», Москва, katusha08@mail.ru

Егоров Олег Иванович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИЭ МОН РК), Алматы, ieconom@akademset.kz

Чигаркина Ольга Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭ МОН РК, Алматы, ieconom@akademset.kz

Богомолова Татьяна Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая отделом ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, bogtan@rambler.ru

Бессонова Ольга Эрнестовна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, beol@mail.nsk.ru

Соболева Светлана Владимировна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, soboleva@ieie.nsc.ru

Смирнова Наталья Евстафьевна, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, soboleva@ieie.nsc.ru

Чудаева Ольга Владимировна, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, soboleva@ieie.nsc.ru

Байзаков Сайлау Байзакович, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель АО «Институт экономических исследований», Астана, Республика Казахстан, baizakov@ekonomy.kz

Алысбаева Сара Нурбековна, доктор экономических наук, профессор, директор центра при АО «Институт экономических исследований», Астана, Республика Казахстан, saranur@mail.ru

Бопиева Жамиля Кадыровна, доктор экономических наук, президент АО «Институт экономических исследований», Астана, Республика Казахстан, bopieva@mail.ru

Коржубаев Андрей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, korzhubaev@yandex.ru

Кибалов Евгений Борисович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, lf@online.nsk.su

Кин Анатолий Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, kin_a@ieie.nsc.ru

Чирихин Сергей Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела Управления федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области, Новосибирск, chirihin@bk.ru

Соломенникова Елена Афанасьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, esol@ieie.nsc.ru

Цзоу Сютин, старший научный сотрудник Института по проблемам России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, Харбин, КНР, zouxuting@sohu.com

Суспицын Сергей Алексеевич, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, susp@ieie.nsc.ru

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»,
журнал Сибирского отделения РАН

Включен в перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикации работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций (редакция от апреля 2008 г. сохраняет свое действие в 2010 г.).

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайте Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru/issues.asp?id=7623>) и Федеральном образовательном портале (<http://www.ecsocman.edu.ru/region/>).

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Содержание журнала, аннотации статей и ключевые слова на русском и английском языках публикуются на сайте <http://region.socionet.ru>

Адрес редакции:
630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН, к. 338
Тел./факс: (383)3302438
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через АО «Роспечать», АО «Международная книга-периодика» и редакцию. В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://www.sibran.ru>

Редактор *Е.Б. Артемова*
Перевод *И.М. Клиториной*
Компьютерная верстка *Т.Г. Чуевой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.
Подписано к печати 17 мая 2010 г. Формат бумаги 60 × 84 1/16.
Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 22,0.
Уч.-изд. л. 21,0. Заказ № 50. Цена договорная.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17